ОФИЦИАЛЬНАЯ НЕРАССКАЗАННАЯ ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ СЕРИАЛА

GAME OF THRONES

ОГОНЬ НЕ МОЖЕТ УБИТЬ ДРАКОНА

ДЖЕЙМС ХИББЕРД

Annotation

Мировой бестселлер! Первая официальная история создания самого популярного сериала в истории!

Вряд ли кому-то нужно объяснять, что такое «Игра престолов» и кто его главные герои. Юная Дейенерис, желающая вернуться домой и занять законное место на престоле; храбрый Джон Сноу, ищущий свое место в мире; хитрый Тирион Ланнистер, не желающий мириться со своей участью; и дети Неда Старка, которым пришлось повзрослеть слишком рано – всех их свела воедино Судьба во исполнение древнего пророчества. Каждый из героев прошел длинный путь – они теряли близких, переживали предательства друзей и соратников, совершали ошибки и даже умирали. Обладая невероятной силой воли и желанием восстановить справедливость, так или иначе герои преодолели все испытания Судьбы. Но вы ведь и сами это знаете?

Но вы скорее всего не знаете, каким сложным был путь сериала к экрану. Разочарованный в кинематографе Мартин создал «Игру престолов» как произведение, которое невозможно будет экранизировать. Однако через несколько лет телеканал HBO рискнул, и теперь весь мир знает, чем закончилась эта история длинною в восемь сезонов. Эта книга основана на 50 откровенных интервью со всеми участниками съемочного процесса – от продюсеров до актеров. Каждый из них расскажет о том, каково было сниматься в сериале, чем пришлось пожертвовать и какой съемочный день он запомнит на всю жизнь.

- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40

Джеймс Хибберд
Огонь не может убить дракона
Официальная нерассказанная история создания сериала «Игра престолов»

James Hibberd

ALL MEN MUST DIE

Photo credits TK

Перевод Натальи Виленской

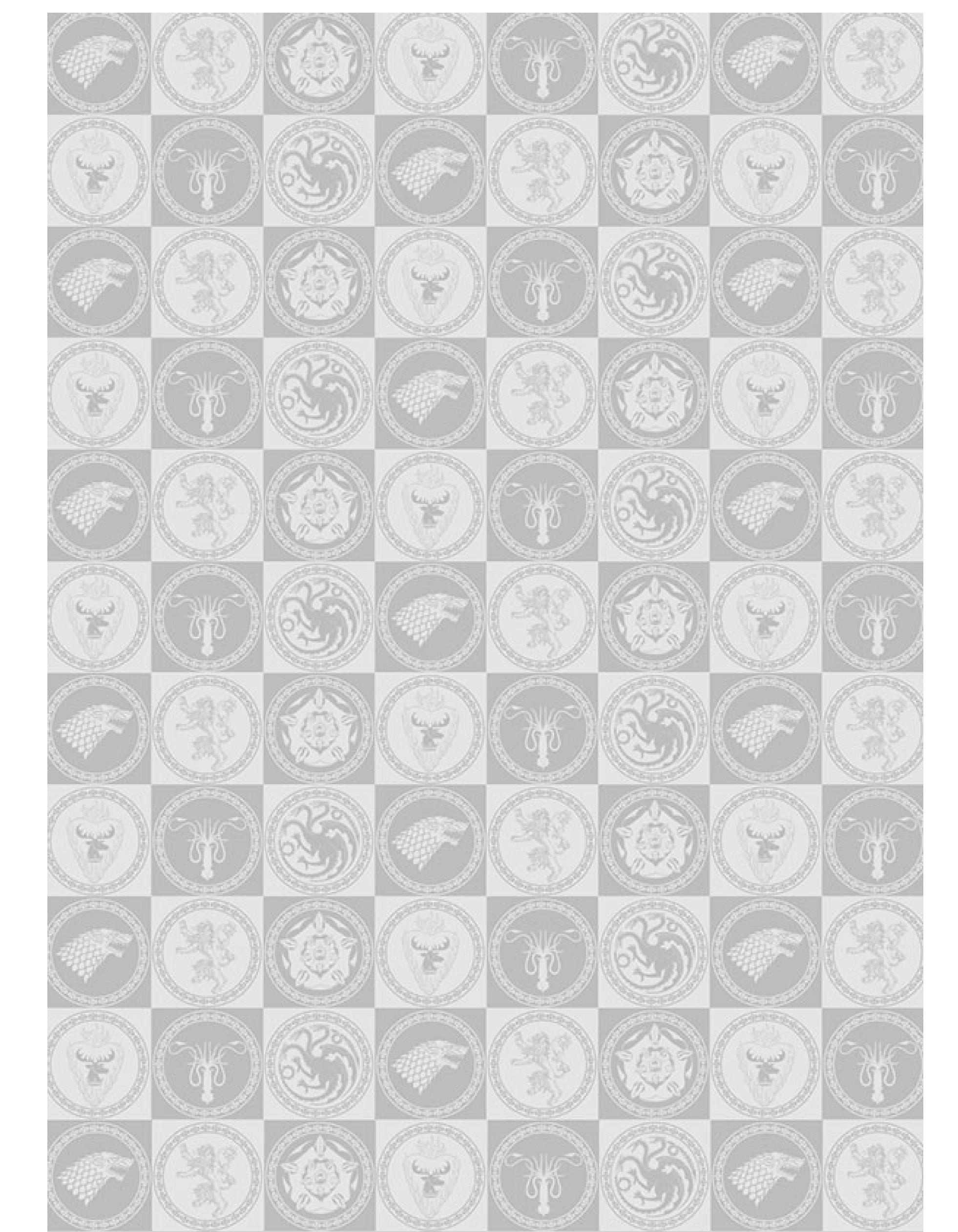
Серия «По ту сторону экрана. Как создавались культовые сериалы»

* * *

GAME OF THRONES

AND THE OFFICIAL UNTOLD STORY OF THE EPIC SERIES

МАМЕ, ПРОЧИТАВШЕЙ ВСЕ, ЧТО Я НАПИСАЛ.

Пролог
Обретение Вестероса

Сотни голосов сливаются в один вопль.

Латники яростно ревут, мечи грохочут о щиты, сапоги скользят по грязному полю. Одно из войск медленно оттесняют назад, к горе трупов, где перемешаны тела людей и коней, образуя некое подобие ада в его готическом представлении. Груда растет с каждым павшим воином. Вдали горят на крестах люди с содранной кожей.

Перед нами оживает кровавый момент средневековой истории.

– Это – конец! – кричит ассистент режиссера. – Помните, что вам всем крышка!

Октябрь 2014 года. Шестьсот человек съемочной группы, пятьсот актеров, семьдесят лошадей. На поле в Северной Ирландии снимают Битву бастардов.

Камеры нацелены на Кита Харингтона. Его Джон Сноу, ставший героем вопреки собственной воле, рубит одного болтонского воина за другим. Во время очередного дубля он проделывает мечом хорошо отрепетированные, прочно вошедшие в его мышечную память выпады.

Хотя не так уж, видимо, и прочно: внезапно он падает в жидкую грязь. За две недели съемок поле превратилось в смесь глины, лошадиного навоза, мочи, искусственного снега, пота, слюны и ползучих насекомых.

Актер устало поднимается, бормоча:

– «Иди в актеры», – говорили они… «Прославишься», – говорили…

Наблюдая за этим зрелищем с фланга, я в очередной раз изумляюсь эпической мощи «Игры престолов».

Первое мое знакомство с сериалом HBO состоялось уже давно. Решения любого из персонажей Джорджа Р. Р. Мартина могут привести к непредсказуемым последствиям, но до 11 ноября 2008 года я ничего не знал о таком писателе.

В качестве журналиста The Hollywood Reporter я брал интервью у двух дебютантов, Дэвида Бениоффа и Дэна Уайсса. Канал только что дал добро на съемки пилота по книгам Мартина, и я спрашивал, что это будет. Фэнтези для взрослых? Что-нибудь вроде «Властелина колец»?

Мои собеседники поспешили меня разуверить: ни

волшебников, ни эльфов, ни гномов вы там не встретите… разве что одного карлика.

– И орки по равнинам не носятся, – сказал Уайсс, а Бениофф добавил: – Масштабное фэнтези на телевидении еще не снимали. Если кто и способен на такое, то это HBO. Они берут избитые жанры и изобретают их заново – гангстерский боевик в «Клане Сопрано», вестерн в «Дэдвуде»…

Статья вышла под заголовком «HBO колдует над фэнтезийным сериалом». Название «Игра престолов» вообще не упоминалось: сенсационным моментом считалось исключительно то, что столь престижная телекомпания, лауреат премии «Эмми», берется за фэнтези для взрослых.

На этом моя «Игра престолов» и закончилась бы, но сюжеты Мартина в пересказе обоих продюсеров засели у меня в голове. Я купил одноименную первую книгу саги «Песнь льда и пламени» и, как миллионы читателей до меня, с головой ушел в ни на что не похожий мир. Через пару недель я проглотил уже третью книгу, «Бурю мечей», – самую захватывающую историю, какую мне доводилось читать.

Я стал регулярно писать о съемках пилотной серии. На вопрос, почему я настолько заинтересовался этим сериалом, можно было бы ответить так: если они действительно экранизируют эту сагу – а это в принципе нереально, – то в истории телевидения наступит переломный момент.

Когда в 2011 году вышел первый сезон, я уже работал в Entertainment Weekly и постоянно ездил на съемочные площадки. Я был с Дейенерис перед воротами Кварта, присутствовал на невеселой свадьбе Сансы и Тириона, видел вполне заслуженную смерть Джоффри, смотрел из толпы на позорное шествие Серсеи, шел по замерзшему озеру за Стеной с Джоном Сноу, стоял на крепостной стене Винтерфелла в Долгую Ночь.

Мы привыкли думать, что в кино и на телевидении работается легко: звезды между дублями прохлаждаются в шикарных трейлерах, режиссеры разъезжают на гольфкарах по студийным лужайкам, герои снимаются на темно-зеленом фоне, который художники компьютерной графики позже превратят в опасную среду.

Так действительно бывает, но только при съемках крупнобюджетных фильмов на большой голливудской студии. С «Престолами» дело обстояло иначе. Ничего похожего я никогда не видел ни в кино, ни на телевидении. Съемки сериала – это одиннадцатичасовое пребывание в сырости и на холоде ночь за ночью, неделя за неделей. Это значит узнавать на собственном опыте, какой ценой дается хороший кадр. Рори МакКанн, ростом

шесть футов шесть дюймов (201 см), кажущийся еще больше в костюме и сапогах, отдыхает на полу в крошечном трейлере с обогревателем, где либо слишком жарко, либо дует изо всех щелей. На лице у него усиливающая дискомфорт латексная накладка. Зеленый экран и правда иногда применяется, но куда чаще актеров везут на натурные съемки в разные страны, где они буквально погружаются в другой мир.

К 2019 году, к моменту завершения сериала, мной были написаны сотни статей о нем, однако многое в истории «Игры престолов» так и осталось за кадром. Что происходило на первой, судьбоносной встрече Бениоффа и Уайсса с автором всемирно известной саги? Почему первый пилот так и не вышел на экраны? Как удалось снять первую большую битву во втором сезоне? Что случилось с дорнийской линией? Почему решили ограничиться восемью сезонами? Что на самом деле творилось в те пятьдесят пять ночей, которые потом слились в «Долгую»? И наконец: куда делась Бессердечная?

Именно длинный список вопросов и желание написать единую историю на основе событий десяти лет стали причиной создания этой книги. «Огонь не убивает дракона» включает в себя больше пятидесяти новых эксклюзивных интервью с продюсерами, администраторами, актерами и съемочной группой, записанных после завершения сериала. Здесь также много цитат из Entertainment Weekly и других изданий, упомянутых в тексте.

Одна-единственная книга, конечно, не способна охватить столь долгий и сложный процесс, как съемки «Игры престолов». Надеюсь, однако, что читатели найдут здесь любопытные закадровые истории персонажей из наиболее понравившихся им эпизодов. Кроме того, буквально каждая серия нового сезона вызывала немало споров, и многие продюсеры, режиссеры и актеры высказывают здесь свое мнение по поводу этих разногласий (всем, конечно, не угодишь, но вы поймете, почему из нескольких вариантов выбрали именно этот).

В основном же я пытался представить здесь хронику колоссальных усилий, ценой которых снимали этот невероятный сериал. Создание альтернативного мира, столь убедительного, что он кажется почти таким же реальным, как наш, для поп-культуры дело непростое, а потому редко встречающееся. Дж. Р. Р. Толкин сделал это во «Властелине колец», Джордж Лукас – в «Звездных войнах», Дж. К. Роулинг – в саге о Гарри Поттере, Marvel – в своей киновселенной. Мир «Игры престолов» живет и дышит благодаря титаническим усилиям тысяч людей – но не будем забывать, что начиналось все с одного человека…

Глава 1
Мечта о драконах

Когда не было еще ни Старков, ни Ланнистеров, ни дотракийцев, ни лютоволков, когда не сформировался еще вестеросский континент и не родился первый дракон, жил на свете мальчик с очень богатым воображением.

Джордж Реймонд Ричард Мартин вырос в Нью-Джерси в районе массовой застройки 1950-х годов. Его отец был докером[1], мать работала менеджером на фабрике. Из животных ему позволяли держать только крошечных черепашек, которые жили в игрушечной крепости. Его первый рассказ в жанре фэнтези – первый на его памяти, по крайней мере – назывался «Черепаший замок». Он воображал, что его питомцы борются между собой за маленький пластмассовый трон.

Но однажды животные вдруг начали погибать и умерли все, как ни старался Джордж их спасти. Такого развития событий он не предвидел. А что, если это результат козней, которые они строили друг против друга?

Со временем, открыв для себя комиксы, мальчик стал писать рассказы о монстрах и продавать их одноклассникам по десять центов за экземпляр. Затем начал печататься в дешевых журналах, а немного погодя пришел черед романов в жанре ужасов и научной фантастики.

В 1984 году Мартин приехал в Голливуд и поступил одним из сценаристов в «Сумеречную зону»[2] CBS[3], съемки которой решили возобновить. По воле судьбы в первом из его эпизодов фигурировали и рыцари, и магия. «Последний защитник Камелота» был экранизацией рассказа Роджера Желязны о сэре Ланселоте, живущем в современности. В кульминационной сцене герой на фоне фантастической версии Стоунхенджа сражается с заколдованными доспехами – исполином по имени Полый Рыцарь.

В сценарии Мартина воины дрались на конях, облаченных в доспехи, но продюсеры сериала эту идею отвергли. «Что-нибудь одно – или Стоунхендж, или лошади», – сказали они. Тогда он посоветовался со своим другом Желязны, и тот, попыхтев трубкой, сказал: «Стоунхендж». Так и сделали – дрались они пешими.

В 1987 году Мартин начал работать в другой фэнтезийной эпопее, «Красавица и чудовище», где его сюжеты по-прежнему встречали сопротивление руководства CBS. «Они считали,

сколько раз мы поминаем черта, говорили, что грим на трупе не должен быть “чересчур жутким”, вырезали выпуски теленовостей на заднем плане как “слишком проблемные”. Бездарные замены, страх перед любой сильной сценой, вечная боязнь “задеть чьи-то чувства” – я ненавидел это и боролся с этим как мог», – вспоминал писатель.

В 1991 году он, разочаровавшись в телевидении, вернулся к литературной деятельности, и через пару лет у него родилась идея повествования в жанре фэнтези – «реакция на телевизионное прошлое», как говорил Мартин. Это был эпос наподобие обожаемого им толкиновского «Властелина колец», но он вдохновлялся реальными событиями европейской истории (такими как Война Алой и Белой розы[4]) и стремился изображать Темные века во всей их неприглядности. Первая книга, «Игра престолов», вышла в 1996 году, и ее продажи, как позже напишет Мартин в своем блоге, «не впечатляли».

За ней быстро последовали еще две. Фанаты, число которых росло, распространяли слухи о произведении, подрывающем устоявшиеся правила фэнтези. Любимые герои трагически погибали, гнусные негодяи начинали завоевывать читательские симпатии, мудрецы и хитрецы терпели крах из-за глупых процедурных ошибок, а магия считалась в лучшем случае ненадежной.

Коней, замков, секса и насилия хватало с избытком. У Мартина было не одно королевство, а целых семь – каждое со своей историей, культурой, правителями, не говоря уж о другом континенте за Узким морем. Две с лишним тысячи персонажей – вдвое больше, чем у Толкина. Кровавые битвы, в одной из которых участвовали четыре армии, десятки тысяч солдат и несколько сотен кораблей. Один из пиров насчитывал семьдесят семь смен блюд, и многие описывались детально и соблазнительно: «Котлеты из мяса лося с начинкой из голубого сыра, жареные змеи со жгучим горчичным соусом, щука в миндальном молоке…» В эпизодах для взрослой аудитории читателя шокировали пытки, изнасилования, инцест. Некоторые сцены могли поглотить бюджет, выделенный на весь сезон телесериала. Были и такие, за которые шоу вообще могли снять с эфира.

Мартин назвал свой эпос «Песнью льда и пламени».

Голливуд не оставил этого без внимания. В начале 2000-х годов трилогия Питера Джексона «Властелин колец» побила все рекорды в прокате, а четвертая книга Мартина, «Пир

стервятников», в 2005 году заняла первое место в списке бестселлеров по версии The New York Times. «Фэнтези не для хоббитов», – говорилось в рецензии. Романы писателя курсировали между агентами и продюсерами, по телефону ему предлагали легкие деньги и славу на больших экранах.

Пятидесятисемилетний Мартин, живущий спокойно и счастливо в Санта-Фе[5], сомневался и выжидал.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Фильмы Питера Джексона стали сенсацией, и все искали «многосерийное» фэнтези для кино. Я лично думал, что «Песнь…» экранизировать невозможно: как втиснуть все это в два с половиной часа экранного времени? Джексону понадобились три фильма, чтобы снять всего Толкина, но три его книги – это ровно одна моя. Как вы собираетесь это сделать?

Ответы, которые я получал, меня мало удовлетворяли. «Главным героем будет Джон Сноу, сосредоточимся на нем и уберем остальное». Или: «Сокращать ничего не будем, но выпустим пока один фильм. В случае успеха продолжим». А если результат будет так себе? Вы равняетесь на «Властелина колец», но что, если получится как с Филипом Пулманом? («Золотой компас» 2007 года, экранизация «Темных начал» британского писателя, оказался провальным.) Выпускают первый фильм, его никто не смотрит, и ты оказываешься у разбитого корыта. Меня это не устраивало ни в какой мере.

Литературный агент Мартина отправил «Песнь льда и пламени» тридцатипятилетнему романисту и сценаристу Дэвиду Бениоффу с предложением адаптировать ее для кино. Бениофф считался восходящей звездой: он был автором популярного криминального триллера «25-й час» (2002), а также сценаристом «Трои» и «Бегущего за ветром».

Прочитав восемь глав первой книги, он испытал шок: семилетнего Брана Старка, случайно увидевшего, как королева Вестероса занимается любовью с собственным братом, безжалостно сбросили с башни. Еще через несколько сотен страниц, когда Мартин прикончил главного героя, благородного Неда Старка, сценарист позвонил своему другу и соавтору, тридцатичетырехлетнему Дэну Уайссу.

Познакомились они десять лет назад на филологическом отделении Тринити-колледжа. Их связывал как интерес к ирландской литературе, так и попытки «найти нормальный спортзал в Дублине 1995 года», как сообщил Уайсс журналу Vanity Fair. Дебютный роман Уайсса Lucky Wander Boy («Везучий

бродяжка») вышел в 2003 году. Бениофф попросил его почитать Мартина «и подтвердить, что у меня все в порядке с головой».

«Мы читаем фэнтези с детства, но ничего лучше Джорджа нам еще не встречалось», – говорит он.

Им обоим, как и многим другим, захотелось экранизировать сагу, но от идеи кинофильма они сразу же отказались, решив, что при таких масштабах возможен только сериал. По крайней мере, так они полагали – до этого на телевидении никто из них не работал.

Мартин согласился встретиться с ними в лос-анджелесском ресторане The Palm и выслушать их предложение. Ланч затянулся на четыре часа, впереди брезжил величайший феномен поп-культуры XXI века, но один-единственный вопрос писателя мог все разрушить.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Мы нервничали. Когда начинаешь работать в Голливуде, каждый деловой ужин сопряжен с тревогой: скажешь что-то не то – и других встреч тебе не видать. Я этот этап давно прошел, держался спокойно в таких ситуациях, и большей частью они ни к чему не вели. Но в тот раз я будто снова вернулся к началу своей карьеры. Мы понимали, что этот шанс – единственный в своем роде: если не договоримся, ни с чем подобным работать нам не придется, поскольку аналогов этому просто нет. Хранитель ключей один, и зовут его Джордж. Откажет – и наши мечты умрут в зародыше. Эту встречу было необходимо провести грамотно.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Для начала поговорили о том, что Джордж делал раньше, и о фантастах, которых он лично знал. Потом речь зашла о его книгах и нашей одержимости ими – надо было убедить его, что мы их в самом деле читали. Джордж уже работал в Голливуде и сталкивался с людьми, которые, просмотрев синопсис, выдавали: «Ого, это будет посильнее “Властелина колец”». Думаю, то, что мы прочли книги и можем их обсудить с некоторым знанием дела, кое-что значило для него.

Когда человек хочет принять иудаизм, задача раввина не убеждать его, а, наоборот, отговаривать. Джордж в том же духе объяснил нам, что в свое время ушел с телевидения как раз ради того, чтобы писать книги, которые нельзя перенести на экран. Он рассказал нам про Стоунхендж и лошадей. «Мое воображение шире, чем Стоунхендж и лошади, – признался он. – Я хочу и Стоунхендж, и лошадей плюс еще двадцать Стоунхенджей и миллион лошадей». Сказал, что почти намеренно пишет нечто неподходящее для экрана.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мир, созданный Джорджем, так сложен, что исторический его аспект тоже имеет значение. Чтобы понять, о чем идет речь, нужно, например, знать о завоевании Вестероса Таргариенами. В книге рассказать о прошлом нетрудно, на телевидении это чревато скучными отступлениями. Писатель как раз и спросил нас, что мы намерены с этим делать. Не помню, что мы ответили – наверно, ерунду какую-нибудь.

ДЭН УАЙСС: Такие проблемы обычно решаются в процессе работы. Но, оглядываясь назад, скажу: история Вестероса, даже если убрать из нее 90 %, все равно что леса вокруг здания. Леса убирают, и их больше не видно, но без них дом не построили бы. Вы ощущаете эти 90 % благодаря тем 10 %, которые видите на экране. Именно исторический фон объясняет, почему персонажи относятся друг к другу подобным образом. Не станут люди воевать только из-за того, что это зрелищно.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Они были очень убедительны. Они любили мои книги и хотели пересказать их другими средствами, ничего не меняя и не додумывая. Как раз это и ненавистно мне в Голливуде: предлагаешь им произведение, встречаешься со сценаристом, а он «видит его по-своему». Не надо ничего видеть! Не придумывайте ничего своего, просто снимайте.

«Мне нужна честная экранизация, – заявил я. – Полностью переписанная история под моим заголовком меня не удовлетворит». Кроме того, я хотел быть продюсером и участвовать в написании сценария. «Да и традиционные телевизионные рамки мне не подходят. Секс и насилие не убираем, по каждой книге снимаем один сезон». На том и порешили.

Встреча проходила успешно. Все обедавшие давно разошлись, столы накрывали к ужину, и тут-то Мартин задал Бениоффу и Уайссу вопрос, который мог зарубить их потенциальное партнерство на корню. Одна из самых больших тайн его саги – происхождение Джона Сноу. Предполагается, что он незаконный сын Неда Старка и безымянной женщины, которую тот встретил, подняв вместе с Робертом Баратеоном восстание против Эйриса II Таргариена, Безумного Короля. Мартин разместил в книгах намеки на то, кто его настоящие родители, и фанаты разработали несколько версий.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Мой знаменитый вопрос звучал так: «Кто мать Джона Сноу?» Они сказали, что все прочли, – я хотел проверить, насколько внимательно.

ДЭВИД БЕНИОФФ: К этому вопросу, как ни странно, мы

подготовились – обсуждали его за день до этого, пришли к собственному выводу и попали в точку.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Они дали правильный ответ. Молодцы.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мы разобрались с матерью Джона и получили право на экранизацию.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Ситуация была странная. Сейчас в это трудно поверить, но тогда у меня было куда больше телевизионного опыта, чем у Дэна и Дэвида. Я десять лет проработал на телевидении, вырос от штатного сценариста до редактора проекта. Сложись судьба немного иначе, я мог бы сам стать ведущим продюсером. А тут двое ребят, которые пишут талантливо, но на ТВ – новички. Часть моего сознания хотела заняться этим самостоятельно, но я ведь еще не закончил свою сагу. И до сих пор не дописал – кто ж знал, что все вот так обернется!

Заявка на телесериал по «Песни льда и пламени» стала первой высотой, которую пришлось взять продюсерам. Да, кинодеятели обращались к Мартину с предложениями после успеха «Властелина колец», но фэнтези на телевидении ассоциировалось с малобюджетными псевдоисторическими сериалами типа «Зены – королевы воинов»[6] и «Удивительных странствий Геракла»[7]. Книги Мартина входили в категорию «18+», а фэнтези для взрослых было неизведанной территорией. «Говоришь о драконах – получаешь в ответ усмешки», – как сказал Гарри Ллойд, исполнитель роли Визериса Таргариена. И даже урезанная версия «Игры престолов» обошлась бы крайне дорого. Лишь несколько телекомпаний в то время допускали такие возрастные ограничения и могли позволить себе подобные шоу.

Заявка Бениоффа и Уайсса включала в себя такие пассажи: «Зрители жаждут увидеть “Игру престолов”. Ждут не дождутся. Они будут смотреть ее, расскажут о ней всем знакомым и будут говорить о ней без перерыва – на работе и дома. Им крышу снесет, когда мы ее покажем. У нас не будет ничего такого, что делает фэнтези устаревшим, примитивным или детсадовским».

Они предлагали свой сериал трем компаниям. DirecTV готова была финансировать оригинальный проект, но ставила слишком много ограничений. Заинтересовалась и Showtime, но она как дочернее предприятие CBS была по определению экономной. «Мы интуитивно чувствовали, что даже самая дорогая постановка Showtime нас не устроит ни в какой мере», – говорит Бениофф.

Оставалась HBO, которую Мартин, Бениофф и Уайсс сразу наметили как самую подходящую. А если вы хотели продать что-

то этой компании, надо было впечатлить президента отдела развлечений Кэролин Штраусс, проработавшую там девятнадцать лет. Ее положение вкупе с невозможностью разгадать, о чем она думает, а также привычкой одеваться во все черное делали ее, по выражению Бениоффа, «самым страшным человеком во всем Голливуде».

ДЭВИД БЕНИОФФ: Нас предупредили: «Ни улыбаться, ни, тем более смеяться она не станет, что бы вы там ни говорили».

Кэролин Штраусс (бывший президент отдела развлечений HBO, исполнительный ПРОДЮСЕР): Идея «Игры престолов» не слишком меня увлекла, но занимать руководящий пост не значит делать только то, что тебе нравится.

Бениофф и Уайсс договорились о встрече со Штраусс и другими руководителями компании.

ДЖИНА БАЛЬЯН (БЫВШИЙ ВИЦЕ – ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА ДРАМЫ HBO): В комнате царила полная тишина: мы внимательно слушали. Заявка практически совпадала со сценарием пилота. Авторы продержали нас в напряжении целый час и закончили на самом интригующем моменте. «Ребенка из окна выбросили?!» – ахнула я.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мы говорили о том, что фэнтези – самый популярный жанр из всех существующих. «Звездные войны» – фэнтези, Гарри Поттер – фэнтези, и даже фильмы о супергероях – своего рода фэнтези.

КЭРОЛИН ШТРАУСС: У нас было много причин не браться за это. Такой сериал – дело тонкое. Если не продумать его мифологию в мельчайших деталях, вас ждет провал. Пару сезонов продержитесь, а потом начнете натыкаться на стены. Притом это стоило бы действительно очень дорого.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мы сказали, что многие сериалы начинают снимать, имея в запасе только первый сезон, а у нас благодаря Джорджу хватит материала на несколько. Мы и тогда уже знали, хотя писатель еще до этого места не дошел, что Дейенерис Таргариен вернется в Вестерос и будет бороться за трон. Мы смотрели на пять лет вперед, а для телевидения это большая редкость.

КЭРОЛИН ШТРАУСС: История, которую они рассказывали, представлялась мне куда более сложной и драматичной, чем привычное фэнтези. Не просто борьба добра со злом, а живые люди, в которых есть и хорошее, и плохое.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Кэролин неожиданно засмеялась, и мы

решили: ну все, дело в шляпе. Чувствовалось, что их искренне заинтересовал наш проект.

ДЖИНА БАЛЬЯН: Это имело мало общего с продукцией HBO. Сразу после встречи я побежала к Кэролин и спросила: «Мы покупаем это, ведь так?»

Канал дал согласие, и начался следующий этап: переговоры с Мартином по поводу авторских прав на «Песнь льда и пламени», которые растянулись на год из-за различных юридических сложностей.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Больше всего споров вызывала атрибутика к сериалу. Мы не знали, будет ли она пользоваться спросом, но юристы HBO не желали создавать прецедент и отказываться от того, чего раньше не уступали. Я в свою очередь говорил: «Все как есть я вам отдать не могу. У меня в работе видео- и ролевая игра, и я уже продал одному парню права на чеканку монет». Кто тогда мог подумать, что они кому-то понадобятся? И этот дележ продолжался до бесконечности: вам куклы, мне брелоки…

Затем возник еще один камень преткновения: Штраусс, убежденная сторонница сериала, в 2008 году отказалась от своей должности и стала исполнительным продюсером «Игры престолов». Смена «власти» в телекомпании может оказаться роковой для проектов, принятых при прежнем боссе. Бениоффу и Уайссу пришлось убеждать новое руководство в лице сопрезидента Ричарда Плеплера и президента отдела развлечений Майкла Ломбардо потратить не меньше 10 миллионов долларов на пилотную серию, разительно отличавшуюся от того, что HBO – равно как и любая другая телекомпания – когда-либо снимала.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO): Мы все еще грелись в лучах «Клана Сопрано», «Прослушки» и «Дэдвуда». При этом нас постоянно спрашивали, почему мы не взялись за «Безумцев» и «Во все тяжкие». Нам следовало поддержать репутацию компании, снимающей качественную драму, но «Игра престолов» в эту категорию как-то не вписывалась. Она не обещала номинаций на «Эмми», да и наши зрители не привыкли к такому жанру.

Многое было против этого проекта, но Кэролин сказала: «Сценарий действительно хороший, прочтите». История и впрямь оказалась захватывающей. Когда Джейме выкидывает Брана из окна, ты говоришь: «Блин, такого я еще не видел». Но прекрасно

снятый «Властелин колец» уже вышел – как прикажете состязаться с ним? Как обеспечить нужное качество с постановочной точки зрения? Мы понимали, что это должна быть вещь не хуже фэнтези на большом экране, но с более скромным бюджетом.

Кроме того, в памяти был еще свеж масштабный исторический сериал «Рим», снятый совместно с BBC: на первый его сезон потратили целых 100 миллионов. HBO зарубила его из-за низкого рейтинга еще до выхода второго сезона, поэтому после такой неудачи никто не стремился выбрасывать десятки миллионов на новый костюмированный проект.

Бениофф и Уайсс убеждали руководство компании, что «Престолы» обойдутся гораздо дешевле «Рима», но к правде это имело весьма опосредованное отношение.

ДЭН УАЙСС: Истории такого объема, насколько я знаю, никогда еще не экранизировались. Сейчас такие сериалы стали осуществимыми в экономическом плане, но тогда их просто никто не снимал, разве что HBO сделала шаг в нужном направлении с «Римом». Мы покривили душой, сказав: «Но у нас ведь не симфония – так, камерная пьеса».

ДЭВИД БЕНИОФФ: Наврали, что это «компактный сюжет».

ДЭН УАЙСС: Мы знали, что люди, принимающие решения, вряд ли прочтут все четыре тысячи мартиновских страниц – а значит, не дойдут до подросших драконов и крупных битв. Все, что мы говорили, следовало понимать ровно наоборот. Мы ставили на то, что они спохватятся, когда уже будет поздно.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО: Я им не очень-то верил – ясно было, что ребята пошли ва-банк. Мы прикидывали, думали и почесывали затылок, стараясь подсчитать, чем нам это грозит.

Настораживало и то, что Бениофф и Уайсс раньше не работали в телесериалах (во всяком случае, на постпилотной стадии). Обычно в таких случаях телекомпания ставит у руля проекта опытного сценариста-продюсера, но эксперты HBO заверяли, что Бениофф и Уайсс справятся без сторонней помощи.

КЭРОЛИН ШТРАУСС: Мне случалось заставлять продюсеров сериала брать других сценаристов, но Дэн и Дэвид были уверены, что у них все получится, и охотно учились тому, чего раньше не знали, причем на удивление быстро. Мы пробовали других специалистов, более опытных и имеющих определенную хватку, но инстинкты Дэна и Дэвида всегда оказывались самыми верными. Мало-помалу они завоевали наше доверие.

Осенью 2008 года, когда решение все еще не было принято, Ломбардо неожиданно столкнулся с Уайссом в Западном Голливуде, в фитнес-центре под названием «Равноденствие».

МАЙКЛ ЛОМБАРДО: Дэн занимался на велотренажере и читал потрепанную первую книжку [эпопеи Мартина]. Она вся была в желтых пометках и подчеркиваниях. Меня он не видел, и я подумал: надо взять на заметку. Ребята этим живут, а такое случается нечасто. Я словно заглянул в голову человека, работавшего даже в свое свободное время. Мои «подозрения» подтвердились по поводу обоих, и я принял решение.

РИЧАРД ПЛЕПЛЕР (БЫВШИЙ СОПРЕЗИДЕНТ И ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР HBO): Они действительно этим жили. Большой художник, преданный своему делу, выделяется из толпы. Такое же чувство испытываешь, когда Дэвид Саймон предлагает тебе «Прослушку», Армандо Ianуччи – «Вице-президента» или Майк Джадж – «Кремниевую долину».

В ноябре Бениофф и Уайсс услышали то, чего ждали три года: HBO дала согласие на пилотную серию «Игры престолов». Авторы возрадовались, но сначала захотели кое в чем удостовериться.

ДЖИНА БАЛЬЯН: «Мы не хотим, – сказали мне Дэвид с Дэном, – чтобы вы потом заявились к нам и сказали, что главного героя нельзя убивать, потому что он вам полюбился». А я, получив добро на пилот, забегаю к Майку и говорю: «Я так, переспросить на всякий случай. Главного героя мы убиваем, а еще там есть драконы».

Глава 2
Сказание о кастинге

Снимать «Игру престолов» было непросто во всех отношениях. Каждый аспект создания нового фэнтезийного киномира при сравнительно небольшом бюджете сопряжен с беспрецедентными трудностями уже на этапе кастинга.

Взять хотя бы количество задействованных лиц. В дебютном сезоне были десятки «говорящих» персонажей и двадцать «сквозных», участвующих во всем сериале. Дело усложнялось еще и тем, что исполнителями многих ролей были дети. Даже одного маленького актера найти бывает достаточно трудно, «Престолам» же требовались шесть юных Старков, выглядящих как одна семья. Вдобавок нужно было заручиться согласием их родителей, ведь дети должны сниматься в течение нескольких лет.

HBO выделила «Престолам» щедрый бюджет (около 20 млн долларов на пилот и еще 54 млн на другие серии), но создание новой вселенной требовало больших затрат. Снимая фильм об эпохе Средневековья, Древнем Египте или Римской империи, можно брать за основу исторические реалии, здесь же уникальным было все: декорации, костюмы, бутафория. Чего стоит один Железный Трон: Мартин описывает его как чудовищное сооружение из тысячи острых лезвий, способное убить (и порой убивающее) того, кто на нем восседает. Как совместить это описание с реальным предметом мебели, на котором актер ежедневно сидит по нескольку часов?

Не забудем и о компьютерных спецэффектах: в первом сезоне их было в разы меньше, чем в последующих, но наверняка больше, чем в любом другом сериале тех лет.

На гонорары актерам оставалось не так уж много, и продюсерам приходилось отсматривать тысячи проб.

«Как вообще можно вкладывать деньги в такой проект? – недоумевал Лиам Каннингэм, которого во втором сезоне взяли на роль Давоса Сиворта. – Как можно рассчитывать, что ребенок, которому в пилоте девять, останется с вами на ближайшие десять лет?»

На одну из главных ролей актер, казалось бы, был уже подобран, но на первых порах он сам не проявлял интереса. Речь о Тирионе, «паршивой овце» могущественного дома Ланнистеров и любимце фанатов Мартина. Идеальным выбором был Питер Динклэйдж, блеснувший в «Станционном смотрителе», «Эльфе» и «Жизни в забвении». Но он, только что снявшись в «Принце

Каспиане», втором фильме «Хроник Нарнии» («Хроники» в постановке студии Disney пользовались весьма скромным успехом), несколько пресытился фэнтези и к тому же считал, что в этом жанре людей маленького роста используют слишком стереотипно. Особенно оскорбительным Динклэйдж находил знаменитое «гномометание» во «Властелине колец». Позже, в 2012 году, в своей речи на «Золотом глобусе» он высказался о «швырянии гномов» в реальной жизни.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Мы с самого начала понимали, что эта роль будет самой заковыристой. Все соглашались с тем, что Тириона должен играть настоящий карлик – не как во «Властелине колец», где Джона Риса-Дэвиса «уменьшили» до размера Гимли. Если бы Питер нам отказал, мы сели бы в глубокую лужу.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): Фэнтези у меня в печенках сидело. Услышав про эти «Престолы», я сразу сказал себе «нет». В фэнтези все выражаются высоким штилем, без всякой интимности. Драконы да высокие словеса, не за что зацепиться. А для человека моего роста это и вовсе смерти подобно – все идет вразрез с моей общественной деятельностью.

Но Динклэйдж уважительно относился к прежним работам Дэвида Бениоффа, да и его дружба с женой продюсера, актрисой Амандой Пит, тоже помогла делу. Прочитав сценарий пилота, Питер передумал и дал согласие.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ: Дэвид и Дэн банальщину снимать не стали бы, это ниже их уровня. Я сказал им, что люблю поступать вопреки ожиданиям и подрывать стереотипы, когда этого меньше всего ожидают. Лучше всего делать это потихоньку, не трубя в рог, – похоже, именно так эти двое и задумали Тириона. В любом другом фильме или сериале восседающий на троне король смотрел бы на меня сверху вниз.

Динклэйдж поставил условие, что бороды у него не будет, поэтому в первых сезонах Тирион чисто выбрит, хотя в книгах у него есть растительность на лице. После, когда его персонаж занял прочное положение, актер снял это требование и отрастил небольшую бородку. «Я просто не хотел походить на гномов из “Властелина колец”», – объяснял он.

Он также уговорил свою давнюю подругу Лину Хиди (телесериал «Терминатор: Битва за будущее») сняться в роли Серсеи, коварной сестры Тириона. «Мы отсмотрели множество

других актрис, но лучшей кандидатурой была, несомненно, она», – говорит Нина Голд, проводившая кастинг вместе с Робертом Стерном.

Продюсеры, стремясь всячески отмежеваться от «Властелина колец», тем не менее пригласили Шона Бина на роль лорда Эддарда (Неда) Старка. К Боромиру, другому отпрыску благородного дома, которого актер сыграл в «Братстве кольца», судьба тоже была безжалостна. «Шона мы обсуждали с самого начала – он же настоящий прототип Неда!» – говорит Голд.

Некоторое время Динклэйдж был единственным американским актером сериала – других исполнителей Голд и Стерн нашли в Лондоне. Можно сказать, что Вестерос списан со средневековой Англии, а в исторических драмах принято задействовать актеров с британским акцентом. Бениофф, Уайсс и Мартин активно участвовали в отборе, как и режиссер Том МакКарти, снимавший Динклэйджа в «Станционном смотрителе» и игравший вместе с Амандой Пит в фильме «2012».

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: В первых сезонах я уделял кастингу много времени. Каждый день мне присылали видео примерно двадцати трех человек, пробовавшихся на разные роли. Я отсматривал все, а потом писал Дэвиду и Дэну подробные резюме на шести страницах.

На кастинг неофициально влияли и читатели Мартина. Онлайновое лоббирование на ключевые роли порой оказывалось успешным. Свое неодобрение фанаты тоже не стеснялись высказывать – так было, например, когда датской кинозвезде Николаю Костеру-Вальдау досталась роль близнеца Серсеи, красивого и надменного рыцаря Джейме Ланнистера.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ (ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР): Дэн, Дэвид и Кэролин Штраусс вкратце пересказали мне всю историю, и она меня захватила. После получасовой беседы они добавили: «А еще он любовник своей сестры». Это я тоже счел интересным. Потом фанаты долго обсуждали мой нос, считая его неправильным.

ДЭВИД БЕНИОФФ (ПРОДЮСЕР): Мы научились брать тех актеров, которые лучше всего подходят для роли, а не тех, которые больше похожи на книжных персонажей. Нам говорили, что Питер слишком высокий, а у Николая нос чересчур длинный. Наш Теон (актер Алфи Аллен) тоже не очень похож на героя книги, но на пробах он уложил на лопатки всех остальных претендентов.

Сам Аллен, кстати, тоже не собирался играть Теона. Он пробовался на Джона Сноу, но продюсеры в порыве вдохновения попросили его также прочитать роль воспитанника Старков, предавшего их. Ничего необычного: многие актеры «Престолов» прослушивались на разные роли.

Но фанаты добились-таки своего, предложив на роль грозного дотракийского кхала Дрого американца Джейсона Момоа, известного по сериалу «Звездные врата: Атлантида».

Момоа пришел на пробы в распахнутой черной рубашке и с туземным ожерельем. Поскольку текста у Дрого маловато, он попросил разрешения исполнить сначала хаку, ритуальный танец маори, и показать, на что этот кхал способен. В процессе он топал ногами, распевал, бил себя в грудь и обводил всех свирепым дроговским взглядом.

ДЖЕЙСОН МОМОА (КХАЛ ДРОГО): Я был рожден для этой роли. Узнав, что они ищут кхала Дрого, понял, кто должен им стать. Такое со мной случилось впервые. Я сказал себе: «Эту роль я никому не отдам», выложился на пробах по полной и просто ждал, думая: попробуйте-ка найти другого такого Дрого.

Роль лысого евнуха Вариса досталась Конлету Хиллу, актеру театра и телевидения родом из Ирландии.

КОНЛЕТ ХИЛЛ (ВАРИС): Сначала я заартачился и сказал своему агенту, что мне это неинтересно. Думал, это что-то вроде «Подземелья драконов». Но от Белфаста до Лондона всего час, и фильмы Тома МакКарти мне нравятся – дай, думаю, съезжу. Я видел себя как короля Роберта, но на эту роль намечали Марка Эдди, идеально для нее подходящего.

«Мы вас пока не отпускаем», – сказали продюсеры. «Врете, – думаю, – подслащиваете пилюлю». Но мне в самом деле дали прочесть отрывок, где Варис вспоминает о своем прошлом. «Вот это характер!» – подумал я. «Не возражаете, если вам побреют голову?» – спросили они. Раньше я никогда этого не делал и очень расстроился.

Устрашающий телохранитель принца Джоффри Сандор Клиган по прозвищу Пес был для шотландского актера Рори Мак-Канна не просто очередной ролью, а вопросом выживания. В интервью, данном The Independent в 2019 году, он признался, что в предшествующий кастингу период был бездомным, жил в палатке и воровал еду.

ДЭВИД БЕНИОФФ: С Псом у нас возникли проблемы – роль эта непростая. Нужен был человек с виду страшный, но не лишенный сердца. Команда Нины выкладывала в интернете сотни Клиганов, и тут Джордж нам пишет: «А как вам Рори МакКанн?» Мы кликнули на него, и он в сцене с Сансой так рявкнул в камеру: «Смотри на меня!», что мы подскочили. Рори добрый, славный парень, но и гнев в нем тоже сидит.

Североирландского актера Кристиана Нэйрна взяли на роль доброго простака-великана Ходора, слуги Старков.

КРИСТИАН НЭЙРН (ХОДОР): Мой агент позвонил мне и говорит: «Тебя приглашают на пробы, надо только ребенка найти». Я не знал, где его взять, и он дал мне наводку на день рождения: там точно можно раздобыть одного.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: И мы увидели, как Кристиан Нэйрн топочет по двору с мальчиком на спине, выкрикивая имя своего героя.

Немецкая актриса Сибель Кекилли на собственные деньги купила билет до Лондона, чтобы попробоваться на роль Шаи, любовницы Тириона, но на месте изменила свое отношение к ней. В сценарии, как и в книге, Шая представала бессовестной потаскушкой, и Кекилли не хотелось играть такую женщину – тем более в паре с Динклэйджем.

СИБЕЛЬ КЕКИЛЛИ (ШАЯ): Получив роль, я тут же пожалела об этом и сказала: «Спасибо, не надо». Я считала Питера Динклэйджа великолепным актером, а из сценария было ясно, что это очередная насмешка над маленькими людьми. Но Дэвид и Дэн написали мне: «Пожалуйста, не отказывайся, ты идеальная Шая. Мы немножко изменим ее, она будет не такая, как в книге». И уговорили меня.

Шотландец Иэн Глен уже приобщился к фантастическому жанру, сыграв большие роли в «Обители зла 2: Апокалипсисе» и «Ларе Крофт: Расхитительнице гробниц». Ему выпала роль изгнанного рыцаря сира Джораха Мормонта.

ИЭН ГЛЕН (ДЖОРАХ МОРМОНТ): Никто толком не понимал, что это, знали лишь, что HBO набирает британцев. Я встретился с авторами, они произвели приятное впечатление, а потом все заглохло. Я сказал жене (чего обычно не делаю), что очень-очень хочу получить эту роль. Она поинтересовалась у меня о причинах.

«Сам не знаю, – ответил я. – Вообще ничего не знаю об этом проекте. Просто чувство такое».

На ключевую роль принцессы Дейенерис Таргариен намечали сначала Тэмзин Мерчант, снявшуюся в «Тюдорах», исторической драме компании Showtime. Дейенерис, как и других юных персонажей, слегка состарили, чтобы совместить с подходящей актрисой.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Я основывался на средних веках, когда девочек выдавали замуж в тринадцать лет. Понятия «подросток» тогда не существовало – вчерашний ребенок сразу превращался во взрослую женщину. В первой книге Дени как раз тринадцать, но по британскому закону до семнадцати лет запрещено сниматься в ролях, в которых есть сцены секса. Нельзя даже брать семнадцатилетнюю девушку на роль тринадцатилетней, если та по сюжету занимается любовью. Поэтому мы сделали героиню старше, утвердили на ее роль актрису двадцати трех лет и подправили временну́ю линию.

На принца Джоффри пробовалось много юных актеров, читавших свой текст в духе «дьявольского ребенка» из «Омена».

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мы думали уже, что нашли подходящего парня и разделались с этой ролью. Но в Дублине, куда мы отправились на кастинг других персонажей, был другой парнишка, уже записанный на пробы, – Джек Глисон. Мы, так сказать, из вежливости согласились его посмотреть, и он перевернул все наши представления об этом герое. До Джека мы не собирались уделять столько внимания Джоффри, но очень уж достоверный мерзавец у него получился. В нем нет ничего сверхъестественного, он не слуга тьмы – просто страшное юное существо.

Семнадцатилетний ирландец Глисон успел сыграть небольшую роль в фильме «Бэтмен: Начало». Вдохновляли его и другие кинематографические злодеи.

ДЖЕК ГЛИСОН (ДЖОФФРИ БАРАТЕОН): Этот образ складывался как из моих первых ролей, так и из многих виденных мной на экране. Коммод Хоакина Феникса из «Гладиатора» подарил Джоффри ухмылку, Хексус из мультфильма «Долина папоротников: Последний тропический лес» тоже во многом помог. Он продукт своего окружения – каждый из нас встречал

Джоффри в том или ином виде.

Самой трудной ролью была Арья Старк – маленькая несгибаемая героиня, отвергающая гендерные стереотипы и проходящая через страшные испытания.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Я почти уже отчаялся найти подходящую Арью. Для нее мы отсмотрели больше претенденток, чем для кого-либо. От детей, играющих в ситкомах, требуется одно: быть милашками и хорошо произносить свои реплики. Этот же образ сопряжен с реальным насилием, горем и страхом. Три четверти увиденных нами девочек просто читали текст, что для десятилетних тоже неплохо, но никакой игры там и в помине не было. Остальные, видимо, занимались в драмкружках и выражали эмоции, как им велели учителя, то есть гримасничали и глазки закатывали. «Плохи наши дела», – думал я, глядя на это.

И тут двенадцатилетняя англичанка Мэйси Уильямс сняла на видео свою вторую в жизни кинопробу во время большой перемены в школе.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Черт побери. Она была совсем не такой, какой я ее прописал, но это не имело значения. Арья! Живая Арья!

Именно руководитель драматической студии посоветовал тринадцатилетней Софи Тернер попробоваться на роль Сансы Старк, благовоспитанной сестры Арьи. Позже актриса говорила, что согласилась «просто так, для прикола». Она и родителям ничего не сказала, пока не вошла в финальную семерку.

НИНА ГОЛД (ДИРЕКТОР КАСТИНГА): Софи говорит, что мы нашли ее на поле в Уорикшире. Не совсем правда, но близко.

РОБЕРТ СТЕРН (ДИРЕКТОР КАСТИНГА): Мы побывали в ее школе: она определенно вписывалась в сценарий.

Уильямс и Тернер встретились, когда их попросили сняться вместе, чтобы проверить, есть ли «химия» между ними.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС (АРЬЯ СТАРК): Я вышла оттуда и подумала: «Не дадут мне Арью, и ладно – лишь бы Софи дали Сансу».

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мэйси и Софи сразу друг другу понравились. «Химия» была правильная, хотя в начале истории

сестры, мягко говоря, не дружат. На съемках они хихикали вместе, но при слове «мотор» вполне достоверно вцеплялись друг дружке в глотку. Крепкая связь помогает актерам играть врагов – с Питером и Линой произошло то же самое.

НИНА ГОЛД: С первой же пробы они стали неразлучны.

Уильямс и Тернер увековечили этот день, сделав себе татуировки «07.08.09».

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): Эта дата много для нас значила, и мы давно собирались. Начали сниматься в седьмом сезоне и сказали: «Давай уже!»

Айзек Хемпстед-Райт тоже занимался в школьном драмкружке. На роль Брана Старка, мальчика-калеки с мистическим предназначением, он попробовался всего в десять лет.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ (БРАН СТАРК): Я пробовался трижды, а за лето совсем об этом забыл. В футбол играл, все такое. А потом мама заезжает за мной в школу и говорит: «Поздравляю, Бран Старк». Ух ты, круто!

Двадцатидвухлетнего шотландца Ричарда Мэддена выбрали на роль Робба, старшего сына Старков. (Свой акцент он приспособил под йоркширский диалект Шона Бина.) Благодаря хорошей актерской игре Роббу, как и Джоффри, продюсеры уделили больше времени, чем в книгах.

«Сначала мы заметили Ричарда как номинанта на “Лучше всех одетого мужчину 2009 года в Шотландии”, – говорит Дэн Уайсс в книге «HBO: Игра престолов» Брайана Когмана[8]. – Он победил в этом конкурсе, и мы получили не только хорошо одетого, но и очень талантливого актера».

Позже в ток-шоу «Джимми Киммел в прямом эфире» Мэдден сказал, что перед кастингом оказался в такой плачевной финансовой ситуации, что чуть не вернулся жить к родителям. (Возможно, на одежду потратился?)

Англичанин Кит Харингтон, тоже двадцатидвухлетний, был известен разве что в Лондоне, где сыграл главную роль в адаптированной для сцены пьесе Ника Стаффорда по роману «Боевой конь».

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Все молодые актеры Соединенного Королевства мечтали об этой роли, и я настраивал

себя на то, что могу подойти. Актер обычно чувствует атмосферу: Дэвиду и Дэну, отсмотревшим многих кандидатов, я как будто понравился. После второй пробы я стал надеяться и расстроился бы, если бы роль ушла.

Для просмотра видеозаписей продюсеры привлекли Брайана Когмана, сценариста и актера, выпускника Джульярдской школы, чья супруга работала у Бениоффа и Пит няней. Когман прочел всего Мартина и считался экспертом по «Песни льда и пламени». Принятый на работу в качестве ассистента сценариста, он отслеживал сквозные роли от серии к серии, занимался декорациями и стал со временем исполнительным сопродюсером. «На меня, человека неопытного, возложили огромную ответственность, – говорит он, – но знаете, у них ведь тоже опыта не было! Я хоть актерскую выучку получил, и они, думаю, это ценили».

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Был один неловкий момент. Мы отсматривали девушек на роль Роз, которая к тому времени значилась в сценарии просто как «рыжая шлюха». В тот день не оказалось ни Дэвида, ни Дэна, ни Тома, поэтому я занимался этим один. Приходит актриса из Северной Ирландии. Я в ужасе, поскольку сцена фривольная, и откуда мне знать, что от нее требуется? С двусмысленными репликами девушка справилась хорошо, но смотрела на меня как-то странно.

«Давайте повторим», – говорю. Так ведь вроде положено? Она читает текст еще раз, я говорю: «Отлично!» Она постояла и говорит: «Ну, я пойду тогда?» На следующий день звонит Нина Голд и спрашивает: «Что ж ты ее раздеться не попросил?» Вот, значит, чего она ждала – для таких ролей это, видимо, нормально. Я почувствовал себя виноватым, а роль в конце концов получила Эсме Бьянко.

НИНА ГОЛД: Имейте в виду, мы никого не заставляем раздеваться. Актрисы это делают по собственной воле.

ЭСМЕ БЬЯНКО (РОЗ): Предполагалось, что моя «рыжая» будет только в пилоте. Пробовалась я в нижнем белье. Это делают потому, что некоторые актрисы сначала соглашаются на обнаженку, а в день съемок отказываются. Я тогда выступала в бурлеске и демонстрировала то же белье, так что никакой разницы не почувствовала. Когда сериалу дали зеленый свет, продюсеры спросили, не хочу ли я сниматься и дальше, а Джордж Мартин сказал: «Надо бы ей имя дать, не называть же ее весь сезон “рыжей шлюхой”».

Англичанин Джозеф Демпси, снявшийся в молодежном британском сериале «Молокососы», стал Джендри, незаконным сыном Роберта Баратеона.

ДЖОЗЕФ ДЕМПСИ (ДЖЕНДРИ): Я пробовался еще на пару ролей, прежде чем получить Джендри, – а поскольку тех ролей мне не дали, то подумал, что меня сочли непригодным. Задним числом я сообразил, что они сначала отбирали тех, с кем хотели работать, а потом уже решали, кто каким кусочком головоломки будет. То, что мы все так хорошо ладили, соблюдали рабочую этику и проявляли профессионализм, неслучайно: такую атмосферу создали Дэвид и Дэн. Все понимали, что шоу – это самое главное, поэтому свое эго не выпячивали.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Многие наши друзья пишут для телевидения, и мы знаем, что наши проблемы с актерским составом были ничтожны по сравнению с тем, что испытывают другие. Может, все дело в британцах, но наше везение, учитывая количество актеров, кажется просто невероятным. Один-два засранца на мелких ролях, вот и все.

НИНА ГОЛД: Одна актриса – она получила роль, но называть ее я не стану – во время пробы вдруг оседлала Роберта Стерна и попыталась сорвать с него рубашку. Роберт, как преданный делу солдат, промолчал и позволил ей продолжать, но волосы у него, так сказать, встали дыбом. Она ведь и поцеловать тебя норовила?

РОБЕРТ СТЕРН: Да, но тут уж остается только терпеть – в таких сценах иногда требуется партнер.

Но самой лучшей кастинговой историей может похвалиться Джон Брэдли. Недавний выпускник театральной школы, он пробовался на роль Сэмвелла Тарли, симпатичного и неуклюжего новобранца Ночного Дозора.

ДЖОН БРЭДЛИ (СЭМВЕЛЛ ТАРЛИ): Я тогда не думал, что это один из самых важных дней в моей жизни, – только потом осознал. Я ехал в Лондон из Манчестера и выделил четыре часа на двухчасовую поездку, но прямой поезд отменили, и пришлось ехать кружным путем.

ДЭН УАЙСС: За четыре дня мы, отсмотрев семь или восемь Сэмвеллов, нашли одного хорошего – не Джона Брэдли. «Тут еще один парень едет, его поезд опаздывает, – сказала Нина. – Не подождете?» Было жарко, к тому же мы малость проголодались, но нельзя же было отказать человеку, едущему к нам из Манчестера.

ДЖОН БРЭДЛИ: Я люблю все заранее обдумывать и

планировать. Будь у меня время, я бы испереживался весь, но со всеми пересадками не до того было.

ДЭН УАЙСС: Он бегом примчался с вокзала и увидел, что лифт у нас не работает.

ДЖОН БРЭДЛИ: Взлетаю вихрем по лестнице, врываюсь к ним в офис. Я был бесконечно благодарен, что меня дождались, и вложил в моего Сэма весь избыток нервной энергии, толком даже не отдышавшись.

ДЭН УАЙСС: Он был весь в поту, того гляди в обморок хлопнется. Через полминуты мы поняли, что тот другой парень останется без работы, потому что лучшего Сэма нам не найти.

Глава 3
«У вас большая проблема, ребята»

Съемки первоначального пилота «Игры престолов» начались 24 октября 2009 года и продолжались двадцать шесть дней. Первым делом нужно было принять решение о местонахождении Вестероса.

Позже сериал снимался во многих странах, но пока ему требовалась какая-то «опорная база». Логично было бы обосноваться где-то на Британских островах, поскольку шоу основывалось на исторических реалиях нынешнего Соединенного Королевства. Съемки в Англии стоили очень дорого – оставались Ирландия, Северная Ирландия и Шотландия. Дэвид Бениофф и Дэн Уайсс, закончившие Дублинский колледж, знали Ирландию хорошо, но ее северная соседка предлагала соблазнительные налоговые льготы. В столичном городе Белфасте имелась студия с техническим персоналом, а в его окрестностях было множество красивых пейзажей и древних руин.

«На небольшом пространстве Северной Ирландии представлено огромное ландшафтное разнообразие, – говорит Д. Бениофф в книге «HBO: Игра престолов». – Голые холмы, каменистые побережья, тучные луга, утесы, буколические ручьи – можно снимать все это целый день и возвращаться ночевать в Белфаст».

В то время страна, не так давно пережившая волну беспорядков, известных как Смута, считалась довольно опасным местом.

Но выбор Белфаста в конечном счете определил облик всего сериала, помог наладить экономику региона и обеспечил «Престолы» командой двужильных местных рабочих.

Съемочная группа разбила лагерь вокруг огромного студийного павильона «Пейнт Холл». На верфи, расположенной здесь раньше, был построен «Титаник», а в самом павильоне красили корабли компании «Уайт Стар». Он стоит на каменном берегу, о который бьются волны холодного темного моря. Рядом бетонная глыба с высокими шестами обозначает место закладки «Титаника».

Эта площадка, помимо своей практичности, послужила также своего рода метафорой. Месту постройки самого большого и великолепного в мире корабля суждено было стать колыбелью самой масштабной и эпичной в мире теледрамы. Но первый пилот – первый рейс, если хотите – чуть было не потопил

задуманное нами шоу.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Мы побаивались, поскольку это был наш первый производственный опыт. А любое производство, особенно такого масштаба, включает в себя очень много факторов, в том числе человеческий.

Пилот, как и первая книга Мартина, начинался с выезда трех разведчиков Ночного Дозора за Стену – ледяное сооружение семисотфутовой (213 м) высоты, вдохновленное Валом Адриана, некогда отмечавшим границу римской провинции в Англии. Там происходит их роковое столкновение с Белыми Ходоками, древней расой ледяных демонов. Они, согласно первоначальной задумке, говорили на собственном языке, скроте, и костюмы для них не были готовы к началу съемок.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Первые Белые Ходоки выглядели просто кошмарно. Запороли мы это дело.

ДЭН УАЙСС: Первого Ходока мы одели в зеленый костюм и решили, что потом доведем его до ума на компьютере. Никто не сказал нам, что это очень дорого обойдется. Надо было сшить, хотя бы приблизительно, нормальный костюм и после подправить его, а не полагаться полностью на графику. Одно это съело бы половину пилотного бюджета.

Костюмы для других ролей тоже представляли проблему. «Они были новенькими, с иголочки, – говорит Бениофф в интервью Vanity Fair, – но ведь в те времена одежду не сдавали в химчистку. Все костюмы, кроме разве что платьев королевы, должны выглядеть грязными и пропотевшими».

Винтерфелл, усадьбу дома Старков, изображал замок Дун, известная достопримечательность Шотландии. Строить свой Винтерфелл только для пилота не имело смысла, но Дун выглядел слишком знакомо и обходился тоже недешево.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): В Дуне снимали фильм «Монти Пайтон и Священный Грааль», в сувенирной лавке продавали пластиковые кокосы.

БРАЙАН КОГМАН: Действие первого пилота происходило исключительно в Винтерфелле: сцены в Королевской Гавани (Джейме, Серсею и смерть Джона Аррена) в целях экономии убрали. С Ланнистерами мы знакомились, когда они приезжали в

Винтерфелл.

Одного из Старков едва не вырезали совсем.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Они снимали честно, но я знал, что без сокращений не обойтись. Дэн и Дэвид вознамерились даже удалить Рикона, самого младшего Старка, поскольку в первой книге он почти не участвует. Но я сказал, что у меня на него большие планы, и мальчонку оставили.

Самым молодым актерам пилот казался захватывающим приключением.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ (БРАН СТАРК): Это напоминало мне летний лагерь. Мне было десять, меня забрали из школы, поселили в гостинице и дали меч в руки. Там, правда, воняло канализацией – люди вроде Шона и Николая жили в шикарном отеле, а мы, мелюзга, где попроще.

Профессиональные актеры, однако, видели тревожные приметы того, что «Игра престолов» вряд ли протянет долго.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ (ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР): Никто не знал толком, что он делает и какого вообще черта здесь происходит. Сцена прибытия короля Роберта вызывала у меня смех: какая-то параллельная вселенная с благородными обитателями. Это очень тонкая грань – искренне верить во что-то или просто участвовать в костюмированном представлении. Мы определенно не думали, что этот сериал произведет переворот в нашей жизни, и развлекались на всю катушку.

МАРК ЭДДИ (РОБЕРТ БАРАТЕОН): Мы пытались установить какие-то правила для этого нового мира. В первом пилоте никто не преклонял перед королем головы на винтерфеллском дворе. Самому монарха сыграть невозможно: попробуйте изобразить «Смотрите, какой я могущественный!» Короля определяют подданные, преклоняясь перед ним. Когда это переснимали повторно, все опустились на колени, и сразу стало понятно, кто тут, собственно, главный.

ЛИНА ХИДИ (СЕРСЕЯ ЛАННИСТЕР): Я в пилоте выглядела, как танцовщица из Вегаса – меха и пышные волосы. Такая средневековая Долли Партон[9]. Да нет, я не жалуюсь – мне понравилось.

БРАЙАН КОГМАН: Когда мы впервые снимали сцену, где Старки находят лютоволков – эту версию вы так и не увидели, –

никто из персонажей не проявлял особого удивления. Только младший ассистент Брайан бегал вокруг и вопил: «Это же лютоволки! Их уже тысячу лет не видали! Все равно что динозавров встретить!» Но все только ухмылялись в ответ.

ЭСМЕ БЬЯНКО (РОЗ): Мне сказали, что это фэнтези, и я думала, что сериал предназначен для узкой целевой аудитории. Поэтому сцена с Питером Динклэйджем, замечательным актером и чудесным человеком, стала для меня приятнейшей неожиданностью. Кажется, только ее из всего пилота не переснимали. Никто не представлял, за какое огромное дело мы взялись.

КРИСТО ФЕРНЬЮМАН (ПРОДЮСЕР): У Джоффри была тогда другая стрижка, под пажа, или, вернее, под горшок, как у Генриха V. Это не мешало ему быть полным засранцем, но все же смягчало образ. В новой версии, с короткими волосами, он стал куда злее.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Сначала нам казалось, что все идет хорошо, но это потому, что мы ничего не смыслили.

ДЭН УАЙСС: Маленькие трещины превращались в большие, земля разверзалась. В Марокко уже стало ясно, что колеса у нас отваливаются.

В Марокко снималась та часть, где надменный социопат Визерис Таргариен продает свою сестру Дейенерис (ее тогда играла Тэмзин Мерчант) в жены дотракийскому вождю кхалу Дрого. В этой версии, помимо нескольких других различий, свадьбу праздновали ночью.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: В первом пилоте я ездил в Марокко на свадьбу Дени и играл там пентосского вельможу с фигурной бородой и в огромной шляпе. Выглядел как идиот, но удовольствие получил.

ГАРРИ ЛЛОЙД (ВИЗЕРИС ТАРГАРИЕН): У меня был другой парик: серебристо-белый, короче следующего. Неправильный, как мы потом поняли. Я ведь не Люциус Малфой и не Леголас… надо было что-то менять.

ИЭН ГЛЕН (ДЖОРАХ МОРМОНТ): Все делалось коряво и непродуманно. Никто ни в чем не был уверен. На эту ночную свадьбу угрохали кучу денег, и ни фига в итоге не было видно.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: В книге кхал Дрого дарит Дейенерис лошадь серебряной масти. Дени садится на нее, и вам кажется, что она собирается спастись бегством, но она поворачивает обратно и прыгает через высокий костер. Это впечатляет Дрого и закладывает фундамент их отношений. Мы пытались это снять:

нашли отличного каскадера и красивую серебристую кобылку, но та не желала прыгать через огонь. Подскачет к нему и сразу в сторону: «Да тут жарко!» После полудюжины дублей режиссер говорит: «Погасим пламя, а потом на компьютере сделаем». Погасили, но лошадка, не будь дурой, все равно не прыгает: горячо ведь. Пришлось отказаться от этой сцены, а жаль: это был связующий момент между Дени и Дрого.

Потом началась съемка брачной ночи. Эмилия Кларк воспринимала это как изнасилование, но в моей книге и с Тэмзин Мерчант было не так. Дрого и Дени говорят на разных языках – он из всех слов знает только «нет». Она испытывает смесь страха и возбуждения, а он к ней довольно внимателен. Получалось, в общем, весьма убедительно.

Привязывают они, значит, лошадей у ручья, приступают к «сексу», и тут оператора разбирает смех. Оказывается, кобылка – не кобылка вовсе, а жеребчик! То, чем занимаются двое обнаженных людей, крайне его волнует, и мы видим на заднем плане его внушительное орудие. Короче, и эта сцена не вышла.

Пилот сняли. Для начала Бениофф и Уайсс показали черновой вариант родным и друзьям, но отзывы были, мягко говоря, не слишком лестными.

ДЭВИД БЕНИОФФ: По лицам шурина и его жены было видно, что им скучно, но вслух они, конечно, этого не сказали.

ДЭН УАЙСС: Когда тебе говорят, что все хорошо, голоса почему-то повышаются на несколько нот, и по высоте тона судишь, насколько ты облажался. Собачий свисток, да и только. Были, впрочем, и такие, которые не хвалили, а старались помочь. «У вас большая проблема, ребята», – сказал нам опытный телепродюсер Крейг Мэйзин.

ДЖИНА БАЛЬЯН (БЫВШИЙ ВИЦЕ – ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА ДРАМЫ HBO): Показ материала окончательно подтвердил, что проблема есть. Особенно часто повторяли, что пилоту не хватает «масштабности». Для эпического фэнтези все выглядело чересчур скромно, несмотря на внушительный бюджет и экзотические места съемки.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO): Были сомнения, достаточно ли у нас крупных планов и насколько хорошо поставлен свет. Мы наняли лучшего дизайнера по костюмам, отличного художника-постановщика, снимали в Шотландии и Марокко, а картинка получилась так себе. Расхожим выражением стало: «Это и в Калифорнии могли бы снять».

ИЭН ГЛЕН: Какой-то руководитель из HBO говорил: «На хрена было ездить в Марокко? Ни черта ж не видно, как будто на парковке снимали!»

ДЖИНА БАЛЬЯН: «Все равно что на моем заднем дворе», – сказал кто-то.

Стиль тоже оставлял желать лучшего: с экрана веяло не Вестеросом и Эссосом, а «Аббатством Даунтон» или фильмами студии Merchant Ivory.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО: Некоторые сцены получились просто замечательно: Винтерфелл, Старки, Арья, Санса, Тирион. Но в целом это напоминало британские исторические драмы.

Одной из главных забот был фэнтезийный элемент. «Песнь льда и пламени» представляет собой смесь реалистической драмы, фэнтези и магии, но никто не знал, какие нужны пропорции.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Что это – фэнтези с драматическими вставками или драма с фэнтезийными? Мы нервничали из-за того, что пилот катастрофически клонился в сторону первого. Экспозицию резали, чтобы сделать диалог «пореальнее», и серия из-за этого теряла всякий смысл. «Не шекспирить», «не толкинить», «заземлять» – все это было, в общем, правильной стратегией. Но это все-таки эпическое фэнтези – забывая об этом, вы вредите сюжету.

Вызывала вопросы и сюжетная линия. В этом были виноваты не только авторы идеи, поскольку им пришлось отказаться от сцены знакомства с Ланнистерами в Королевской Гавани, а диалоги тоже мало что разъясняли. Было непонятно, почему Джейме сбросил Брана с башни: зрители ведь не знали, что Джейме и Серсея – это брат и сестра, которые боятся, что их любовную связь раскроют. Для знакомства с прошлым продюсеры добавили один флешбэк (где Безумный Король убивает двух Старков, отца и брата Неда), но впоследствии его вырезали как вносящий еще больше путаницы.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Мне пилот понравился, но после я понял, что не могу судить объективно, потому что слишком хорошо знаком с материалом. Я-то знал, что Джейме и Серсея – брат и сестра! Мне понравилось, что они сохранили почти все сложные сюжетные перипетии, но мне под страхом смерти запрещено было показывать этот вариант кому бы то ни было.

ДЭВИД БЕНИОФФ: HBO пребывала в нерешительности. Проекты старого режима традиционно не вызывают энтузиазма у нового, а это был очень дорогой проект.

ДЭН УАЙСС: Майк, похоже, склонялся к отрицательному ответу. У него были веские причины быть недовольным. Он подумывал, не прикрыть ли это дело в самом начале.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО: Продюсеров вызвали, так сказать, на ковер. Вопрос был один: думают ли они, что сняли удачный пилот? Если да, то это повод для беспокойства. Стоит ли показывать эту серию нашему гендиректору и убеждать его продолжать сериал? Нужно ли доказывать, что игра стоит свеч, одновременно ломая голову над тем, как это можно исправить?

Продюсеры понимали, что ситуация у них незавидная. «Я всматривался в лицо Майка, чувствуя себя, как в фильме ужасов, – рассказывает Уайсс в интервью Vanity Fair. – Он, надо отдать ему должное, не хотел меня пугать и старался оставаться невозмутимым».

Бениофф и Уайсс успели провести своего рода работу над ошибками.

ДЭН УАЙСС: Мы решили, что самым правильным будет честно признать все свои ошибки. Ни на кого не указывая пальцем, приходилось говорить: «Мы знаем, что то-то плохо вот потому-то, и в следующий раз сделали бы вот так-то». Думаю, все поняли, что мы не пытаемся оправдать свои ляпы и согласны с тем, что наш уровень должен быть куда выше.

КЭРОЛИН ШТРАУСС (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Последовали многочисленные просьбы и мольбы. Думаю, всем было ясно, что шоу следует продолжать. Пилот для того и снимают, чтобы посмотреть, что удалось, а что нет и есть ли ноги у этой затеи. «Игра престолов» после устранения «недоделок» обещала много увлекательных серий с живыми, развивающимися персонажами, и до конца истории было еще далеко.

Пилот и план переделок отдали на рассмотрение сопрезиденту HBO Ричарду Плеплеру, за которым оставалось окончательное решение. Компания уже потратила 10 миллионов на эту драконью драму – готова ли она выложить вдвое больше?

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мы знали, что наша судьба висит на волоске, и провели очень напряженный час, ожидая звонка от Джины.

ДЭН УАЙСС: Верно говорят, что страдание – великий учитель. Больно сознавать, что вам дали шанс, который, возможно, больше не повторится, – и что вы, 52 против 48 процентов, его загубили. Столь кошмарное чувство мне редко доводилось испытывать.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Потом вышел Ричард и объявил: «Будем работать дальше».

РИЧАРД ПЛЕПЛЕР: Видно было, что в кастинге и сюжете есть недочеты, которые требуют устранения, но общая эмоциональная атмосфера говорила, что сериал может получиться захватывающим. Наряду с немалым списком проблем здесь чувствовалась и магия.

ДЭН УАЙСС: Ричард, спасибо ему, видел за ошибками то, что может выйти после их исправления.

HBO заказала авторам десять серий, включая исправленный пилот. Изменения произошли не только в сценарии и производственном плане, но и в актерском составе, а также съемочной группе. Режиссера первого пилота Маккарти заменили Тимоти Ван Паттеном, снявшим много серий в знаменитых драмах HBO. А Дженнифер Эль, исполнившая в пилоте роль Кейтилин Старк, вообще передумала сниматься, заявив в The Daily Beast, что хочет проводить больше времени с новорожденной дочкой.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО: Актриса, игравшая Кейтилин, отказывалась ехать в Северную Ирландию. «Что?!» – говоришь ты себе в таких случаях и думаешь, не принудить ли ее соблюсти условия контракта. Но в итоге все обернулось как нельзя лучше: роль получила Мишель Фэйрли и блестяще с ней справилась.

Бениофф увидел Фэйрли в лондонской постановке «Отелло», где она играла Эмилию, трагический финал которой в чем-то схож с судьбой Кейтилин Старк.

«На жену Яго обычно не обращают внимания, – говорит он в книге “HBO: Игра престолов”, – но Мишель была так хороша, что я сразу задался вопросом: кто она такая и нельзя ли ее заполучить?»

Самым трудным решением была, однако, замена Дейенерис. Мой источник говорит, что «сообщить об этом Мерчант было для них (продюсеров) задачей не из легких».

МАЙКЛ ЛОМБАРДО: Нам поневоле пришлось это сделать: ее сцены с Джейсоном никуда не годились.

ДЖЕЙСОН МОМОА (КХАЛ ДРОГО): Мерчант отлично сыграла, и я не понимал, для чего пошли на такой шаг. Но тут появилась Эмилия, и все встало на свои места. До нее и я сам был «не совсем таким».

БРАЙАН КОГМАН: С многими нашими актерами мы сразу попали в яблочко, и Тэмзин, по-моему, хорошо работала – трудно понять, почему у нее не вышло. Но роль Дейенерис будто была уготована Эмилии свыше.

Глава 4
«Я увидел, как ожила моя книга»

Второй шанс в Голливуде дается редко. Ты оступаешься, и на этом конец – проекту определенно, а иногда и карьере. С «Игрой престолов» произошел именно такой редкий случай, поэтому продюсеры вместе со всей командой были полны решимости сделать все идеально. Съемки, возобновившиеся в июле 2010 года, велись с удвоенным старанием. «Нам повезло получить десять миллионов на репетицию, – говорит Гарри Ллойд (Визерис Таргариен), – а на пересъемку отвалили и того больше».

Художник-постановщик Джемма Джексон создала в «Пейнт Холле» новые декорации: Красный Замок с прославленным Железным Троном в Королевской Гавани, Орлиное Гнездо со смертельной Лунной дверью в Долине Аррен. Построила она также новый Винтерфелл у исторического североирландского замка Уард (внушительней прежнего) и двор Черного Замка на базе Магераморнского карьера (там была даже действующая подъемная клеть). Художник по костюмам Мишель Клэптон придала прежней одежде более реалистичный вид. Прибывшие на место актеры были поражены всеми этими новшествами.

КРИСТИАН НЭЙРН (ХОДОР): Помню, как впервые зашел в «Пейнт Холл» и увидел замок, который они соорудили в этом большом сарае. Даже я, заядлый фанат фэнтези, обалдел: все выглядело по-настоящему.

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Я тогда полагал, что декорации всегда такими бывают, и только потом понял, как сильно отличалась «Игра престолов» в этом смысле от других фильмов и сериалов.

МАРК ЭДДИ (РОБЕРТ БАРАТЕОН): Декорации изумляли меня – ты словно оказывался в том мире. Костюмы и воссозданная обстановка сильно облегчали нашу работу: это вам не на зеленом фоне сниматься.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): Радовало, что в новом костюме липучек нет.

Ричард Мэдден так описывал свой многослойный костюм на Westeros.org: «Я влезал в него минут сорок, притом с чьей-то помощью – вон сколько пряжек застегнуть требовалось, – но он мне помогал как актеру. Я ходил иначе, дышал иначе, держался по-другому. Надевать такой костюмчик в 4 утра то еще

удовольствие, зато в образ Робба входишь без затруднений».

ДЖОН БРЭДЛИ (СЭМВЕЛЛ ТАРЛИ): Оказавшись в Черном Замке, я поймал себя на мысли, что все происходит в действительности. Реальным было и давление, которое я ощутил. До тех пор я просто радовался, что получил эту роль: все манчестерские друзья и родные одобрительно хлопали меня по спине. Потом попадаешь в эти декорации и осознаешь, сколько человек над ними трудилось, а вокруг тебя актеры незнакомого тебе уровня. Кит уже завоевал себе репутацию в театре и пользовался уважением моих соучеников по школе драматического искусства. Оуэн Тил (сир Аллисер Торн) и Джеймс Космо (лорд-командующий Джиор Мормонт) тоже достигли больших успехов.

Декорацию построили в масштабе 360 градусов, и ничто нас не отвлекало. Запах дымящих факелов не слишком приятен, но в атмосферу погружает лучше некуда. Ты чувствуешь и обоняешь то же самое, что и твой персонаж. Если ты способен пожертвовать комфортом, процессу это только на пользу.

В первый день мне дали меч и сказали: «Покажи, какой ты неумеха». Я и был неуклюжим, так что даже притворяться не пришлось.

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Алфи, Ричард и я как-то сразу сблизились. Мы только-только закончили театральную школу, и ничто не мешало нам подружиться. А Мэйси, Софи и Айзек были для нас как младшие сестры и брат. Мы их оберегали, и они, думаю, тоже смотрели на нас как на старших. Мы очень скоро почувствовали себя как одна большая семья.

Харингтон очень рано снялся в одной из главных сцен сериала, не зная тогда, насколько она важна. Джон Сноу прощается с отцом, и тот загадочно произносит: «Ты не носишь моего имени, но в тебе течет моя кровь».

КИТ ХАРИНГТОН: Эту сцену я помню лучше многих других. Это единственный кадр, где мы с Шоном остаемся вдвоем. «Значит, у Джона есть какая-то тайна», – подумал я. Старался бы еще больше, если бы знал, что это означает.

ТИМОТИ ВАН ПАТТЕН (РЕЖИССЕР): Я не хотел, чтобы сцена получилась слишком сентиментальной, и мы решили снять ее на перекрестке дорог – намекая на то, что эти двое больше никогда не встретятся.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ (БРАН СТАРК): Кит, Ричард и Алфи

были для меня как старшие братья. Я думал, что они круче некуда, и даже куртку себе купил, как у Кита. Мы сидели в гостиной для актеров и учили друг друга карточным играм.

МАРК ЭДДИ: Мальчишкам – Киту, Ричарду, Алфи – по молодости очень нравилось носить мечи и доспехи.

Уильямс в первом сезоне решила научиться фехтовать левой рукой, как книжная Арья, хотя с рождения была правшой. Со временем это обернулось для нее легким кошмаром. «Восемь лет спустя я все еще расплачиваюсь за эту ошибку, – сказала она в интервью британскому Vogue. – Сначала мне хотелось только попробовать, а теперь я все приемы выполняю не той рукой – и с чего я взяла, что это хорошая идея?»

МЭЙСИ УИЛЬЯМС (АРЬЯ СТАРК): Смотря на экране на себя двенадцатилетнюю, я сразу вижу, где я уставшая или голодная. У ребенка все на лице написано.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ): Помню, как мы обедали с Софи и ее мамой – девочка тогда впервые попробовала креветки.

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): Мама читала книги, а мне не разрешала, потому что они для взрослых. Но главы от лица Сансы я для пользы дела все же прочла.

Хемпстеда-Райта тоже ознакомили со «взрослым» материалом: он должен был понять, чем занимаются Джейме и Серсея, когда их застает Бран. «Мне объяснили, что происходит, но маме пришлось поговорить со мной о сексе раньше намеченного плана, затронув при этом не совсем обычные для таких разговоров темы», – сказал он на передаче «Джимми Киммел в прямом эфире».

Но основным партнером Брана был Ходор, Кристиан Нэйрн.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ: Чтобы растопить лед при первом знакомстве, Кристиан дал мне свой айфон, и я играл в заклинания Гарри Поттера. «Главное, в руках держи крепко», – сказал он, но я, разумеется, уронил и разбил телефон. После этого между нами установились теплые отношения.

КРИСТИАН НЭЙРН (ХОДОР): Приезд короля, Джоффри и Ланнистеров в Винтерфелл я всегда вспоминаю с удовольствием. Это одна из самых масштабных сцен, когда все еще живы. Там собрался весь актерский состав, кроме тех, что за Узким морем. Тогда я впервые осознал, в каком большом проекте участвую. Фантастический был день: все вместе, и для многих это больше не повторится.

МАРК ЭДДИ: Однажды Лина Хиди впала в истерику, обнаружив, что у Шона Бина в ванной имеется щеточка для ногтей. Сцена была серьезная, но между дублями мы шутили о том, что дома у него и мыло на веревочке есть.

ГЕТИН ЭНТОНИ (РЕНЛИ БАРАТЕОН): В свой первый день я снимался в сцене Малого совета и трясся от страха. Я был совсем зеленый и других «советников» почитал с детства – как бы в шею не погнали! У меня была всего одна реплика: «Если вы неспособны сохранить порядок в столице, то мы найдем другого начальника городской стражи». Но я и тут умудрился напутать. Режиссер Брайан Кирк меня спрашивает: «Ну как ты?» А я такой: «Хорошо!» Он понимал, что творится у него на площадке, поэтому сказал мне: «Ты не волнуйся, я тоже нервничаю».

Позже у меня была сцена наедине с Шоном – я полагал, что тут-то и надо показать, что ты знаешь роль. Мы репетируем, повисает пауза, Бин смотрит на меня, я на него, оба молчим. «Он вообще собирается что-нибудь говорить? – думаю. – Неловко как-то». «Ничего, – говорит ассистент режиссера, – повторим все сначала». И мы опять стоим и смотрим друг на друга целую вечность. «Что-то у вас не получается, ребята…» – говорят нам. Шон спрашивает: «Ты как, в порядке?» – «Да», – говорю, а сам думаю: «Господи боже, что ж я не так делаю? Знак ему подать, что ли?» Просто ужас. Но тут подходит кто-то из команды сценаристов и подсказывает ему: «В чем дело, вот же ваша первая реплика». – «А, так мы эту сцену снимаем?» – говорит Шон. Он думал, что следующую, где первым говорю я – у него в голове этих эпизодов с полсотни.

ЭЙДАН ГИЛЛЕН (МИЗИНЕЦ): Одна из моих первых сцен давала понять, кто такой Мизинец: «Не доверять мне – самое мудрое, что вы сделали, как только слезли с коня». Я был рад, что у меня получилось сразу, что этот фантастический мир по сути своей реален. Шоном я восхищался давно – если быть точным, с «Грозового понедельника», фильма 1988 года. И он оказался как раз таким, как я ожидал: притягательным, надежным, но в то же время ранимым и до странности молчаливым. Он не из тех, кто мелет языком между дублями, как и я. Не могу сказать, что близко узнал его, зато очень хорошо узнал Неда Старка.

ГЕТИН ЭНТОНИ: Был у меня случай на парковке. Шел дождь, и я открыл зонт, чтобы не намочить свой красивый кожаный костюм. Водитель Шона сворачивает в лужу и обрызгивает меня, а сам он вылезает из машины и посмеивается: «Ну да, так я велел!»

ЭСМЕ БЬЯНКО (РОЗ): Тогда всем было весело – никто ведь не знал, чем все это обернется. Фанатами мы пока не обзавелись, так

что груз их ожиданий пока не давил на наши плечи. Это было время полной свободы, все отрывались и выпивали – вечеринка нон-стоп.

Продюсерам и режиссерам в первом сезоне было далеко не так весело. Им предстояло снять десять очень непростых серий при сравнительно ограниченном бюджете и полном отсутствии коллективного опыта по части эпического фэнтези. К тому же эпизоды в «Престолах» снимали не по порядку, что свойственно больше полнометражным картинам, нежели сериалам.

Было решено, что ирландец Брайан Кирк возьмет на себя третью, четвертую и пятую серии (они снимались в первую очередь), а затем его сменят три опытных режиссера HBO. Тимоти Ван Паттену поручили второй эпизод и пересъемку пилота, Даниэлю Минахану – серии с шестой по восьмую, Алану Тейлору – девятую и десятую. Съемочную группу разделили на две команды, чтобы снимать одновременно в разных местах. Одна называлась «Волк», другая – «Дракон».

Все с горечью признавали, что один раз уже напортачили и теперь на них возлагают большие надежды. Авторы идеи учли прежние ошибки, но планировать что-либо заранее было трудно: то погода мешала, то еще что-нибудь. Никто, например, не знал, что при съемках воронов на площадке не должно быть ничего съедобного, иначе птиц перед камерой просто не удержишь.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Дикий Запад, короче. Мы не знали, как правильно, поскольку раньше ничего подобного не делали. Как понять, хорошо это снято или нет? Жанр фэнтези был неизведанной территорией для HBO, телесериал – для Дэвида и Дэна. Сам я провел каких-то пять месяцев в работе над неудавшимся сценарием NBC. Даже режиссеры, дизайнеры и другие опытные специалисты раньше не имели дела с чем-то такого плана. То, что снималось прежде в Северной Ирландии, не шло с нашими масштабами ни в какое сравнение. Мы все учились с нуля, как надо снимать, и HBO не мешала нам набивать себе шишки. В то время у них помимо «Престолов» велась работа над «Подпольной империей» и «Фартом», так что до нас в Белфасте, если честно, руки не доходили.

ТИМОТИ ВАН ПАТТЕН (РЕЖИССЕР): Я, как дурак, поначалу сопротивлялся. До этого я работал в «Клане Сопрано» и «Подпольной империи», фэнтези не увлекался, а последнее шоу и радикулит сильно меня измотали. HBO прислала мне книжку, которую я просто не осилил. «Что будем с этим делать?» –

спрашивают меня. «А зачем вообще это снимать?» – недоумеваю я. Они месяц меня обрабатывали, и я согласился из чистой лояльности, в благодарность за хорошее ко мне отношение. И потом, сценарий был такой классный, что я это увидел, но все-таки понятия не имел, что в итоге получится. Кроме того, они уже сняли пилот, который требовалось переделывать.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН (РЕЖИССЕР): Я приехал в Белфаст, и мне поручили сразу три серии. «Твою мать!» – первое, что сказал я, войдя в тронный зал. Огромный пустой залище – как тут выстраивать кадр? «Смерти моей хотят, – думаю. – Если смыться в аэропорт прямо сейчас, авось не догонят». В конце концов мы просто поставили людей и на заднем, и на переднем плане. Каждый персонаж представлял собой часть декорации.

БРАЙАН КОГМАН: Освещению тоже уделяли много внимания – нам хотелось, чтобы зритель сразу понял по свету, где Королевская Гавань, а где Винтерфелл. Мы учились на ошибках первого пилота.

Авторов помимо прочего вдохновляли работы легендарного японца Акиры Куросавы, ставшие культовыми для целого поколения кинематографистов: «7 самураев», «Телохранитель (Едзимбо)», «Трон в крови» (как раз в тему). Бениофф и Уайсс, пересмотрев их все до начала съемок, поощряли режиссеров и главного оператора Алика Сахарова перенимать стиль Куросавы. Его влияние особенно заметно, когда трое разведчиков Ночного Дозора выезжают в пилоте за Стену, но эта сцена, даже переснятая, не сказать чтобы впечатляла.

ТИМОТИ ВАН ПАТТЕН: Руководители студии приехали посмотреть на съемки этого эпизода, происходившие в карьере недалеко от Белфаста. Стена этого карьера семисотфутовой (213 м) вышины мало походила на ледяную, и день-деньской мы видели в кадре только трех этих всадников. Я чувствовал, как у мониторов зарождается сомнение: «Что мы здесь делаем? Что это такое вообще?» Понимал, что начальство волнуется, и сам нервничал, но должен был держаться уверенно – ведь твое настроение передается всем остальным.

Возникали, естественно, и новые проблемы.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН (РЕЖИССЕР): В «Пейнт Холле», изображавшем Королевскую Гавань с ее средиземноморским климатом, стоял зверский холод. Одна из служанок Серсеи, одетых в прозрачные туники, упала в обморок от

переохлаждения. Я сначала подумал, что она шутит, потом мы дружно бросились к ней.

КРИСТИАН НЭЙРН: Травма спины, которую я заработал в этом сезоне, скорей всего, останется со мной на всю жизнь. В первом моем эпизоде, где Тирион вручает Брану чертеж инвалидного седла, я семьдесят четыре раза пронес Айзека туда-сюда по чертогу Винтерфелла. Спина отказала примерно на середине, но я боялся сказать об этом в первый же день. Сам виноват, что промолчал, нечего было строить из себя супермена.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ: Кристиан до сих пор присылает мне счета от своего хиропрактика.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ: Одну конную сцену снимали на утесе во время сильного ветра. Лошади нервничали. Одного парня лошадь скинула с себя буквально в двух шагах от края обрыва.

Мишель Фэйрли тоже запомнился этот случай. «Питер, чьи ноги достают чуть ниже седла, не очень хорошо ездил верхом, – рассказывала она на австралийском кинофестивале «Попкорн-Такси». – Лошадь под другим актером, одетым в полный доспех, начала метаться – мы все смотрели на это разинув рты. В конце концов он взвился в воздух, полетел, как в замедленной съемке, и хлопнулся на спину во всех своих железяках. Ну все, думаем мы, пропал человек. Он не двигается, кони тоже замерли. Полная тишина, ветер и тот улегся. Но тут наш всадник пошевелил рукой. Мы к нему, а Питер желает знать: «Эти лошади хорошо выезжены?»

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ: Да, были моменты на грани жизни и смерти.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН: В одной сцене (когда Старки находят лютоволков в переснятой версии пилота) мы видим мертвого оленя со вспоротым брюхом. Его взрезали по-настоящему, вонь поднялась ужасная, молодых актеров вырвало.

ТИМОТИ ВАН ПАТТЕН: Да, было и такое. Нам бы взять чучело и показать бутафорские потроха, но мы раздобыли настоящую тушу, раздутую от кишечных газов. Все шло хорошо, пока в нее не воткнули нож. Внутренности вывалились, и всех тут же начало мутить.

БРАЙАН КОГМАН: В жизни такой вони не чувствовал, а ведь я был не очень близко – в продюсерской палатке на другом конце луга. Кажется, и сейчас ее ощущаю.

ТИМОТИ ВАН ПАТТЕН: Рвотные позывы у меня чередовались со смехом.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ

ПРОДЮСЕР): В первом сезоне у нас даже охраны не было. В кузнице, где работает Джендри, Нед проходит мимо стоек с мечами и кинжалами. Тут появляются немецкие туристы и начинают все это хватать. Я им: «Нет-нет, положите на место!» А они смотрят в недоумении: с чего этот тупой америкос запрещает им брать мечи?

В пилоте приходилось также переснимать сцены, которые актеры считали законченными, и возникали неловкие ситуации – взять хоть секс Джейме с Серсеей.

ТИМОТИ ВАН ПАТТЕН: Нелегко это – просить актеров переделать уже снятое. Лине возвращение к этой сцене далось с невероятным трудом – я знаю, потому что мы говорили об этом, и полностью ее понимаю. В первом пилоте эта сцена никуда не годится. Не стану объяснять, почему, это скорей вопрос вкуса. В сценарии все осталось как было, но снимать следовало с другого ракурса, и Лине требовалась защита.

Финансовый вопрос тоже стоял ребром. HBO проявила щедрость, но мартиновская книга даже близко не укладывалась в бюджет.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Нам сказали, что бюджет будет хороший, но не такой, как у «Рима»: «Мы не хотим, чтобы вы нам во столько же обошлись». Поэтому кое-что пришлось урезать, в том числе и турнир. Такое действо в Средние века, да еще устроенное королем в стольном граде, было зрелищем из ряда вон, и Брайан написал правдоподобную его версию. Десятки рыцарей, восемь конных поединков: вымпелы развеваются, кони скачут, горожане делают ставки. Не хуже, по крайней мере, чем в «Истории рыцаря», но мы и до нее не дотянули. Оставили только поединки, необходимые для сюжета, но все-таки, по-моему, вышло неплохо.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): В целом турнир получился отличным, разве что зрителей надо было добавить. За время съемок принимаешь тысячи решений, и не все оказываются верными – хорошо, если дотянешь до среднего уровня.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Самая малобюджетная и самая нелюбимая моя сцена из всех восьми сезонов – это охота Роберта. Четверо пеших охотников идут по лесу с копьями, и он довольно зло подшучивает над Ренли. В книге нам говорят, что на короля напал вепрь, Роберта привозят домой, где тот испускает дух. Саму

охоту я не описывал, но всем понятно, как она выглядит. Сотни человек, шатры, собаки, загонщики, рога трубят – вот как монарх выезжает! Не чешет пешком через лес с тремя мужиками в надежде, что им подвернется добыча. Но в тот момент мы не могли позволить себе лошадей, собак и шатры.

Или, например, битвы. В первой книге Мартина описываются два сражения между войсками Старков и Ланнистеров. В битве на Зеленом Зубце Тириона перехитрили: он думает, что перед ним вся армия Робба, в то время как северянин посылает к нему для виду всего две тысячи человек.

ДЭВИД БЕНИОФФ: У нас были планы отправить Тириона в бой позади Горы и снимать на уровне его глаз, пока силач косит врагов направо-налево. Но потом нам пришлось принять непростое решение. Время поджимало, и мы предпочли хорошую драматическую сцену паршивой битве.

ДЭН УАЙСС: Нам не хотелось, чтобы батальные сцены выглядели, как игра на Play Station 2. Хотелось снять их так же хорошо, как и все остальное.

АЛАН ТЕЙЛОР (РЕЖИССЕР): Мы пришли к мысли вырубить Тириона. Люблю придумывать что-то, а потом выдергивать из-под этой идеи ковер. Забавно же, когда он произносит свою вдохновенную речь и все ждут, что будет кровавый бой, а его-то и не показывают. Понравилось мне и то, как Тирион в бессознательном состоянии витает над полем битвы – это я беспардонно позаимствовал из «Гладиатора».

Вторая крупная битва первой книги произошла в Шепчущем лесу, где Робб застал Джейме Ланнистера врасплох благодаря уловке на Зеленом Зубце и заключил союз с домом Фреев. Продюсеры заранее знали, что у них не хватит ресурсов на это сражение (в книге оно, кстати, тоже не описывается подробно). Вместо него сняли сцену, где Кейтилин с тревогой ждет, какая рать выйдет с победой из леса, и видит торжествующего Робба с взятым в плен Джейме.

АЛАН ТЕЙЛОР: В оригинале из леса выезжают, кажется, тысяч сорок всадников. У нас лошадей было сорок, но все получилось отлично. Главное – дать понять, что в чаще их гораздо больше. Это умилительно по сравнению с тем, как мы стали работать после, но в то время приходилось сочинять на ходу и предоставлять зрителю додумывать остальное.

Столкнулась группа и с тем, что станет ее проклятием на протяжении всего сериала: с североирландским климатом. Впоследствии они научились не выбиваться из графика даже в сильные ливни, но в первом сезоне дожди и ветра часто нарушали их планы.

БРАЙАН КОГМАН: В те первые месяцы погода стояла просто убийственная. Мы нещадно кромсали сценарий, чтобы не терять зря съемочный день. Одну сцену, занимавшую пять страниц, пришлось сократить из-за дождя и недостатка времени. Это был пир после турнира: Роберт напивается и нечаянно дает Серсее пощечину, а Пес предлагает сопроводить Сансу в Красный Замок. Поскольку проводы вырезали, мы не смогли использовать снятую ранее сцену, где Пес делится с Сансой своей историей, и рассказал ее в итоге не он, а Мизинец. Текст отдали Эйдану Гиллену в тот же день. Так обстояли дела в первом сезоне – после мы никогда не расписывали заранее, что именно будем снимать.

Это означало, что Мизинец должен начать свои сложные отношения с Сансой несколько раньше времени. Рассказывая о судьбе Пса, Гиллен искусно дает понять, что его Бейлиш питает не такой уж невинный интерес к дочери Неда Старка.

ЭЙДАН ГИЛЛЕН (МИЗИНЕЦ): Люблю, когда мне дают что-то в последний момент. Все прочие актерские тревоги сразу пропадают, ведь тебе надо выучить это что-то минут за двадцать. Именно это всегда нравилось мне в кино еще до того, как я стал в нем сниматься. И Франсуа Трюффо, и Вуди Аллен, и Федерико Феллини давали актерам диалоги в день съемок, а не раньше. Это держит в тонусе.

Новая сцена стала для Бейлиша очень выгодной: говорит он одно, думает о другом, очаровывает, обезоруживает, подбирает ключи. (Его монолог предназначен, собственно, обеим сестрам Старк, а не одной Сансе.) Намного позже Рори МакКанн, игравший Пса, сказал мне, что это был его текст. Мне стало неловко: если б я знал, не обошел бы это молчанием, но, в общем, все обернулось к лучшему. Сцена хорошо проявила характер Бейлиша и положила начало его непростому союзу с Сансой.

На съемках свадьбы Дейенерис (уже не в Марокко, а на Мальте) группе тоже не повезло с погодой.

КРИСТО ФЕРНЬЮМАН (ПРОДЮСЕР): В первый день наши декорации разрушила буря, длившаяся три часа. Мы как могли старались наверстать упущенное драгоценное временя.

Сокращение сценария из-за погоды, бюджета или сроков имело неожиданные последствия: серии продолжительностью в один час ужались до ситкомовской длины.

БРАЙАН КОГМАН: Обнаружилось, что одна страница сценария равняется одной минуте экранного времени. Сократив тридцать страниц, урежешь тридцать минут. Третья, четвертая и пятая серии получились как раз получасовыми.

ДЖИНА БАЛЬЯН (БЫВШИЙ ВИЦЕ – ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА ДРАМЫ HBO): Сроки поджимают, ты думаешь, что все уже снято, но оказывается, что серии вышли слишком короткими, что не все актеры на месте и не все площадки доступны. «Доступно то-то и то-то, – говорят продюсеры, – что будем делать?»

БРАЙАН КОГМАН: В результате были написаны новые сцены, определившие стиль всего сериала. Чудесные продолжительные разговоры между двумя персонажами хорошо заполняли время, позволяли обойтись доступными актерами и декорациями, а стоили недорого и снимались быстро. Например, диалог Роберта и Серсеи. Не будь у нас этой проблемы, сериал мог бы получиться не столь успешным.

Разговор Роберта и Серсеи в пятой серии продолжается шесть минут и демонстрирует руины королевского брака. У Мартина этой сцены нет, но каждая глава в его книгах написана с точки зрения кого-то из персонажей, и среди них поначалу нет этих героев (королева получает право на свою точку зрения только в следующих книгах).

«Знаешь, у меня ведь были чувства к тебе, – говорит Серсея. – Как ты думаешь, у нас могло что-то получиться? Были такие мгновения?»

«Нет, – отвечает Роберт. – Как тебе теперь, легче или тяжелее?»

«Я ничего не чувствую».

Эта сцена стала одним из первых доказательств того, что тонкие игровые моменты в «Игре престолов» не уступают «серьезным» драмам.

ДЭВИД БЕНИОФФ: В первом сезоне много сцен типа «а что, если». Мир, созданный Джорджем, так многогранен, что невольно задумываешься, как ведут себя его персонажи за пределами основной линии. Роберт и Серсея, конечно, ненавидят друг друга, но не могут же они совсем никогда не оставаться вдвоем – о чем же они тогда говорят?

МАРК ЭДДИ: Сцена вышла изумительная в основном благодаря Лине – я-то, помнится, пребывал в ужасе. Мне дали текст утром того же дня, когда снималась охота на вепря, и я отправился в лес, одновременно заучивая все эти семь страниц. Нам обещали разбить эпизод на маленькие кусочки, но этого не случилось – пришлось повторять все несколько раз с начала и до конца. Лина играла блестяще, а я с трудом вспоминал слова. Прекрасная сцена – жаль, что мне не дали еще немного подучить текст.

ЛИНА ХИДИ (СЕРСЕЯ ЛАННИСТЕР): Сцена получилась меланхолическая, с печальной энергетикой – оно и понятно, ведь эти двое устали жить в браке. Притом мы снимали ее в конце долгого рабочего дня, когда буквально валились с ног.

БРАЙАН КОГМАН: Лишь тогда Серсея стала живой – до тех пор это была какая-то Снежная Королева. Чувствуешь себя окрыленным, додумывая чей-то характер самостоятельно и совмещая его с персонажем, взятым из книги. В некотором смысле это нарушает все сценарные правила: нужно, чтобы каждая сцена продвигала действие вперед, а большинство наших вставок не продвигает. Ну и к черту такие правила.

АЛАН ТЕЙЛОР: Меня поражала длительность этих сцен. Я препирался с Дэйвом и Дэном насчет восьмистраничного диалога или тринадцатистраничной прогулки с разговорами. Умолял их сократить что-нибудь, они отказывали, потом мы снимали, и все получалось отлично. Бесит, только когда читаешь.

Еще одной вставкой был трехминутный разговор в тронном зале между коварным мастером над монетой Петиром Бейлишем и загадочным мастером над шептунами Варисом.

ДЭН УАЙСС: В наличии двое пройдох и два умнейших человека во всей истории, кроме разве что Тириона. Все равно что глава КГБ и глава ЦРУ решили вместе кофейку попить.

КОНЛЕТ ХИЛЛ (ВАРИС): Загадочным быть нетрудно – ты просто пользуешься моментом и подкидываешь людям информацию к размышлению. Роль эта чисто рассудочная. Я не дерусь, не занимаюсь сексом. В суде и на совете Варис говорит не так, как с доверенными людьми. Сначала его хотели сделать мастером переодеваний, но так и не сделали. Я думал, что это роль для Алека Гиннесса или Питера Селлерса.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Конлет Хилл – замечательный Варис. Увидев его впервые, ни за что не подумаешь, но он делается просто неузнаваемым. Полностью растворяется в персонаже.

ДЭН УАЙСС: Мизинец у Эйдана получился чуть ли не

мистической фигурой, властолюбцем и творцом хаоса. Разгадывать его действия – все равно что луковицу чистить, до конца никогда не добраться.

Авторы вели нескончаемые дискуссии по поводу мельчайших элементов этого нового мира. Так, слепой мейстер Эйемон, беседуя с Джоном Сноу в Черном Замке, одновременно делает нечто спорное.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Он мясо режет.
ДЭН УАЙСС: Ну и что? Почему слепой не может нарезать мясо?
ДЭВИД БЕНИОФФ: Вообще-то может, конечно, но почему бы не поручить это стюарду? Я Дэну так и сказал: «Почему этот слепой столетний старец сам режет мясо?»
ДЭН УАЙСС: Актер, Питер Вон, действительно слеп, и в этом нет никакого подвоха.

За первые пять серий действующие лица обжились в своем новом мире, а с шестой, «Золотой короны» по сценарию Джейн Эспенсон, «Игра престолов» стала набирать обороты. Все компоненты сериала заработали как единое целое, темп ускорился, и на экран стал пробиваться черный юмор.

Тирион, особенно ярко выделившись в горном замке Орлиное Гнездо, навсегда завоевал симпатии зрителей. Взятый в плен Лизой Аррен (Кейт Дики), он разражается вызывающей тирадой и платит наемнику Бронну (Джером Флинн), чтобы тот сразился на поединке вместо него. Контраст между беспринципным Бронном и его противником, «благородным» рыцарем в тяжелых доспехах, – отличный пример того, как грубый прагматизм «Престолов» рушит традиционные артуровские легенды.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН: Джером решил, что будет биться без шлема, и просто финтил, как боксер.
ДЭВИД БЕНИОФФ: Джемма Джексон, наш художник, проделала фантастическую работу с Гнездом за очень короткое время и небольшие деньги. Вспомните Лунную дверь. Вы видите, как два мужика открывают ее, крутя колесо, и думаете, что это фокусы монтажа, но у Джеммы дверь действительно открывалась именно так.
ДЭН УАЙСС: Дверь была настолько реальна, что Джером Флинн по правде выпал из нее и чуть не убился.

В последнем «гнездовом» эпизоде Тирион бросает злобному

тюремщику Морду кошель с монетой, и зрителю впервые наглядно показывают, что «Ланнистеры всегда платят свои долги».

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ: Господи, как давно это было. Я очень люблю бой Бронна с Железным Дровосеком. А знаете, когда я по-настоящему вжился в образ? Когда швырнул деньги тюремщику. Сначала у меня было так: «Ну, богатый плейбой, со шлюхами путается…» А вот когда он отдает Морду деньги и делает соответствующее лицо – в этом он весь, Тирион. Герой, как талантливый режиссер, держит в голове все детали и гнет свою линию до конца.

В этой серии мы находим также одну из лучших цитат сериала, подытоживающую общий мотив выживания и любви к жизни. Браавосский учитель фехтования Сирио Форель (британский актер Милтос Еролиму) спрашивает у Арьи, молится ли она богам. Та отвечает, что молится и старым, и новым. «Бог один, – отвечает на это Форель, – имя ему Смерть, и мы говорим ему только одно: “Не сегодня”».

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН: На пробах мне показалось, что Милтос чуть-чуть переигрывает, но потом я понял, что драматизм у него в крови. Он театрален, как настоящий шоумен. По-моему, между ним и Мэйси возникла отличная химия.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Недавно мы с женой обедали с моими родителями, и мама, которой восемьдесят два года, спросила: «А кто сочинил это “не сегодня”?» – «Из книги, наверно, взяли, – говорю я. – Хотя погоди…»

ДЭН УАЙСС: Твой маме есть чем гордиться. В первой версии, написанной Джейн Эспенсон, этой реплики не было.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Потом Дэн переписал все по-своему, и получилось хорошо, только концовка была другая. Тут у меня возникла одна идея, и я подумал: «Если Дэн меня раскритикует, я здорово обозлюсь». А ты мне: «По-моему, неплохо, чувак».

ДЭН УАЙСС: Больше чем неплохо.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Не помню уже, какой религиозный или квазирелигиозный импульс натолкнул меня на эти слова. Печально, что лучшую свою реплику я выдал в первом сезоне и на этом сдулся.

В следующей серии мы познакомились с блистательным Тайвином Ланнистером. Чарльз Дэнс свежует оленя (это, кстати, символ дома Баратеонов), одновременно поучая своего сына Джейме.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН: Мы не собирались повторять ошибку с разделыванием оленя в первой серии. Продюсеры привезли две уже обработанные туши, внутрь положили резиновые потроха – Чарльзу оставалось только повторить определенные движения. Я спросил его, не хочет ли он посмотреть, как это делает мясник, а он: «Не надо, я уже понял». Ну дает! Ему показали всего один раз, и он все сделал правильно.

ЛИАМ КАННИНГЭМ: У него в этой сцене две-три страницы текста, объясняющего, что он, собственно, делает в сериале. Тайвин доводит до сведения своего самовлюбленного сына, что тот ведет себя глупо, и заодно потрошит оленя. Большинство актеров с этим не справились бы, он же проделал это с изяществом, превосходно раскрывающим характер его героя.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН: Роль написана так хорошо, что сразу понимаешь, кто такой Тайвин, – притом без всякой декларативности. Кроме того, Джейме сразу становится в наших глазах человечнее – ясно же, что папаша подавлял его в детстве. Сняв такой эпизод, говоришь себе: «Ну, тут мы отработали на все сто».

Руководство HBO тем временем просматривало отснятый материал.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Работаешь и не знаешь, не канут ли в пучину твои труды.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO): Путешествие в Королевскую Гавань, сцены с Сансой и Джоффри меня захватили – мне казалось, что раньше я такого не видел. Расходы оправдывались: это тянуло на проект на 100 миллионов долларов. Чувствовалось, что команда обретает уверенность, что все это может сработать.

ТИМОТИ ВАН ПАТТЕН: Для меня определяющей сценой была та, где Нед казнит дезертира, – сразу понятно, что за люди эти Старки. Он соблюдает свой кодекс чести и заставляет Брана на это смотреть. И погодка хорошая выдалась.

БРАЙАН КОГМАН: Я понял, что дело пойдет, когда мы смонтировали черновой вариант второй серии. Джон прощается с Арьей и дарит ей Иглу[10]. Прощается с Роббом. Кейтилин смотрит на него с ненавистью. И, наконец, кульминационная сцена, где Нед говорит ему: «Поговорим о твоей матери, когда увидимся снова». После этого я прослезился и сказал: «Шоу будет успешным». Я уже тогда понимал, что сериал, в сущности, рассказывает об этой семье: судьба их разбросала, и они пытаются

воссоединиться вновь. Для меня это было основным стержнем сериала. Чувствуется, что у них длинная история, хотя на экране они появляются в общей сложности на полторы серии. Перемотав вперед до шестого сезона и видя, как обнимаются при встрече Санса и Джон, ты плачешь навзрыд, хотя ни одной совместной сцены у них раньше не было! Все потому, что Старки из Винтерфелла так хорошо проявили себя в первых сериях.

Даже самый ярый критик сериала был впечатлен. Крейг Мейзин, продюсер, заявивший авторам, что у них «большая проблема», вспоминал позже в подкасте Scriptnotes: «Я сказал Бениоффу, что это самая успешная спасательная операция в истории Голливуда. Они не просто исправили свои недочеты, а сделали из дерьма конфетку. Такого еще не бывало».

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: В первой законченной сцене, которую я посмотрел, Нед говорит Арье: «Ты вырастешь, выйдешь за лорда, родишь ему сыновей и будешь жить в замке». А она отвечает: «Нет, это не про меня». Идеально – как будто я сам придумал. Эта сцена не из самых важных, но для меня она имела большую эмоциональную ценность. Я понял, что могу расслабиться и положиться на этих ребят. Я увидел, как ожила моя книга.

Глава 5
Те же и дракон

«Игре престолов» требовалась новая Дейенерис Таргариен. Поначалу Тэмзин Мерчант думали заменить другой известной актрисой – Имоджен Путс из «28 недель спустя», однако потом был объявлен открытый кастинг.

Двадцатидвухлетней Эмилии Кларк, недавно окончившей театральную школу и имевшей в своей актерской копилке лишь несколько небольших ролей, о сериале рассказал ее агент. «На роль требовалась светлая загадочная блондинка с экзотической внешностью, – пишет она в The New Yorker, – а я маленькая пухленькая брюнетка. Почему бы не попробовать?»

На первой пробе Кларк спросила, что еще она может сделать, и Бениофф предложил станцевать. Момоа ведь сплясал хаку, когда пробовался на Дрого, и это очень ему помогло. Кларк изобразила комбинацию танца маленьких утят и робота. «Это могло все испортить, – пишет она, – танцую я так себе». Но продюсеры догнали ее на выходе и сказали: «Поздравляем, принцесса».

ЭМИЛИЯ КЛАРК (ДЕЙЕНЕРИС ТАРГАРИЕН): На момент кастинга я была без работы, но все три студенческих года упорно трудилась. Мы вкалывали по двенадцать часов, и я относилась к себе суровее, чем кто бы то ни было. Нас учили ездить верхом, фехтовать – догола мы, правда, не раздевались, а так все было.

Первое, что запомнилось на съемках, – то, что ассистенты режиссера должны в любой момент знать, где ты. Ты – собственность сериала: если тебя не найдут, время и миллионы долларов будут потеряны. «Эмилия в туалет пошла, – докладывают они, – Эмилия вишню ест», а ты говоришь про себя: «Какого?..»

И еще: в школе тебе перед каждой сценой давали время на подготовку. Я делала заметки, обдумывала процесс. Это теперь я научилась готовиться, беседуя с режиссером, а тогда не умела. Уходила и пряталась где-нибудь. Затаюсь между машинами на парковке и слышу, как ассистенты кричат: «Мы не знаем, где она! Кто-нибудь видел Эмилию?» Я никому не говорила, где была, – кто бы мне позволил такие отлучки? Сижу и бубню: «Смотри же, не облажайся…»

Помимо того что ее, недавнюю выпускницу, взяли на одну из

главных ролей, Кларк пугал тот факт, что ее предшественница не справилась с ролью. Она боялась, что то же самое может случиться и с ней.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: С первого же дня я решила, что не буду выглядеть дурой и что единственный способ этого избежать – нырнуть в тему с головой. Думала, что ошибка может случиться исключительно по моей вине. Не верила по наивности, что и другие тоже могут налажать.

Партнеры по роли, Иэн Глен и Джейсон Момоа, поддерживали и подбадривали ее.

ИЭН ГЛЕН (ДЖОРАХ МОРМОНТ): Эмилия понятия не имеет, насколько она хороша. Это ее большое достоинство, но она из-за этого все время на нервах. Я всегда старался успокоить ее, обсудить заранее ту или иную сцену.

ДЖЕЙСОН МОМОА (КХАЛ ДРОГО): Мы с Эмилией поладили сразу. Я подбежал к ней и поднял на руки.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: А потом поставил и сказал: «Женка!»

Натурные эпизоды первого сезона снимались большей частью на Мальте, изображавшей Эссос («азиатский» континент, отделенный от «европейского» Вестероса Узким морем). Роль Момоа, тоже не из простых, предполагала, что он должен служить воплощением примитивного, в основном бессловесного мужского начала.

ДЖЕЙСОН МОМОА: Сплошной экстрим. Либо мерзнешь, либо обливаешься потом. Я постоянно в кожаных штанах, а потеть и мерзнуть в них то еще удовольствие. Многие скажут, что это легко – «сидишь себе и сидишь», но очень трудно внушать страх окружающим, ничего при этом не говоря.

В одной из первых сцен я подъезжаю на коне к Дейенерис, смотрю на нее, бурчу что-то и уезжаю. Помню, я тогда впервые за всю карьеру почувствовал себя прямо-таки всесильным. Приятное ощущение – раствориться в таком вот персонаже.

Заключившие брак по расчету, супруги со временем начинают испытывать друг к другу нежные чувства. Дейенерис обращается к мужу не иначе как «мое солнце и звезды». Однако их первая брачная ночь завоевала весьма скандальную славу. В книге Мартина и в первом пилоте Дейенерис отдается Дрого по доброй воле, но в переснятой версии она становится жертвой

супружеского насилия.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Зачем было превращать секс по обоюдному согласию, от которого даже конь возбудился, в изнасилование? Заранее мы это не обсуждали, да и сцена из-за этого не выиграла, а только проиграла.

По словам Бениоффа и Уайсса, книжная версия на экране просто не складывалась. Дрого и у Мартина после первой ночи обращается с Дени грубо, пока она не берет инициативу в свои руки (эта сцена присутствует и в сериале). Поэтому в первоначальном сценарии дикий кочевник, которого Дейенерис видит впервые в жизни, сначала почему-то нежен с ней, потом груб, потом снова нежен.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Сначала мы написали сценарий точно по книге, и вот что вышло: девушка почему-то с радостью отдается варвару, за которого ее только что выдали и который не внушает ей ничего, кроме ужаса. Как-то не очень понятно.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): А во второй серии у них опять жесткий секс. В книге это было уместно, но у нас не хватало ресурсов и времени, чтобы обыграть это. Слишком все быстро – сами актеры чувствовали, что это не склеивается, и не могли найти эмоциональные зацепки.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Когда Эмилия Кларк или Джейсон Момоа поделились своими мыслями, мы задумались. Это не значит, что мы каждый раз что-то меняем, но их сомнения насчет брачной ночи совпали с нашими собственными.

Актеры часто снимались без одежды, относительно чего Эмилия Кларк испытывала смешанные чувства. В наших последних интервью она активно защищает обнаженку. «Это истинная я, сильная и гордая, – сказала она в шестом сезоне, где нагая Дейенерис с торжеством выходит из огня, уничтожившего Вейес Дотрак. – Я по-настоящему счастлива, что согласилась на эту сцену, обойдясь без дублерши». Но признавалась она и в том, что ей бывало неловко, особенно в первом сезоне, когда группа еще только училась снимать эффективно, не говоря уж о деликатности. «Трудные были дни», – говорила она, а в подкасте The Armchair Expert добавила: «Я скандалила на площадке, требуя не убирать простыню». Она также добавила, что Глен и Момоа очень ей помогали и защищали ее.

ИЭН ГЛЕН: В те моменты, когда она чувствовала себя особенно беззащитной, я старался, чтобы протокол соблюдали и обращались с ней уважительно.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Мне так хотелось стать настоящим профессионалом, что я отвечала «да» на все, что предлагали. А потом плакала в ванной, но об этом никто не знал.

Кларк замечает также, что актеров-мужчин донимали по поводу эротических сцен гораздо меньше, чем ее.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Вот Михиля Хаусмана (Даарио Нахариса) хоть раз спросили про сцену, где он разом скидывает с себя всю одежду?

Мужчин, правда, тоже уговаривали раздеться, что могут подтвердить Джейсон Момоа, Юджин Майкл Саймон и Кристиан Нэйрн.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Первая сексуальная сцена, которую мы снимали (вернее, переснимали) с Эмилией, – это та, где она показывает кхалу, что любовью можно заниматься и по-другому. Сцена красивая, романтическая. Мы нервничали, потому что в роли режиссеров выступали впервые. Все вроде бы прошло хорошо. Джейсон подходит ко мне, говорит: «Вы здорово поработали», руку жмет и сует в нее…

ДЭН УАЙСС: «Членоносок» называется.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Как презерватив, только чуток побольше. Он сунул мне в руку то, что было на нем всю сцену.

ДЖЕЙСОН МОМОА: Сам напросился. «Снимай чехол, Момоа! – говорит. – Принеси жертву ради искусства!» А я такой: «Да иди ты. Стану я жену злить, этот предмет только для одной леди». Мы с Дэвидом всегда друг друга подкалываем.

Ну а потом я носочек снял, обнимаю его, трясу ему руку и говорю: «Теперь, брат, у тебя есть частичка меня».

А потом мы неожиданно увидели в кадре голого Ходора.

КРИСТИАН НЭЙРН (ХОДОР): Дэвид и Дэн спросили, согласен ли я сняться без одежды. Я уточнил, будет ли присутствовать ребенок. Мне сказали, что да. Я попросил надеть муляж, они согласились. Боялся я до усрачки, но пошел на это из-за позитивного отношения к обнаженному телу: в «Игре престолов» полно голых всех форм и размеров – больше, наверно, чем в

любом другом сериале. На площадке была толпа, хотя меня уверяли в обратном. Никогда столько народу на съемках не видел! Закрепили на мне муляж – это очень смущало, но и освобождало тоже. Ржали все от души.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Обнаженка равных возможностей. В книге сказано, что в Ходоре есть великанская кровь, надо же было как-то показать это. И мы не хотели делать, как в «Остине Пауэрсе», где он прикрывается французским багетом.

Участники «Игры престолов» еще не раз будут высказываться на этих страницах об эротической составляющей сериала, но вернемся пока к Дейенерис и Дрого. Их брак по договоренности превратился в союз по любви. Она забеременела, ее мерзкий брат Визерис бесится, дотракийцы презирают его. Когда он спьяну поднимает руку на сестру и дитя в ее чреве, кхал выливает ему на голову котел с расплавленным золотом. Для Дейенерис это решающий момент: она впервые оказывает сопротивление старшему брату-тирану и показывает свою темную сторону. «Он не был драконом, – бесстрастно произносит она, глядя на мертвого брата. – Огонь не может убить дракона».

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Что-что я должна сыграть? А, понятно. Продемонстрировать свою силу. Мне надо посидеть минутку между машинами и подумать. Я, значит, проявляю лояльность к мужу. Но ведь Визерис мой родной брат. Способен ли мой незрелый ум охватить, что родной человек может быть худшим твоим врагом? Каково это – быть ребенком, которым всю жизнь помыкали? Откуда во мне взялись силы возвыситься над тем единственным, что я знала всегда? Подняться, глубоко вздохнуть и сказать: «Да мне, оказывается, лгали всю жизнь». Вот ступеньки к тому, что чувствует Дейенерис в конце эпизода.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): Игра Эмилии здесь особенно впечатляет потому, что все получается ненамеренно. «Ты для меня больше не существуешь»: будь это специально, не вышло бы так эффектно. Его для героини больше нет – в ее жизни появился новый человек, которого она непонятно за что полюбила. Вот что так круто в этом сериале. Отношения, начавшиеся хуже некуда, могут перерасти в любовь. И наоборот. Тонкость Эмилии изумляет: тут можно было сыграть в духе «поделом тебе, братец» или «он этого не заслуживал», но она делает нечто среднее, и в этом весь ужас. За один сезон она меняется до неузнаваемости.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: В такой момент кричать ни к чему, да и гнев неуместен. Он, конечно, горами движет, но женщины под его

влиянием впадают в истерику и сбиваются на белый шум. Единственный выход – быть самым сильным человеком из всех собравшихся, а такой человек всегда молчит. Вот откуда железное самообладание Дейенерис. Я, помню, говорила себе: «Так тяжелее, но и лучше». Ведь Дрого, конечно же, смотрит на меня и видит, как я реагирую на казнь своего брата.

Сцена была сложной и с технической точки зрения: гибель Визериса снималась при минимуме компьютерной графики. В парике Гарри Ллойда проделали много дырочек, через которые выходил пар.

ДЭНИЭЛЬ МИНАХАН (РЕЖИССЕР): Не так это просто – вылить расплавленный металл на голову человеку, а парик стоил дорого. У нас был всего один дубль.

ГАРРИ ЛЛОЙД (ВИЗЕРИС ТАРГАРИЕН): Я волновался, как бы мой подвыпивший Визерис не показался смешным. Смотрел на YouTube видео с пьяными и ходил по коридору в отеле, стараясь шататься правильно. А перед самой съемкой, сидя в палатке на холоде, подлил в свой горячий тодди (чай с медом) прихваченный с собой виски. Мою легкую заторможенность, которая смотрелась так естественно, можно было выдать за страх.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН: Меня удивило, как сильно нервничает обычно бесстрашный и непоколебимый Джейсон Момоа. Перед съемкой, перехватив мой взгляд, он показал мне свою дрожащую руку.

ДЖЕЙСОН МОМОА: Конечно, я переживал. Не хотел испортить всю сцену.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН: Золото, которым увешан Дрого, на самом деле было из воска. Мы бросили его в котел, показали бурлящую золотистую жидкость, и Джейсон сказал Гарри: «Готов? Выливаю».

ДЖЕЙСОН МОМОА: Есть моменты, когда ты полностью перевоплощаешься в своего героя. Ни о чем не беспокоишься, только слушаешь и ощущаешь, точно под кайфом. Тот момент был таким на сто процентов. Я потрогал живот Эмилии, повернувшись к Гарри спиной, и отдал приказ взять его, стараясь быть спокойным и собранным. С Дрого шутки плохи, он проделывал это тысячу раз.

ГАРРИ ЛЛОЙД: Я консультировался с врачом: он сказал, что Визерис умирает, когда золото прожигает мозг, и успевает крикнуть разве что один раз. Мне велели завопить качественно, чтоб всех пробрало.

ДЖЕЙСОН МОМОА: Выливая котел, я пришел в неистовство и

не сводил с Гарри глаз. Втягивал в себя пар. Думаю, Дрого получил бы удовольствие, глядя, как золото затекает в рот Визерису. Потом отхожу и думаю: какая-то генетическая хрень, не иначе. Очень уж мне понравилось это дело.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН: Так и сняли с одного дубля.

Еще один примечательный момент в линии Дейенерис – Дрого – это бой кхала с воином Маго. Ни в романе, ни в сценарии его не было.

ДЖЕЙСОН МОМОА: В книге почему-то ни разу не показано, как Дрого сражается. Я сказал Дэвиду и Дэну, что мне этого не хватает. Вообще-то, Джордж обалденно его описал, а мне охота подраться. Я потому и сплясал хаку на пробах, чтобы показать, какой он в бою. «Это будет просто, – сказал я. – Сделаю пару финтов, и все увидят, какой он быстрый».

ДЭВИД БЕНИОФФ: У Джейсона были классные идеи, которые нам нравились и которые мы со временем стали использовать. Одна из ранних была такая: «Я типа самый крутой чувак в тех местах, я косу ни разу не стриг, потому что всегда побеждал, меня все боятся – почему ж никто не видел, как я дерусь? Как-то неправильно». Мы ему говорили: «Да все в порядке, ты такой крутой, что тебе ничего не надо доказывать. Ты победил в тысяче битв, Джейсон, иди уже к себе в трейлер». Но было действительно странновато не показать, что этот парень лучше всего умеет.

Сцену боя, вопреки ограниченному бюджету первого сезона и напряженному графику, придумали на лету. Сначала предполагалось, что Маго оскорбит Дейенерис, а Дрого сразится с ним и отсечет ему голову.

ДЖЕЙСОН МОМОА: Потом мне приснилось, что кто-то сказал гадость моей жене, а я порвал ему глотку и выдрал язык.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН: «Не хочу я башку ему рубить! Сколько можно? – сказал Джейсон. – Лучше вырву язык через глотку». – «Ладно, – говорю я, – надо будет язык сварганить».

ДЖЕЙСОН МОМОА: Парень, с которым я дрался (Ивайло Димитров), – болгарин, мой дублер в верховой езде. Из-за спешки больше никого не нашли, но ему надо сказать речь на дотракийском, а он и по-английски не говорит. Продюсеры мне заявили: «Ты его нанял, ты и учи!» Стал я учить болгарина дотракийскому, и он сыграл просто здорово. Тот язык до сих пор у меня в голове.

Чуть позже Дрого умрет от легкой раны, полученной в этом бою (первоначально его должны были ранить в оставшемся за кадром набеге). Дейенерис уговаривает мужа допустить к себе рабыню-знахарку, но это решение оказывается фатальным: начинается заражение крови, от которого кхал погибает. Излюбленный прием Мартина: непобедимый воин умирает из-за мелкого просчета, поставив чувство выше предосторожности.

ДЖЕЙСОН МОМОА: Просто поразительно, как Джордж это делает. Сначала ты смотришь на его героев так, потом по-другому, ненавидишь их, затем начинаешь любить, в итоге их убивают – тебя все время крутит в водовороте эмоций. Дети в его книгах постоянно растут, и самые неприметные, казалось бы, персонажи делают то же самое. Он создал прекрасный мир. Кхал Дрого стал для меня феноменальным опытом – жаль, что так ненадолго.

Некоторое время он, впрочем, мешал карьере Момоа: актер так убедительно сыграл вождя кочевников, что продюсеры считали его способным только на роли молчаливых суровых воинов, которые не предполагают диалогов. Но фанаты полюбили его, и однажды актер получил главную роль в «Аквамене».

ДЖЕЙСОН МОМОА: Меня долго ругали за Дрого, и я обижался. Думали, что я и по-английски не говорю! А я ведь не кхал. Я похож на него в том, что касается любви и нежности к женщине, а в остальном совсем нет. Потом все посмотрели сериал еще раз и дружно в него влюбились. Я снимался в «Престолах» десять лет назад, а люди все еще без ума от него, никак не уймутся.

Глава 6
Наука умирать

Казнь Неда Старка – это болезненная потеря самого традиционного из главных героев. Заняв высокий пост в государстве, Старк, для которого честь превыше всего, раскрывает заговор против своего старинного друга, короля Роберта. По всем законам он должен быть центром повествования. Первый постер «Игры престолов» показывает его на Железном Троне, давая понять, что перед нами возможный правитель Вестероса. А Джордж Мартин сообщил в анонсе, что «Нед Старк – главная фигура этого сериала».

Благодаря умелому маркетингу HBO и привычной схеме большинства шоу его смерть в сериале шокирует, пожалуй, еще больше, чем в книге. Ни в одном из тысяч телешоу, вышедших за последние шестьдесят лет, такого не делали.

Как говорится в меме с участием Боромира, «Нельзя просто так взять и войти в Мордор»… или убить главного героя в девятой серии.

АЛАН ТЕЙЛОР (РЕЖИССЕР): «Бейелор» был первой серией, которую я снимал, и я понимал всю важность своей задачи. Многие зрители, особенно не читавшие Мартина, верили, что Нед останется с ними на все последующие сезоны. Мы совершали нечто радикальное на телевидении.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Когда я в двенадцать лет читал «Братство Кольца», меня до глубины души поразила смерть Гэндальфа. «Бегите, глупцы!» – кричит он и падает в бездну. Черт! Толкин убил волшебника! Того, который все знал! Как же они без него уничтожат кольцо? Теперь, когда «папы» не стало, «детям» придется повзрослеть. Если уж Гэндальф умер, кто угодно может последовать за ним. И точно: всего через несколько глав гибнет Боромир.

Эти две смерти убедили меня в том, что умереть может каждый. Я думал, Толкин все братство перебьет одного героя за другим, и тут он вернул Гэндальфа – малость не такого, но в целом все того же старого волшебника. Однако потрясение от его утраты все равно остается с тобой.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Посмотрев столько фильмов и прочитав столько книг, ты точно знаешь, что героя спасут. Может быть, Арья? Или

все-таки королева? Не отсекут же ему голову, в самом деле… но ее как раз рубят.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Стиль Джорджа становится еще брутальнее. Никаких сантиментов, никакого подслащивания. Меч по имени Лед опускается ему на шею, и на этом конец. На экране тоже так и все-таки немного иначе: здесь ведь настоящие живые актеры, и маленькая Мэйси Уильямс, и прекрасная музыка Рамина Джавади. В первом сезоне у нас было немало опасений, но мы знали, что девятая и десятая серии закончены на высокой ноте.

ШОН БИН (НЕД СТАРК): Это был смелый шаг для телекомпании. HBO, вообще-то, славится своей храбростью, но я думал, что на такое они вряд ли пойдут.

Фанаты Мартина знали, что Нед умрет, и спойлер был доступен всем, кто заходил в Википедию на страницу «Песнь льда и пламени», но подавляющее большинство зрителей это застало врасплох. Те, кто не знал, до последней секунды предсказывали судьбу Старка.

В первой сцене серии Варис, придя к Неду в темницу, убеждает его признаться в измене, чтобы сохранить жизнь себе и своим дочерям. Тейлор осветил этот эпизод связкой факелов – света едва хватало для съемки.

«Думаете, мне так уж дорога моя жизнь? – спрашивает Нед. – Вы хотите, чтобы я пожертвовал честью ради нескольких лет… чего? Вы росли с лицедеями и перенимали их ремесло, а я рос с солдатами и учился у них умирать». – «Жаль, – отвечает Варис. – А как же жизнь вашей дочери, милорд? Насколько дорога вам она?»

Нед полагает, что Ланнистеры выполнят свою часть сделки, опасаясь восстания на Севере. Королева бы так и сделала, но никто не учел, что может выкинуть Джоффри, ставший королем после смерти отца.

Нед всходит на помост возле Септы Бейелора, делает ложное признание, как обещал, и ликующий Джоффри произносит следующее: «Мать моя просит, чтобы лорду Эддарду разрешили вступить в Ночной Дозор, где он служил бы государству, лишенный всех своих званий и титулов. И леди Санса умоляла простить отца. У женщин мягкие сердца, но, пока я ваш король, ни одна измена не останется безнаказанной. Сир Илин, принесите мне его голову!»

Ужас охватывает Сансу на помосте, Арью в толпе и всех зрителей до единого.

АЛАН ТЕЙЛОР: Нашим основным принципом было избегать общих планов, чтобы видеть все глазами Арьи, Сансы и Неда – тех, кто нам сейчас дороже всего. Это рассказ об отце и его дочерях.

У Мартина Арью случайно узнает брат Ночного Дозора Йорен и уводит ее с собой после казни. Продюсеры решили иначе. Это Нед замечает младшую дочь под статуей Бейелора и говорит об этом Йорену, которого видит в толпе. Важность момента подчеркнута редким использованием зум-кадра, показывающего нам ошеломленную девочку.

АЛАН ТЕЙЛОР: Я, вообще-то, не пользуюсь такими приемами, но тут решил и с Сансой сделать такой же кадр. Чтобы дать понять, что они сейчас главные.

Ким Ренфро в книге «Неофициальный путеводитель по “Игре престолов”» замечает, что Нед всю свою жизнь защищает детей: младенца Джона Сноу с его опасным происхождением; юную Дейенерис, которую король Роберт хочет убить; даже детей Серсеи, когда неосмотрительно предлагает ей покинуть столицу с ними.

А перед смертью он спасает свое дитя, Арью.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Для нас было важно, чтобы Нед первым ее заметил и успел сказать Йорену «Бейелор». Мы поставили в центре площадки статую, вырезали на постаменте это слово и думали, что мы умные. Во время съемки это слово заслонила толпа, чего мы не учли, но зрители все равно догадались. Это последнее, что Нед может сделать для нежно любимой дочки. Видя, что ее там больше нет, он надеется, что она спасена, но в его последние мгновения перед ним предстают только чужие злобные лица. Шон Бин передает нам его мысли и чувства без единого слова.

АЛАН ТЕЙЛОР: Я работал с Мэйси и Софи, когда они были детьми. Это было довольно просто: «С вашим папой хотят сделать нечто плохое». В Арье пробуждается воин, а Санса поначалу улыбается – думает, все еще будет хорошо, раз отец покаялся, и ужасный исход ломает ее. Они очень разные, эти сестры.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС (АРЬЯ СТАРК): Многие актеры отталкиваются от прежнего опыта. Я вот каждый раз напоминаю себе, что моего папу убили. Это здорово – весь день притворяться кем-то другим.

ДЖЕК ГЛИСОН (ДЖОФФРИ БАРАТЕОН): Снимали это долго,

не буду врать. Целых три дня. Иногда было трудно произносить свой текст с должным пылом, когда перед тобой двести человек, а позади замечательные актеры. Но мне очень все это нравилось, и я выглядел соответственно.

Палач, сир Илин Пейн, обезглавил Неда мечом дома Старков, Льдом. Тем же клинком Эддард в первой серии казнит дезертира. (Палач войдет в список тех, кого Арья хочет убить, но игравший его Уилко Джонсон заболел раком и во втором сезоне ушел из сериала.)

АЛАН ТЕЙЛОР: Шон что-то шептал про себя перед казнью. Раньше он спрашивал, как должен молиться тот, кто верит в его богов. Многие пытались разобрать, что же он говорит, но это, видимо, что-то личное.

ШОН БИН: Играешь то, что написано, – хорошего человека, который пытается бороться с коррупцией. Он здесь не в своей стихии – он привык к Северу, где люди прямее и проще, а в столице все играют в какие-то игры, норовят ударить тебя в спину. Мне нравится мой герой, его принципиальность, стремление что-то делать. Верность, основная его черта, в конце концов губит Старка. Словом, играть такого персонажа одно удовольствие.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Здесь возникает параллель с первой серией, где Нед рубит голову дезертиру и мы видим это глазами Брана, которому не велено отворачиваться. В девятой серии Йорен, наоборот, запрещает Арье смотреть. Она все равно будет травмирована, но он не хочет, чтобы в ее памяти осталась эта картина. Она не видит сам момент казни, и мы поэтому тоже не видим.

АЛАН ТЕЙЛОР: Я старался выделить Неда как можно ярче. Звук убран, мы слышим только его дыхание и смотрим его глазами. Затем перспектива меняется: мы видим глазами Арьи вспорхнувших птиц и слышим ее дыхание – потому что знамя Старков подхватывает она.

ДЭН УАЙСС: Мы не хотели делать кровавый гейзер в духе «Монти Пайтон»[11], но нужно было показать, как меч входит в шею, чтобы все получилось недвусмысленно. Эта была самая долгая дискуссия насчет того, где сменить кадр. Спорили, добавлять двадцатую долю секунды или нет. Два часа препирались, какой это должен быть кадр: шестой, седьмой или восьмой.

АЛАН ТЕЙЛОР: В самом конце мы подогнали кран, чтобы снять Септу Бейелора – но никаких архитектурных красот вы там

не увидите, поскольку позже мы не смогли себе позволить компьютерную графику. Камера зачем-то взмывает в небо и опять опускается – как будто сначала ее кондратий хватил, а потом она оклемалась. Меня это немного смущает.

Другой мелкий ляп, опять-таки вызванный недостатком финансирования, стоил группе куда большей головной боли. В финальной серии мы видим голову Неда Старка на пике среди нескольких других, и Тейлор в комментариях к первому сезону сказал, что одна из бутафорских голов принадлежит бывшему президенту Джорджу Бушу-младшему.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Я хотел, чтобы моя голова торчала на стене среди прочих, когда Джоффри приводит Сансу на них посмотреть. А потом я бы оставил ее себе. Дэвиду и Дэну идея понравилась, но средств не хватило. Знаете, сколько такая голова стоит?

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Около пяти тысяч, особенно с глазами и натуральными волосами.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Очень дорого, да, но лучше бы они раскошелились. Вместо этого они купили целый ящик уже использованных где-то голов. Их и показывают-то всего три секунды. Никто ничего не замечал, но тут мы выпустили диск blu-ray, и режиссер в комментариях к нему брякнул: «Видите, за две головы от Неда? Это же Джордж Буш-младший!» Ну и понеслось. Раш Лимбо негодовал в своем радиошоу: «Сериал надо закрыть! Какое неуважение – рубить голову президенту!» Все будто с ума посходили.

ДЖИНА БАЛЬЯН (БЫВШИЙ ВИЦЕ – ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА ДРАМЫ HBO): Включая и нас, Дэвида и Дэна вызвали среди ночи. Они очень расстроились, потому что это произошло неумышленно, и не пытались оправдываться.

HBO выступила с собственным заявлением, заклеймив злополучный кадр как «неприемлемый, неуважительный и крайне дурного вкуса».

АЛАН ТЕЙЛОР: Я не хотел бы говорить об этом сейчас – мне хватило и прошлого раза. Голов было мало, пришлось использовать все до одной. Голову Буша сделали для какой-то комедии. Я, помню, еще сострил тогда, не особо удачно: «Приходится брать те головы, которые есть, а не те, которые хочешь». Перефразировал Дональда Рамсфелда, министра обороны при Буше, – я тогда здорово злился на них обоих. Думал,

что это смешно. Потом я понял, что если бы кто-то пошутил так насчет президента, которого я уважаю, я бы тоже обиделся. Размяк, наверно, с годами – хотя если бы мне сейчас дали голову Трампа, я бы не отказался.

В остальном гибель Неда Старка возымела то самое действие, на которое рассчитывали авторы. Только «Игра престолов» посмела нарушить неписаные правила, по которым, как теперь стало видно, снимались все прочие драмы. Казнь Неда предполагала, что и все другие герои находятся под угрозой, – особенно его дети, вынужденные теперь бороться за жизнь. «Эту казнь провернули очень ловко, – писал Алан Сепинуолл на сайте Uproxx. – Я знал заранее, что его казнят, и все же переживал. Финальная сцена снята великолепно: Бин покорился судьбе, Мэйси Уильямс в ужасе, и это совпадает с нашими эмоциями среди общего хаоса».

ЭЙДАН ГИЛЛЕН (МИЗИНЕЦ): Все дальнейшее действие строилось на том, что произошло с Недом в конце первого сезона, а диски и книги из-за этого события раскупались как горячие пирожки. Кто знает, что было бы, если бы эту роль вместо Шона сыграл кто-то другой?

ДЖИНА БАЛЬЯН: Присутствуя на монтаже смерти Неда, я пустила слезу и подумала: ну, это уж точно не в Бербанке снимали. Было чем гордиться, ведь тут многое могли бы испортить.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Вообще-то, я люблю, чтобы все делалось по-моему, но у Дэвида и Дэна получилось лучше, чем у меня. В книге Нед не видит Арью, и Йорен находит ее совершенно случайно. Прекрасный момент – жалко, что не я написал. И саму казнь тоже сняли отлично.

ДЭН УАЙСС: Смерть Неда открывает нам жестокую правду о цене чести и морали в мире, где не все разделяют твои ценности. Такой поворот не из простеньких сюжетных ходов, когда герой жертвует собой ради высокой цели. Жертва, как мы видим, часто оказывается напрасной.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мы рассчитывали на сильную реакцию и получили ее. Худшее, что может ждать авторов такого шоу, – это апатия. Если люди приходят в ярость, значит, наш вымышленный мир себя показал. Тяжело, конечно, создавать такого запоминающегося персонажа, как Нед, чтобы потом от него избавиться, зато дальнейший рассказ становится куда напряженнее: никто не знает, кто выживет и что будет дальше. Вы привязываетесь к героям, понимая, что можете потерять их в

любой момент.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): Это свидетельство того, что Джордж любит аутсайдеров. Нед Старк, бесспорно, герой, но Мартина интересуют не столько герои, сколько люди, которые за ними стоят. Я до сих пор удивляюсь, каким шоком для всех стала смерть Неда. Раньше такого не делали. И, кажется, пока еще не повторили.

За ним вскоре последовал еще один главный герой, Дрого. Смерть Неда оставляет Арью и Сансу без всякой защиты, смерть кхала определяет судьбу Дейенерис.

В финальной серии первого сезона «Пламя и кровь» Дейенерис сжигает тело мужа вместе с тремя окаменевшими драконьими яйцами и Мирри Маз Дуур, «ведьмой», отомстившей Дрого за свой народ. И сама всходит на погребальный костер. «Дейенерис подчиняется некоей высшей идее, не зная точно, что с ней случится, – объяснял Дэн Уайсс в блоге HBO «Как снимается “Игра престолов”», – но точно зная, что не сгорит».

Пламя охватывает ее, но на рассвете сир Джорах находит свою кхалиси невредимой, а с ней – трех новорожденных драконов. Это самый потрясающий кадр дебютного сезона «Игры престолов»: Дейенерис встает из пепла как Матерь Драконов, сир Джорах падает на колени.

АЛАН ТЕЙЛОР: В огонь вместо Эмилии вошла женщина-каскадер. Я не думал, что это сработает: на ее легкое, как у Эмилии, платье нанесли столько огнеупорного материала, что она выглядела, как навазелиненная. Но ничего, все получилось отлично.

Реальные эмоции Кларк, снимавшейся в сцене возрождения обнаженной, тоже помогли делу. Вот что она думала по этому поводу:

ЭМИЛИЯ КЛАРК: С одной стороны, это необычайно мощный момент. С другой, я позирую совершенно голая перед незнакомыми людьми. Алан заметил мой страх, сказал: «Обыграем это дело», и снял крупным планом, как я смотрю на сира Джораха снизу. Этот мой взгляд прекрасно выражает то, что я переживала тогда: «Я не понимаю, что со мной, что я должна чувствовать и что должна делать. Знаю только, что более открытой, чем в это мгновение, быть нельзя».

Это пока я сижу. Потом я встаю, и все меняется: «Ну, раз все видели, уже ничего не скроешь». И еще: «Ладно, сзади никого нет,

никто твою задницу не видит, вставай уже во весь рост». Чувствуешь себя намного уверенней, чем когда сидишь, поджав ноги, перед целой толпой. Плечи сами собой расправляются.

АЛАН ТЕЙЛОР: Эмилия, конечно, переживала из-за своей наготы, но в то же время понимала, что возродиться из огня в одежде нельзя. Массовку позади нее я не ставил отчасти ради ее комфорта, а отчасти потому, что лишних людей у нас не было: все стояли впереди, перед камерами. Мы жульничали, переставляя их так и этак от кадра к кадру.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Адреналин и страх накатывали на меня в равной степени. Эти эмоции хорошо отражают все мое участие в сериале. В каждом сезоне встречались сцены, где я себе говорила: «Бейонсе тут и глазом бы не моргнула, а Эмилии, конечно, слабó».

ИЭН ГЛЕН: Драконов в тот момент изображали точки на теле Эмилии, но ее игра просто ошеломляла, и напряжение вокруг камер говорило, что здесь творится нечто волшебное.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: «А как же драконы?!» – спрашивали меня, но я решила, что не хочу стоять вся в драконах и думать еще и о них. Глупый пример, но будь у меня собака, я из-за нее тоже не стала бы позу менять. Она просто была бы там, и все делали бы, что нужно.

АЛАН ТЕЙЛОР: Эмилия затрагивает очень глубокие эмоции, и Иэн Глен тоже. Есть в кино старый спилберговский трюк – показывать какое-то чудесное явление как непосредственно, так и через чью-то реакцию. Джорах, преклоняя колено перед Дейенерис с ее драконами, реагирует очень красиво.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO): Больше всего мы боялись, что в наших драконов не поверят. Если бы их сочли мультяшными или слащавыми, мы сели бы в лужу. Но люди поверили и полюбили их. Это была хорошая новость, а плохая заключалась в том, что отныне предстояло держаться на том же уровне.

АЛАН ТЕЙЛОР: Больше всего я, пожалуй, горжусь последними кадрами. В книге драконы рождаются ночью, а я хотел приступить к съемке на рассвете, и мы с Дэвидом и Дэном из-за этого спорили. Я хотел снять еще и пейзаж, а средств, чтобы осветить большое пространство, у нас уже не осталось. В конце концов мне уступили. Я очень люблю тот момент, когда мы вместе с Джорахом находим драконов и начинаем все заново в новом мире, обозревая бескрайний простор пустыни. А в самый последний миг нам благодаря Рамину Джавади слышится крик драконов.

Первая книга Мартина заканчивается так: «…и впервые за

последние сотни лет ночь ожила музыкой драконов». Так что и мы завершили свой труд достойно. Мир действительно обновляется, и вы с нетерпением ждете второго сезона.

Глава 7
Свежая кровь

Показ первой серии в 2011 году собрал у экрана 2,2 миллиона зрителей. Это считалось скромным для такого дорогостоящего проекта: недолго проживший «Рим» посмотрели 3,8 миллиона человек.

Первые рецензии были очень разнообразны. Две ведущие газеты США, получив копии первых шести серий, сериал раскритиковали. The New York Times объявила его «большой путаницей во имя не слишком великого замысла, не считая напоминаний о том, что война – это зло, семьи – это гнезда интриг, а власть – это круто». Выражались также сомнения, что женская аудитория будет смотреть эти «мальчиковые игры», а The Washington Post попросту определила «Престолы» как «занудную тягомотину».

Другие, однако, сразу распознали потенциал нового шоу. Брайан Лоури (Variety): «Это хватает вас за горло, как преданный хозяину волк»; Алан Сепинуолл (Uproxx): «Я переношусь в мир, который не думал посетить, и не чувствую себя в нем чужим, а погружаюсь в него»; Тим Гудмен (The Hollywood Reporter): «Амбиции огромны, фантастический мир придуман великолепно, сценарий и актерская игра выше всяких похвал… Телевидение, заключив успешный союз с известной фэнтезийной сагой, иллюстрирует и оживляет ее страницы».

Вторую серию посмотрели те же 2,2 миллиона.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Рейтинг был хороший, но на второй неделе он не повысился. Я был тогда в Нью-Йорке, и мы с гендиректором HBO Ричардом Плеплером обедали в его клубе. «Это шоу на десять лет», – сказал он. «Показали всего две серии, – заметил я, – и рейтинг, конечно, неплохой, но и только – откуда вы можете это знать?» А он: «На второй серии рейтинг всегда спадает, вопрос в том, намного ли. А у нас цифры ровные и теперь начнут повышаться». Так и случилось.

HBO тут же запустила следующий сезон из десяти серий по второй книге Мартина «Битва королей». В Вестеросе воцаряется хаос, несколько претендентов борются за Железный Трон, Дейенерис за Узким морем ищет союзников. Новый сезон требовал добавить множество главных ролей, несмотря на

большой состав: воительница Бриенна Тарт, брат Роберта Станнис, его приближенный сир Давос, темная волшебница Мелисандра, одичалые Игритт, Тормунд и Лилли, знаменосец Старков Русе Болтон, коварный лорд Уолдер Фрей, честолюбивая Маргери Тирелл и ее бабушка леди Оленна.

Появился в группе также новый «талант за кадром» – продюсер Бернадетт (Берни) Колфилд, работавшая ранее в сериалах «Секретные материалы» и «Большая любовь». Хотя она редко удостаивалась внимания прессы (и уж точно не искала его), Бениофф и Уайсс часто отзывались с похвалой о ней и о другом продюсере, Кристофере Ньюмане. Именно благодаря им сериал двигался по расписанию и нескончаемые логистические проблемы решались.

Добавилось и новое место съемок – Хорватия, эффективно заменившая Марокко и Мальту в качестве южных земель и показавшая нам новые виды Королевской Гавани и Эссоса. Продюсеры, как и в случае с Северной Ирландией, выбрали недорогую страну со сравнительно недавним военным прошлым, не заезженную другими голливудскими постановками.

Особенно часто использовалась историческая часть Дубровника. Приманка для туристов, один из лучше всего сохранившихся средневековых кварталов в мире, она представляла собой идеальную модель Вестероса. Старый город строился начиная с седьмого века, а его крепостные стены восьмидесятифутовой (24 м) высоты возвели в десятом столетии. С воздуха его красные черепичные крыши на берегу Адриатики очень напоминали сериальную Королевскую Гавань (оставалось лишь добавить особые приметы вроде Красного Замка и Великой Септы Бейелора).

Во время подготовки и кастинга количество зрителей «Игры престолов» неуклонно шло в гору и к финалу достигло трех миллионов. С учетом повторных показов и DVD каждую серию первого сезона посмотрели в среднем восемь миллионов человек. Сериал становился хитом, и вновь принятые актеры испытывали давление, которого составу первого сезона удалось избежать.

ЛИАМ КАННИНГЭМ (ДАВОС СИВОРТ): С Дэвидом и Дэном я познакомился годом раньше. Пробовался я тогда на другую роль, сира Джораха, хотя никому об этом не говорил. Через пять страниц уже бывает понятно, годится ли на что-то сценарий, и я думал, что это как раз то, что мне нужно. Но моему агенту сказали, что «направление поменялось»: вежливый способ сообщить, что мне эта роль не достанется. «В следующем сезоне у нас будет много новых ролей», – добавляли к этому. Ну ясно,

подумал я: «Не звоните, мы сами вам позвоним». Но меня внесли-таки в список на будущий год. К тому времени каждый британский актер мечтал, чтобы в его резюме красовалась «Игра престолов». Это был знак почета, миссия, в которой все хотели бы поучаствовать.

КЭРИС ВАН ХАУТЕН (МЕЛИСАНДРА): В Нидерландах я играла только в комедийных ролях, а тут вдруг такой серьезный проект. На пробах я нещадно переврала текст, до того меня это смущало. Шоу уже становилось хитом, и в комнате со мной сидели пять человек. Я произносила речь при сожжении богов – большая такая сцена, эпическая, – воображая себе морской берег в крохотном белфастском офисе. Но потом мне дали сцену с Давосом в лодке, более камерную, и это меня, полагаю, спасло.

ЛИАМ КАННИНГЭМ: Мы с Кэрис вместе снимались в фильме «Черные бабочки» в Южной Африке. Она рекомендовала меня, я – ее, и оба мы получили роли в «Престолах». В «Бабочках» мы, между прочим, были любовниками, там исполняется много горизонтальных танцев – предоставляю остальное вашему воображению. С ней прекрасно работается, и на съемках мы присматривали друг за другом.

НАТАЛИ ДОРМЕР (МАРГЕРИ ТИРЕЛЛ): Открою секрет: пробовалась я не на Маргери, а на Мелисандру. А потом мои агенты мне говорят: «Ты им понравилась, но тебя хотят взять на другую роль». А я: «Черт, Мелисандра такая классная». А Дэвид и Дэн: «Вот, есть такая Маргери, и мы еще не придумали, что с ней делать». Теперь-то ясно, что другой Мелисандры просто не могло быть. Кэрис проделала изумительную работу, но я всегда усмехаюсь про себя, когда вижу на экране красную жрицу.

Маргери со своей заботой о простых людях привнесла в повествование современный пиар. Для меня она была гибридом Мишель Обамы, Кейт Миддлтон и принцессы Дианы.

РОУЗ ЛЕСЛИ (ИГРИТТ): Я была в центре Лондона, когда мой агент позвонил мне с хорошей новостью. Посреди полной народу площади я прыгала и вопила, как ненормальная.

ДЖЕММА УИЛАН (ЯРА ГРЕЙДЖОЙ): Я играла во многих комедиях и мечтала о серьезных ролях, но на драматические прослушивания комедийных актеров обычно не приглашают. Мне повезло, что кастинг очередной комедии вел тот же режиссер, что и в «Игре престолов». Вот что значит оказаться в нужном месте в нужное время. Я не верила, что получу наконец роль в драме, и поэтому совершенно не напрягалась на пробах.

КРИСТОФЕР ХИВЬЮ (ТОРМУНД ВЕЛИКАНЬЯ СМЕРТЬ): Я погуглил этого героя, заходил на все фан-сайты и блоги, какие только мог найти. Фанаты мне все разъяснили в деталях.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Борода у Кристофера уже была, а на пробы он пришел с гигантской неочищенной морковкой – что как-то не сочеталось с Тормундом, живущим в ледовой пустыне. Но он так свирепо грыз эту свою морковь, что меня это впечатлило.

ДЭВИД БРЭДЛИ (УОЛДЕР ФРЕЙ): Я кастинг не проходил, меня пригласили сразу, что всегда приятно. Некоторые роли заставляют поразмышлять, что это за человек, как он говорит и как держится, а с Уолдером все было ясно с самого начала.

МАЙКЛ МАКЭЛХАТТОН (РУСЕ БОЛТОН): В «Престолах» я пробовался на несколько ролей и ни одну не получил, а потом мне вдруг предложили сыграть Русе Болтона. Я о нем ничего не знал, но на следующий день костюмерша уже примеряла мне сапоги.

МИШЕЛЬ МАК ЛАРЕН (РЕЖИССЕР): Получив эту работу, я позвонила другому режиссеру сериала, Дэвиду Наттеру: «Я буду работать в “Престолах”, можно пригласить вас на ланч и спросить совета?» А он мне: «Мишель, это “Порше” – садись и поезжай». Это сериал такого масштаба, что приходится думать о невозможном и принимать самые невероятные вызовы. Расширять границы – вот что от тебя требуют.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Я, помню, думал, когда мы добрались до Бриенны: «Где ж нам такую найти?» Боялся, что случится обычная голливудская ситуация, когда тебе дают тоненькую девочку, которая «лучше всех играет», и не ищут именно ту, которая нужна для роли. Джордж первый посмотрел видео с Гвен и сказал: «Бог ты мой, вот она». Я сам писал сценарий того эпизода, где мы впервые видим Бриенну, – не знаю, как мне это удалось до знакомства с Гвен. Она подошла идеально.

РОБЕРТ СТЕРН (КАСТИНГ-ДИРЕКТОР): Гвен во многом не походила на Бриенну, когда начинала, но главное – высокий рост и мускулатура – у нее имелось в наличии. Мы увидели ее в совсем другой роли, связались с ней и сказали, что у нас есть персонаж ее роста. Она почитала Мартина, остриглась и прекрасно вписалась.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ (БРИЕННА ТАРТ): Фанаты увидели в Интернете мои фото после кастинга (ужас что такое) и стали спрашивать: «Это что за модель?» Меня это очень порадовало: я как раз и мечтала быть моделью, хотела, чтобы меня считали красивой, но «слишком красивая»? Удивительно. Выглядеть по-разному я умела всегда; работала с тренером, ходила в спортзал и все-таки страшно нервничала – раньше я снималась разве что в эпизодических ролях. Готовилась к съемкам четыре месяца, но

преображаться по-настоящему начала, когда надела костюм: в нем очень неудобно ходить, но это самое и чувствовала Бриенна.

А семидесятитрехлетняя легенда экрана дама Дайана Ригг стала идеальным выбором для старейшины рода Тиреллов леди Оленны, прозванной Королевой Шипов за острый и язвительный ум. В послужном списке ролей Ригг, долго проработавшей в «Королевской шекспировской труппе», между прочим, девушка Бонда в фильме «На секретной службе ее Величества» и секс-бомба Эмма Пил в сериале 1960-х годов «Мстители». Команда «Престолов» пришла в восторг, заполучив Даму – командора ордена Британской империи[12] на роль знатной дамы Вестероса.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Вместо проб мы попили с Дайаной Ригг чаю. Дамы-командоры кастинг не проходят, это ты у них проходишь прослушивание. Мы всей душой ее полюбили. Она юморная, дерзкая – как раз то, что надо для этой роли.

ДЭН УАЙСС: «У вас там сплошной трах, да?» – сказала она с широкой улыбкой на лице. И на первой читке уже знала наизусть всю свою роль на этот сезон.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН (РЕЖИССЕР): Я, выросший на повторах «Мстителей», прямо до потолка прыгал: «Господи, Эмма Пил!» А молодежь наша не понимает, кто она, – старушка, говорят, эта. Я им: «Эта старушка в десять раз горячей, чем вы представляете».

Потом, на читке, она говорит: «Думаю, мне нужен апостольник». Я быстренько посмотрел, что такое «апостольник» – типа платка, монашки такой носят, – и спрашиваю: «Чтобы с париком не возиться?» Ей не хотелось каждый день тратить время на подгонку парика, платок повязать куда проще. Но летом в Дубровнике она, думаю, пожалела: там под тридцать, а она в это покрывало замотана.

Начались съемки второго сезона: новые актеры приспосабливались к миру «Игры престолов», старые возвращались с намерением сыграть еще лучше, чем в первом.

КРИСТИАН НЭЙРН (ХОДОР): Атмосфера между сезонами изменилась. В первом у нас были надежды и ожидания, во втором мы думали: «Блин, здорово получилось! Начнем опять, только сделаем все еще лучше».

ДЖОН БРЭДЛИ (СЭМВЕЛЛ ТАРЛИ): В первом сезоне мы так хорошо ладили – хотелось надеяться, что это продлится даже в

отрыве от твоих прежних партнеров.

ХАННА МЮРРЭЙ (ЛИЛЛИ): Я первый сезон не видела, у меня и телевизора не было. Стала смотреть, только когда кастинг прошла. Проверяла, так сказать, Джона Брэдли, зная, что мы будем работать вместе. Мне очень хотелось, чтобы он был хорош, посмотрела я на него пару секунд и сказала: «Ну, тут все в порядке». Он дарит своему герою столько тепла, к нему привязываешься с первой секунды.

ДЖОН БРЭДЛИ: Мы с Ханной знали, что в ближайшем будущем у наших персонажей будут близкие отношения, – и волновались, конечно. Надо было и в жизни завязать отношения, – не только профессиональные, но и дружеские. Так и произошло, как только мы встретились. Мы оба старались передавать их на экране так, чтобы они не казались манипулятивными и чересчур слащавыми.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: В мой первый съемочный день разразился ураган. Мы сидели в маленькой гостинице с настоящими каминами и видом на море. Все открытые, дружелюбные, радостные, оттого что попали в такое шоу. Это сразу нас сблизило.

ГЕТИН ЭНТОНИ (РЕНЛИ БАРАТЕОН): Гвен просто невероятна. Организовала мой день рождения – Бриенна сделала бы для Ренли то же самое, сказала она. Я видел, как она пашет в спортзале, чтобы подготовиться к роли, – такое запоминается.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): Вечером, после рабочего дня, мы говорили не о погоде, а о «Престолах». И за ужином продолжали о том же, а это большой комплимент для сериала.

ДЖЕММА УИЛАН: Я пыталась избавиться от комплекса самозванца. В ситкомах так привыкаешь к юмору, что отвыкнуть потом трудновато. В первой моей сцене мы с Алфи ехали на одной лошади. Наш конь шумно пускал газы, меня это ужасно смешило, и Алфи очень мягко сказал мне: «Тут все серьезно, соберись и прекращай хихикать». Очень по-доброму сказал, а мы ведь с ним в графстве Антрим, время ограничено, рассусоливать некогда. Я задумалась и поняла, что дурочку из себя строить незачем. Вот что значит вовремя хороший совет получить.

Потом была сцена, где Яра вгрызается в курицу. Я мяса не ем, но сказать постеснялась и весь день пожирала птицу, оправдывая себя тем, что вживаюсь в роль.

ХАННА МЮРРЭЙ: Как-то в три утра сидим мы все вместе, и Кит вдруг такой: «А смешная у нас работенка, да? Сидим в лесу в плащах среди ночи». А Джеймс Космо (лорд-командующий Мормонт) ему отвечает: «Смешная, и чем серьезней мы к ней

относимся, тем смешнее».

Я это запомнила. Отличный совет насчет актерской игры, потому что правда ведь глупо, и надо себе в этом отдавать отчет. Мне было тогда двадцать два. Я перестала чересчур серьезно воспринимать себя и свою работу, и все стало куда веселее.

Квартет в составе Лиама Каннингэма, Кэрис ван Хаутен, Стивена Диллэйна (Станнис Баратеон) и Тары Фицджеральд (Селиса Баратеон) положил начало новой сюжетной линии. Станнис, брат короля Роберта, замышляет у себя на Драконьем Камне отнять трон у Джоффри с помощью своего советника сира Давоса и фанатичной жрицы Мелисандры. Их первая сцена, где она сжигает на морском берегу изображения семерых богов, открывает второй сезон.

ДЭН УАЙСС: Станнис хочет занять трон не из жажды власти, а потому, что всегда все делал по правилам. По закону наследник он, и всякий, кто ему препятствует, преступник в его глазах.

ЛИАМ КАННИНГЭМ: Мне нравится, что Давос, скромного происхождения и к тому же контрабандист, оказывается гораздо человечнее всех Ланнистеров и большинства Старков. Он не борется со своей совестью, она заложена в его ДНК. Власть его не интересует. Он глубоко верный, порядочный человек. Мне хотелось, чтобы он хоть раз сказал что-то на публику, но на это времени не нашлось, поскольку в книге уже рассказана его предыстория.

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: Мне нелегко далась эта роль. В первый съемочный день я сжигала богов в присутствии многих знаменитых актеров, а такая уверенность в себе не по моей части. Я нервничала, стеснялась, но не должна была этого показать: Владыка Света, и все тут. К тому же мое платье сидело так плотно, что я не могла ничего под него надеть. В жизни так не мерзла.

ЛИАМ КАННИНГЭМ: Кэрис мерзнет, даже если в вулкан ее посадить. Всегда ходит с грелкой, не переносит холода.

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: Точно. Даже летом умудряюсь простужаться, и это плохо для роли, ведь Мелисандре никогда не бывает холодно. Не повезло мне.

Диллэйн завоевал себе репутацию самого антимедийного актера из всего состава «Престолов». Французскому изданию Libération он как-то признался, что не понимает «ни этого сериала, ни успеха, которым он пользуется» и что согласился на эту роль «в том числе из-за денег».

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: Станнис не из обаятельных персонажей, и наблюдать за ним очень интересно. По-моему, актер тоже не до конца его понял, потому он и получился таким непредсказуемым. А я так полностью и не разобралась в отношениях внутри этой четверки.

ЛИАМ КАННИНГЭМ: Должен заступиться за Стивена. Это превосходный актер с отличной репутацией, просто интервью не любит давать. Он человек прямой, и то, что он говорит, обязательно выхватывают из контекста, а потом его же ругают. Один из тех, с кем прекрасно работается, потому что эго ему не мешает.

Вот вам пример: в начале третьего сезона я вхожу в замок, где все меня считают погибшим. Станнис сидит у окна. При виде меня актер-середнячок вскочил бы, выждал момент и произнес свою реплику: «Я думал, что ты погиб». А Станнис смотрит через плечо и говорит это без всяких эмоций. Не ищет легких путей, не поставляет материал для рекламного ролика.

Гетин Энтони снимался с Диллэйном в сцене переговоров, на которых присутствует и Кейтилин Старк. Диалог ни к чему не приводит: оба брата не желают отказываться от Железного Трона. О Диллэйне Энтони не сказал ничего, но саму сцену весьма загадочно назвал «поучительной».

ГЕТИН ЭНТОНИ: Она до сих пор немного смущает меня. Я много узнал в тот день и надеюсь, что все хорошо получилось, но не уверен. Странно, в общем. Думаю, я так в это влез, что мне трудно отделить себя от своего персонажа в его ключевой момент.

В конце я говорю: «Можете вы поверить, что я когда-то его любил?» (классная реплика) – и мчусь галопом с утеса. Мишель Фэйрли у нас призовая всадница – выросла в тех местах, без седла ездила, – но по роли должна скакать вслед за мной, что для новичка в верховой езде неуютно. Я справился, но далеко не так уверенно, как она, и не так быстро, как требовалось.

Самая странная сцена в том, что касается готической группы Драконьего Камня – а может быть, и во всем сериале, – это та, где нагая Мелисандра рожает теневого демона, который затем убивает Ренли.

ГЕТИН ЭНТОНИ: Ренли часто критикуют за стратегическую наивность, а я говорю: «Он не наивный, он просто не понял, что

тут будет магия». В мире, где в волшебство не верят, это вполне понятно.

Колдовские роды снимали в пещерах Кашенуд на побережье Северной Ирландии, а «ребенка» изобразили позже с помощью компьютерной графики.

ЛИАМ КАННИНГЭМ: Чистое безумие. Пещера эта больше напоминает воронку, и холодный ветер продувает ее насквозь. Кэрис, бедняжка, совсем нагая, не считая накладного живота, и трое мужиков вставляют ей между ног трубки, чтобы воздушные пузырьки выходили и было заметно движение. Очень все унизительно, но она потрясающе провела эту сцену в трудных, мягко говоря, условиях.

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: Рожаю я, значит, это компьютерное нечто. Тут же рядом Лиам, и слава богу, он меня буквально протащил через этот ужас. Полный сюр. С одной стороны, я на подъеме, ведь такое изображать нечасто доводится, с другой – без понятия, как будет выглядеть это мое отродье. И холод собачий.

ЛИАМ КАННИНГЭМ: А я должен пялиться на интимные места этой прекрасной голландки, притом так, чтобы уложиться между «мотор» и «снято». С ужасом, заметим себе. Потом вылезает «дитя». Нам в помощь приспособили человечка «Пилсбери Дафбой» на палочке. Я посмотрел это на мониторе и сказал режиссеру: «На картину Караваджо похоже», а он: «Так и задумано».

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: Задним числом я подумала, надо ли мне было вообще обнажаться. Мало разве того, что я монстра рожаю? А в книге она как, тоже голая? (Оказалось, что да.) Ладно, с этим жить можно. Я, как правило, ни о чем не жалею, но все-таки думаю иногда, так ли уж это было необходимо. Стала щепетильнее в этом смысле. В защиту Мелисандры я всегда говорю, что наготу она использует как оружие, и это правда. Но очень уж часто она этим пользуется.

Второй сезон принес разочарование кое-кому из актеров первого. Николай Костер-Вальдау, например, весь год просидел в грязи, закованный в цепи.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ (ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР): Я из себя выходил: «Какого черта, нельзя же просто посадить меня на скамью запасных». Но развитию образа это пошло на пользу. Он сам говорит, что плен и оковы не для него, приходится иногда и через это пройти.

А Ричард Мэдден и Мишель Фэйрли (Робб и Кейтилин Старк) провели большую часть сезона в палатках, поскольку Молодой Волк вел войну с Ланнистерами. «Я чуть ли не молила: “Боже, только не в палатку опять!” – признавалась Фэйрли на фестивале “Попкорн-Такси”. – Но бюджет не позволял мне часто бывать в разъездах, и даже во время путешествий ночевать приходилось в той же палатке. Прямо не вылезала из них весь второй сезон».

Зато Мэдден радовался возможности показать, как юный Робб становится военачальником. «Для короля он имеет очень мало власти над собственной жизнью, – говорит актер в интервью багамской Tribune. – Он не хотел быть монархом, но знает, что больше никто не сможет действовать так, как его отец, Нед Старк, поэтому очень старается. Он все время носит маску – то грозного врага с Джейме Ланнистером, то сурового полководца (если я сумел это показать), а с матерью или с Теоном она на миг спадает, и мы видим, что он совсем еще мальчишка».

Но Питера Динклэйджа миновали палатки, пещеры и цепи. С уходом Шона Бина он вошел в число исполнителей главных ролей (где остался до конца сериала), и его Тирион получил пост королевского десницы.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ: Тирион вырос в богатстве, но обращались с ним плохо. Теперь он становится уважаемым человеком и думает: «Похоже, я могу отомстить всем, кто издевался надо мной в школе». Он от души наслаждается своим положением и старается удержать его за собой.

ЮДЖИН МАЙКЛ САЙМОН (ЛАНСЕЛЬ ЛАННИСТЕР): Мой персонаж умоляет Тириона никому не рассказывать о его связи с Серсеей. Я все думал, как получше заставить Ланселя пресмыкаться – у него ведь меч на боку. Решили, что он должен молить как полагается, на коленях. Я понял, что это сработало, когда Питер сказал: «Мне очень понравилось, что унизился буквально – стал ниже меня». Не знаю, был ли в «Престолах» момент, когда Тириона умоляет кто-то другой. Вполне мог бы быть, на то он и десница.

В Красном Замке Тирион вынужден плести интриги против своей зловредной сестры Серсеи.

ЛИНА ХИДИ (СЕРСЕЯ ЛАННИСТЕР): Серсея никогда не показывает своих истинных чувств. Настоящая змея, я сама никогда ей не верила. Но есть момент во втором сезоне, когда она полностью открывается Тириону, прямо-таки исповедуется ему. Я

очень люблю ее сцены с Питом. Он замечательный, мы давно знаем друг друга, и нам это давалось легко.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Никто не понимает Серсею лучше, чем Тирион, – кроме разве что Джейме. У них общие взгляды, но Серсея циничнее. Хотя их воспитывал тот же отец, она ожесточилась сильнее, а у Тириона какие-то крохи оптимизма еще сохранились.

СИБЕЛЬ КЕКИЛЛИ (ШАЯ): Даже когда камера была направлена на меня, Питер слушал и подыгрывал мне. Такие актеры большая редкость. Раньше он подшучивал над моим английским, а я ничего не понимала. Когда мои языковые навыки улучшились, он сказал: «Теперь уж с тобой не пошутишь, ты все поймешь».

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): Игра Питера вдохновляет. Он говорит режиссеру: «Нет, так не пойдет, Тирион должен стоять вот здесь». Если б мне хватило смелости такое сказать!

Санса тоже понемногу проникается цинизмом и думает, что «правда либо ужасна, либо скучна». Своей наперсницей она делает горничную Шаю, тайную любовницу Тириона.

СОФИ ТЕРНЕР: Головы на пиках становятся для Сансы поворотным моментом: она осознает, что должна быть сильной, независимой и не доверять никому. Поэтому во втором сезоне она думает только о выживании. Джоффри над ней измывается, а больше у нее буквально никого нет. Она снова начинает одеваться и причесываться как северянка, потому что скучает по дому. Мне было очень трудно двигаться в ее платьях – статуарность их покроя не давала мне пошевелиться.

СИБЕЛЬ КЕКИЛЛИ: В одной сцене Софи надо было заплакать. Она и заплакала, а остановиться не может! Я всегда чувствовала себя ее защитницей, хотя она выше меня. Она мне говорит: «Сибель, у меня друг есть – может, вас познакомить?» – «Софи, – говорю я, – тебе пятнадцать, а мне тридцать. Дружба с твоими друзьями может быть не так истолкована».

Местом многих встреч в Королевской Гавани – городской палаткой, если хотите – служит публичный дом Мизинца. В Вестеросе почти все любовные связи строятся на основе взаимной выгоды, и тех, кто уступает любви, считают глупцами. Кроме того, на примере подобных сцен – и в книгах, и в сериале – мы опять наблюдаем, как сильные подчиняют себе слабых.

Была и более практическая причина для съемок в борделе. Подписчики, особенно во времена первых сезонов «Игры

престолов», ожидали от платного кабельного канала секса, насилия и нецензурной лексики на уровне, который зарабатывающие на рекламе каналы не могут себе позволить. На первых порах «Престолы» время от времени совмещали пояснительные диалоги с обнаженкой, что блогер Майлс Макнатт метко назвал «секспозицией».

ДЭЙВ ХИЛЛ (СОПРОДЮСЕР): Все думают, что бордельные сцены снимать одно удовольствие: ну как же, красивые голые люди имитируют секс. На самом деле это большой стресс, столько всего учесть надо. Фальшивый секс снимать не так просто: то и дело останавливаешься и начинаешь опять, с другого ракурса. Это не стрип-клуб, скорей, его раздевалка.

Массовку тоже нелегко подобрать. Надо, чтобы актеры хорошо выглядели и все делали правильно. Иногда их заносит, и ты говоришь: «Не отвлекайтесь, ребята».

ИНДИРА ВАРМА (ЭЛЛАРИЯ СЭНД): Я любила свою откровенную сцену. Такой декаданс. Мы работали с потрясающей девушкой, которая показывала свое тело без стеснения – не в порнографическом смысле, а красиво и выразительно. Если бы все мы чувствовали себя так комфортно. Она ложится на меня, целуется с другой девушкой, они обе голые, все дурачатся и всем весело.

ДЖЕММА УИЛАН: Я сильно нервничала. Неудобно же делать такие интимные вещи с девушкой, которую видишь впервые. Мне надо было ласкать ее грудь и попку. Но она была очень милая, мы посмеялись, и я немного расслабилась. Все получилось благодаря тому, что она меня успокоила и научила не стесняться чужого тела. Тут надо показать, что она тебе все позволяет, но и для тебя это тоже дело привычное – не так просто грань провести.

ЭСМЕ БЬЯНКО (РОЗ): Эти сцены перемежались жесткой диетой и посещением церкви.

Самая скандальная бордельная сцена происходит в первом сезоне, когда Мизинец, произнося нашпигованный угрозами монолог, одновременно велит Роз и другой девушке, Армеке (актриса фильмов «для взрослых» Сахара Найт), заняться весьма энергичным сексом в учебных целях.

ЭСМЕ БЬЯНКО: Меня это изматывало физически. В студии было жарко, я обливалась потом. Хореография там довольно простая, но очень уж много движения, скажем так. Попробуй запомни, где в какой момент должна быть Сахарина попа и куда мне ногу девать.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН: На Мальте у нас работало много итальянцев. Приходилось прогонять тех, кто прятался, чтобы подсматривать за Эсме и Сахарой.

ЭСМЕ БЬЯНКО: Предполагалось, что это закрытая съемка, а я оглядываюсь и вижу трех парней, которые втроем держат шторку. «Секундочку, – говорю, – это втроем надо держать? Пусть проваливают!»

Рассказ Мизинца о его любви к Кейтилин Старк предвосхищает будущее, когда он предаст Неда. «Знаете, чему я научился, проиграв тот поединок? – риторически вопрошает он. – Я понял, что так мне не победить никогда. Это их игра, их правила. Я не стану с ними драться, я поимею их. В этом я мастер. Только поняв, кто ты есть, можно получить то, что хочешь».

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН: Речь Мизинца как бы облагораживает секс двух девиц. Мы хотели, чтобы все это в целом шокировало и в то же время позволило лучше его понять. Здесь затрагиваются разные аспекты – порно, юмор, угроза, сочувствие к влюбленному юноше – будто по серпантину едешь. Напоминает сцену из «Американского психопата» с Патриком Бэйтменом и двумя проститутками – я как раз и пытался сделать нечто подобное. Эйдан Гиллен выше всяких похвал, он полностью в теме. И Эсме хороша, но теперь ее имя, к сожалению, неразлучно с лесбийским фистингом.

ДЭН УАЙСС: Джорджу хорошо: он может просто написать, кто о чем думает, а нам приходится искать другие пути. Девицы из борделя единственные, кому Мизинец может сказать, кто он и почему делает то, что делает, – они ведь целиком в его власти.

ЭЙДАН ГИЛЛЕН (МИЗИНЕЦ): Монолог снимался одновременно с тем, что на заднем плане. Один из тех случаев, когда я жалею, что не настоял на соблюдении элементарной дистанции. График был плотный, не все идеи учитывались – а может, я и не прав был. Я заучивал текст, идя по Эглантайн-авеню в Белфасте, и тогда же в первый раз понял, что все дело в одной только Кейтилин. Что бы там ни делали по моей указке Эсме и Сахара, я переношусь на двадцать лет в прошлое, предаюсь меланхолии и горьким воспоминаниям. Раньше я сам играл в откровенных сценах, дело это житейское и меня не смущает, а Мизинца и подавно.

ЭСМЕ БЬЯНКО: Я тогда в первый раз работала с Эйданом и единственный раз так одурела от чьей-то звездности, что двух слов связать не могла. Не знаю, почему это случилось именно с

ним. Он такой спокойный, загадочный, недосягаемый, а я голяком снимаюсь. Но тут мой гример говорит мне: «Брось, Эсме, он такой славный, давай поздоровайся». Думаю, Эйдан тоже что-то почувствовал – сам подошел и сказал: «Привет, Эсме, как дела?»

Позже в интервью с Collider Гиллену задали вопрос о шарме Мизинца как у секс-символа. «Не знал, что я секс-символ, – ответил актер. – Меня это несколько удивляет… он ведь во многом неприятен или может казаться таким, а его отношения с Сансой Старк весьма неординарны».

В 2018 году HBO первой из телекомпаний пригласила на съемки специалиста нового типа – координатора интима, обеспечивающего психологический комфорт в откровенных сценах. Но в первых сезонах «Игры престолов» актеры большей частью выходили из положения сами.

ЭСМЕ БЬЯНКО: Тогда об этом почти и не говорили. Но Даниэль Минахан накануне разбирал с нами, как это будут снимать, чтобы нам было спокойнее, – то же самое, в сущности, сейчас делает координатор интима. Думаю, такие беседы очень полезны – намного лучше, чем когда вас бросают в воду и предоставляют выплывать самим.

Впрочем, подобные сцены не всегда были связаны с неловкостью или стрессом. Бывало и смешно – например, когда в обитель порока явилась Дайана Ригг.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Мы готовились к встрече Оленны с Мизинцем в борделе. Дама Дайана огляделась и говорит: «А что же секс-игрушек так мало? Разве презервативы из овечьей кожи не должны тут валяться?» – «Вы абсолютно правы», – сказал я, оценив ее познания в области старинных сексуальных «устройств».

Глава 8
Битва за битву при Черноводной

В первом сезоне сериала HBO «Рим» мы видим, как два легендарных полководца, Юлий Цезарь и Гней Помпей Великий, из союзников превращаются во врагов. Перед решающей битвой Цезарь, как известно, провозглашает: «Победа или смерть». Далее следуют несколько секунд расплывчатых крупных планов с мечами, бьющими о щиты в замедленной съемке, и вот усталый полководец возвращается в свой шатер.

«Известите Рим, что победу одержал Цезарь», – говорит он и ложится вздремнуть, утомленный боем, которого мы не видели.

До «Игры престолов» все битвы в сериалах показывались примерно так же: долгие приготовления, а потом краткий фрагмент самого сражения.

Но кульминация мартиновской Битвы королей представляет собой как раз этот бой и занимает целых пять глав. Самопровозглашенный король Станнис Баратеон вторгается в Королевскую Гавань с моря, Тирион организует оборону столицы. Мы, как зачастую бывает у Мартина, сочувствуем обеим сторонам. Нам хочется, чтобы Тирион одержал верх и выжил, но не хочется, чтобы победил юный психопат Джоффри. Станнис теплых чувств не вызывает, однако на Железный Трон он претендует законно и на его стороне воюет симпатичный нам Давос Сиворт.

И в сериале, и в книге Мартина Тирион поджигает корабли Станниса разновидностью напалма – диким огнем. Но в книге он также протягивает поперек Черноводной огромную цепь… Дадим слово самому Мартину.

«Поперек Черноводной протягивается гигантская цепь, чтобы Станнис, войдя в гавань, не мог повернуть назад и оказался в ловушке, – объясняет автор с горящими от азарта глазами. – Корабли сталкиваются, образуя временный мост через реку. На южном берегу у Станниса огромное войско. Солдаты вступают на мост, требушеты защитников города начинают метать в них дикий огонь, а после по приказу Джоффри туда же летят тела сторонников Станниса…»

Тирион возглавляет вылазку у Королевских ворот, Серсея и Санса укрываются в замке, ожидая исхода битвы.

Все очень эпично, крайне сложно и может, по мнению Мартина, осуществиться только в читательском воображении.

Вплоть до этого момента в «Престолах» избегали снимать

такие сцены, но сражения первого сезона, на Зеленом Зубце и в Шепчущем лесу не настолько важны для действия. «Некоторые битвы прекрасно можно провести и за кадром, – говорит Дэвид Бениофф, один из авторов сериала. – Но второй сезон весь посвящен войне, и мы, не сняв самое главное сражение этой войны, обманули бы ожидания зрителей».

Была лишь одна проблема. Вернее, их было много, но основная была одна: невозможно было снять великую битву с бюджетом второго сезона. Авторы пообещали HBO, что широкомасштабных военных действий в сериале не будет, и даже обнародовали это свое обещание. «У нас миллион орков в атаку не побежит, – говорил Дэн Уайсс журналу The Hollywood Reporter в 2008 году, когда был заказан пилот. – Самое дорогостоящее – это спецэффекты, а их здесь не так уж много».

«Не так уж много»?! А как же тысячи горящих кораблей, как же сражение на море и на суше? Это способно многократно увеличить затраты даже на полнометражный фильм, не говоря уж о телесериале.

«Игра престолов» достигла поворотной точки, не успев к этому подготовиться. Авторы знали, что Черноводная – только первая из все более массовых батальных сцен в книгах Мартина. Либо сериал будет продолжаться как обычная драма с редкими поединками на мечах или лютоволками, либо превратится в кинотелевизионный гибрид, каких в Голливуде еще не было. В то время одна серия «Престолов» снималась обычно недели за две, но даже сокращенная версия битвы заняла бы как минимум три и потребовала бы дополнительных многомиллионных вложений для натурных съемок, массовки и спецэффектов. Но авторы твердо вознамерились создать прецедент как для телекомпании, так и для зрителей, чтобы сделать грядущие сражения не просто возможными, а ожидаемыми. Укладывающийся поспать Цезарь их не устраивал.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Начиная второй сезон, мы сильно нервничали относительно этой серии. Подумывали, не сделать ли битву сухопутной – ужасная мысль!

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Или вообще повоевать за кадром.

ДЭН УАЙСС: «Слышали, милорд? Враг в заливе!»

ДЭВИД БЕНИОФФ: И мы преклонили колено. «Ну пожалуйста. Всего один раз».

ДЭН УАЙСС: Мы умоляли Майкла Ломбардо. Вели с ним переговоры. Спорили о количестве кораблей.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO): Вопрос был в том, можно ли сделать полноценную драму с фэнтезийными клише и эпическими битвами. Можно ли иметь и то и другое?

Посомневавшись, Ломбардо согласился выделить «Престолам» еще два миллиона на битву и дать еще неделю на съемки, но теперь возникли проблемы со сценарием. Сценарист, сам Мартин, столкнулся с малоприятной задачей самосокращения, сохраняя в то же время ключевые моменты – так сказать, и лошадей, и Стоунхендж.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Нам пришлось значительно сократить битву на Черноводной по сравнению с книжной. Мне сразу сказали, что корабельный мост не пройдет.

КРИСТО ФЕРНЬЮМАН (ПРОДЮСЕР): То, что вы видите на экране, – это урезанный раз в десять первоначальный сценарий, не говоря уж о книге. К компромиссам пришлось прибегнуть еще на первых порах.

Для начала битву решили снимать не днем, а ночью. Это позволяло сэкономить на фоновых спецэффектах и в то же время красиво подать огненные стрелы и горящие корабли.

Кроме того, ее старались сделать по возможности субъективной. Пока зритель следит за знакомыми персонажами, можно не возиться с общими планами, не показывать массу кораблей и солдат. Это правило, принятое в целях экономии, стало затем общим для всех батальных сцен сериала.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Можно снять битву так, что с одной стороны видно сто тысяч солдат, а с другой двести. Можно также увидеть ее с точки зрения пехотинца, бегущего в атаку с мечом или топором, – очень правдивый способ. Мы старались как можно натуральнее передать грязь, кровь и кишки.

ДЭН УАЙСС: В реальных солдатских мемуарах, будь то Древний Рим или недавний Вьетнам, вы никогда не прочтете: «Тот фланг развернулся туда, а этот сюда». Пишут так: «Это был долбаный хаос, я не знал, куда бегу и не стреляю ли по своим».

Но Черноводная не укладывалась в график даже в сокращенном виде.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Наш режиссер все время твердил:

«Режьте! Режьте! За день я не успею это сделать». Я исправно сокращал, и это начинало походить на злополучный турнир в первом сезоне.

Но незадолго до съемок этому режиссеру пришлось срочно уехать по семейным обстоятельствам. «Я проделал большую работу, готовя эту серию, – говорит он, – и ни за что бы не покинул площадку, не будь это так серьезно. Все в нашей съемочной семье отнеслись ко мне с сочувствием и пониманием. Я знал, что бросаю их в трудное время, но иначе не мог».

Перед группой снова возникла проблема. После всех переговоров и выбивания денег до съемок битвы оставалось меньше месяца без четкого плана и режиссера.

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Это был мой первый год в сериале и, кажется, первый спор с Дэвидом и Дэном. Они говорили: «Давай позовем такого-то», а я отвечала: «Здесь девяносто процентов экшена, и нам нужен тот, кто умеет это снимать: Нил Маршалл».

ДЭВИД БЕНИОФФ: Нил снимал «Центуриона» и «Псов-воинов», где обеспечил впечатляющий экшен при очень скудном бюджете.

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД: Они продолжали перечислять других режиссеров, а я стояла на своем: «Говорю вам, нам нужен постановщик боевиков!» Потом Дэвид звонит мне – мы тогда еще не очень хорошо знали друг друга – и говорит: «Ладно, Берни, будь по-твоему: берем Нила».

У меня внутри все оборвалось, клянусь богом. «Почему по-моему? – говорю. – Мы вместе это решили!» Повесила трубку и думаю: «Теперь это, значит, моя идея. Я отвечаю за человека, который будет снимать нашу первую битву».

НИЛ МАРШАЛЛ (РЕЖИССЕР): Я знал про «Игру престолов» еще в первом сезоне и просил моего агента передать HBO, что хотел бы снять у них серию. «Спасибо, у нас уже есть режиссеры», – отвечали они.

Потом, год спустя, в одно субботнее утро мне звонит Берни и говорит, насколько я понял, что им надо срочно спасать ситуацию. «Всегда готов», – говорю. Думал, что у меня еще несколько месяцев впереди. А она: «Начинаем в понедельник, у тебя неделя, чтобы составить план».

Дэвид Бениофф: Раньше Нил сериал не смотрел. Мы провели с ним вводный курс по первому сезону и продолжали рассказывать, что будет дальше. Но он проявлял энтузиазм, учился быстро и сразу влюбился в «Престолы». Вскоре мы поняли,

что сделали правильный выбор: он навострился хорошо снимать битвы, не тратя на них сто миллионов долларов.

НИЛ МАРШАЛЛ: Дэн и Дэвид никогда не говорили: «Сделай то-то и то-то». Им требовались идеи. Военная история – мое хобби, и я внес в битву стратегические поправки. В сценарии сорок тысяч человек толкутся вокруг одной двери на берегу. Корабли на воде горят зеленым огнем, но как только армия Станниса высаживается, становится непонятно, кто чего хочет. Он командует штурмом с берега, что не в его характере и вообще как-то неинтересно. «Что ж они стоят просто так, – говорю я, – пусть что-то делают, включая и Станниса».

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Нил Маршалл все делал наперекор прежнему режиссеру. «Давайте сделаем вот это», – говорил он. Вернул многое из того, что я повычеркивал, и добавил то, о чем я даже не думал. Он истинный герой этой серии.

НИЛ МАРШАЛЛ: У меня к берегу причаливает лодка с тараном для взлома ворот. Это придает больше смысла лестницам и крючьям. А Станнис отважно вступает в бой и рубит кому-то голову.

Когда начались съемки, проблем не стало меньше. Ночная битва, первая в сериале, выматывала всех как физически, так и морально. И актеры, и технический персонал выкладывались до предела в условиях, которые иначе как мучительными не назовешь.

НИЛ МАРШАЛЛ: Все, за исключением водных сцен, снималось в Магераморнском карьере. Октябрьские дожди, холодина, грязь по колено. Вымотались все, особенно массовка, которой приходилось мокнуть больше других. Я беспокоился, что дождь придаст нашей битве вид дешевого клише, но что ж поделаешь, если он льет по-настоящему. И в результате получилось как надо.

КРИСТОФЕР НЬЮМАН: Работа двигалась без остановки, как локомотив. Не доснимешь что-то вовремя – значит, это и в сериал не войдет. А условия были ужасные.

ЮДЖИН МАЙКЛ САЙМОН (ЛАНСЕЛЬ ЛАННИСТЕР): Дождь лил три дня и перестал на четвертый. Мы все: «Блин, что ж теперь делать-то?» Последовательности не получается, а у нас еще куча работы. Выход нашли, и это был лучший пример приспосабливаемости, какой я видел на киносъемках. На дне карьера есть озерцо; было ниже нуля, но оно не замерзло, потому что вода в нем соленая. Подвели к этому озеру шланг, другой конец которого держал человек на стене. Снимаем, значит, речь

Тириона: «Если я полумуж, кто тогда вы?» Мужик направляет шланг в воздух, и ледяная водичка льется на толкающего речь Питера. Там виден пар от нашего дыхания – можно подумать, что мы на Севере.

ДЭН УАЙСС: Питеру Динклэйджу не приходилось напрягаться, чтобы изобразить усталость. Побудь-ка восемь часов подряд, ночью, под дождем – еще не так устанешь.

НИЛ МАРШАЛЛ: Но он очень радовался, что возглавляет отряд и может помахать топором. Приятное разнообразие для его героя вместо шлюх и выпивки.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ: Некоторым Тирион больше нравится, когда он смешной и пьяный. Но пьяные и смешные живут недолго.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Речь Тириона перед вылазкой взяли почти целиком из книги: «Так вперед и убьем этих храбрецов!» Люблю эту сцену.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ: Надо быть твердо уверенным в себе, чтобы нечто подобное прокатило. Уверен, вообще-то, не я, а Тирион, но его решимость передается и мне. Такой уж это персонаж.

Боевые эпизоды чередуются со сценами в крепости Мейегора, где подвыпившая Серсея насмехается над Сансой.

ЛИНА ХИДИ (СЕРСЕЯ ЛАННИСТЕР): Мы впервые видим Серсею такой разнузданной – обычно-то она хитрая и сдержанная. Выпив лишнего и предвидя близкую смерть, она говорит все в открытую. Вроде бы опекая Сансу, она не может удержаться, чтобы не помучить ее. Думаю, ей просто досадно, что они, женщины, вынуждены сидеть взаперти. Понимаете, о чем я? Она правда думает, что опекает ее. Ужасная женщина, что тут скажешь.

НИЛ МАРШАЛЛ: Я, помнится, сказал Лине: «Серсея ведет себя, как чья-то пьяная тетя на свадьбе. Она перепила и уже не соображает, что несет». И Лина сразу эту мысль ухватила.

Хиди заметно сочувствует Серсее, когда та говорит Сансе: «Лучше выйти против тысячи мечей, чем сидеть здесь с толпой перепуганных куриц». Актриса рвется в бой, как и ее героиня.

ЛИНА ХИДИ: Я все время просила дать мне коня и меч.

Для водных съемок соорудили лодку на самой обыкновенной парковке, а воду добавили потом с помощью визуальных

эффектов. Эта лодка, пожалуй, самый большой и частый обман во всем сериале. Она изображала все парусники – баратеоновские, таргариеновские, ланнистерские и грейджоевские (только нос «Молчаливой», корабля Эурона Грейджоя, сняли отдельно). Так что Каннингэм, пока большинство состава снималось в карьере, следил на парковке за приближением судна с диким огнем.

ЛИАМ КАННИНГЭМ (ДАВОС СИВОРТ): На самом деле оно маленькое, около шести футов в длину. Когда двое парней ввозят ее на парковку, из двух трубок в ней течет зеленая жидкость. Я старался притвориться, что она настоящая.

Бронн, пустив огненную стрелу, поджигает судно, и зеленое пламя поглощает флот Станниса. Эффекты доделывали в последнюю минуту перед показом серии.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Компьютерные фокусы вставили за неделю до показа, а контрольный отдел HBO получил запись за двадцать минут до крайнего срока сдачи.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Вспышка дикого огня – это что-то. Одна из моих самых любимых серий. И определенно самая лучшая из четырех, которые я сам написал.

КРИСТОФЕР НЬЮМАН: Битва при Черноводной послужила показателем наших способностей. Мы сделали то, что не считали возможным, и положительный результат задал тон всем последующим сезонам.

ЛИАМ КАННИНГЭМ: Нил прислал мне рецензию из Rolling Stone: «Лучший час экранного времени в истории телевидения». И добавил к этому – он ведь раньше не снимал сериалы: «Неплохо для новичков».

Глава 9
Пламя и лед

Оборванная Дейенерис стоит перед высокими воротами Кварта. Мать Драконов с остатками своего кхаласара только что пересекла страшную Красную Пустыню, но изнеженные правители города отказываются ее впустить. Эмилия Кларк, стоя прямо и гордо, звучно провозглашает: «Когда мои драконы вырастут, мы вернем все, что у меня отняли, и уничтожим всех, кто навредил мне. Мы сотрем в пыль их армии и обратим в пепел их города. И если вы прогоните нас, мы сожжем вас первыми».

Дэн Уайсс, следя за Кларк на мониторе, восхищался тем, как воплотился в ней дух грозного дотракийского кхала. «Она выглядит по-настоящему круто, – говорил он о миниатюрной актрисе. – Я, мужик шести футов (180 см) ростом, в жизни бы так не сумел. Тут надо передать, что ей по правде кранты, если она не войдет в этот город».

Сентябрь 2011 года. Кларк третий день снимается на солнцепеке в хорватском карьере. Ее длинные темные волосы спрятаны под шапочкой, приклеенной к голове, поверх водружен серебристый парик. Ей кажется, что ее череп печется в духовке. После сцены актриса уклонилась от запланированного интервью, сославшись на тепловой удар, а после, на той же неделе, весело объяснила: «А, это? Да просто измучилась от жары…»

Истинную причину своего недомогания она открыла лишь спустя восемь лет. После съемок первого сезона у Кларк в лондонском спортзале случилось кровоизлияние в мозг. «Мне показалось, что мозг сжимает эластичная лента», – писала она в The New Yorker. По пути в больницу актриса вспоминала диалог Дейенерис, чтобы успокоиться. Потом ей сразу сделали операцию, и несколько дней она даже имя свое не могла вспомнить, что уж говорить о дотракийских словах.

А всего через несколько недель она вернулась к работе, хотя в мозгу у нее осталась еще одна аневризма, которая (теоретически, но маловероятно, по словам врача) могла «лопнуть в любой момент». Актриса выходила на площадку день за днем, никому не показывая своей усталости, страха и боли.

ЭМИЛИЯ КЛАРК (ДЕЙЕНЕРИС ТАРГАРИЕН): Все было очень напряженно. Мы снимались в карьере на тридцатиградусной жаре, и я постоянно опасалась, что со мной случится новый удар. Умереть прямо на площадке? Неудобно бы получилось. Любая

мозговая травма вызывает невероятную слабость, но я старалась это скрывать.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Об этом знали только немногие избранные – я, например, понятия не имел. Слышал, что у нее были какие-то проблемы со здоровьем между сезонами, ничего серьезного вроде бы. А на съемках вообще ничего не заметил.

АЛАН ТЕЙЛОР (РЕЖИССЕР): Мы за нее боялись. Надо иметь большое мужество, чтобы работать, невзирая на это.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Если б я позвонила моему доктору, он сказал бы: «Да ты просто охлаждайся почаще». Но я ужасно боялась, страх порождал панику, а паника внушала мне чувство, что я умру в этом карьере. В конце концов мне пригнали машину с кондиционером – прости, планета.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Ужасно, что этот прекрасный человек подошел так близко к небытию, – человек, которого мы полюбили всего лишь за один год. Шоу, конечно, должно продолжаться, но главным было обеспечить Эмилии безопасность. Мы спрашивали себя: безопасно ли ей сниматься у нас? Так, как на диване у себя дома? Она такая храбрая, что нашей задачей было не подвергать ее риску. Она ведь такая: «Подумаешь, операция на мозге – если надо скакать галопом с горы, я запросто». Это нам приходилось говорить «нет», потому что она сама ни за что бы не отказалась.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: За все мои годы в сериале я никогда не ставила свое здоровье на первый план – потому-то, наверно, все остальные и беспокоились. Старались не слишком меня нагружать, а я: «Не думайте, что я слабенькая, что не смогу делать работу, на которую меня наняли. Не думайте, что могу облажаться в любой момент». Я выиграла золотой билет Вилли Вонки[13] и не собиралась никому его отдавать.

К началу съемок третьего сезона Кларк стало намного лучше, и фабула устраивала ее гораздо больше.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Во втором сезоне линия Дейенерис была так себе – «коварный второй альбом», что называется. Но в третьем она начала набирать силу, и я чувствовала себя точно так же. В первом было так: «Понятия не имею, что творю», а в третьем – «Я точно знаю, что делаю».

В этом сезоне Дейенерис переживает один из своих ключевых моментов: приобретает армию Безупречных. Мартин в «Буре мечей» мастерски описывает эти события. Приплыв из Кварта в

город Астапор на берегу Залива Работорговцев, Дейенерис терпеливо ведет переговоры с садистом-рабовладельцем Кразнисом. Он, полагая, что она не понимает по-валирийски, всячески оскорбляет ее, но его рабыня-переводчица Миссандея передает только смысл, опуская брань.

Дейенерис соглашается отдать за солдат одного из драконов, Дрогона. Во время обмена Кразнис обнаруживает, что она, как и следовало ожидать, свободно владеет языком своих предков. Она приказывает Дрогону сжечь рабовладельца, а Безупречным, которые только что перешли в ее собственность, – перебить всех прочих астапорских господ. «Дракон не раб», – заявляет она. Это не просто драматический, напряженный момент: здесь Дейенерис, доверяясь своим инстинктам, впервые играет в игру престолов.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Раньше Дени всегда спрашивала совета у других, не зная, как поступить. Это самый рискованный шаг в ее жизни, и все вокруг полагают, что она вправду отдаст Дрогона, – смешно, ведь она его мать. Будь что будет, решает героиня, не зная, послушаются ли ее Безупречные. В этот момент она становится той, кем ей предначертано быть. Балансирует на тонкой грани между отвагой и безумием.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Лучшие сюрпризы не валятся как снег на голову – лучшие те, когда ты спрашиваешь себя: «Как же я раньше не понял?» Читая в первый раз, что Дейенерис собралась отдавать дракона, я говорил себе: «Как же так?» А потом, когда все прояснилось, позвонил Дэну, и мы в очередной раз пообещали, что снимем это долбаное шоу. К этой сцене ведет целый ряд других: в ретроспективе я это вижу, ведь Джордж дал читателю все ключи.

Эту затратную часть снимал в Марокко режиссер Алекс Грейвз. Бунт рабов и первое крупное использование дракона в военных целях предстояло уложить всего в несколько кадров.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ (РЕЖИССЕР): Было так: «Денег на это нет, но если вывернешься, снимешь величайший на все времена материал».

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Мне не терпелось отыграться на этом гаде. Несколько недель свою речь репетировала.

ДЭН УАЙСС: Для сожжения Кразниса координатор спецэффектов Стюарт Бридсон закрепил огнемет на высоком шесте. Струю пламени направили прямо в лицо каскадеру. Зрелище вызывало оторопь, хотя все знали, что это трюк.

Сцену завершал триумф Дейенерис на фоне драконьего пламени.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Я хотел сделать, как в «Апокалипсисе сегодня», но снималось это в Марокко во время Арабской весны[14], и ввозить взрывчатку в Северную Африку запрещалось. Я, однако, не сдался, поскольку огненный образ Эмилии пылал у меня в мозгу. Нужные вещества доставили контрабандой. Жар и взрывная волна ощущались неслабо, но Эмилия даже не вздрогнула.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Иэн Глен, мой штатный ментор, говорил: «Иди сюда, дорогая. Посмотри, как все надежно устроено. Ты просто постой тут, и пусть они себе делают там что хотят». Я и стояла, и было здорово. Высокое напряжение, как будто все, кто мне навредил в жизни, сгорели синим пламенем.

Кроме того, у Дейенерис появились два верных союзника с собственными сюжетными линиями, которые сопровождали ее до конца сериала: Миссандея, переводчица и советница, и командир Безупречных Серый Червь (Джейкоб Андерсон).

НАТАЛИ ЭММАНУЭЛЬ (МИССАНДЕЯ): Я была фанаткой этого сериала и названивала своему лондонскому агенту, чтобы она меня тоже туда устроила. И вот появляется подходящий персонаж, цветная девушка от восемнадцати до двадцати трех. Постойте, да это же я! Звоню опять агенту, а она говорит: «Знаю уже, ты на пробы записана».

Я провела исследование, почитала Мартина, подготовилась как могла. Раз Миссандея с Летних островов, думаю, то на общем языке должна говорить как иностранка, с легким акцентом. Агент говорила, что ничего такого не надо, но кастинг-директор Роберт Стерн сказал: «Они еще не решили, с акцентом Миссандея будет говорить или без». Ну я и акцент изобразила, нетрудно же. Пять недель было тихо, а позвонили мне, когда я шла из продуктового магазина. Я завопила, выронила покупки, разбила банку с джемом и разрыдалась.

ДЖЕЙКОБ АНДЕРСОН (СЕРЫЙ ЧЕРВЬ): Худшие пробы в моей жизни. Мне сказали, что я не должен показывать никаких эмоций, но Серый Червь говорил, как получил свое имя, и я подсознательно их все-таки проявил – как же иначе, раз мне велели наоборот. Не мог говорить о таком без эмоций, да еще и стеснялся из-за акцента. Мне говорят: «Не волнуйся, по-английски ты говорить не будешь». Я: «Чего?» Думал, мне ни за

что эту роль не дадут – до сих пор не понимаю, почему дали.

НАТАЛИ ЭММАНУЭЛЬ: Пришла я в Белфасте на читку сценария (третьего сезона). Стою в полном ужасе и смотрю, как в комнату входят актеры моего любимого сериала. Потом Финн Джонс (Лорас Тирелл), с которым мы вместе играли в мыльной опере «Холлиокс», заметил меня в уголке и спросил, в порядке ли я. «Сама не знаю, – говорю, – захлестнуло». Он был такой милый, нашел мне место и познакомил со всеми.

ДЖЕЙКОБ АНДЕРСОН: На первой неделе я думал: «Скучновато будет играть этого стоика без всяких мыслей и чувств». Потом Дэн мне сказал: «Серый Червь – это ходячая травма. Если можешь вообразить себе травмированного робота, это он и есть». Это служило мне полезным руководством до самого финала. Такой человек меньше всего хочет, чтобы его замечали, ведь это усугубляет проблему. И костюм у меня был, конечно, красивый, но очень уж неудобный. Из-за него у меня и походка несколько странная: он не давал мне расслабиться.

НАТАЛИ ЭММАНУЭЛЬ: В первой моей сцене Дейенерис мне говорит: «Возможно, ты будешь голодать, заболеешь или погибнешь». Я отвечаю: «Все должны умирать». – «Все мужчины», – уточняет она. На это Миссандея чуть-чуть улыбается – знаковый феминистский момент. Она сознает, что попала в надежные руки и что эта женщина представляет собой силу, с которой нужно считаться. После съемки Дэвид Бениофф подошел ко мне и сказал: «Ты официально принята в актерский состав сериала». Это было лучшее, что я слышала в жизни, – сердце мое переполнилось.

ДЖЕЙКОБ АНДЕРСОН: Позже мне передали, что Бениофф, когда я прошел кастинг, сказал про меня: «Хорош, но больно уж тощий». Мне он ничего такого не говорил – если б я знал, подкачался бы.

НАТАЛИ ЭММАНУЭЛЬ: Я знала Джейкоба по фильму «Шпана 2» и радовалась, что буду работать с ним. Наши персонажи оба цветные – это здорово, когда можно с кем-то поделиться определенным опытом.

В первой сцене Джейкоба Безупречные выбирают его командиром, и Дейенерис предлагает ему, как свободному человеку, назваться новым именем. Говорят они на валирийском. У него это получилось с первого дубля, и мы с Эмилией переглянулись: «Ну надо же». Он произнес свою речь на этом вымышленном языке блестяще и убедительно – так и хотелось сказать: «Мы не знаем, о чем ты сейчас говорил, но верим тебе!»

ДЖЕЙКОБ АНДЕРСОН: Я готов был поклониться Эмилии и Натали за то, что они смотрели. Я никого там не знал, и их

дружеская поддержка очень мне помогла. «Если буду сниматься с этой парочкой, то это хорошая работа», – думал я.

НАТАЛИ ЭММАНУЭЛЬ: Мы с Джейкобом и Эмилией сплотились в мини-банду, и нам было хорошо вместе. Джейкоб всегда помнил, что мы – две единственные женщины в группе, и очень внимательно к нам относился. Мы полюбили его за это.

Трио держалось вместе до конца сериала. В перерывах Кларк придумывала разные игры (например, нарисовать любое животное за пятнадцать секунд). «Как четырехлетние малыши», – говорила она.

Еще один спутник Дейенерис значительно изменился: красивого наемника Даарио Нахариса в третьем сезоне играл Эд Скрейн, а с четвертого по шестой – Михиль Хаусман. Скрейн заявлял журналистам, что это сделали по «политическим» причинам, но посвященные говорят, что голос Скрейна не совсем подходил для роли и его приходилось дублировать.

МИШЕЛЬ МАК ЛАРЕН (РЕЖИССЕР): Парень талантливый и приятный в общении, просто не во всем нам подходил – такое бывает. Продюсеры с нами не особо морочились: «Актер другой, но персонаж тот же самый, поехали дальше…»

Пока Дейенерис приобретает союзников в жарких странах, Джона Сноу в морозном краю за Стеной берут в плен одичалые.

Во втором и третьем сезонах он, чтобы выведать их планы, внедряется к ним, притворившись дезертиром. И влюбляется, вопреки своим обетам, в одичалую Игритт.

Харингтон вспоминает, как впервые встретился с Лесли, на которой семь лет спустя женился в реальности.

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Я нашел Роуз в Google, узнав, что она будет играть эту роль. Потом мы встретились на примерке костюмов, поэтому она в первый раз и одета была как Игритт. Она угостила меня имбирным печеньем, и я тут же влюбился. А ее игра меня и вовсе добила.

ДЭВИД НАТТЕР (РЕЖИССЕР): Я снимал ту серию, где они впервые встречаются. Он там приставляет меч к ее шее, и Кит сказал мне, что это был счастливейший день его жизни. Прямо-таки видно, как между ними искра проскакивает.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Во время их романтических сцен никого не убили, что для «Игры престолов» большая редкость. Я тогда не знал, что у них и в жизни любовь. Мы между собой говорили: «Они встречаются? Если нет, то пора бы».

КИТ ХАРИНГТОН: Думаю, я только во втором сезоне почувствовал, кто такой настоящий Джон Сноу. Встреча с Игритт ставит его в совершенно непривычную ситуацию. Он сталкивается с новым для себя существом, она его дразнит, и через это мы видим его настоящую суть. Для большинства второй сезон был, наверно, не самым запоминающимся, но для меня стал особенным.

Для съемок к северу от Стены требовался более пустынный, зимний ландшафт, чем Северная Ирландия, припорошенная искусственным снегом и спецэффектами. Группа выехала на разведку в Исландию, которой сериал обязан как самыми поразительными пейзажами, так и самыми трудными днями.

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Крис Ньюман, женатый на исландке, прислал мне фото перед вторым сезоном: «Я знаю, что мы отправимся за Стену на будущий год, вот и подумал об Исландии: как тебе?» Я сразу поняла: то, что нужно! «А сможем?» – спросили Дэвид и Дэн. Мне других слов не требуется: конечно, говорю, сможем. Потом выхожу из офиса и думаю: и действительно – как?

Ну, снаряжаем в Исландию небольшую команду на те скромные средства, что у нас тогда были. Скоро съемки, а снега там нет – представляете? Каждый день спрашиваю Криса: «Есть?» – «Нет еще». Продюсеры чувствуют ответственность за все, включая погоду.

КРИС НЬЮМАН (ПРОДЮСЕР): Я нервничал, поскольку идея принадлежала мне.

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД: Крис наконец говорит: «Возьмем искусственного снега мешок». – «Крис, – говорю я, – один мешок ничего не решит». – «Знаю, но надо же что-то делать».

За три дня до начала съемок снег пошел и больше не прекращался.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Приезжаем – там метель. Едем утром на площадку по узкой дороге, ведущей в горы. Нам пришлось посторониться, чтобы пропустить другую машину, а когда хотели вернуться обратно, наш «Лендкрузер» застрял в сугробе. Попытались откопать – ни в какую. Нас подобрал операторский фургон, проехали еще с полмили и застряли в овраге. Приехал грузовик, вытащил нас, а трос лопнул. Вот такие условия.

ДЭВИД НАТТЕР: Искали место для съемки, ехали в джипе по краю обрыва по снегу четырехфутовой глубины (1,2 м). Съехали с дороги – к счастью, не в ту сторону, где обрыв, но перевернулись набок. Я вылезаю и говорю: «Возьмем то, другое место, пониже».

КРИСТОФЕР НЬЮМАН: Снег повалил так, что мы засели в гостинице и могли передвигаться только пешим ходом. «Давай просто пойдем на улицу», – говорим мы режиссеру Алану Тейлору. Вышли со своей единственной камерой и засняли Сэмвелла, который на Кулаке Первых Людей слышит, как трижды трубит рог. Прямо рядом с отелем, но выглядит замечательно, поскольку он стоит под горой. Иногда, когда что-то не клеится, получается еще лучше.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Ветер дул почем зря. Снимаем разговор Сэмвелла и Джона, сняли первого, перешли ко второму, потом опять к Сэму, а он как снеговик: замело за считанные секунды.

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД: Потом пошли слухи, что будет извержение вулкана, – совсем караул. «Не будем никому говорить, – шепчемся с Крисом, – пусть останется между нами».

КИТ ХАРИНГТОН: Прямо партизанские какие-то съемки. Раз, в тридцатиградусный мороз, я заорал: «Стоп!», потому что Роуз пятилась к пятисотфутовому (150 м) обрыву. В другой раз, на замерзшем озере, снизу раздался треск, и мы рванули обратно на берег.

АЛАН ТЕЙЛОР: Это англичане понеслись, а исландцы шли себе не спеша.

РОУЗ ЛЕСЛИ (ИГРИТТ): Бредешь по снегу и делаешь на камеру вид, что тебе это нипочем: Игритт здесь выросла, нельзя показывать, что для тебя это трудно. Пыхтишь, так сказать, про себя.

ДЖОН БРЭДЛИ (СЭМВЕЛЛ ТАРЛИ): Мы клялись, что больше не будем жаловаться на ноябрь в Белфасте, – хотя, конечно же, жаловались. С другой стороны, места изумительные. Стоишь на леднике и не видишь никаких признаков современного мира, куда ни глянь. Как будто перенесся на миллион лет назад. А вокруг друзья и коллеги, которых ты любишь и уважаешь, – тут и понимаешь, как тебе повезло.

ДЭН УАЙСС: Подхожу к Киту на второй день, а он в полном экстазе. «Ни один съемочный день, – говорит, – меня не радовал так, как этот». Его счастье и погруженность в работу заражали всех остальных.

Когда группа вернулась в Исландию на третий сезон, возникла еще одна сложность: полученная между сезонами травма Харингтона. «Забыл дома ключи, пришел пьяный под утро, полез в окно, сорвался и сломал щиколотку в четырех местах, – рассказывал он в интервью Daily Mail. – Врачи спрашивают: “Тебя с чужой женой застукали? В окно пришлось прыгать?” Если бы, думаю».

Шутки шутками, но в душе он беспокоился, как это отразится на его роли.

КИТ ХАРИНГТОН: Так все и было, не вижу причины врать. Молодой идиот думал, что с ним ничего не может случиться. Линейному продюсеру[15] пришлось перестраивать график из-за меня, и я, чувствуя свою вину, купил ему бутылку хорошего виски. Вот уж ругали меня за глаза, наверно.

Все сцены с Джоном Сноу перенесли на два месяца. В прессе травма преуменьшалась: говорили, что актер лишь слегка прихрамывает. На самом деле пришлось взять дублера и сократить участие Харингтона в боевых сценах.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Он даже ходить не мог, но это замалчивалось. Не хотелось, чтобы люди смотрели сериал и гадали, он это или нет. Снимали так: он делает шаг, потом переходим к Игритт, потом он оказывается с ней рядом. Все общие планы снимались с дублером.

КИТ ХАРИНГТОН: Даже если он просто шел, меня так и разбирало подойти и сказать ему: вот как надо. Пока все нормально, ты не думаешь о походке своего персонажа, но пару раз я смотрел на него и говорил себе: «Нет, не то».

На фоне операции на мозге Кларк и лодыжки Харингтона продюсеры задумались о том, как легко непредвиденный несчастный случай может сорвать все их планы. В «Игре престолов» много действующих лиц, которые для сюжета необходимы. Авторов до последнего кадра не покидала тревога, что с ведущим актером случится беда или кто-то уйдет из сериала ради съемок в полнометражном фильме.

ДЭН УАЙСС: Случиться может все что угодно, но если бы Кит упал менее удачно, он не смог бы сниматься вовсе. Актеров у нас много, и вероятность несчастного случая, из-за которого кто-то не сможет продолжать, была высока.

Тогда же, в третьем сезоне, Харингтон вернулся в Белфаст, где Игритт и Джону предстояло заняться любовью у горячего источника в подземных пещерах. «Поведение Кита было, как всегда, джентльменским, – рассказывала Лесли в Entertainment Weekly. – Он проверял, удобно ли мне будет в определенной позе, и всякий раз отворачивался, когда говорили «снято» и милые костюмерши приносили мне халат. По возможности старался,

чтобы я не чувствовала неловкости, стоя на людях с голыми сиськами. Удовольствия мне этот день не принес, но Кит и вся остальная команда были очень внимательны».

КИТ ХАРИНГТОН: Поразительная сцена. В темном суровом мире, где никогда ничего хорошего не случается, это одно из немногих счастливых мгновений, уход от мрака и ужасов Вестероса. Нам всегда обещают, что вода будет теплая, – как правило, это вранье, но на этот раз нам правда сделали хорошую теплую ванну.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Кит сказал, что хочет прыгнуть в источник с Игритт. «А как же твоя нога?» – спросил я. Он сказал, что не будет ее нагружать, разделся и залез в воду.

Позже Джон и Игритт взбираются на Стену вместе с одичалыми Тормундом (Кристофер Хивью) и Ореллом (Маккензи Крук). Стена – это сооружение из гипса и полистирола высотой пятьдесят футов (15 м), и актеры в самом деле вонзают в нее свои топоры.

КИТ ХАРИНГТОН: Каждый раз, когда видишь в «Престолах» новые декорации, говоришь себе: «Блин. Ну дают ребята». Мы освоили эту стенку еще до съемок: Маккензи и я забрались чуть выше Роуз и сдались – очень уж напряжно в этих костюмах подтягиваться. А вот Кристофер залез на самый верх и чуть это все не порушил. Никогда не видел актера, который был бы так похож на своего персонажа.

За восхождением следует самый романтический кадр во всем сериале: обреченные любовники Джон и Игритт целуются на вершине Стены. Миг незабываемого блаженства перед неизбежным приходом тьмы.

КИТ ХАРИНГТОН: Поцелуй на Стене – один их моих самых любимых кадров. Пожалуй, это лучший момент для Джона. Где-то должен быть другой кадр, рабочий, где мы стоим под вентиляторами рядом с художником и режиссером. Для меня в этом суть всего сериала: убираешь зеленый фон, и остается прекрасный момент, когда я целую свою будущую жену. Помню, хотел, чтобы нас снимали подольше, просил не прерываться.

Вскоре после этого Игритт узнает, что Джон остался верен Ночному Дозору, и пускает в него три стрелы, выражая тем свое негодование. Их любовь приходит к своему трагическому концу

во время нападения одичалых на Черный Замок (это снова снимал Нил Маршалл). В ночь съемки опять лил дождь. Вредный сир Аллисер Торн неожиданно преобразился в героя и возглавил контратаку.

ОУЭН ТИЛ (АЛЛИСЕР ТОРН): Это был мой звездный момент, как у Генриха V. Дождь хлестал, как в «Бегущем по лезвию». Во дворе проложили доски, чтобы не хлюпать по воде, но их еще до съемок снесло. Нам сказали: «Идите без них, ничего!» Очень волнительно.

Когда Джон Сноу сталкивается с Игритт, она снова наводит стрелу ему на сердце, а он улыбается, оттого что снова видит ее.

НИЛ МАРШАЛЛ (РЕЖИССЕР): Я сказал Киту: «Мне все равно, что там между вами было. Ты ее любишь и счастлив видеть ее». А за улыбкой сразу трагедия – прекрасная получилась развязка.

РОУЗ ЛЕСЛИ: Раньше она стреляла не для того, чтобы его убить. Думаю, она хотела только наказать его, чтобы он не ушел невредимым. Хотела, чтобы он заплатил. Она любит его и не может заставить себя убить, хотя могла бы это сделать одной стрелой. В Черном Замке она тоже медлит – себе на погибель. И умирает у Джона на руках.

У Мартина в «Буре мечей» Джон находит тело Игритт, погибшей, скорее всего, от случайной стрелы, после боя. В сценарии поначалу предполагалось, что Игритт кто-то целится в спину, когда Джон идет ей навстречу. После стрелком решили сделать Олли (Бренок О’Коннор), мальчика-сироту, родителей которого убили одичалые.

НИЛ МАРШАЛЛ: Олли не должен был принимать столь активное участие в сериале. Предполагалось, что после гибели родителей он убегает в Ночной Дозор, и на этом все. Но сценаристы сказали: «Погодите, эту тему можно развить», и дали ему убить Игритт.

Я хотел, чтобы бой вокруг, пока Джон держит ее в объятиях, был показан в замедленной съемке. Хотел, чтобы этот момент и они двое запечатлелись в памяти зрителей. Но такая съемка тогда в «Игре престолов» не применялась, и мы с Дэвидом и Дэном поспорили. Я очень горжусь этим кадром.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Между тем, когда он видит Игритт, и моментом ее гибели проходит несколько самых мощных секунд из всего нами снятого. Все говорят о химии; химию между Китом

и Роуз не могли бы подделать самые великие актеры и лучший из режиссеров.

РОУЗ ЛЕСЛИ: Прекрасные получились проводы. Мне отдали на память лук и стрелу. Лук вместо грубой одичальской обмотки обтянули белой кожей и нарисовали там розочку, очень красиво. Я полюбила эту свирепую, беспредельно независимую девчонку.

Глава 10
«Должно хорошо получиться»

Под ледяным дождем, поливающим зеленую вершину холма, Николай Костер-Вальдау, весь в грязи, уходит на перерыв. Это одна из тех североирландских ночей, когда вся съемочная группа мечтает об электрообогревателях и горячем чае, но актер, по лицу которого стекают грязные струйки, весело улыбается. «Мне нравится, – вполне убедительно говорит он. – Чем труднее тебе физически, тем легче забыть, что это игра. Ты не думаешь про свой текст и целиком погружаешься в настоящий момент. Самые трудные сцены – это разговоры за столом».

В октябре 2012 года Костер-Вальдау снова сидел в грязи, закованный в цепи, но на этот раз ему составляла компанию Гвендолин Кристи – сначала как его конвоир, потом как такая же пленница. Показывая связанные запястья, она улыбалась подошедшему к ней журналисту: «Извините, руку пожать не могу!»

С Джейме мы познакомились еще в первом сезоне, с Бриенной Тарт – во втором, но оба они оказались в центре внимания только в третьем. Игритт помогла открыть новые черты в Джоне Сноу, а Джейме и Бриенна освобождают друг друга от эмоциональной брони.

Взаимодействия Костера-Вальдау и Кристи за кадром напоминали отношения их героев, что граничило с полным сюрреализмом, к восторгу всех окружающих. Обидные слова чередовались у них с редкими и неохотными свидетельствами взаимного уважения, и первая встреча тоже прошла негладко.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ (БРИЕННА ТАРТ): Я была влюблена в свою героиню, сильно робела и никогда еще не снималась в сериале, который уже посмотрела, – все это было для меня совершенно ново. Особенно стеснялась я Николая, такого импозантного в первом сезоне.

В первый день мне сказали, что он сейчас в гримерном фургоне и что мне надо с ним поздороваться. Я не хотела, опять-таки из-за робости. «Да не бойся, – сказали мне, – он не кусается». Ну, я захожу и говорю: «Здрасьте, я Гвен… играю Бриенну».

Он посмотрел на меня не то как на инопланетянку, не то как на кучу навоза и процедил: «А… так это вы, значит».

«Да», – говорю я, чувствуя себя крайне неловко.

«Хорошо», – говорит он и опять смотрит на себя в зеркало.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ (ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР): Она вечно рассказывает, как хамски я вел себя с ней при первой встрече. Лично я ничего такого не помню.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Он это отрицает! Как публично, так и тет-а-тет, только наедине он еще и смеется. Очень уж память у него избирательная.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Зато я помню, как она расстраивалась, когда ей пришлось подстричься для роли. Я, как бесчувственное бревно, не понял всей глубины ее переживаний, и моя глупая шутка нанесла ей незаживающую рану – вот она без конца и вспоминает об этом.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: А на следующий день у нас съемка. Он первым делом спрашивает: «Текст свой помните?» Я ему: «Доброе утро!», а он: «Текст свой помните?» – «Я-то помню, а вы?» – отрезала я.

Едем, значит, на площадку и переругиваемся. Сильно друг друга раздражаем, но и смеяться охота. Так и колеблемся между злостью и весельем.

«По системе играете?» – спрашиваю его. «Нет, – говорит, – а вы? Если по системе, утомительно будет». – «Как хочу, так и играю», – говорю я.

Вот так он и подкалывал меня, а после сказал: «Должно хорошо получиться». Я почему-то сразу поняла, что раньше он не всерьез говорил, и это задало тон.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Мы, к общему раздражению, быстро сошлись на том, чтобы и вне съемок вести себя как эти двое. Так и препираемся постоянно.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Он все время меня мучил. Утром, вечером, на тусовках, около моего трейлера.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: У Гвен язык как бритва, отбреет только так.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Как-то раз нас причесывали – он в такие моменты выглядит очень глупо, вот и несет что попало. «Есть, – говорит, – такая комедия про собак, “Крошка из Беверли-Хиллз”, я с детьми ее смотрю, так ты вылитый ее персонаж». А я в ответ: «Вся съемочная группа думает, что ты идиот».

Однако на площадке оба подходили к делу очень серьезно. Возьмем сцену на мосту, когда Джейме завладевает одним из мечей Бриенны и начинает сражаться с ней. Эпизод был особенно важен для Кристи, которая месяцами тренировалась, готовясь к нему.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Николай уже хорошо научился биться

на мечах. Отрепетировал наш поединок где-то за час и уехал в Данию, а у меня на это ушло куда больше времени. Бриенна очень искусный, выносливый и сильный боец – приходилось соответствовать, упорно тренироваться и питаться белком.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Мы полчаса толковали о том, использовать креатин[16] или нет.

Этот поединок, как и многие другие в «Игре престолов», не просто решает, кто победит, а позволяет зрителю лучше понять героев.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: В книге бой на мечах приводит к началу совершенно других отношений. Бриенна бьется, потому что вынуждена, – она не хочет его убивать. Мне это казалось очень интересным, ведь мы так привыкли, что поединки нужны для остроты сюжета или для победы. А для нее это всегда акт справедливости. Джейме хочет блеснуть, Бриенна его осаживает. Показывает ему, кто здесь босс.

В бою хорошо проявляются их характеры. Бриенна стойкая и сильная, Джейме быстрый, как ртуть, и хитрый. Оба проявляют свою истинную натуру и присматриваются друг к другу.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Бриенна, к удивлению Джейме, не стремится его убить. Она человек чести и дала слово доставить его в Королевскую Гавань. А мне приходится нелегко, потому что у меня руки связаны.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН (РЕЖИССЕР): Несколько дней шел дождь, и дерн, которым художественный отдел покрыл старый красивый мост, превратился в нечто, напоминающее арахисовое масло. Вязко, скользко – все равно что на банановой кожуре драться.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Люблю эту сцену с начала и до конца. Во время боя я нашла в себе внутреннюю воительницу, почувствовала, что стала больше и крепче. Ощутила, что у меня мощная челюсть, выпятила ее, и это был сильный жест. Мне очень нравилось, что здесь не надо выглядеть изящной или сексуальной, а надо побить этого нахального мужика. Мы с Николаем хорошо узнали друг друга в этом бою. «Ей-богу, ты здорово потрудилась», – сказал он мне.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Гвен была по-настоящему счастлива, когда Николай попросил: «Ты можешь бить чуток послабже?»

Далее обоих бойцов берет в плен Лок, человек Русе Болтона. В одной из самых жестоких сцен сериала он отрубает Джейме

правую руку за то, что отпрыск богатого дома Ланнистеров пытается его подкупить. В день съемки этого эпизода Костер-Вальдау заболел гриппом, так что выглядеть несчастным ему труда не составило.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Я с трудом дотащился до площадки и мало что помню – помню только, что в нужный момент заорал. Один из немногих случаев, когда я играл по системе.

ДЭВИД НАТТЕР (РЕЖИССЕР): Николай сильно меня впечатлил. Он делает все как надо, жестко – падает в грязь и прочее.

Не слишком ли сурово? Лок, пиная упавшего Джейме, сломал актеру ребро. Но Костер-Вальдау на вопрос об этом только плечами пожал.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Он не видел, куда бьет, и малость перестарался.

Лок привозит Джейме и Бриенну в Харренхолл, где Русе Болтон (Майкл МакЭлхаттон) дает пленникам отдохнуть после суровых испытаний. В бане Джейме залезает без спросу в горячую ванну к Бриенне. Это ключевой момент у Мартина в «Буре мечей», и Костер-Вальдау с нетерпением ждал этой сцены.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Все два первых сезона Джейме готовится к этой ванне. Наконец-то он перестает быть аморальным одномерным героем – он лишь притворяется таким, чтобы выжить, используя свое боевое мастерство и то, что он Ланнистер.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Мы работали над этой сценой глубоко за полночь. Оказывается, снимать кого-то в ванне непросто. И актеры в уязвимом положении: оба раздеты и должны показывать глубокие эмоции, а сцена долгая.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Один из лучших съемочных дней. И для меня, и для Гвен. Он был долгим – мы сидели в воде, было неудобно.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ (РЕЖИССЕР): Я спросил Дэвида и Дэна: «Они что, начинают влюбляться друг в друга?» Наши шоураннеры старались открывать как можно меньше секретов и ответили так: «Да, только они об этом не знают».

В начале сцены Джейме, как всегда, груб с Бриенной. Задетая

за живое, она встает во весь рост.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Когда Бриенна встает перед ним нагая, это вовсе не лишнее – это вызов. Она разгневана и хочет уйти, но он загораживает дорогу. В этот миг она осознает, что сильна как женщина – без брони, без боя, без смертоубийства. Что ее противник – этот мужчина, с которым у нее такие сложные отношения. Он спас ее от группового изнасилования, а она до сих пор не может его понять. И тут он толкает ее назад в воду.

Я так часто, как и миллионы других, боролась с тем, что я аутсайдер, с ощущением своей уродливости, с боязнью быть не такой, как все. Бриенна побеждает собственные страхи относительно своего пола, своей женственности, своей уязвимости. Она не просто осознает себя женщиной, но понимает, какой женщиной будет. Теперь возврата к прошлому уже нет.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: У Джейме с Бриенной есть много причин для ненависти друг к другу, но и от взаимного уважения они не могут избавиться. Это история двух людей, где секс ни при чем. Джейме изумляет, что Бриенна похожа на него, а не на Серсею – единственную женщину, которую он близко знал. Шок в этой сцене испытывает не Бриенна, а он.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Он никогда еще таких не встречал. В ней он видит себя. Раньше он никому не доверял свои тайны.

Реакция Бриенны побуждает его сделать то, чего он еще ни разу не делал: извиниться перед ней. А после он рассказывает ей, онемевшей от удивления, подлинную историю того, как он убил Безумного Короля и спас все население Королевской Гавани, преступив клятву рыцаря Королевской Гвардии. Оба делают то, что для них труднее всего: Бриенна разоружается физически, Джейме – эмоционально.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Гордость не позволяла ему протестовать против клейма цареубийцы. Из гордости он никому не сказал: «А знаете…» И раскрылся только теперь.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Мы делали очень долгий, медленный наезд на него во время всей речи, но операторский кран начал издавать жуткие пыхтящие звуки каждые десять секунд – на репетиции ничего такого не было, и никто не знал, как это прекратить. Николай говорит: «Не хочу возвращаться к этой сцене, давайте продолжим». И стал продолжать, пропуская эти шумы. Вот оно, настоящее актерское: «Я это сделаю, и ничто мне не помешает».

БРАЙАН КОГМАН: Я хорошо помню, как он выкрикнул: «По какому праву волк судит льва?» Один из мистических моментов,

когда актер попросту исчезает.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Оборачиваясь назад, я думаю, что мне невероятно повезло работать с Николаем. Он развил мой актерский профессионализм, никогда не проявлял ко мне пренебрежения из-за моей неопытности или, не дай бог, моего пола. Относился ко мне как к равной, хотя роль у него крупнее и опыта больше. Признавал, что я много работаю, поэтому я не боялась и его призывать к тому же. Словом, одно удовольствие, потому что он действительно очень талантлив.

Глава 11
Красная свадьба

Девятая серия третьего сезона с невинным, на первый взгляд, названием «Рейны из Кастамере» насыщена как физиологическими, так и экзистенциальными ужасами.

Мы видим, как умирает полюбившийся нам Робб Старк, мстящий за отца. Он выигрывал каждую свою битву, но его казнили из-за простительной, казалось бы, ошибки – нарушения клятвы жениться на дочери Уолдера Фрея. Видим, как гибнет его мать Кейтилин, все еще оплакивающая мужа и младших сыновей, которых ошибочно считает мертвыми. Старшего убивают у нее на глазах, и она успевает испытать боль и ярость, прежде чем испустить дух. Видим, как бьют кинжалом в живот беременную жену Робба Талису. Все это происходит в традиционно безопасной обстановке, на свадьбе, которую мы связываем с собственными родными, друзьями, радостными воспоминаниями. Кроме того, здесь еще и измена: против Старков ополчаются не только враги, но и те, кого они считали союзниками. Лютоволка Робба, Серого Ветра, убивают в клетке, где его заперли. Добавим к этому трагедию Арьи, стоящей у ворот замка, где истребляют ее родных.

Красная Свадьба ужасает по всем этим причинам, а сценарий, актерская игра и талантливая режиссура Дэвида Наттера усиливают эффект. С момента, когда музыканты Фрея начинают играть зловещий гимн Ланнистеров «Рейны из Кастамере», до убийства Кейтилин проходит всего шесть минут, но они навсегда остаются в памяти зрителей. «Эти кадры внушают страх и ужас, как и задумано, – пишет Эмили Тодд Вандерверф в газете The A.V. Club, – а сериал зарабатывает дополнительные очки».

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Я чуть ли не с первой книги знал, что убью Робба Старка. Не в самом начале это решил, но довольно скоро. Я хочу, чтобы моя сага была непредсказуемой, чтобы держала читателя в напряжении. Почему я Неда убил? Потому что все думали, что он главный герой и, значит, как-нибудь вывернется. Следующий предсказуемый поворот – что старший сын отомстит за него. Все только и ждут этого – стало быть, надо и Робба прикончить.

Красная Свадьба основана на реальных событиях шотландской истории. Одно получило название Черный Ужин. Шотландский король воевал с кланом Черного Дугласа. Он

предложил молодому эрлу Дугласу мир. Тот приехал в Эдинбургский замок, и монарх дал в его честь большой пир. Под конец люди короля начали бить в барабан, и перед эрлом поставили закрытое блюдо. Под крышкой лежала голова черного кабана, символ смерти, и он сразу понял, что это значит. Его предали смерти во дворе замка.

Второе событие – это Резня в Гленко. Люди клана Макдональд остановились в деревне, принадлежавшей Кэмпбеллам. Кэмпбеллы радушно приняли их, а ночью принялись убивать.

Какие бы ужасы я ни выдумывал, в истории можно найти чего похлеще.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): В книге, когда начинают играть «Рейны из Кастамере», ты чувствуешь, что это добром не кончится. Самая сильная реакция за всю мою читательскую практику – даже страницу не хотелось переворачивать.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Мы говорили себе, что если доберемся до Красной Свадьбы и снимем ее как надо, с сериалом все будет хорошо. На энергетике этого события мы благополучно продержимся до финала.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Жена Робба стала первым крупным отступлением от книги. Дэвид и Дэн полностью изменили ее биографию. В сериале это целительница из Волантиса с недюжинной силой воли, а у меня Робб женился на Жиенне Вестерлинг из дома вассалов Ланнистеров, с которой познакомился во время западного похода. Когда его ранили, она выхаживала его, как сестра милосердия.

Кроме того, у меня Жиенна осталась в живых. Мы с Роббом так рассудили: «Не надо ее брать на свадьбу, им это будет обидно – ведь я женился на ней, а не на их девице. Оставлю ее в Риверране с дядей».

РИЧАРД МЭДДЕН (РОББ СТАРК): Книги я читал сезон за сезоном – не хотел знать заранее, что будет с Роббом. Но меня, конечно, снабдили спойлерами около тысячи человек, прежде чем я взялся за третью книгу. Google тоже стал роковой ошибкой. По всем этим намекам я понял, что должно случиться нечто ужасное.

МИШЕЛЬ ФЭЙРЛИ (КЕЙТИЛИН СТАРК): Я знала, что нас ожидает, – фанаты любят поговорить. Такая трагедия, такой шок. Один мой знакомый, читавший «Бурю мечей» в самолете, так расстроился, что оставил книгу в салоне. Но для актера такая роль – просто подарок.

УНА ЧАПЛИН (ТАЛИСА СТАРК): Я знала, что все будет не совсем так, как в книге, и что до конца третьего сезона мне не

дожить. Молилась, чтобы меня убили красиво, потом прочитала сценарий и сказала: «К черту, все там будем». Но читать – совсем не то, что играть.

МАЙКЛ МАКЭЛХАТТОН (РУСЕ БОЛТОН): В книгах Русе куда более очевидный злодей, а в сериале он держит карты поближе к груди, поэтому зрители не уверены. Он – доверенное лицо Робба и помогает ему побеждать. Но Старк не слушает его советов, что невыгодно как для Болтонов, так и для Ланнистеров, и Русе решает избавиться от него.

ДЭВИД НАТТЕР (РЕЖИССЕР): Главным здесь были элемент неожиданности и заинтересованность зрителей. Расстановка тоже имела значение. Несколько недель я чертил на бумаге схемы и как-то утром в субботу вроде бы эту задачку решил. Изобразил все на доске, как футбольный тренер перед матчем, и сказал продюсерам: «Столы надо поставить вот так, а героев разместим здесь …»

МАЙКЛ МАКЭЛХАТТОН: Увидев эту комнату, я был поражен – прямо картина Вермеера. Она была меньше, чем ожидалось, и потолок ниже, зато освещение изумительное. Красная Свадьба уникальна, ее не спутаешь ни с одной из сцен сериала.

Все происходящее в Близнецах – приезд Старков, свадьба Эдмара Талли и роковой пир – сняли в Белфасте за неделю.

МИШЕЛЬ ФЭЙРЛИ: Нам очень повезло. У нас была неделя на съемки, и мы придерживались хронологии, с каждым днем приближаясь к бойне.

ДЭВИД НАТТЕР: Соблюдали ее в общем и целом – полностью это невозможно, но самое главное действительно приберегли напоследок. Этих героев все полюбили – не хотелось забегать вперед и нарушать эмоциональный настрой.

УНА ЧАПЛИН: Мы действительно стали семьей. Я не чувствовала, что конец уже близок, и не верила в него, несмотря ни на что.

РИЧАРД МЭДДЕН: Мы старались не думать об этом. Потом я приехал в Хорватию, и кто-то мне говорит: «Выходит, я в последний раз тебя на площадке вижу».

ДЭН УАЙСС: К моменту съемок мы стали испытывать большое давление. Мы добрались до свадьбы, что было здорово, но в финансовом смысле было сложновато снять все как следует.

ДЭВИД БРЭДЛИ (УОЛДЕР ФРЕЙ): Мне нравился не только острый сюжет, но и крупицы черного юмора. Уолдер, встречая гостей хлебом-солью, произносит приветственную речь. Он очень дружелюбен, просит всех чувствовать себя как дома, а на самом

деле ему не терпится отомстить.

РИЧАРД МЭДДЕН: Мне как актеру нельзя было показывать, что я знаю о предстоящем, особенно потому, что Кейтилин к Фреям относится настороженно. Следовало дать понять, что от этой семейки добра не жди, но элемент неожиданности, надеюсь, мы сохранили.

МИШЕЛЬ ФЭЙРЛИ: К концу той недели меня стали одолевать эмоции. Вроде все спокойно, мы празднуем свадьбу, но я нервничала и не могла сосредоточиться – а надо ведь изображать, что твои подозрения были напрасны.

МАЙКЛ МАКЭЛХАТТОН: Со мной гримировался какой-то парень – из массовки, как я полагал. Он представился как Уилл. Я спросил, кого он играет, он ответил, что барабанщика. Я говорю: «Зачем приглашать английского музыканта, на бойране (это бубен такой) мог бы и кто-то из местных стучать. Ты в какой-то группе играешь?» – «Да», – говорит. «И как ваши успехи?» – «Да нормально». Соль анекдота вы уже знаете: я спросил, как называется группа. «Coldplay», – сказал он, и я почувствовал себя полным кретином.

Традиционный способ съемки свадебного пира предполагал постепенное нагнетание напряжения. Наттер сделал наоборот: успокоил зрителя. Эдмар рад, что его невеста оказалась молодой и красивой, церемония прошла чин чином, молодых весело, раздевая по пути, провожают на брачное ложе. Робб и Кейтилин, весь сезон пребывавшие в ссоре, наконец помирились. Его мать становится мягче даже с Талисой, которая хочет назвать ребенка, если это будет сын, Эддардом. Им хорошо вместе в первый раз… и в последний.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Робб и Кейтилин так много пережили, начиная со смерти Неда. Когда она освободила Джейме, они поссорились, но вернулись к прежней семейной идиллии, а теперь у них это отнимают.

МАЙКЛ МАКЭЛХАТТОН: Дэвид Наттер, делая панораму застолья, сказал: «Улыбнись!» Я говорю: «Мой парень не улыбается», а он: «Не будем ничего выдавать раньше времени, сначала усыпим бдительность, потом оглушим». И был абсолютно прав.

ДЭВИД НАТТЕР: Я хотел сблизить героев как можно больше, пока все не началось. Чтобы зрители поверили в счастливый конец. Не хотел, чтобы они предчувствовали плохое, пока рубильник не повернули.

И когда один из сыновей Уолдера Фрея медленно затворяет тяжелую дверь чертога, у вас возникает чувство, что здесь что-то не так.

ДЭВИД НАТТЕР: К финалу требовалось подойти осторожно, чтобы неожиданность была полной.

С галереи для музыкантов слышится мрачная мелодия «Рейнов из Кастамере». В этой песне, с которой мы познакомились во втором сезоне, рассказывается, как Тайвин Ланнистер истребил весь дом Рейнов, восставший против него. В сериале на нее ссылались уже пять раз – ее либо поют, либо обсуждают. Поэтому зрители, вместе с Кейтилин, сразу понимают, что на свадьбе в доме Фреев она звучать не должна.

Кейтилин смотрит на Болтона, чье лицо говорит: «Правильно понимаешь», засучивает его рукав и видит под ним кольчугу.

КРИСТОФЕР НЬЮМАН: На репетиции я увидел во взгляде Майкла что-то звериное. Мне вспомнилось, как Роберт Шоу говорит в «Челюстях», что акула закатывает глаза перед тем, как укусить. Я поговорил с Дэвидом Наттером, и он утвердил за Майклом «звериный» взгляд.

МАЙКЛ МАКЭЛХАТТОН: Дэвид долго бился со мной: мне этот полуулыбающийся взгляд казался очень уж театральным. «Тут тонкость ни к чему, – сказал он, – ты мне дай мелодраму».

ДЭВИД БЕНИОФФ: С того момента, как Кейтилин видит на Болтоне кольчугу, и до ее смерти рассказ ведется только о ней.

Пока Кейтилин и Русе обмениваются взглядами, Уолдер Фрей заявляет, что припас для Талисы свадебный подарок. Дальше все происходит очень быстро: Лотар Фрей (Том Брук) подходит к ней сзади и раз за разом наносит ножевые удары в живот.

УНА ЧАПЛИН: Меня каждый раз заставала врасплох кровь, вытекающая из моего живота. Это очень страшно, когда к тебе подкрадываются сзади и тычут в тебя ножом. Даже игры особой не требуется. Несколько галлонов[17] из меня вытекло.

В ошеломленного, ничего не понимающего Робба стреляют с галереи из арбалетов. Смертельно раненный, он подползает к Талисе и видит, как в ней угасает жизнь.

УНА ЧАПЛИН: Просто сердце разрывается, так все печально. Я смотрела на Ричарда, на Мишель, на барабанщика группы

Coldplay и думала: «Все, это наша последняя сцена». Напоследок я хотела выразить всю свою любовь к Ричарду – вообще-то к Роббу, но, если честно, все-таки к Ричарду.

ДЭВИД НАТТЕР: Перед этим я говорил с Ричардом о любви, о том, как она много для него значит, – и он проникся. Он великолепный актер, и это был полный успех. Все кругом рыдали, даже гримеры. Я искренне верю в то, что сцена должна затронуть тебя самого, иначе как ты растрогаешь зрителей? «Если мы сами что-то почувствуем, – думал я, – это и другим передастся».

ДЭВИД БЕНИОФФ: «Хороший кадр», – говорю я помощнику режиссера по сценарию про дубль с умирающим Ричардом. Смотрю, а она ревет в три ручья. В этом есть и горечь, и сладость: люди из-за тебя расстроились, но ведь так и было задумано.

УНА ЧАПЛИН: Я и мертвая плакала. Подходит режиссер: «Уна, хватит, умри уже».

КРИСТОФЕР НЬЮМАН: Тут не до нюансов, тут гнев и страдание. Передраматизировать невозможно.

РИЧАРД МЭДДЕН: То, что Арья была так близко, мучило меня еще больше. С каждой серией Робб все больше отдаляется от тех, кого любит. Он так хочет снова собрать всех вместе и знать не знает, что одна из сестер здесь, рядом. Очень я переживал из-за этого.

ДЭВИД БРЭДЛИ: Уолдер и сам актер хоть куда. Разыграл все это дело с музыкой, речью и арбалетами так, что никто ни о чем не догадывался. Надо было показать, как он радуется осуществлению своего плана.

ДЭВИД БЕНИОФФ: В кино и книгах мы привыкли к тому, что умирающий главный герой говорит что-то перед смертью. Тут ничего такого нет – только резня и ужас. Вы хотите отомстить, и быстро, но вас лишают такой возможности.

Кейтилин, отчаянно пытаясь спасти Робба, хватает молодую жену Уолдера и приставляет нож к ее горлу.

МИШЕЛЬ ФЭЙРЛИ: Я три года прожила с этой ролью. Знала, что этой женщиной движет: у нее все внутри обрывается, когда убивают сына, но контроля над собой она не теряет. Раз все равно умирать, так хоть отомстить напоследок. Кейтилин будто приросла к месту – только голос и лицо передают ее горе. Ей откровенно наплевать, что с ней будет.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Это очень сильный момент, когда Кейтилин молит о пощаде, а потом убивает заложницу. Жена для Фрея особой ценности не имеет, и угрозы Кейтилин ему не страшны.

«Наилучшие пожелания от Ланнистеров», – говорит Болтон и вонзает нож в сердце Робба.

ДЭН УАЙСС: Джордж представляет читателю триумфальную смерть – но это смерть Робба Старка! Это Русе произносит финальную реплику, вонзая нож в его сердце. Все признаки триумфальной кончины, но настигает она совсем не того, а любимого нами героя.

Кейтилин могла бы отпустить жену Фрея, но выполняет свою угрозу и убивает ее.

МИШЕЛЬ ФЭЙРЛИ: Я потеряла мужа и всех детей – во имя чего же мне жить? Кейтилин из знатного рода, ее с детства учили правилам чести. Она поставила под вопрос все свои мотивы и действия – все, кроме этого. «Я не сомневаюсь, а просто делаю». Думаю, это очень освобождает. А после этого она просто стоит на месте. Она уже мертва. Она хотела этого. Она не хочет жить дальше.

ДЭВИД НАТТЕР: Мы снимали эту сцену последней. Обсуждали, долго ли Кейтилин так стоять, прежде чем ей перережут горло. Я сказал Дэвиду Бениоффу: «Сначала она убивает жену Фрея, потом момент крайнего отчаяния, потом начинает сходить с ума. Я жду твоего кивка и даю парню знак подойти и убить ее».

«Мотор!» Она прикончила женщину и стоит рыдает. Смотрю на Бениоффа, она плачет дальше. Дэвид кивает, парень подходит и перерезает ей горло. Нож он держал не совсем правильно, но смотрелось все хорошо.

РИЧАРД МЭДДЕН: Это измучило нас не физически, а морально. Я глаза себе выплакал, как и вся группа. Поздно вечером состоялась прощальная вечеринка, но мне завтра надо было сниматься в другой роли, так что я смыл кровь и сел в самолет.

ДЭН УАЙСС: Звоним Мишель после, а она не отвечает. Через неделю прислала письмо: «Извините, ни с кем не могла говорить об этом. Совершенно разбита».

МИШЕЛЬ ФЭЙРЛИ: Дэн оставил сообщение на голосовой почте. Я хотела перезвонить, но не нашла в себе сил.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ (РЕЖИССЕР): Они уходили сразу же после съемки, и это травмировало. Потом, например, когда свадьбу Джоффри снимали, мы просили актеров поработать еще немного после «кончины».

ДЭВИД БЕНИОФФ: Странно говорить после такого «здорово получилось». Мы ведь не просто героев убиваем, мы теряем

актеров, которые были с нами с самого начала, которых мы полюбили.

ДЭВИД НАТТЕР: У меня есть склонность к самоедству, но тогда, по дороге в квартиру, я сказал себе: «Вроде бы ничего». Никто еще не знал, что отклик будет настолько сильным. Сознание, что ты затронул своей работой массу людей, для телережиссера большое счастье. Лучший подарок, который я когда-либо получал.

РИЧАРД МЭДДЕН: Трагедийная серия, снятая Дэвидом Наттером, буквально сбивает с ног. Шок от прочтения романа и тонкие книжные нюансы сливаются в мощный экшен.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Они сделали все как надо. Взяли самую жестокую сцену из всех мной написанных и щедро подбавили брутальности. Оттянулись на всю катушку.

ДЭН УАЙСС: Наши герои не всегда терпят крах – иногда они торжествуют. Возьмем Дейенерис на площади Кары в Астапоре – это великолепный момент «так вас разэтак». Но эти мгновения чередуются с другими, когда кто-то совершает непоправимую ошибку и расплачивается за это. Если бы в нашей истории все было совсем беспросветно, вы бы знали, что и дальше ничего хорошего ждать не приходится, но здесь, как и в жизни, что угодно может случиться. Как хорошее, так и ужасное.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO): То, что могло стать просто кровавой баней, вылилось в невероятно трогательный рассказ. Всем нам, так любящим смотреть на драконов и конных рыцарей, напоминают, что опасность грозит любому. Избитые телесюжеты здесь не пройдут.

УНА ЧАПЛИН: Я тогда не знала, что его волка тоже убили и что там была Арья! Все это творилось за стенами нашего зала. И этот крик Мишель, а потом тишина. Тут и музыки не надо, все и так оседает внутри. Мое сердце разбилось.

Мэдден объясняет, что Талиса гибнет не ради лишнего шока: это имеет значение для сюжета. «Надо, чтобы поезд Робба полностью сошел с рельсов, – говорит он в Access Hollywood. – Так намного трагичнее. Если бы Талиса выжила, то могла бы родить сына, который со временем стал бы Королем Севера».

В следующей сцене выясняется, что за всем этим стоит Тайвин Ланнистер, руководивший Уолдером Фреем из Красного Замка. Красную Свадьбу он оправдывает тем, что она положила конец гражданской войне, которая могла бы унести куда больше жизней.

ДЭВИД БРЭДЛИ: Я не вижу в Уолдере законченного злодея. Это лидер, сумевший достичь высокого положения. В молодости он был, наверно, похож на уличного бойца, никому не спускающего обиды. За оскорбительные поступки, с его точки зрения, нужно мстить. Если не сделать этого, то мир, где он живет – а это безжалостный мир, – с ним быстро разделается. Бездействие расценят как слабость и используют в своих целях.

ДЭН УАЙСС: Эти события еще и потому так сильно действуют, что оказываются результатом интриг Тайвина Ланнистера, который нам нравится несмотря ни на что. Героев погубили не чудовища, а такие же люди, движимые своими целями и мотивами.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Тайвин не садист и не мучает проституток ради забавы. Он, конечно, жесток, но без этого, как он думает, Вестеросом править нельзя. Я не считаю его злодеем.

ДЭН УАЙСС: Я бы назвал его нейтральным лицом.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Это самая тяжелая сцена из всех, что мне доводилось писать. Она приходится на последнюю треть «Бури мечей», но я пропустил ее и написал, только когда закончил всю книгу. Это все равно что убить двух своих детей.

Когда книга вышла, я получил (и до сих пор получаю) множество писем такого содержания: «Я вас ненавижу, как вы могли, никогда больше не буду читать ваши книги». Другие пишут: «Я швырнул книгу через всю комнату, а через неделю подобрал, и это величайшее из всего, что я читал». Что сказать тем, кто больше и видеть не хочет твои произведения? Люди любят литературу по самым разным причинам. Я это уважаю. Некоторые читают, чтобы утешиться. Мои бывшие поклонники пишут, что жизнь у них тяжелая, мать болеет, собака умерла, и они погружаются в книги, чтобы уйти от этого. Они не хотят получать удары в лицо, поэтому выбирают такие романы, где парень всегда остается с девушкой, добро побеждает и можно лишний раз убедиться, что в жизни все честно. Я такого почти никогда не пишу. В «Льде и пламени» жизнь определенно показана гораздо реалистичнее. Там есть радость, но боль и страх тоже присутствуют. В самых лучших книгах, по-моему, свет всегда существует рядом с тьмой.

Глава 12
Скоморошьи потехи

В первые сезоны авторы сериала и актеры постоянно разыгрывали коллег. Такие шутки за кадром – верный признак сплоченной группы, однако полный список розыгрышей во время съемок «Престолов», скорее всего, никогда не будет опубликован. «Мои приколы, например, всегда неприличны, а иногда незаконны, – говорит Джейсон Момоа. – Они умрут со мной и с теми, кого я разыгрывал».

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): В первом сезоне мы сказали Мэйси и Софи, что им как несовершеннолетним нельзя будет прийти на тусовку после съемок пилота. Для малолеток, сказали мы, устроят отдельную вечеринку в «Макдоналдсе». Они расплакались.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Потом они пришли на настоящую вечеринку и тоже плакали все время – думали, что больше никогда не увидятся.

Киту Харингтону прислали поддельный сценарий того эпизода, где Джон Сноу спасает командующего Мормонта от ожившего мертвеца. В этой версии Джон, бросая на упыря горящие занавеси, загорается сам.

Дэвид Бениофф в книге «HBO: Игра престолов», так рассказывает об этом: «Когда огонь удается наконец потушить, мы видим при свете факелов, что все волосы у Джона сгорели, – говорилось в сценарии, – и на лице вздулись волдыри. Несмотря на адские муки, он отважно остается рядом со своим командиром. Он улыбается, обнажая зубы – единственное белое пятно на обгоревшем лице. Мормонт с отвращением смотрит в сторону».

Харингтон должен был поверить, что будет обезображен до конца сериала и что каждый раз перед съемкой ему будут часами накладывать специальный муляжный грим.

ДЭН УАЙСС: Мы сказали Киту, что HBO считает линию Джона слишком уж гаррипоттеровской и хочет немного ее притемнить. Они думают, что такой хороший актер с этим справится. Мы держались долго, но потом захихикали, а он проявил хорошее чувство юмора.

Во втором сезоне Бениофф и Уайсс снова подсунули фейковый сценарий – на этот раз Алфи Аллену. В финале Бран Старк будто бы отбивает у Теона фамильный замок. «Винтерфелл мой, а не твой», – говорит Бран и наносит предателю удар в сердце.

Однако этот номер у них не прошел.

ДЭН УАЙСС: Алфи тогда был на Ибице, то есть пребывал в расслабленном состоянии.

АЛФИ АЛЛЕН (ТЕОН ГРЕЙДЖОЙ): Ну и ладно, подумал я. У меня был отпуск, и Дэвид с Дэном думали, что я начну им звонить: «Стойте, как это?» Но я не стал, и они потом признались, что пошутили.

ДЭН УАЙСС: А уж как мы старались его напугать. Будешь, говорили, зомби. Дохлым и голым. И это еще не все эпитеты, которые мы подбирали к слову «зомби».

Роуз Лесли разыграли, узнав, что она стесняется петь на публике. Дали ей текст длинной песни «Последний из великанов» из книги Мартина: «О-о-о-о, я последний из великанов, услышьте же песню мою: умрет она вместе со мною в захваченном вами краю».

Умудрились разыграть даже того, кто в «Престолах» вообще не участвовал. Роб МакЭлхенни, друг Бениоффа и Уайсса и по совместительству автор идеи и звезда ситкома «В Филадельфии всегда солнечно», рекомендовал им своего режиссера Мэтта Шекмана. Он раньше не работал в стиле экшен, но ему дали две серии седьмого сезона, в том числе «Трофеи войны» с батальными сценами.

ДЭН УАЙСС: Мы решили приколоться и сказать Робу, что Мэтт – полная катастрофа. Пусть мучается из-за того, что нам его сосватал. Сразу не раскрывались, задавали ему в письмах вопросы типа: «А как Мэтт обычно ведет себя на площадке?» Роб нам: «А что не так-то?» Мы: «Придется нам, видно, самим снимать эту серию, очень уж он напортачил».

МЭТТ ШЕКМАН (РЕЖИССЕР): Я и забыл уже! Довольно подлая шуточка, между прочим. Роб так мучился, так переживал за меня. «Что ж теперь делать? С кем мне поговорить?» И затянулось это надолго.

ДЭН УАЙСС: Когда Роб собрался уже звонить своему агенту, мы послали ему фото, где мы двое, Кит, Эмилия и десять дотракийцев показываем Мэтту средний палец. И все завершилось прекрасно.

Николай Костер-Вальдау решил, что пора кому-то и шоураннеров разыграть. Отснявшись предварительно в одном из сезонов, он послал им, по выражению Уайсса, сердитое актерское письмо.

ДЭН УАЙСС: Он выказывал свое недовольство тем, что мы поменяли ему прическу. Прическа, мол, это часть его персонажа, и он хочет сам решать, как ему стричься, чтобы лучше показать свое видение Джейме Ланнистера. Выражал надежду, что мы это поймем, и обещал вскоре прислать фотографию.

Время идет, фотографии нет. Наконец, дня через три присылает – с армейской стрижкой под ноль. Пришлось в последнюю минуту и за бешеные деньги заказывать для Джейме Ланнистера парик. Юристы HBO звонят его адвокатам, и тут он пишет, что это фото пятилетней давности, а он и не думал стричься.

Они и меня разыграли – во время интервью для книги, которую вы сейчас читаете. Я допытывался у них, действительно ли Джон Сноу «обещанный принц» (он же Азор Ахай, предсказанный в пророчестве спаситель, которого Мелисандра ищет весь сериал).

ДЖЕЙМС ХИББЕРД (ЖУРНАЛИСТ): Так Джон – в сериале по крайней мере – правда обещанный принц?

ДЭН УАЙСС: Спроси Кита.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Точно. Спроси.

ДЭН УАЙСС: Ага. Кит знает.

Долгое время спустя беру интервью у Кита Харингтона:

ДЖЕЙМС ХИББЕРД: И еще одно – Дэвид и Дэн у тебя велели спросить: Джон Сноу в самом деле «обещанный принц»? Они ведь тебе сказали?

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Не помню такого. Нет, погоди: ни фига они мне не говорили! Просто прикалываются.

(Харингтон, кстати, думал, что «обещанный принц», скорее всего, Бран.)

Круче всех разыграли Джона Брэдли в шестом сезоне, когда Сэм Тарли привозит Лилли в свой замок. Правда, зачинщиками на этот раз были не шоураннеры.

ДЭН УАЙСС: У Ханны Мюррэй были самые паршивые костюмы в «Игре престолов»: пять лет в дерюге ходила и очень обрадовалась, когда ее наконец одели во что-то приличное. По этому случаю они с Китом сговорились сказать Джону, что у него тоже будет новый костюм.

ХАННА МЮРРЭЙ (ЛИЛЛИ): Мы собирались просто сказать, что ему придумали дурацкий костюм. Думали, он расстроится, только и всего. Но все оказалось куда сложнее.

Бениофф и Уайсс заказали костюмерам наряд на манер шутовского и даже примерку Брэдли устроили.

ДЭН УАЙСС: Костюм должны были состряпать достаточно убедительно, чтобы Джон поверил. Все детали взяли напрокат – получилось нечто в стиле Генриха VIII с пышными тюдоровскими штанами и гульфиком.

ДЖОН БРЭДЛИ (СЭМВЕЛЛ ТАРЛИ): Выглядело это невероятно нелепо. Здоровый такой гульфик – очень вульгарно, хотя и лестно. Я купился, потому что раньше Сэма не показывали у него дома, а родители считали его идиотом. Может, его и одевали как дурака, пока в Ночной Дозор не отправили.

ХАННА МЮРРЭЙ: Он только об этом и говорил. «Видела мой новый костюм? А шапочку?» Очень был раздражен. Я отвечала: «Да все нормально». Потом пошла к Дэвиду и говорю: «Может, скажем ему уже?» А он: «Давай».

ДЖОН БРЭДЛИ: Думаешь, что уж тебя-то не разыграют, и вот поди ж ты.

ДЭН УАЙСС: Ближе к концу труднее стало, никто никому не верил.

Глава 13
«И с криком бросаешься на врага»

«Игра престолов» за восемь сезонов побила много рекордов. Один из них – продолжительность пыток одного из героев. Бастард Русе Болтона, Рамси, берет Теона Грейджоя в плен в конце второго сезона и не выпускает из своих когтей до конца пятого. В промежутке бывший воспитанник Старков каждый раз, появляясь на экране, терпит физические или моральные истязания от рук завладевшего им садиста. Годы пыток сказались и на актере Алфи Аллене, невольно перенявшем какую-то долю мучений своего героя.

Все начинается во втором сезоне, когда Теон предает Робба Старка и захватывает Винтерфелл, тщетно пытаясь заслужить одобрение своего отца Бейлона. Маленьким Брану и Рикону удается бежать, и Теон убивает вместо них двух сирот, не желая признаваться в своей оплошности. Как и Уолдер Фрей, он боится, что любое проявление слабости приведет его к гибели.

Постоянный мотив в книгах Мартина дает нам понять, что захватить власть непросто, но удержать ее намного труднее, а если у правителя есть какие-то принципы, то это практически невозможно. «Усидеть на троне в тысячу раз труднее, чем завоевать его», – сказал король Роберт. Теон усваивает этот урок на собственной шкуре.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Теон, как Голлум из «Властелина колец», очень непростой персонаж. Не положительный, но и не совсем отрицательный. Он постоянно делает неправильный выбор, но почему – понять можно. Он хочет того же, чего и мы все. Хочет, чтобы его принимали всерьез, желает чего-то добиться, жаждет, чтобы отец им гордился. Но это приводит его к ужасным поступкам, и вестеросская карма настигает его. По-своему он очень типичен.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Из тех сцен, которые написал я сам, мне особенно нравится эпизод во втором сезоне, где Теон пишет Роббу донос на родного отца, а затем сжигает письмо. Мы не знали, получилось ли у нас что-то, поскольку сцена короткая и без слов, но лицо Алфи в кадре показывало все, что нужно знать зрителю.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Теон оказывается в ситуации, где выигрыш невозможен. Он предаст либо лучшего друга, либо свою семью.

Его считают изменником, но если бы он отправил Роббу это письмо, то стал бы предателем в глазах своих земляков, и никаких оправданий ему не нашлось бы.

АЛФИ АЛЛЕН (ТЕОН ГРЕЙДЖОЙ): Думаю, он просто сбился с пути. Он ведь еще мальчишка, и задатки у него неплохие. Его просто никто не учил отличать добро от зла. Да, ему подавали хороший пример, но не занимались им лично. Он лишь пытается доказать, что чего-то стоит, как и любой из нас, по-моему, хотя не все готовы это признать. Мы все хотим, чтобы родители нас одобряли, – разве нет?

Рамси в процессе истязаний кастрирует Теона – это даже в «Престолах» не стали подробно показывать.

АЛФИ АЛЛЕН: Я понимал необходимость такого хода: это огромное потрясение для любого мужчины, а у Теона и вовсе отнимают его единственное оружие. Власть он обретает только в постели, ведь за него все всегда решали другие. Теперь он остается ни с чем. Смешно, что среди фанатов, упоминавших об этом, не было ни одной женщины!

Это все равно что потеря правой руки для Джейме: человек, утративший свою главную ценность, вынужден пересмотреть всю жизнь и найти какие-то новые источники силы.

Сестра Теона Яра открывает шкатулку с гениталиями брата, посланную Рамси их отцу Бейлону Грейджою (Патрик Мэлахайд). Мы не знаем, что внутри, видим только мрачное лицо Яры, но там определенно что-то лежит.

ДЖЕММА УИЛАН (ЯРА ГРЕЙДЖОЙ): Могу сказать только, что бутафоры сделали ему честь. Полностью ларчик заполнили.

Аллен пытался показать кумулятивный эффект, который пытки и унижения произвели на Теона.

АЛФИ АЛЛЕН: Приходилось больше глазами говорить, чем словами. Когда ему вогнали гвоздь в ногу, я стал хромать. То горбился, то отводил назад плечи, побывав на кресте. Часто мне приходилось солоно – если б меня спросили тогда: «Господи, сколько же человек может выдержать?», я бы сказал: «Не знаю».

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН (РЕЖИССЕР): Алфи то кричал, то хохотал, а орать ему приходилось все время. А если он не смеялся, то ржали мы, потому что это же Алфи.

АЛФИ АЛЛЕН: С Иваном Реоном, который играл Рамси, мы

стали близкими приятелями и всюду ходили вместе. Он то и дело обыгрывал меня в бильярд. Но местные жители не могли понять, что мы дружим, это их прямо с ума сводило.

ДЭЙВ ХИЛЛ (СОПРОДЮСЕР): Когда Теон сбежал, я спросил Алфи, что он чувствует, избавившись наконец от Рамси. «Ты не поймешь, – сказал он. – Те три сезона, когда меня кастрировали и я стал Вонючкой, очень сильно на меня повлияли». Сказал, что это и его дружбу с Иваном подпортило. Изображая весь день Вонючку, Алфи вечером не мог обыграть его в бильярд. Они невольно соскальзывали в свои экранные отношения: Иван командовал, Алфи слушался. Роль просачивалась в его реальную жизнь.

АЛФИ АЛЛЕН: Определенно проникала и давила. Очень было тяжело, врать не буду. Столько он всего пережил, Теон. Я бы сказал, это один из самых человечных персонажей во всем сериале. Роль Вонючки усугубляла его страдания, но мне как актеру было интересно ее играть.

Пока Теон страдал в Дредфорте, путешествие Арьи и Пса тоже без криков не обошлось. Этот дуэт стал одной из самых захватывающих неприятельских пар в сериале. Пес учит Арью выживать в этом мире, а девочка помогает ему вспомнить об утраченной человечности.

ДЭН УАЙСС: Из Арьи вырвали жизненный стержень, и существование, которое она ведет, совершенно не детское. Движут ею в основном месть и ненависть, а Пес ее наставляет в этом. Они влияют друг на друга самым неожиданным образом.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС (АРЬЯ СТАРК): Она многому научилась у Пса. Арья, как губка, впитывает от окружающих и хорошее, и плохое.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Между Мэйси и Рори возникла совершенно невероятная химия. Арья и Пес в гостинице: «Да я всех долбаных курей тут сожру!» У меня есть похожая сцена, но таких замечательных строчек нет.

Рори МакКанн говорит, что в первые сезоны роль ему не давалась: хотелось найти какой-то баланс между страшным обликом и не до конца огрубевшей душой. Но однажды режиссер Дэвид Наттер дал ему простой совет, изменивший все.

БРАЙАН КОГМАН: Дэвид и правда подобрал к Рори ключик. Посоветовал ему представить себя Клинтом Иствудом. Не надо

казаться страшным – просто будь собой, и это все скажет. С тех пор изменения в игре Рори сразу стали заметны.

РОРИ МАККАНН (САНДОР «ПЕС» КЛИГАН): Первые пару лет я все время нервничал, потом вошел в образ. Смотрюсь в зеркало и говорю себе: «Чего тут играть, и так страшный. Неудивительно, что эта девчушка меня боится». Краткость – сестра таланта.

А тут еще грим, изображающий рубцы от ожога. Каждое утро нужно часами сидеть в гримерной и ходить в этой маске весь день. Особенно трудно приходилось в жарких краях…

РОРИ МАККАНН: Под латексом собирается пот, того и гляди накладка лопнет и все это выльется. Съемку часто останавливали, чтобы отжать пот и начинать снова.

… или в ледяной тундре.

ЛИАМ КАННИНГЭМ (ДАВОС СИВОРТ): У Рори были большие проблемы в Исландии, потому что латекс к лицу примерзал. От такой фигни недолго и до гангрены.

Зато нелюдимость давалась МакКанну легко. Он не общался с другими актерами, когда они собирались вместе после работы.

РОРИ МАККАНН: В этом мы с Псом похожи. В сцене с Кристофером Хивью его Тормунд хочет меня обнять, а я ему: «Не трогай». Я и в жизни не терплю, чтобы ко мне прикасались. Перед каждым сезоном обзваниваю всех знакомых и предупреждаю, что не хочу ни с кем говорить, пока не начну работать. Только последние пару лет стал в пабы ходить со всей прочей компанией, а раньше был чудиком, который сидит у себя в номере или в спортзале и говорит: «Не звоните мне, пока снег не пойдет».

Макканновские манеры одинокого волка передавались Уильямс, почти как Арье – повадки Пса.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Он мне рассказывал про свою жизнь, говорил, что купил земельный участок и живет в бункере. Сначала я думала, что он сумасшедший, а потом тоже купила себе участок у моря и думаю: «Здорово же он на меня повлиял». Я поняла, что такой образ жизни по-своему привлекателен, и вообще он многому меня научил. Нам отлично работалось вместе, я ценю нашу дружбу.

Один из любимых моментов Уильямс – тот, где Пес после Красной Свадьбы хочет продать Арью ее тетке Лизе Аррен и узнает, что она тоже мертва. Девочка, не удержавшись, хохочет над разочарованием Пса и собственными несчастьями.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: С Арьей он обращается жестко, весь из себя крутой, везет меня к тетке в Долину. Плевал я, говорит, на тебя, мне деньги нужны. А тут вдруг такое! Арья злорадствует и спрашивает сквозь смех: «Ну и что ты теперь будешь делать?»

Здорово, что эта девочка так хохочет. Делать это по заказу очень трудно, да и странно: смеешься в кадре, и никто тебя не ругает за это.

Перед этим была еще одна трогательная сцена: Арья зашивает рану Пса, и он вдруг начинает рассказывать о себе. Этот монолог частично предназначался для Сансы в первом сезоне, но сцену пришлось вырезать и отдать текст Мизинцу. Со временем монолог Клигана только выиграл: МакКанн произносит его с многолетней усталостью и обращает не к незнакомке, а к девочке, которая ему по-своему дорога.

БРАЙАН КОГМАН: Пес постепенно становится одним из главных героев. Вы уже знаете его историю от других, но слушать, как он сам об этом рассказывает, – дело другое. Оказывается, и в нем есть слабая струнка, раз он надумал довериться Арье. Он заканчивает словами: «Думаешь, ты одна на свете?» Таким ранимым мы Пса еще никогда не видели. Вне контекста эта строчка мало что значит, но Дэвида и Дэна, по-моему, недооценили как сценаристов. Подражателей у «Игры престолов» полно, но диалоги наших авторов лучшие потому, что их отличает чудесная простота.

Странствия Арьи в четвертом сезоне завершаются сражением Бриенны и Пса. Оба думают, что защищают Арью. Поединок снимался в Исландии и заставил выложиться до предела как Гвендолин Кристи, так и Рори МакКанна.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ (БРИЕННА ТАРТ): Я тренировалась полтора месяца. Это одно из самых трудных дел в моей жизни: наступаешь в гору, отступаешь под гору, скатываешься, бьешься на самом краю обрыва. Руки у меня распухли, как ноги бродяги. Рори МакКанн – замечательный актер и очень сильный мужчина, мне надо было ему соответствовать и как актрисе, и как героине.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ (РЕЖИССЕР): Бой должен был перерасти в

уличную драку, самую неприглядную из всех, что были до сих пор в сериале. На репетициях я предлагал: «А если он пнет ее в пах? А она ему ухо откусит? Да не просто откусит, а выплюнет так, чтоб он видел?» Гвен хохотала и ждала этого с нетерпением.

ДЭН УАЙСС: К этому времени вы успели прикипеть к ним обоим. Бриенна, конечно, более положительный персонаж, но мне хочется надеяться, что вы и Пса вопреки себе полюбили. Возьмем поединок Ахилла с Гектором[18]: тут нет хороших и плохих, мы болеем за обоих и с замиранием сердца сознаем, что один из них неизбежно падет.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Мне нравится, что тут все как в жизни. Мы с Рори хоть и не убиваем друг друга, но рубимся почем зря, на полном серьезе. Полностью вписаны в ситуацию. Все вполне контактно – катаешься в грязи с рассеченной рукой. Тебе больно, губа разбита, ты падаешь не только когда надо, но и когда не надо. Дерешься на вершине утеса, позади этот ирреальный пейзаж, адреналин зашкаливает, ты видишь повсюду кровь и колошматишь противника, как и он тебя.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Побеждает она в состоянии полного психоза.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Тебе по-настоящему страшно, потому что ты смотришь ему в глаза и понимаешь, что это не понарошку. Один из немногих случаев, когда мне вообще не приходилось играть. Ты орешь: «Ну давай, мать твою!» Всюду кровь, ты сходишь с ума и с криком бросаешься на врага.

Глава 14
Пурпурная свадьба

С чувством запретного удовлетворения смотрю, как мерзкий Джоффри Баратеон умирает снова и снова. Настал сентябрь 2013 года. Погода в понимании съемочной группы «Игры престолов» просто прекрасная. Съемка происходит в Дубровнике, в тенистой роще поблизости от синего Адриатического моря. Легкий бриз колышет знамена Ланнистеров. Длинные столы с золотой посудой сверкают на солнце.

Актеры готовятся к съемке, каждый – по-своему. Чарльз Дэнс, грозный лорд Ланнистер, прогуливается с сигаретой в зубах. Софи Тернер слушает музыку. Николай Костер-Вальдау учится фехтовать левой рукой. Натали Дормер расхаживает по роще, шевеля губами, – должно быть, роль учит. Педро Паскаль, новичок в сериале, выглядит как фанат, не верящий своему счастью, и стремится к общению. Гости в костюмах перекусывают в буфетах (аристократия Королевской Гавани состоит в основном из пожилых мужчин и красивых молодых женщин – на площадке это заметно, но зрители редко обращают на это внимание). А легендарный учитель фехтования К. К. Смифф, работавший в «Звездных войнах» и «Гладиаторе», великодушно показывает журналисту, как надо обращаться с длинным мечом. (Когда меня спрашивают, какой момент на съемках «Престолов» был для меня самым радостным, я отвечаю: вот этот.)

В черной видеопалатке, где отсматривают на мониторах то, что снимают камеры, сидят предельно серьезные исполнительные продюсеры Дэвид Бениофф, Дэн Уайсс и Кэролин Штраусс. Пользуясь перерывом, они ведут на своих телефонах эпическую битву в Candy Crush. Исландская группа Sigur Rós готовится играть для короля Джоффри, они немного нервничают, поскольку в кино еще не снимались. «Если они побаиваются короля-психопата, это как раз нормально», – говорит Уайсс в футболке с надписью «Не связывайся с Джоффом»[19]. Редкий случай, когда в сериале, известном своими проблемами, все идет гладко.

Все готово, чтобы прикончить короля.

За три первых сезона все успели возненавидеть Джоффри. Этот юный злодей представляет собой и капризного ребенка, и жестокого тирана, и глупого правителя, и жалкого труса. В истории, где много оттенков серого, он лишен каких бы то ни было положительных качеств – разве что учесть как смягчающие обстоятельства его возраст и воспитание.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Джоффри – классический хулиган. Много вы знаете тринадцатилетних мальчишек, которым хотели бы доверить абсолютную власть? Дети, особенно в переходном возрасте, бывают жестокими – все мы наблюдали это в средней и старшей школе.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Люди, не годящиеся в лидеры, творят зло куда чаще, чем злобные альфа-самцы. У него нет ни морального стержня, ни лидерских навыков, однако он садится на трон, и начинается сплошной ужас.

Серсея видит, как из ее ребенка вырастает неуправляемый монстр, и к четвертому сезону терпит от него не меньше, чем все остальные.

ЛИНА ХИДИ (СЕРСЕЯ ЛАННИСТЕР): Она буквально не может с ним справиться. Она по-прежнему пытается быть Джоффри нежной матерью, а ему нужна хорошая трепка. Ей больно, что она оказалась плохим родителем, что мальчик, которого она так любила, отбился от рук и с этим уже ничего не поделаешь. Она, если честно, боится его, но маскирует свой страх алчностью и гордостью: будет совсем худо, если сын ее раскусит.

Люблю ее слова в третьем сезоне: «Если бы не дети, я бросилась бы с самой высокой башни Красного Замка». Это показывает, что любовь ее жизни – не Джейме, а дети. Она чувствует огромную вину за то, что родила их от брата, и даже Тириону говорит что-то вроде: «Я трахалась с братом, у меня от него дети, и все пошло к черту». Серсея искренне жалеет, что родилась не мужчиной. Только благодаря детям она остается в здравом уме: случись с ними что-то, она пропадет.

ДЭН УАЙСС: Сэмюэл Л. Джексон на фестивале «Комик-Кон» пять минут объяснял нам, почему Джоффри надо убить, и приводил веские доводы.

Все эти годы шоураннеры старательно доказывали, что Джек Глисон не имеет ничего общего с Джоффри. Отчасти они беспокоились, что к нему будут плохо относиться из-за такой роли, но в основном их тревожило, что такой юный актер столь убедительно играет гнусного психопата.

ДЭН УАЙСС: Джек всегда вежлив, у него хорошее чувство юмора. Но он безошибочно чувствует, каким должен быть самый

плохой в мире мальчишка и как произносить его текст.

Когда Глисон входит в образ, он так меняется, что его товарищам по съемке делается не по себе.

ЭСМЕ БЬЯНКО (РОЗ): Работая с Джеком, буквально обалдеваешь. Он такой воспитанный милый мальчик. В перерывах, когда все за телефоны хватаются, он сидит с книжкой по теологии, философии или типа того. Потом выходишь с ним на площадку. Он единственный актер, с которым я это испытывала: я вижу, как он становится Джоффри. Просто колдовство какое-то. Что-то в глазах меняется, и вот вместо Джека появляется Джоффри. Ужас. Вот говорю об этом, и мурашки бегут.

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): Джек обалденный актер. Он страшный, когда меняется, но по-настоящему на темную сторону не переходит, как это делают некоторые по системе Станиславского. Если б переходил, работать с ним было бы просто ужасно.

ДЖЕК ГЛИСОН (ДЖОФФРИ БАРАТЕОН): На девяносто процентов я чувствовал то же, что должен был испытывать Джоффри: восторг, жажду внимания, досаду и прочее. Оставшиеся десять процентов позволяли заметить, как ты орешь на Sigur Rós, что на тебя смотрит тысяча человек и три камеры. Машинально, в общем-то, получается, но и весело, что ты можешь как-то от этого абстрагироваться. Только увлекаться особо нельзя, надо на роли сосредоточиться.

Одна из самых интересных сцен третьего сезона – это попытка Маргери Тирелл сблизиться со своим нареченным. Джоффри показывает ей свой новый арбалет. Героиня, умеющая угадывать и выполнять мужские желания, понимает в этот момент, что душа короля куда темнее, чем ей представлялось.

НАТАЛИ ДОРМЕР (МАРГЕРИ ТИРЕЛЛ): Сцена с арбалетом – это мой главный момент в «Игре престолов»: здесь мы с Джеком, так сказать, впервые прощупываем почву. Маргери пытается понять, сможет ли она контролировать этого психопата.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН (РЕЖИССЕР): Они испытывают друг друга, перебрасываясь словами. Она пробует что-то – не получается, он разгадывает ее. Она пытается сделать что-то еще. Потом пробует он, а она парирует. Это сложно и очень красиво.

Позже Джоффри убьет из этого арбалета Роз, но прежде

заставит ее избить другую женщину скипетром. Это одна из самых жестоких минут сериала.

ЭСМЕ БЬЯНКО: Худшая из моих сцен. Чувствуешь себя очень скверно. Да еще все почему-то решили, что я не просто бью ее этим скипетром, а делаю нечто похуже. Я такая: «С чего вы взяли?» Это зрителям минус, а не сериалу.

Иногда, впрочем, Глисону позволяли проявить добрые чувства. Он горюет, видя отца, короля Роберта, на смертном одре, а во втором сезоне искренне извиняется перед Сансой и целует ее.

ДЖЕК ГЛИСОН: Я хотел сыграть безразличие, но Дэн сказал: «Попробуй показать, что Джоффри любит Сансу на самом деле». Добавили серый в черный, но вообще-то он движется темным путем.

Гибельный путь оборвется в Хорватии, на съемках второй серии четвертого сезона «Лев и Роза».

Идет репетиция. Все сидят по одну сторону высокого стола с Джоффри в центре, как на картине Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». (В англоязычной версии Тайную вечерю называют Последней – для Джоффри она безусловно стала такой.) Глисон читает злые реплики короля, Питер Динклэйдж его поддразнивает. «Куда это ты, дядя? Ты мой виночерпий, забыл?» – «Ну ты и засранец», – отвечает на это Динклэйдж. На айпад Питера проливается немного вина. «Извините, капелька только». – «Как ты меня назвал?!» Смотреть, как «Тирион» строит «Джоффри», – чистый сюрреализм.

Сцена пира, кроме этого, включает в себя и несколько других диалогов. Долгое время не происходит ничего важного, что, как ни парадоксально, только нагнетает обстановку.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ (РЕЖИССЕР): Вся сцена занимает тридцать пять страниц. Война против Робба Старка выиграна, Тирион празднует собственную победу, Джоффри стал полноправным королем. Серсею, как всегда, что-то гнетет, но и для нее этот день неплох. В программе карлики, птички, пироги, и все идет как по маслу. Для меня это стало одной из самых трудных задач. Страх нарастает, хотя вроде бы не с чего. Ты просто показываешь «Все в порядке, все в порядке, все в порядке», а это нервирует.

ДЭН УАЙСС: Вся хитрость любой длинной сцены в том, что люди начинают себе говорить: «Уже пятнадцать минут смотрю, и ничего не произошло – что-то точно будет». Требовалось отвлечь

зрителя разнообразными диалогами, чтобы он не думал, почему ему это показывают так долго.

Отвлекает в том числе и сам Джоффри, разрубающий мечом громадный пирог с живыми птицами. Один из потенциально сложных трюков, который почти в любом другом проекте передали бы художнику по компьютерной графике. В «пироге» сидели двадцать дрессированных голубей из Боснии, которых должны были выпустить через скрытую дверцу. Чувствовалось некоторое волнение – никто не знал, что они будут делать, когда вылетят наружу.

– Они живые, в чем проблема-то? – спрашивал Уайсс.

– А вдруг они обратно в Боснию улетят, – беспокоился Бениофф.

– Или накинутся на Джека и заклюют, – отвечал Уайсс.

Джоффри рубанул, птицы вылетели. Глисон немножко опешил, но это было в порядке вещей. Несколько бутафорских «мертвых» голубей подложили, чтобы показать, что не все птицы выжили («Это в своем роде метафора всего сериала», – заметил Уайсс).

Еще один отвлекающий момент – турнир карликов, устроенный Джоффри, чтобы унизить Тириона. Пасть огромной львиной головы открывается, и оттуда выбегают пятеро «всадников» верхом на палочках. У Мартина карликов двое: один едет на собаке, другой на свинье, и авторы некоторое время эту идею рассматривали.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Вот только верховых поросят не смогли найти. Я заходил на YouTube: там человек семнадцать скачет на свиньях, но все тут же падают, даже и без копья.

ДЭН УАЙСС: И потом, это как-то нехорошо по отношению к животным.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Дэвида и Дэна осенила блестящая мысль показать всех пятерых претендентов на трон. И со свиньями-собаками не надо морочиться.

У Динклэйджа турнир карликов вызывал дискомфорт. Но это и хорошо, добавляет он: они помогают глядящему на них Тириону сохранять на лице выражение холодного гнева.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): Актеру вредно чувствовать себя хорошо все время. Дискомфорт позволяет ощущать себя живым. Дэйв и Дэн отлично понимают, что допустимо, а что нет, – и если мне что-то кажется неприемлемым,

они очень ловко меня уговаривают и в девяти случаях из десяти оказываются правы.

Пока Джоффри издевается над ним, Тирион держится вежливо, но сохраняет достоинство и не желает быть шутом. Джоффри раздражен: он хочет полного повиновения, а дядя ему в этом отказывает. Зрители, привыкшие к тому, что все, кто перечит королю, играют с огнем, начинают подозревать, что скоро случится нечто ужасное – но не с Джоффри.

ДЖЕК ГЛИСОН: Жених и невеста на свадьбе, как правило, главные и не совсем адекватные. Джоффри и без того главный, вполне сумасшедший, и всякое противодействие его бесит.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Настоящий годзилла. Свадьбы в некоторых людях выявляют самое худшее, притом этот день замышлялся как демонстрация его силы. Повсюду его знамена. На нем роскошный наряд. Он созвал к себе знатных гостей. И все это кончается хуже некуда.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Мы видим, что здесь что-то не так, но думаем, что все будет как всегда, что кто-нибудь станет жертвой Джоффри. От него ведь можно ждать чего угодно. Он – как Джо Пеши в «Славных парнях»: никогда не угадаешь, что он еще выкинет. Кто же станет этой жертвой? Тирион? Санса? Никому не приходит в голову, что самый крутой как раз и умрет.

И вот Маргери вскакивает, восклицая ни к селу ни к городу: «Смотрите, пирог!»

Зритель облегченно вздыхает в надежде, что появление огромного блюда разрядит обстановку. На несколько секунд она действительно становится менее напряженной. Потом Джоффри снова берется за Тириона, жует пирог, пьет вино… и вдруг начинает задыхаться.

Он хватается за горло, падает, бьется в судорогах. Тиран превращается в испуганного мальчишку.

Предполагалось, что его кончина будет еще живописнее. Джоанна Робинсон из Vanity Fair раскопала где-то старый сценарий Мартина: там говорится, что юный король искромсал себе лицо в предсмертных корчах.

Смерть Джоффри, возможно, самый изобретательный сюжетный поворот Мартина. Если Красная Свадьба вызывает сильнейший шок, то Пурпурная (так ее окрестили фанаты, поскольку пурпур – это цвет королей) застает всех врасплох. В истории, завоевавшей репутацию непредсказуемой и нарушающей все традиции, зритель после зверской резни на свадьбе меньше

всего ожидает, что на другом торжестве погибнет еще один главный герой. Притом Джоффри отравлен, явных подозреваемых нет, и неизвестно, кто покарал злодея.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Основой мне послужила смерть Юстаса, сына короля Англии Стефана, который правил в двенадцатом веке. Стефан отнял корону у своей кузины, королевы Матильды, и между ними долго шла война, грозящая затронуть и следующее поколение, – у Матильды был сын, у Стефана тоже. Но Юстас на пиру поперхнулся и умер от удушья. Историки и тысячу лет спустя спорят, подавился он или был отравлен: его смерть принесла стране долгожданный мир.

Смерть Юстаса объявили несчастным случаем. Убийцы Джоффри, думаю, тоже на это надеялись – решат, мол, что король пирогом подавился. Они не рассчитывали на мгновенную реакцию Серсеи, которая сразу поняла, что это убийство.

ДЭВИД БЕНИОФФ: В книге это поразительный момент, совершенно неожиданный: ведь героев, способных сразить злого короля, поблизости нет. Его смерть – не акт возмездия, а чисто политический ход.

ДЭН УАЙСС: Это как-то разочаровывает – хотя, казалось бы, мы должны испытать облегчение, даже счастье: справедливость восторжествовала, и тот, кто творил зло так долго, наконец получил свое.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Все так долго желали ему смерти, но видеть, как юноша, совсем еще мальчик, задыхается у нас на глазах, все равно ужасно. Страдания, даже если мучается кто-то нам ненавистный, невольно заставляют сочувствовать герою. Мы не хотели, чтобы все в этот момент аплодировали, – мы хотели показать страшную смерть ужасного человека.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Он сознает, что умирает, не может дохнуть, и в глазах у него ужас и мольба: «Спаси, мама». Мне не хотелось никаких «тра-ля-ля, ведьма умерла», хотелось более сложных чувств. В реальной жизни тоже, по-моему, чьей-то смерти не стоит радоваться. Мы не хотим, чтобы тринадцатилетних хулиганов убивали, они ведь еще могут раскаяться. У Джоффри такого шанса уже не будет, и мы не узнаем, что из него могло вырасти. Скорее всего, ничего хорошего, и все же…

В конце серии Серсея обвиняет Тириона в убийстве сына и приказывает арестовать его. А после съемок случился еще один неожиданный поворот: Глисон публично заявил, что… больше не будет играть.

ДЖЕК ГЛИСОН: Объяснять неинтересно, да и долгая это история. Играю я с восьми лет, просто теперь это стало мне нравиться меньше, чем раньше. Тогда это была любительская игра, в основном на летних каникулах. Быть профессиональным актером – совсем другое. Не то чтобы я возненавидел эту профессию, просто не хочу заниматься этим. Да и неудобно как-то видеть свое лицо на автобусах или постерах. Я предпочитаю быть известным только семье и друзьям.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Я чувствую себя немного виноватым из-за того, что он бросил играть. Надеюсь, что роль Джоффри не заставит его уйти из профессии насовсем, Джек ведь очень талантлив.

ЭСМЕ БЬЯНКО: Я недавно его видела, и он правда с тех пор не работает. Жалко вообще-то, он ведь прекрасный актер. А с другой стороны, делай так, как хочешь. Сыграл одну яркую роль, запомнился всем, и хватит.

На этом я собирался закончить главу, но вот вам еще одна неожиданность: Глисон, уже двадцатисемилетний, снимается в шестисерийной комедии BBC «Не в своем уме» («Out of Her Mind»). Это его первая экранная роль после «Престолов». Возвращение короля!

Глава 15
Суды и приговоры

Дело жизни Тириона Ланнистера – пить, все знать и постоянно попадать в плен. В «Игре престолов» с ним это случается целых шесть раз. В первом сезоне его захватывает Кейтилин Старк, а потом сажает в тюрьму Лиза Аррен. В пятом его похищает сир Джорах, затем их обоих хватают работорговцы. В финальном его берет под стражу Дейенерис Таргариен. «Я хорошо знаком с ребятами из бутафорского отдела, они то и дело заковывают меня в кандалы», – посетовал как-то Питер Динклэйдж.

Но в самый серьезный переплет Тирион попадает в четвертом сезоне, когда его ошибочно обвиняют в убийстве Джоффри. Эта линия – одна из самых занимательных в сериале: динамичный сюжет Джорджа Мартина сочетается здесь с отличной работой сценаристов и прекрасной актерской игрой. Крутые повороты чередуются с откровенными сценами и соперничеством тех, кто уже знаком нам по прошлым сезонам.

Самые спокойные эпизоды – это диалоги Тириона с посетителями, которые навещают его в темнице. Мы еще в первом сезоне поняли, какими сильными могут быть сцены с двумя действующими лицами. Очень необычная и самая любимая сцена Динклэйджа – это разговор с Джейме, написанный шоураннерами Дэвидом Бениоффом и Дэном Уайссом. Тирион вспоминает, как их придурковатый кузен все время давил жуков, а сам он безуспешно пытался понять, зачем тот это делает. Отношение героя к бессмысленной и непонятной жестокости осталось таким на всю жизнь.

«Его лицо было как книга на непонятном языке, но он не был безмозглым, у него имелись свои причины, – говорит Тирион. – Меня одолевало желание понять, что это за причины… ужасно ведь, если столько жуков гибнет просто так, ни за что… во сне я стоял на берегу, усеянном жучиными панцирями, и конца ему не было. Я просыпался с плачем от жалости к ним».

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): Сцены в тюрьме показывают отношения Тириона с разными людьми. Мне очень нравится разговор с Николаем о нашем кузене. Действия в сериале хоть отбавляй, кто-то все время пытается выжить – не успеваешь опомниться. А тут тупой мальчишка, убивающий жуков ни за что, которого братья хорошо помнят. Тирион, похоже, сам

не знает, почему говорит о нем – просто хочет понять, в чем был смысл и в чем смысл жизни вообще. Такая абстрактная вставка без Королевской-чтоб-ее-Гавани, как глоток свежего воздуха. Люблю этот монолог – дошел ли он до зрителя, дело другое.

Пока Тирион ожидает в темнице решения свой участи, Томмен (Дин-Чарльз Чепмен) в своей роскошной опочивальне знакомится с Маргери Тирелл.

Тирелл стремится очаровать только что коронованного мальчика, но флирт прерывает кот Томмена Сир Попрыгунчик. В книге Мартина у юного короля три черных котенка: Сир Попрыгунчик[20], Чулочки и Леди Усатка. Исполнительный сопродюсер Брайан Когман решил, что будет забавно показать кого-то из них на экране.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): В поэпизодном плане котенка не было, и я сказал Дэну, что хочу его снять.

Замысел был прост: Томмен лежит в постели при свечах, Маргери садится на край кровати. Романтика нарастает, и тут на кровать запрыгивает котенок. «Это Сир Попрыгунчик», – говорит Томмен, Маргери гладит котика, и они продолжают беседовать. От него требовалось только запрыгнуть на кровать с пола и посидеть сравнительно тихо.

БРАЙАН КОГМАН: И вот вместо котеночка нам дают большого котяру, который ничего не желает делать.

Дубль за дублем никто не мог добиться, чтобы кот прыгнул на кровать в нужный момент. Наконец кто-то просто закинул его туда.

БРАЙАН КОГМАН: Вы не увидите, как он прыгает, – он просто появляется на кровати. Вот вам и попрыгунчик! Но коты, как известно, неохотно выполняют команды.

Сидеть смирно он тоже не захотел – Дормер пришлось крепко его держать, произнося текст.

НАТАЛИ ДОРМЕР (МАРГЕРИ ТИРЕЛЛ): Настоящая звезда, то и дело нас переигрывал. Мы уж и так, и сяк – я прямо пригвоздила его к постели. Один дубль вышел более-менее ничего, его и взяли.

БРАЙАН КОГМАН: В обед Натали стукнула меня кулаком – шутливо, как принято добавлять: «Это кот был или борец сумо?»

Но вот вам одна из странностей «Игры престолов»: Сир Попрыгунчик стал сенсацией в интернете – я так и не понял, почему.

Что стало с Сиром Попрыгунчиком после самоубийства Томмена в шестом сезоне? Шоураннеры и об этом подумали.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Серсея возненавидела его из-за имени и изобрела для него казнь столь ужасную, что мы не показали ее в эфире.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Покупайте самую полную версию «Игры престолов» на дисках! Там вы найдете серию под названием «Смерть Сира Попрыгунчика».

Когман добавляет, что он, несмотря на все трудности, весьма горд этой сценой и что Сир Попрыгунчик появился в кадре совсем не зря.

БРАЙАН КОГМАН: Он символизирует невинность Томмена и естественным образом наводит мальчика на разговор о его сложных отношениях с Джоффри. Но больше Сир Попрыгунчик в сериале не участвовал.

Королевской семье предстоит куда более серьезное дело – суд над Тирионом за убийство короля Джоффри.

Серия «Законы богов и людей» представляет собой версию традиционной юридической драмы, когда человека судят за то, чего он, как зрители знают, не совершал. Перед судьями проходит череда свидетелей обвинения. В каждых показаниях есть зерно правды, вырванной из контекста и доказывающей несомненную вину Тириона.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Я пытался провести через все свои книги мысль, что каждый поступок имеет последствия. Одна из проблем Тириона – его длинный язык. С самого начала он отпускает завуалированные угрозы Серсее: «Когда-нибудь, в час счастья и веселья, ты вдруг ощутишь вкус пепла во рту. Тогда ты поймешь, что я уплатил свой долг». Теперь все сказанное обращается против него.

Интригу усиливает то, что некоторые, например Маргери и Оленна Тирелл, знают, что Тирион невиновен.

БРАЙАН КОГМАН: Смотреть на игру Натали одно удовольствие. Маргери знает, кто в ответе за убийство, но притворяется, и актриса показывает это одними только глазами.

НАТАЛИ ДОРМЕР: Все зависит и от того, как смонтировать. Наши монтажеры – невоспетые герои, а эта сцена – наглядный пример высококлассной работы. Средний зритель не всегда понимает, как важно скомпоновать вместе все эти взгляды.

Даже Серсея, по словам Лины Хиди, не до конца верит, что убийство совершил ее брат.

ЛИНА ХИДИ (СЕРСЕЯ ЛАННИСТЕР): Она, конечно, с детства его не любит, возлагая на него вину за смерть матери. И не то что верит, но от всей души хочет верить, что он и Джоффри убил.

Что до Тайвина, то этот патриарх с каменным лицом не знает, виновен его сын или нет. «Он не совсем уверен в том, кто это сделал, но ему необходимо найти козла отпущения», – говорит Чарльз Дэнс в документальном фильме HBO «Как снималась “Игра престолов”». Суд для него – скорее средство убрать Джейме из Королевской Гвардии – такую сделку он заключает со старшим сыном в обмен на обещание послать Тириона на Стену.

Сцена суда достигает своей кульминации, когда Шая, тайная любовница Тириона, – он думал, что она покинула Вестерос, – свидетельствует против него. Она откровенно рассказывает об их интимной жизни и заявляет, что он убил Джоффри в сговоре с Сансой.

БРАЙАН КОГМАН: Все прежние сцены Тириона и Шаи вели к этому моменту в зале суда.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Некоторые персонажи благодаря актерской игре стали лучше, чем в моих книгах, жаль, что нельзя их переписать заново. Самую разительную перемену произвела со своей Шаей Сибель Кекилли. У меня Шая – обыкновенная лагерная потаскушка. Я ей, в общем, сочувствую: скорее всего, ее продали кому-то в совсем юном возрасте, вот она и бредет вслед за войском. Подобравшего ее Тириона она просто использует и нежных чувств к нему не питает. Но в Шае, написанной Дэвидом и Дэном и сыгранной Сибель, гораздо больше глубины и любви. Моя героиня ни за что бы не отвергла кошель с алмазами,

который Варис предлагает ей за отъезд.

СИБЕЛЬ КЕКИЛЛИ (ШАЯ): Расстались мы тяжело. Тирион говорит ей: «Ты просто шлюха, убирайся отсюда». Я думала, что Шая поняла бы его, и мне это не давало покоя. Я говорила Дэну и Дэвиду: «Моя Шая догадалась бы, почему Тирион так себя ведет», но пришлось играть то, что было в сценарии. Я даже полюбила сцену прощания, а вот суд – просто разрыв сердца. Я пыталась вспомнить все унижения героини и выплеснуть всю ее боль, но фанаты, я знаю, все равно возненавидели мою героиню.

Показания Шаи уничтожают Тириона. Он уже условился с отцом, что признает себя виновным, но теперь в нем что-то ломается.

БРАЙАН КОГМАН: Предательство Шаи высвобождает то, что в нем копилось всю жизнь. Он хотел пойти на сделку с Тайвином и уехать на Стену, теперь он лучше умрет, чем поступит так, но перед смертью выскажет все, что о них думает. Швырнет это в лицо отцу, Серсее, всему этому сборищу.

В речи, адаптированной для сценария Когманом, Тирион заявляет: «Я виновен в куда более чудовищном преступлении. Я родился карликом, и меня судят за это всю мою жизнь. Я не убивал Джоффри, но теперь жалею об этом. Смерть вашего злобного ублюдка доставила мне больше радости, чем тысяча лживых шлюх. Хотелось бы мне иметь столько яда, чтоб на всех вас хватило!»

И если вы находите речь Динклэйджа в сериале яростной, то первый ее дубль был не в пример вулканичнее.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ (ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР): Эта первая речь «на публику» была потрясающая. Потом выбрали более тихий дубль для крупного плана, но от того первого просто волосы встали дыбом.

БРАЙАН КОГМАН: С Питером всегда так. Остается штук пятнадцать неиспользованных дублей, из которых можно склеить столь же невероятную, но совершенно другую версию той же сцены. Окончательно выбранный дубль – это нечто среднее. Я вспоминаю его взгляд в самом начале съемки – он просто кинжалы вонзал во всех, к кому обращался.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ: Мне как-то довелось быть присяжным – в общем, похоже. Снимали мы целую неделю, ну и я на своем помосте все время торчал. Для Тириона это шанс высказать, без всяких шуток и прибауток, все, что у него накипело. Здесь

говорят откровенно разве что в коридорах и спальнях – пришло время сорвать занавес и сказать о Ланнистерах, в первую очередь об отце, то, что он до сих пор замалчивал. Он ко всему относился с юмором, но теперь с него хватит. Он и на сделку бы пошел, если бы в это не втянули его любимую женщину.

Вместо этого Тирион выбирает суд поединком, и принц Оберин Мартелл вызывается за него сразиться. С Красным Змеем и его обольстительной любовницей Элларией Сэнд мы познакомились в первой серии. Весь четвертый сезон Мартелл дерзко бросает вызов Ланнистерам, требуя возмездия за военные преступления против его семьи. Поединок с их бойцом, смертоносным Григором Клиганом, дает принцу шанс отомстить.

ПЕДРО ПАСКАЛЬ (ОБЕРИН МАРТЕЛЛ): Я был фанатом сериала, и участие в нем казалось мне чем-то недостижимым. Перед пробами мне прислали семнадцать страниц текста, сплошные спойлеры – я даже расстроился, что новый сезон будет неинтересно смотреть. Записал видео, послал и очень удивился, когда мне ответили. Дэн и Дэвид рассказали о моем герое очень хорошо и подробно, я много из их письма почерпнул.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мы нервничали по поводу этой роли, ведь в Оберине столько противоречивых качеств. Он наш любимый книжный герой – обаятельный, воинственный, умный, любит своих родных, а еще – разнообразный секс. А Педро – настоящий феномен.

ПЕДРО ПАСКАЛЬ: Когда объявили результаты кастинга, я перепугался до смерти. Его любят девочки, его любят мальчики, он самый сексуальный в мире мужик! Ну, спасибо большое. Поднимите планку повыше.

СИБЕЛЬ КЕКИЛЛИ: Актеры, которые снимались не с самого начала, сильно нервничали, Педро Паскаль в том числе. Я его успокаивала: «Да брось, мы все тут одна команда, пошли выпьем».

ДЭВИД БЕНИОФФ: Первой сценой Педро была та, где он говорит Тириону, что будет за него биться. Большой стресс для актера, который только что пришел в сериал: шутка ли, семиминутная сцена с Питером Динклэйджем.

ДЭН УАЙСС: «Добро пожаловать, вот твой костюм, обобщи эмоции своего героя и вперед». Педро вошел в роль блестяще, без всякой суеты. Он так нервничал, так старался сыграть хорошо. Приходилось долго внушать ему, что все не просто хорошо, а отлично. Он думал, что мы это из вежливости – плохо еще нас знал.

Бой Горы и Змея снимали у моря, в летнем театре Дубровника, но сначала пришлось кое-что убрать.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ (РЕЖИССЕР): Пришли туда на разведку, а на море полно яхт. Договорились, что они отойдут на четверть мили, чтобы не попасть в кадр. Все, кроме одного, согласились.

В съемочной группе многие уверяли, что этот единственный был не кто иной, как Брюс Уиллис: звезда «Крепкого орешка» не только будто бы отказался убрать свою яхту, но и пытался сорвать съемку, разъезжая перед амфитеатром, – такой вот яхтсменский протест. Однако присутствие знаменитого актера в Хорватии в то время не подтверждается.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Мотается туда-сюда: «Вот, я в кадре». А мы смеемся, потому что камеры сейчас направлены не на море.

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Думаю, ребята просто раздули из мухи слона. Брюса мы ни разу в глаза не видели.

Бой с исландским силачом Хафтором Бьернссоном в роли Горы снимали три дня. Бьернссон – фигура ирреальная, особенно в броне, делающей его еще больше. Смотришь и думаешь: спецэффект какой-то, человеческий вариант лютоволка.

ХАФТОР БЬЕРНССОН (ГРИГОР «ГОРА» КЛИГАН, СЕЗОНЫ 4–8): Меня взяли потому, что я работящий парень, рост у меня шесть футов девять дюймов (2,1 м), вес 450 фунтов (204 кг), и сценария я, в общем, придерживаюсь, добавляя собственные штрихи.

РОРИ МАККАНН (САНДОР «ПЕС» КЛИГАН): Хафтор как-то заказал курицу, и ему принесли две грудки. Он посмотрел и говорит: «Нет, курицу. Не часть. Це́лую». А через два часа опять есть захотел, зверюга.

Для Красного Змея, имеющего дело со столь грозным противником, каскадеры изобрели уникальный стиль боя, какого в сериале еще не видели.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Я хотел, чтобы боец двигался и вращался, как в танце, передавая синатровский стиль персонажа. У зрителей должно создаться впечатление, что он способен победить эту глыбу. На Гору ведь смотреть страшно, но Педро такой симпатичный и ловкий, что у публики может зародиться

сомнение.

ПЕДРО ПАСКАЛЬ: Очень все напряженно. Арена весь день печется на солнце, и я, в доспехах, летаю туда-сюда, как оса. Просто порхаю вокруг этого громадного парня, у которого меч, без преувеличения, от земли до моего подбородка.

ХАФТОР БЬЕРНССОН: Работать с Педро Паскалем было здорово, он отличный парень, и между дублями мы хорошо общались. Но сниматься было трудно, как физически, так и морально. Повторяешь все снова и снова, на жаре и в полном обмундировании. И актеры, и все остальные просто выкладывались, работали по шестнадцать-восемнадцать часов в день. Занятия с мастером фехтования К. К. Смиффом – несколько недель это продолжалось – очень мне пригодились. Вряд ли зрители понимают, сколько труда вложено в «Игру престолов».

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Зрителя следовало обманывать шаг за шагом. Смотрю, как они тренируются, и если Гора или Змей начинает одолевать, говорю: «Можешь лягнуть его вот сюда?»

Дэн Уайсс: Это не просто два воина с мечом и копьем. Для Оберина двадцать лет гнева, ненависти, жажды мести завершаются здесь, в этих потрясающих декорациях.

Начинает казаться, что Оберин победил. Гора, тяжело раненный, падает на каменные плиты арены, но Мартелл, вместо того чтобы его добить, требует, чтобы он сознался в своем преступлении. Улыбка Элларии, которая гордится его победой, отвлекает Змея всего на секунду…

ДЭН УАЙСС: Ситуация классическая, как в греческой трагедии: роковая вина. Герой, который никак не может угомониться. Весь сезон он с наслаждением ворошил осиное гнездо и вот оказался не в том месте не с тем человеком. Результат – море крови на полу театра.

ПЕДРО ПАСКАЛЬ: Он подошел слишком близко, увлекся, потерял бдительность. Он, конечно, хочет прикончить зверя, который изнасиловал и убил его сестру, но перед этим ему нужно признание. Он хочет это услышать.

Гора хватает Оберина за ногу, валит и… ну, вы сами видели, что там было.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Все говорят: «О, этот кадр, где его череп лопается!» На самом деле вы не видите, как это происходит. Вы слышите звук и видите голову за долю секунды до того. Не так просто сделать голову, которая разваливается, если на нее давят.

Там были трубки с кровью и прочее. В первый раз мы забыли добавить кости, он стал давить, и она сплющилась.

ХАФТОР БЬЕРНССОН: Благодаря спецэффектам и бутафории мне казалось, что я в самом деле раздавил чью-то голову.

ИНДИРА ВАРМА (ЭЛЛАРИЯ СЭНД): Он так красиво сражался, все шло, как он хотел, и вот вам, пожалуйста.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Когда Гора снова упал, мы положили сырое мясо на лицо каскадера. Захваченному зрителю даже в голову не приходит, что это мясо, – он ужасается, вот и все.

ПЕДРО ПАСКАЛЬ: Между прочим, у нас с Линой Хиди состоялся интересный разговор насчет Оберина. Кончил он плохо, но признание все же вытянул, правильно? Раз я это услышал, можно и помирать. Я в экстазе, что добился чего хотел, пусть даже ценой собственной гибели.

Тириону снова грозит смертная казнь, но Джейме, всегда защищавший младшего брата, освобождает его из темницы. Однако Тириону, как и Оберину, неймется. Он идет разбираться с отцом и обнаруживает, что тот не один.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Иногда человек, доведенный до крайности, просто ломается. Вот и Тирион достиг этой точки. Герой прошел через ад, смотрел в лицо смерти, его, как он это видит, предали те, о ком он заботился, чьего одобрения добивался. Он всю жизнь пытался заслужить отцовскую похвалу и влюбился в Шаю, несмотря на дурное предчувствие.

СИБЕЛЬ КЕКИЛЛИ: И вот она в постели с его отцом. Когда Тирион входит, она произносит: «Мой лев!» Я не хотела в этом сниматься, просила: «Не надо, пожалуйста».

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Тяжело было убивать Шаю. Ни одна сцена меня так не изматывала.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Тирион душит ее медленно, она вырывается. Он мог бы еще отпустить ее, но гнев и боль из-за ее предательства заставляют довести дело до конца. Это, возможно, самое тяжкое его преступление.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Худшая часть сцены та, где Тирион натягивает цепь, которой ее задушил. Задумывалось, что он убьет ее в постели, но Питер на репетиции спрыгнул на пол, держась за цепь, и спросил: «А если так?» Он душит, не глядя на нее, что ужасно, – и мы согласились на этот кошмар.

СИБЕЛЬ КЕКИЛЛИ: Меня все время спрашивают, любила ли она Тириона. Для меня предельно ясно: любила. Иначе ушла бы, когда он потерял власть или когда Варис ей предложил денег. Но он женился на Сансе, которую она тоже любит, и ей это слишком

больно.

Я объясняю все так: она, конечно же, понимает, какие игры ведутся у них в семье, но что она, простолюдинка, против них может? Ей нужно быть с кем-то, кто ее защитит. Тайвин и Серсея явно ей пригрозили: делай, как сказано, иначе умрешь. Что ей остается в такой ситуации? Выбор невелик: на улицу или в любовницы к Тайвину.

Тирион, вооруженный арбалетом, застает отца в сортире. Тайвин не теряет хладнокровия даже при виде сына, который должен находиться в тюрьме.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ: Я, помню, искал кусок подходящей стенки, чтобы заснять, как Тирион идет по коридору в сортир. Нельзя же переходить к следующим событиям сразу после убийства Шаи. Нужны шесть промежуточных секунд, когда он идет с арбалетом по коридору. Все такие: «Столько денег на съемку угрохали, а Грейвзу долбаная стенка понадобилась». Значит, понадобилась!

Тайвин называет Шаю шлюхой, и Тирион, только что убивший ее, требует, чтобы отец проявил к ней уважение и не повторял больше этого слова.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Лорд Тайвин убежден, что раз он сам Тириона не любит, то и никто другой тоже не может. Шая легла с карликом только потому, что он Ланнистер, что с ним она разбогатеет и будет жить в замке – потому, что она шлюха, если по-простому. Желая преподать ему урок в этом отношении, Тайвин так и называет ее и сыплет ему соль на рану. «Не повторяйте больше этого слова», – предупреждает Тирион. Отец повторяет, и сын нажимает на спуск.

Тирион убит горем после того, что он сделал, а Тайвину наплевать… стреляет палец, а не он сам.

Мартин объясняет, что Тайвин умер не из-за этого слова и не из-за постоянного дурного обращения с сыном, а из-за того, чему он сам когда-то научил Тириона.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Философия лорда Тайвина такова: если угрожаешь кому-то, то должен эту угрозу выполнить. Тириону он вдолбил это с детства. Если не сделаешь этого, никто не станет верить твоим словам.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ: Мне нравилось работать с Чарльзом Дэнсом. Нравились их отношения, при всей их кошмарности – в

них все равно есть любовь, что там ни говори. Господи, я как жертва насилия говорю, что сам виноват. Я просто любил игру Чарли. Он уважает Тириона, но и удержаться не может.

ЧАРЛЬЗ ДЭНС (ТАЙВИН ЛАННИСТЕР): Тирион постоянно напоминает Тайвину о его единственной неудаче. В Европе XV–XVI веков карликов, слепых от рождения, и младенцев с прочими отклонениями, как правило, умертвляли. Тайвин оставил Тириона в живых. К его изумлению, он оказался самым умным и волевым из троих детей, что постоянно раздражает отца. Почему этот маленький говнюк вырос таким? Не будь он низкорослым, Тайвин гордился бы им, но то, что его сын карлик, заставляет его чувствовать собственную ущербность.

Ужасно, согласен – но я не из тех актеров, которые стремятся найти в герое хорошую сторону. Если твой персонаж злодей, так его и играй, не пытайся сделать его приятным. А Питер – это что-то из ряда вон. Хотелось бы сыграть хоть одну сцену, где я пристойно к нему отношусь.

Глава 16
Величайшее в мире шоу

«Игра престолов» завоевала симпатии зрителей не за один вечер, и не было отдельной серии или сезона, сделавших ее феноменом, которым она впоследствии стала. Ее популярность росла постепенно, но неуклонно. Сериал можно сравнить с драконами Дейенерис – с каждым годом он и его фанаты крепли и свирепели, пока наконец не завоевали весь мир.

К концу четвертого сезона «Престолы» стали самым популярным сериалом HBO за все время: каждую неделю на всех платформах телекомпании его смотрели около двадцати миллионов зрителей в США и десятки миллионов по всему миру. Шоу также имело сомнительную честь выйти на первое место по нелегальному скачиванию (премьеру восьмого сезона, по некоторым оценкам, пятьдесят четыре миллиона человек смотрели именно таким способом).

Увеличивалось и количество наград. В целом «Престолы» удостоились пятидесяти девяти прайм-таймовых премий «Эмми»[21], больше любого драматического или комедийного сериала, в том числе получили четыре награды за лучшую драму. Столько же Динклэйдж получил как выдающийся актер второго плана.

Процветал также мерчандайзинг с десятками официальных товаров HBO: пивные и винные марки, кивающие куклы, кружки, статуэтки, игры и куча футболок (даже с Сиром Попрыгунчиком). Композитор Рамин Джавади объездил весь мир с концертом «Игра Престолов Live», где оркестровая музыка сочеталась со спецэффектами. Слова и выражения вроде «кхалиси», «Красная Свадьба», «зима близко», «дотракийцы» вошли в повседневную речь. Родители называли детей в честь Арьи, Дейенерис и многих других героев.

В города, которым выпало счастье стать местом съемки, валом валили туристы. Дубровник так захлестнули фанаты, что дублер Королевской Гавани в 2017 году ограничил доступ приезжим в свои древние стены, а Северная Ирландия, по оценке, за 2018 год заработала на туризме 40 миллионов долларов.

Авторы и актеры сериала, в большинстве своем не привыкшие к славе, столкнулись с ее не всегда приятными сторонами.

ПИЛУ АСБЕК (ЭУРОН РЕЙДЖОЙ): Я пятнадцать лет играл в Дании и в международных проектах. Работал с Морганом

Фрименом, Скарлетт Йоханссон, Кирстен Данст, и никого это не парило. Сыграл в «Престолах» – и понеслось: «Чувак, мы тебя любим, блин».

Таможенник в аэропорту Сантьяго смотрит на меня и спрашивает: «Грейджой?» А потом они закрыли границу, чтоб со мной сфоткаться. Пятнадцать минут никто не мог попасть в Чили! «Мать твою, – думаю, – а каково же Киту и Николаю?» Величайшее в мире шоу.

Встречи с поклонниками почти всегда проходили доброжелательно.

ЛИАМ КАННИНГЭМ (ДАВОС СИВОРТ): Люди всегда счастливы видеть Давоса. Он хороший мужик, и меня с ним путают. Это фантастика – получать такую реакцию.

КРИСТИАН НЭЙРН (ХОДОР): Люди не верят, что ты реальный, они в тебе видят твоего персонажа и кричат «Ходор!», но в целом относятся уважительно, хотя иногда раздражают.

ДЖЕК ГЛИСОН (ДЖОФФРИ БАРАТЕОН): Большинство все-таки различает актера и его героя. Мне ничего плохого не говорили. «Ты в порядке? – спрашивали. – Я слышал, к тебе пристают на улице?»

ДЖЕММА УИЛАН (ЯРА ГРЕЙДЖОЙ): Это так непривычно, что тебя узнают, и так здорово. Люди говорят, что я принесла им радость, но ведь и они принесли счастье мне. Это взаимно.

ЭСМЕ БЬЯНКО (РОЗ): Как-то на встрече со зрителями ко мне подошла женщина и сказала, что она проститутка. Сказала, что в «Престолах» впервые увидела на экране себя: «У вас Роз не проститутка, а замечательная женщина, личность». Когда мне хочется уйти из шоу-бизнеса, я вспоминаю ее.

Но некоторые фанаты вызывали беспокойство, а то и пугали.

МАРК ЭДДИ (РОБЕРТ БАРАТЕОН): Один парень показал мне у себя на плече татуировку с королем Робертом, то есть со мной. Я ему: «Что ж ты сделал, это ведь на всю жизнь!»

ХАФТОР БЬЕРНССОН (ГРИГОР «ГОРА» КЛИГАН, СЕЗОНЫ 4–8): Очень популярная просьба – надавить на глаза. Или поднять повыше. Но я разве что девушек поднимаю, а иногда и совсем отказываю: поднимешь одну, и все тоже захотят. Нечестно получится.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ (ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР): Одна фанатка три месяца прожила в Белфасте, надеясь увидеть нас, и наконец подловила в баре отеля. Мы дали ей автографы,

фотографии подарили. Очень милая девушка, но я подумал: неужели это одного меня напрягает? Спросил ее, зачем она это делает. Она сказала, что это было в ее списке жизненных дел. Слава богу, что она нас встретила и может ехать домой!

ОУЭН ТИЛ (АЛЛИСЕР ТОРН): Подходит к нам с женой парень и говорит: «Сделайте одолжение, скажите на мой телефон, что я ублюдок». Я говорю: «Не дури», а жена: «Да скажи ты ему». Ну, я взял его телефон и сказал: «Ублюдок ты хренов». Он был в восторге.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Сидим мы, десять человек, на «Комик-Коне» и подписываем постеры. Подписываешь и соседу передаешь. Я, значит, передаю Лине Хиди, а женщина, купившая этот постер, говорит: «Нет, вас мне не надо, вы плохая!» Лина так и обмерла.

В другой раз парень спрашивает, нельзя ли отрезать кусочек от моей бороды. Я говорю «нет» и продолжаю подписывать. Так этот сукин сын зашел сзади и хотел с затылка отстричь! Спасибо, мой секретарь Тай Френк (один из фантастов-соавторов, пишущих под псевдонимом С. А. Кори) выхватил из его рук ножницы.

ЧАРЛЬЗ ДЭНС (ТАЙВИН ЛАННИСТЕР): Иногда это порядком надоедает: подносишь в ресторане вилку ко рту, и в этот момент тебя кто-то щелкает. Я что вам, зверь в зоопарке?

МЭЙСИ УИЛЬЯМС (АРЬЯ СТАРК): Если бы я видела кого-то каждую неделю по телевизору и этот человек при встрече повел себя грубо, это разбило бы мне сердце. Но быть публичной фигурой просто невыносимо. Можно, конечно, прикидываться и спрашивать: «Как вам мой кофе?» Я смотрю на Лину Хиди, и меня восхищает ее стиль жизни. Она фантастическая актриса, присутствует на вручении премий, играет яркие роли, а живет нормально, как все. Не хочу, чтобы за мной всюду хвостом ходили. Хочу сохранять анонимность и скучаю по этому.

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): Мне бы в «Старбаксе» работать. Или еще где-нибудь, с девяти до пяти. Актерство вещь непредсказуемая, если снимаешься не в «Престолах». Я всю жизнь готова играть, но иногда делать перерывы на «Старбакс».

ЭМИЛИЯ КЛАРК (ДЕЙЕНЕРИС ТАРГАРИЕН): Я не была готова справляться с тем, что другие люди расценивают как успех или неудачу, и это сильно повлияло на мою героиню. Я стала вкладывать в нее куда больше, потому что долгое время не занималась ничем другим. Я всегда ждала, что под конец все ополчатся против нее, ведь слава и успех твоего шоу – такая ненадежная вещь. Это все непостоянно, как ветер. Сегодня люди думают так, завтра иначе – если строишь свою самооценку на

этом, тебе конец. И я все больше зацикливалась на ней, своей Дейенерис.

Актеров узнавали, но не всегда помнили, кто кого играет.

ДЖОЗЕФ ДЕМПСИ (ДЖЕНДРИ): Меня часто спрашивали: «Ты ведь в “Престолах” играешь?» – «Да». – «Что ж ты такой неуклюжий?» (Имелся в виду Подрик, которого играет Дэниэл Портман.) – «Вы меня с другим спутали, – говорю, – и он отличный парень».

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Мне говорили, что я на Джона Сноу похож. Скажешь, что ты и есть Джон Сноу, а они: «Не, он выше».

КОНЛЕТ ХИЛЛ (ВАРИС): Меня принимают в основном за охранника или официанта. Вот и славно: когда волосы отрастут, меня вообще не узна́ют и мучить не будут, как ведущих актеров.

ПИЛУ АСБЕК: У меня встреча с продюсерами очень перспективного фильма. Они интереса не проявляют и минут через двадцать спрашивают: «Так где вы играли?» – «В “Игре престолов”», – говорю. Это было еще до выхода шестого сезона. И тут один из них: «А, чтоб тебя! Так и знал! Ты же супер!» Интерес разгорается мгновенно: «Ты прямо хамелеон! Слушай, скажи честно: каково это изображать, что тебе отрезают член?» Они меня за Алфи Аллена приняли – худший разговор в истории моих встреч. «Тяжело, – говорю, – но это мой профессиональный секрет». Звоню потом Алфи: «Если получишь роль злодея в таком-то фильме, скажи мне спасибо».

А если кто-то произнес запомнившуюся реплику, это и вовсе палка о двух концах. Спросите Роуз Лесли о словах «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу».

РОУЗ ЛЕСЛИ (ИГРИТТ): Фанаты – это прекрасно, но кроме этих слов они слышать ничего не хотят. Притом в сериале у меня «одичалый» акцент, и если я говорю «Ничего ты не знаешь, Джон Сноу» собственным голосом, все морщат лоб и говорят: «Что-то не похоже на Игритт». Тогда я долго и нудно изображаю акцент, и люди уходят, жалея, что связались со мной.

Софи Тернер в первые пару сезонов пришлось хуже, чем большинству остальных. В книгах Мартина Санса сильно проигрывает по сравнению со своей храброй сестрой. Она верит в отважных рыцарей, благородных принцев и вечную любовь – в то, что сага Мартина безжалостно опровергает.

СОФИ ТЕРНЕР: Я была в шоке, когда поняла, что люди не любят Сансу, и принимала это на свой счет. Потом перестала. Мне скажут: «Я тебя ненавижу», а я: «Поздравляю с умным высказыванием». Как-то мы с Мэйси стоим в очереди. Ей говорят: «Ты у меня самая любимая», мне: «А тебя не люблю». Ну и пусть себе. Понятно, за что не любят книжную Сансу – а если ненавидят экранную, значит, я хорошо сыграла.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Нас постоянно сравнивали, хотя мы две совершенно разные девочки, играющие совершенно разные роли.

Шоураннерам тоже нелегко приходилось с фанатами. На съемках первого сезона был случай, вселивший в них недоверие к посторонним.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Мы переснимали свадьбу Дени на Мальте. Подходит молодой русский парень, спрашивает, можно ли зайти на площадку. Очень вежливый, хотя вроде малость с приветом. Конечно, говорю. Тогда всем плевать было, шоу существовало только в проекте. Чего там, думаю, парень пешком пришел, отыскал нас, интересуется.

А он поснимал, запостил эти фото и разнес нас в пух и прах: это никуда не годится, надо было его взять, он бы все сделал как надо. Я часто его вспоминаю.

Позже Бениофф и Уайсс поклялись не читать отзывы о сериале в интернете (или хотя бы попытаться не делать этого). Быть автором идеи – значит принимать бесчисленное множество решений, доверяя своим инстинктам. Они оба боялись, что на них повлияют фанаты и СМИ, предугадывающие каждый их шаг.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): В комментариях в сети очень легко потеряться, если не соблюдать осторожность. Нам стало гораздо лучше, когда мы перестали туда заходить. На девять положительных отзывов приходится один отрицательный, но запоминаешь именно его. Тебя тянет поспорить: «Так вышло потому, что…» Прокручиваешь этот спор в голове и чувствуешь, что сходишь с ума. Внутренний спор с «Королевой Драконов 42» не выиграешь, хоть тресни.

ДЭН УАЙСС: Да хоть бы и положительные. Читаешь пять, шесть, семь штук, и людям вроде бы нравится то, что ты делаешь. Тебе это приятно, и вот ты, как лабораторная обезьяна, подсаженная на кокаин, только и знаешь, что кликаешь. Не хочу

быть подопытным животным, нормальный творческий процесс из-за этого срывается напрочь. Все или ничего: ты или слушаешь, или нет.

Многие актеры тоже решили не читать о себе в интернете. Необычайно многие из них вообще не заводили аккаунты в соцсетях, хотя онлайн-общение с фанатами все больше входило в привычку и некоторые телекомпании даже делали это обязательным условием.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): Я человек скорее закрытый. Чем меньше вы знаете об актере, тем серьезнее к нему относитесь. Исчезнуть на время только полезно. В наше время обо всех и каждом известно столько, что трудно воспринимать чью-то игру, зная, что он вчера ел на ужин. Какая-то тайна должна остаться.

Особенно опасен был интернет для актрис.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Сначала (после первого сезона) я заходила в интернет то и дело – уши торчком, хвост трубой. Потом перестала. Ты, конечно, читаешь много хорошего о себе, но в голове застревают одни только гадости. Ложишься спать и думаешь про человека, который пишет, что у тебя задница больно толстая и так далее. В одном интервью я прочла: «Если актер говорит, что не гуглит себя, то врет». Я вот не гуглю! Сначала писали, что я помолвлена с Джеймсом Франко, а в другую секунду у меня любовный треугольник с двумя лучшими друзьями, один из которых гей.

ЭСМЕ БЬЯНКО: Я усвоила этот урок довольно быстро и перестала смотреть, но успела увидеть массу всевозможного негатива. Люди бывают ужасными, что угнетает. Такая обратная связь может повлиять на твою игру. Я решила, что не хочу знать мнение всех и каждого: если бы я плохо справлялась, продюсеры сказали бы мне об этом напрямую.

Многие, кто работал в «Игре престолов», говорят, что наибольшее давление со стороны фанов испытали не в интернете и не на встречах со зрителями, а в Испании, когда там начали снимать пятый сезон. Съемочная группа не ожидала от местных фанатов такого неистовства. В ответ на объявление о кастинге пришло восемьдесят шесть тысяч писем, порушивших серверы. У отеля «Севилья», где проходило прослушивание, круглосуточно стояли толпы в надежде увидеть актеров.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мы еще не работали там, где так страстно относились бы к нашему сериалу. Нельзя было пройти по улице с актером, даже не на главную роль, чтобы вас не обступили – с самыми добрыми намерениями.

ДЖЕССИКА ХЕНВИК (НИМЕРИЯ СЭНД): Мы снимали во дворце Алькасар. Там вокруг ограда, и ее завесили пластиком, чтобы не было видно площадку. Я смотрю – пожар, что ли? Оказывается, на улице жгут костры, чтобы расплавить пластик и смотреть в дырки.

ЛИАМ КАННИНГЭМ: Испанские фанаты вломились в отель – пришлось вызывать полицию, они ворота штурмовали. Смотришь в окно в пять утра, а на улице уже человек пятьсот. Питер хотел выйти из номера и наткнулся на толпу в коридоре.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ: Они очень милые, если поодиночке, но вместе немного пугают. Толпу я не одобряю, но любовь и поддержку приветствую. Когда участвуешь в чем-то крупном, не надо все принимать на свой счет: истерию вызываем не мы, а созданная всеми нами вселенная. Это во времена битловских концертов людям нужна была не музыка, а Джон, Пол, Джордж и Ринго (по-моему, это уместное сравнение).

ЛИАМ КАННИНГЭМ: Как-то у меня чистые трусы кончились, а через улицу H&M. Большой Стив, наш охранник, бывший североирландский коп, говорит: «Я с тобой». Я отвечаю: «Еще не хватало, чтоб ты со мной ходил трусы покупать». Но он все равно пошел. Расплачиваюсь у кассы и вижу, что Стив уже сдерживает толпу.

Особенно осаждали Харингтона. «Кит» в испанском произношении похоже на «Кейт» – так его товарищи и прозвали. А Костера-Вальдау подкарауливали девушки в коронах из «Бургер Кинга» – пришлось ему отель сменить.

КИША КАСЛ-ХЬЮЗ (ОБАРА СЭНД): Выхожу к ним и говорю: «Николай не здесь живет». Они смотрят, как на ненормальную: «Мы же знаем, что здесь». А я отвечаю: «Вот кошмар-то».

ДЖЕССИКА ХЕНВИК: «Убей меня, Цареубийца!» – кричали.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Имел глупость пойти в спортзал, а там: «Мы уже два дня тебя ждем!»

Один из знаменитых фанатов получил к «Престолам» особый допуск. Президент Барак Обама просил главу HBO Ричарда Плеплера присылать ему еще не вышедшие в эфир серии, даже сверхсекретный финальный сезон, – и ему присылали.

РИЧАРД ПЛЕПЛЕР (БЫВШИЙ ГЕНДИРЕКТОР HBO): Обама был нашим ярым поклонником. Однажды подхожу к нему на приеме, а он спрашивает: «Где мои серии?» Потом, уже на выходе, он меня окликает. Я думал, он посоветоваться хочет о чем-то, но слышу: «Так не забудьте о последних двух сериях». – «Вы их получите, господин президент», – сказал я.

Преемник Обамы тоже использовал «Престолы», хотя и в не столь мирных целях. Дональд Трамп постоянно постил в Twitter мемы из сериала, вкрапляя их в свои декларации, например «Санкции (относительно Ирана) близко». HBO ему отвечала: «Мы предпочли бы, чтобы наши торговые марки не использовались в политических целях».

Трамп, однако, был далеко не главной заботой при защите безопасности сериала. Когда сюжет вышел за пределы книжной саги Мартина, стали предприниматься все более изощренные попытки запустить спойлеры в интернет. Самая серьезная утечка произошла в 2015 году, когда четыре незаконченных серии пятого сезона разместили на BitTorrent, использовав записи на дисках, которые HBO рассылала прессе. Виновник не был критиком: «Диски, адресованные человеку, который больше там не работал, оставили у него на столе, и кто-то их взял», – объясняет Бениофф. Но с тех пор копии на физических носителях до выхода в эфир больше не рассылались. От этой практики отказались не только в HBO, но и в телекомпаниях по всему миру.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Четыре серии! Сколько часов, сколько усилий, сколько миллионов долларов на них было затрачено. Обнародование материала, готового только наполовину, стало большим ударом для нас. Мы не столько ругали HBO, сколько спрашивали: «Как сделать так, чтобы это больше не повторилось?»

МАЙКЛ ЛОМБАРДО (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO): Хорошей новостью здесь было то, что кто-то так старается украсть наше шоу, а плохой – что мы живем теперь в другом мире. Все поняли, что тактику – не только с «Престолами» – пора пересматривать, и число лиц, имеющих допуск к контенту, резко сократилось.

А потом произошел Большой Взлом 2017 года, точно скопированный из технотриллера. Хакер получил доступ к почте работника HBO и скачал около 1,5 терабайт засекреченной информации. Взломщик, именуя себя Мизинцем, угрожал ее

обнародовать, если ему не заплатят 6 миллионов в криптовалюте.

«Это величайший взлом кибернетической эры, – заявлял хакер в письмах, которые рассылал СМИ. – Как он называется? Ах да, забыл сказать. HBO и „Игра престолов”!»

Компания обратилась в ФБР, внутренняя безопасность пыталась вычислить, какая информация пострадала. К счастью, хакер скачал не серии, а только сценарии к ним и фрагменты из других сериалов: «Футболисты», «Умерь свой энтузиазм», «Комната 104».

В 2019 году ФБР обвинило в этой атаке бывшего иранского наемника Бехзада Мезри. «Для Бехзада Мезри настала зима», – заявил прессе прокурор США Джун Ким. Неизвестно, платила ли HBO выкуп, но компания пережила напряженный период, когда все сомневались в безопасности своей личной корреспонденции и опасались, что секретные материалы появятся в общем доступе.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО: Это был настоящий Армагеддон. Какое-то время любая компания чувствовала себя незащищенной, как никогда ранее. Мы привыкли думать, что цифровая переписка безопасна и никто ее не прочтет, – теперь началась паранойя. Прозвенел звонок, и мы поняли, что враг не дремлет. Все думали почему-то, что в шоубизнесе нам ничего не грозит, но современная культура стала интернациональной, и масштабы опасности увеличились.

Папарацци в Северной Ирландии и Испании шли на все более крайние меры, чтобы проникнуть на площадку, а компания упорно с ними боролась. Правительство Северной Ирландии объявило места съемок бесполетной зоной, расширенные периметры охранялись. В Испании военные установили блокпост за несколько миль до объекта.

ДЭН УАЙСС: Один фотограф шел восемнадцать часов по Ла-Манче, другой полз по грязи в Северной Ирландии, как коммандос[22].

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Иногда даже я не могла попасть на площадку, если у меня не было бэйджа, – сама установила такое правило. Приходилось идти за ним.

Даже внутри охраняемого периметра принимались меры, чтобы кто-нибудь не увидел то, что не положено. Бумажные сценарии в последних сезонах почти исчезли из обихода, каждому персонажу в документах присваивался код. На

трейлерах ставили номера, а не имена героев, и ни один нарушитель не знал, кто из актеров в какой сцене занят.

СОФИ ТЕРНЕР: У нас было приложение, где вся информация удалялась каждые двадцать четыре часа, – такой Snapchat для сценариев. Всем присвоили кодовые имена, в которых мы путались.

Но фотоспойлеры все же как-то просачивались. Служба безопасности сериала отслеживала, где и когда сделан тот или иной снимок. Эксперты установили, что воздушную фотографию Королевской Гавани в восьмом сезоне сняли из окна музея «Титаник-Белфаст» в нескольких кварталах от площадки, и команда приняла меры, чтобы перекрыть этот ракурс.

Самая скандальная фотоутечка случилась опять-таки в восьмом сезоне: участник массовки запостил на Reddit, как Джон Сноу убивает Дейенерис.

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД: Часто бывает, что парень посылает что-то своей девушке, та кому-то еще, а «кто-то еще» соображает, что это имеет ценность, и выкладывает онлайн. Бывает также, что кто-то лжет, и многих увольняют, даже если они не врут. Если не уволишь, другие подумают, что все можно. Недовольных было бы больше, если бы меры не принимались: «Почему его не уволили, мы соблюдаем правила, а он нет?» В нашем положении делать это приходилось за любой мало-мальски серьезный проступок.

После спойлера на Reddit продюсеры стали выкладывать разную фотодезинформацию, чтобы запутать пользователей. Актеров возили на площадки, где они на самом деле не снимались, сбивая со следа шпионов. Единственное, чего не сделали авторы, это не сняли другой конец, хотя насчет этого ходили разные слухи.

ДЭН УАЙСС: Мы не снимали другие варианты, чтобы не тратить лишнее время и деньги, но выкладывали много фейковых снимков. Например, как Джон склоняется перед Серсеей на вполне реальной площадке.

ДЭВИД БЕНИОФФ: По Королевской Гавани шел великан-зомби, и Король Ночи туда наведывался.

ДЭН УАЙСС: Надо было сделать побольше фейков, которые бы выглядели реально. Когда правда исчезает из мира, ее, как ни печально, можно отстоять только посредством правдоподобной лжи. Утопить ее во вранье.

В конечном счете спойлеры, утечки и неистовые фанаты были проблемами от чрезмерной популярности. Это означало, что «Игрой престолов» интересуются сотни миллионов людей. Актеры сериала достигли звездных высот, команда вносила ценные пункты в свои резюме. Успех «Престолов» обогащал всех, связанных с сериалом как напрямую, так и косвенно: белфастских рестораторов, хорватских туроператоров, владельцев испанских отелей, производителей сопутствующих товаров.

И все же…

БРАЙАН КОГМАН: Теперь уже с трудом верится, как долго мы пребывали на задворках. Премию «Эмми» нам присудили только в пятом сезоне. Мы были чем-то вроде выскочки, про которую все говорят. Быть величайшим шоу, как по мне, – палка о двух концах. Реклама пива «Бад-Лайт» на кубке «Супербоул»[23] и печенье «Орео – Белые Ходоки» – это прекрасно. Я не говорю, что не надо этому радоваться, но мне вспоминается, как мы просто старались сделать хорошее шоу.

Глава 17
На распутье

Джордж Р. Р. Мартин сидел в укромном уголке своего любимого ресторана в Санта-Фе – семейного заведения, где можно заказать энчиладу[24] с зеленым чили и тако. Хотя столик находился вне поля зрения посетителей, сидящих в основном зале, фанаты «Престолов» все равно высмотрели его и просили сфотографироваться. Мартин со своей окладистой белоснежной бородой, в подтяжках и фуражке-капитанке, с которой не расстается, и сам, по собственному признанию, смахивает на книжного героя.

«Когда мы снимали первый сезон, единственным известным актером был Шон Бин, – рассказывает Мартин, – но я уже был знаменитым автором. Поэтому HBO активно задействовала меня в продвижении сериала. Были опубликованы мои фотографии, меня стали узнавать. Внешность у меня и правда запоминающаяся. И я обнаружил, что известность нельзя отключить по желанию. Например, я больше не мог спокойно ходить в книжные магазины, а это одно из моих самых любимых занятий. Раньше я мог провести там целый день и уйти с целой стопкой томов под мышкой. А теперь не проходило и пяти минут, чтобы кто-то не подошел и не попросил автограф или сфотографироваться, и вокруг меня быстро собиралась толпа. Так что да, что-то находишь, а что-то теряешь».

Мартин показал на еще более уединенный столик с другой стороны основного зала. «Вон там», – сказал он. Именно там в 2013 году он открыл Дэвиду Бениоффу, Дэну Уайссу и Брайану Когману столь долго хранившуюся в секрете концовку «Песни льда и пламени». К этому времени все они уже понимали, что сериал будет во многом расходиться с романами.

«Когда переснимали пилотную серию, я приехал на съемочную площадку на Мальте и познакомился кое с кем из новых актеров, – вспоминает он. – В это время случился какой-то кризис. Режиссер позвал Дэна и Дэвида, и они буквально в трех метрах от меня обсуждали, что делать. Тогда я осознал, что мое детище уже не принадлежит мне безраздельно, потому что меня даже не позвали. Режиссер разговаривал с Дэном и Дэйвом, и никто не сказал: «Джордж, подойди на минутку, скажи, что ты об этом думаешь».

«Я не стал устраивать из-за этого сцену и обижаться, – спокойно добавил он. – А просто осознал, что отдал свое дитя на

усыновление, и теперь на родительские собрания ходят приемные родители, а меня туда не приглашают».

Еще одним признаком независимости сериала стал момент, когда продюсеры решили, что в первом сезоне король Джоффри должен приказать сиру Илину Пейну вырезать язык менестрелю Мариллону (в книгах жертвой жестокого короля стал другой менестрель). «Джорджу это очень не понравилось, потому что в книге на Мариллона потом свалили убийство Лизы Аррен, которое произошло в четвертом сезоне, – рассказывает Брайан Когман. – Дэн и Дэвид аргументировали это тем, что в сериальной версии лучше вырезать язык тому менестрелю, с которым мы проведем этот сезон, а с убийством Лизы мы разберемся, когда до него дойдет дело. Так и вышло».

Пятый роман «Песни льда и пламени», тысячестраничный опус «Танец с драконами», был опубликован в 2011 году, и в том же году состоялась премьера «Престолов». У Мартина были запланированы еще две книги цикла: «Ветры зимы» и «Грезы о весне». Учитывая, что на написание «Драконов» ушло шесть лет, фанаты с самого начала волновались, что сериал обгонит книги. Интернет был полон отчаянных призывов: «Допиши книгу, Джордж!» Вскоре занервничало и руководство HBO. «Пару лет назад мне казалось, что причин для волнения нет, – сказал Майкл Ломбардо во время съемок третьего сезона. – Но теперь я наконец понял, чего боятся поклонники. Что будет, если сценарий догонит книги? Остается молиться и надеяться, что этого не случится».

Однако тревоги телеканала и фандома бледнели по сравнению с волнениями самого Мартина. В его блоге появлялись полные растерянности и страха посты, в которых он рассказывал, как тяжело продвигаются «Ветры зимы». Мартин писал, что это вызвано совокупностью факторов: сложностью сюжета, перфекционизмом, а также тем, что ему нужно отвлекаться на разные вещи, связанные с сериалом. «Во вторник я думаю, что это лучшее из того, что я написал, – говорил он, – а в среду мне кажется, что это просто низкопробное чтиво и нужно все это сжечь и начать заново».

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Мы подсчитали, сколько у нас будет сезонов, то есть сколько может вытянуть эта история, и поняли, что сериал обгонит книги. Поэтому мы встретились с Джорджем в Санта-Фе и три дня сидели и подробно расспрашивали его с учетом того, как мы представляли себе будущее сериала вплоть до финала.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Я не могу найти слов, чтобы это описать. Это было все равно что

постичь смысл бытия – как будто Бог спустился с небес и открыл тебе грядущее. В этот момент мы уже знали, что сценарий перегонит книги. Поэтому нам нужно было узнать все секреты будущих книг и понять, что из этого сработает в контексте нашего сериала.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Мне это далось нелегко. Я не хотел раскрывать сюжет будущих книг. Особенно трудно было говорить о концовке: у каждого персонажа был свой финал. Я рассказал, кто получит Железный Трон, а также раскрыл серьезные повороты сюжета – например, историю с Ходором и «Ход затвори» и решение Станниса сжечь свою дочь. Мы обсудили далеко не все. История многих второстепенных персонажей в сериале могла закончиться совсем иначе.

ДЭН УАЙСС: Джордж не прописывает детальные планы для каждого аспекта истории, он постепенно заполняет пустоты и поступательно продвигается от пункта А к пункту Б, наращивая плоть на скелете сюжета. Именно поэтому его книги так хороши. У него не было подробного описания того, что будет происходить на последних ста страницах.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Джордж часто говорил, что он скорее садовник, чем архитектор. Он бросает в землю семена и смотрит, как они всходят. Но мы не могли стать садовниками, как бы нам ни хотелось. Нам нужно было мыслить целыми сезонами – составить детальный план и отправить его в производство. Писательство – это индивидуальная работа, а телевидение все-таки командный спорт. Что-то я совсем запутался в метафорах. В общем, суть в том, что Джордж – садовник, а нам нужно было быть архитекторами, чтобы тщательно прописать каждый сезон и вовремя его отснять. В этом фундаментальная разница между литературным творчеством и телепроизводством.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Дэвид меня предупредил: «Мы уже догоняем книги». Я сказал: «Знаю». Но в то время я все еще думал, что они меня все-таки не догонят и романы будут идти впереди сериала.

Мартин был уверен, что закончит сагу до конца «Престолов», потому что предполагал, как создатели сериала используют четвертую и пятую книги «Песни льда и пламени»: первые два сезона были основаны на первых двух томах, «Игре престолов» и «Битве королей», а третий и четвертый – на самом популярном в фандоме 973-страничном опусе «Буря мечей».

Следующие романы, «Пир стервятников» и «Танец с

драконами», в совокупности составляли 1793 страницы, так что автор полагал, что этого будет более чем достаточно еще на несколько лет. Но в этих книгах появилось столько новых персонажей и сюжетных линий – особенно в Дорне и на Железных островах, – что повествование приобрело необычный формат: оно охватывало тот же хронологический период, концентрируясь на других героях.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Действие «Властелина колец» начинается в Шире, на праздновании дня рождения Бильбо. Потом четверо хоббитов отправляются в путь, по дороге к ним присоединяются Арагорн, Гимли и Леголас, а потом их отряд начинает распадаться, и пути персонажей расходятся. У меня такая же структура. Все начинается в Винтерфелле, где мы знакомимся со всеми, кроме Дени. Потом пути персонажей расходятся все больше и больше. Канва сюжета расширяется, и я с самого начала намеревался снова свести всех вместе к финалу. В сериале все устроено так же, но Дэвид и Дэн сделали этот поворот гораздо раньше и не ввели в сюжет многих новых персонажей, например Арианну и Квентина Мартеллов.

Мартин считал новых персонажей необходимыми для развития сюжета, а создатели сериала полагали, что «Престолы» должны делать упор на нынешний актерский состав и сохранять темп развития существующих сюжетных линий. К пятому сезону шоу уже трещало по швам – к этому моменту в нем было около тридцати постоянных героев и повествование металось между восемью историями, происходящими в разных местах. Дейенерис подавляла восстание в Миэрине, у Серсеи были проблемы со Святым Воинством в Королевской Гавани, Санса терпела мучения от Рамси в Винтерфелле, Бриенна направлялась на север, Арья проходила обучение в Черно-Белом Доме, Джон понемногу вживался в роль лидера в Черном Замке, Станнис и сир Давос вели войско на юг, а Джейме пытался спасти Мирцеллу в Дорне.

Это мегаобъемный сюжет. Настолько, что иногда некоторые главные персонажи появлялись в серии всего на пару минут или не появлялись вообще, хотя актерам, исполнявшим главные роли, платили за каждую серию вне зависимости от того, были ли они в ней задействованы. Одна из основных сюжетных линий – путь Брана и его превращение в Трехглазого Ворона – в пятом сезоне совершенно отошла на второй план. Пес тоже оказался на «скамейке запасных». Просить актера уйти на год в отпуск – дело рискованное и дорогостоящее: с ними нельзя разрывать контракт, иначе они могут уйти в другие проекты. Кроме того, разрастание

сюжета означало, что если раньше «Престолы» обходились двумя съемочными группами, то теперь их количество периодически приходилось увеличивать до четырех (они получили кодовые имена «Волк», «Дракон», «Ворон» и «Белый Ходок»), снимавших одновременно в разных местах. Это «жонглирование» тяжело давалось команде, а продюсерам становилось все труднее создавать качественный продукт.

Другими словами, дальнейшее увеличение количества персонажей и локаций с точки зрения практического повествования и производства казалось невозможным – хотя, если честно, экранизация этой саги казалась невозможной всегда. Мартин с самого начала давал понять, что пишет по принципу раздробленного повествования и, возможно, будет находить все новые способы делать это.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мы не хотели растягивать экранизацию на десять лет, не планировали проводить с Дени в Миэрине четыре года. Если бы мы строго следовали сюжету «Пира стервятников», половина персонажей – причем наиболее популярных! – вообще не появилась бы на экране. Не было бы вам ни Тириона, ни Дени, ни Арьи, ни Джона Сноу. Нашей задачей с самого начала было экранизировать сагу в целом, следуя общему плану Джорджа и основным (но не всем!) поворотам сюжета. Это адаптация. Сериалу нужно было приспосабливаться, чтобы выжить.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Я так и думал, что создатели совместят «Пир стервятников» и «Танец с драконами», потому что разделить сюжет, как в книге, невозможно, и что материала в этих романах хватит на три сезона – ну, в крайнем случае, на два. Но сериал пронесся через две книги за один сезон, потому что очень многое в сценарий не вошло. Шоураннеры начали сокращать и искать кратчайшие пути. За бортом остались Бессердечная, Квентин Мартелл и его кругосветное путешествие, путешествие Тириона в Пентос к магистру Иллирио, его встреча с Джоном Коннингтоном и Эйегоном, их совместный путь вниз по реке в Волантис, где Тириона и взял в плен Джорах Мормонт. Ничего из этого в сценарий не вошло.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мы не получаем дополнительных очков за верность исходному материалу. Это нам вообще ничего не дает. Принимая решения, мы каждый раз стоим на распутье. Но если нужно выбирать между тщательной экранизацией книг и тем, что лучше для сериала, мы всегда выбираем второе.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: В общем, я думал, что у меня еще есть три года, чтобы написать следующую книгу, но вдруг оказалось, что нужно поднажать и закончить ее до начала пятого сезона. Он должен был стартовать в апреле, и мой издатель

сказал: «Если мы получим рукопись до конца года, успеем выпустить книгу в марте». «Хорошо, – сказал я, – я еще успеваю к следующему сезону». Когда стало понятно, что к концу года я книгу закончить не могу, это буквально выбило у меня почву из-под ног. Сериал неожиданно обогнал меня. Я должен был выпустить последние две книги гораздо раньше.

Продюсеры все же попытались ввести в сериал кое-каких новых персонажей. В «Престолах» появились Песчаные Змейки из Дорна, а к жителям Железных островов прибавился Эурон Грейджой. Но из всех выброшенных из сценария персонажей фанатам Мартина больше всего хотелось увидеть на экране Бессердечную, которая лишь несколько раз загадочно появлялась в книгах. В конце «Бури мечей» убитая на Красной Свадьбе Кейтилин Старк воскресает в образе зловещей, немой, жаждущей мщения сущности. Появление ожившей Кейтилин – одно из самых сильных мест в книге. Этот герой затем фигурирует еще в одной главе, но его предназначение пока непонятно.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: У Бессердечной есть своя роль в повествовании. Достаточно ли она объемна и интересна? Я думаю, да, иначе я не вывел бы ее в книге. Один из моментов, которые я хотел показать с ее помощью, – это то, как сказывается на душе человека страшная смерть.

ДЭВИД БЕНИОФФ: У нас даже не было особых разногласий (по поводу включения Бессердечной в сценарий). Конечно, там есть одна потрясающая сцена…

ДЭН УАЙСС: Эта сцена и была единственным предметом спора. Момент ее первого появления в книге – один из самых запоминающихся, когда прямо думаешь: «Ни фига себе!» Я считаю, поэтому поклонников и зацепил этот персонаж. Но потом…

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мы не можем подробно об этом рассказывать. Мы не хотели вводить этого героя отчасти и потому, что Бессердечная имела отношение к происходящему в будущих книгах Джорджа, которые мы не будем обсуждать, чтобы не было спойлеров. Кроме того, мы знали, что впереди у нас будет воскрешение Джона Сноу, а слишком много восстаний из мертвых снижают эффект от смерти персонажа. Мы хотели подойти к воскрешению Сноу во всеоружии. И потом, сцена гибели Кейтилин была настолько мощной… Мишель – прекрасная актриса, и ее возвращение в роли безмолвного зомби было бы снижением планки.

Еще одной наиболее популярной мифологической линией сюжета, которая отошла на второй план в сериале, но играла значимую роль в книгах, была история лютоволков. В данном случае проблема была не в истории или отсутствии интереса у сценаристов, а в техническом воплощении. Как только лютоволки выросли и стали крупнее обычных волков, возникли сложности с их убедительным изображением. В первом сезоне снимали собак, потом увеличивали с помощью компьютерной графики обычных волков, но в итоге они все равно выглядели не очень реалистично.

ДЭН УАЙСС: Мы пробовали разные варианты, и в определенный момент они начали выглядеть ненастоящими. Но мы нашли компромисс между размерами и естественностью.

ДЭВИД БЕНИОФФ: С драконами у нас было больше пространства для маневра, потому что никто не может сказать: «Не, что-то это не похоже на настоящего дракона». Кроме того, в динамике их представить гораздо легче, потому что у драконов нет шерсти.

ДЭН УАЙСС: А в случае с волками у нас за спиной миллион лет эволюции, которая обусловливает их поведение.

БРАЙАН КОГМАН: У сериала есть определенные ограничения, и нам было очень тяжело создать компьютерных волков, которые бы хорошо смотрелись на экране.

Так какую же роль играют лютоволки? Судьба каждого из них в определенной степени связана с судьбами детей дома Старков. Лютоволка Джона Сноу зовут Призрак – такой зверь очень подходит хозяину, восставшему из мертвых, а его красные глаза, по мнению фанатов, могут намекать на таргариеновское происхождение героя. Лютоволк Брана – Лето – антипод сверхъестественных сил зимы, с которыми предстоит сразиться мальчику. Волчица Сансы, Леди, убита по приказу Ланнистеров, которые затем берут в заложницы саму девушку. Серый Ветер Робба Старка попал в ловушку и застрелен из арбалета, как и его хозяин. Лохматый Песик Рикона Старка убит людьми Рамси Болтона, и сам мальчик вскоре погибает от стрелы Рамси. А изгнанная Нимерия Арьи обрела на свободе силу и независимость. («Это не ты». Слова Арьи, обращенные к Нимерии при их новой встрече в седьмом сезоне, перекликаются с фразой «Это не про меня», сказанными ей отцу в первом.)

БРАЙАН КОГМАН: Эти волки – одиночки. Они не могут просто вернуться к своей стае. История Нимерии также

предвещает, что ждет саму Арью, когда она воссоединится с семьей.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС (АРЬЯ СТАРК): Нимерия создала свой собственный мир и собрала свою стаю. Она не готова снова стать собачкой Арьи. Вернуться к человеку для нее означает забыть все, чему она научилась. Поэтому они просто посмотрели друг на друга и отправились своей дорогой.

БРАЙАН КОГМАН: Лютоволки вообще изначально должны были играть большую роль, чем та, что была отведена им в итоге. У нас было много планов, связанных с ними, но кончились они в итоге ничем. Даже в первом сезоне нам пришлось вырезать много сцен с лютоволками (хотя в то время их роли исполняли собаки), потому что собаки не смогли бы сыграть такие сложные сцены или съемки заняли бы слишком много времени.

Тем не менее я думаю, что лютоволки – это воплощение духа Севера и дома Старков, и каждый из них – это отражение хозяина. То, что Леди убили, а Санса осталась одна, то, что Серый Ветер оказался в клетке, а Нимерия обрела независимость и пошла своей дорогой, – это все не случайно. Но мы не хотели чересчур углубляться в концепцию тотемного животного. Разумеется, в книгах у волков другая история: там Арья и Джон – варги[25], и Санса с Роббом тоже стали бы ими, если бы не погибли их волки. Не знаю этого наверняка, но могу предположить.

После четвертого сезона Мартин решил больше не писать сценарии для сериала и сказал продюсерам, что ему нужно сконцентрироваться на последних романах.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Никакого скандала не было, мы даже особо не спорили. Он считал, что пришло время поставить книги на первое место, и нам это показалось логичным.

Создателям сериала предстояло решить, как лучше использовать известную им фабулу, чтобы распланировать оставшиеся сезоны и серии. В том, что сериал обогнал книги, был и положительный момент.

ДЭН УАЙСС: Мы решили, что обе стороны от этого только выиграют. У чудесного мира, созданного Джорджем, теперь будет как бы две версии. Нет причин, по которой фанаты не смогут сопереживать, удивляться и радоваться каждой из них.

В конце концов, и Мартин, и создатели сериала – творческие люди, которые болеют за свое дело и пытаются рассказать

невероятно запутанную историю совершенно разными способами. Невзирая на отдельные разногласия, обе стороны всегда уважительно относились друг к другу даже в непубличном пространстве. Бениофф и Уайсс безгранично восхищаются книгами Мартина, а Джордж благодарен им за шоу и считает, что в целом они отлично поработали, хотя некоторые вещи ему и хотелось бы сделать по-другому.

ДЭВИД БЕНИОФФ: У нас бывают разногласия по поводу сериала, но отношения у нас тем не менее прекрасные.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Что Дэвиду и Дэну действительно удалось – и чего бы я никогда не смог сделать – это огромное количество премий «Эмми» для дизайнеров костюмов, художников-декораторов, каскадеров и так далее. Ребята собрали отличную команду профессионалов, причем для многих из них это первый опыт в кино или же они начали работать в этой индустрии совсем недавно. Если бы на их месте был я, я поступил бы как все: нанял людей, с которыми работал раньше и в профессионализме которых уверен. Но были бы эти проверенные люди такими же самородками, как те, кого нашли Дэн и Дэвид?

Этот момент отмечают многие из тех, у кого я брал интервью для книги. Многие актеры и члены съемочной группы подчеркивали, что активное участие Бениоффа и Уайсса в процессах производства, не связанных со сценарием (от присутствия на натурных съемках до курирования различных отделов) сильно недооценивается. Их хвалят (и критикуют) за сценарий, но мало кто представляет, к скольким высокооцененным аспектам «Престолов» они непосредственно приложили руку.

ДЕБОРА РАЙЛИ (ХУДОЖНИК – ПОСТАНОВЩИК): Дэвид и Дэн – это настоящие лидеры, которых так и не оценили по достоинству. Они собрали команду трудоголиков-перфекционистов и доверили им свое детище. Нам была предоставлена полная свобода действий, но в то же время все мы пытались воплотить именно их видение. Каждую мелочь утверждали они. На съемочной площадке не было ничего, чего бы они не видели и не одобрили заранее. Им приходилось отсматривать, комментировать или править огромное количество работ. Поэтому мне просто невыносимо, когда их критикуют.

СИБЕЛЬ КЕКИЛЛИ (ШАЯ): Дэн и Дэвид очень о нас заботились. В День благодарения они пригласили нас пообедать со своими семьями в свой дом в Белфасте. Каждый вечер они

приглашали двух актеров поужинать – то одних, то других. Они очень старались, чтобы каждый отлично провел время в свой выходной день.

ЛИНА ХИДИ (СЕРСЕЯ ЛАННИСТЕР): Дэн и Дэвид были на площадке буквально 24 часа в сутки. Они не просто сидели где-нибудь в офисе, они всегда присутствовали на съемках.

Но Мартину активная работа над сериалом и необходимость публично комментировать «Престолы» после пятого сезона давались все труднее. Как, скажем, автору говорить о Битве Бастардов, если у него наверняка есть собственная версия этого сражения, весьма отличающаяся от сериальной и просто-напросто еще не опубликованная?

ДЭН УАЙСС: Отслеживать различия между книгами и сериалом стало очень затруднительно. Джордж как будто попал в научно-фантастический фильм, где герой пытается одновременно существовать в двух похожих, но все-таки сильно отличающихся друг от друга мирах.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Это было невероятное путешествие и, по большей части, очень классное. Для многих завершение сериала стало концом этой истории, но не для меня. Я все еще погружен в нее с головой. Надеюсь, что буду жить долго, потому что у меня осталось еще много работы.

Глава 18
Крюк через Дорн

Не все персонажи из «Пира стервятников» и «Танца с драконами» остались за кадром. Продюсеры добавили в сериал новое место действия, Дорн, и трио незаконнорожденных дочерей Оберина Мартелла – Песчаных Змеек, жаждущих отомстить за отца. Но и тут пришлось пойти на уступки. В книгах Песчаных Змеек не три, а восемь.

Продюсеры сначала хотели ввести в сериал четырех сестер, но в итоге остановились на Обаре, Нимерии и Тиене. Возлюбленную Оберина Элларию Сэнд совместили с другим персонажем и сделали матерью Тиены. Эта версия стала одной из самых необычных сюжетных линий «Престолов», однако реакция зрителей на нее была очень неоднозначной, и иногда казалось, что эта история не совсем вписывается в сериал.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): С Дорном всегда были сложности. В книге это такой «роман в романе» – самостоятельная история, очень интересная и увлекательная. Но ведь это целая группа новых персонажей, которая связана с основным сюжетом только через Мирцеллу. Долгое время я думал, что мы вообще не будем снимать этот сюжет. Странно было вводить двадцать пять новых персонажей в пятом сезоне.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Впихнуть Дорн в сериал было сложно, но это все-таки очень важное место. Если бы вам пришлось выбирать, где обосноваться в Вестеросе, то земли дорнийцев лучше всего подходят для этого, они очень неплохо наладили свою жизнь. И если уж вам удалось заполучить в свой актерский состав Индиру Варму, то хочется использовать ее персонажа как можно дольше. После того как мы услышали крик Индиры, когда Оберин сражался с Горой, мы сразу подумали: «Надо ее еще как-то задействовать, она просто великолепна». Как будто Оберин приоткрыл нам окошко в свой мир и нам нужно было заглянуть туда и посмотреть, что там.

БРАЙАН КОГМАН: Я предложил использовать в качестве проводника Джейме: просто взять одного из главных героев и отправить его в этот новый мир как представителя зрительской аудитории. Таким образом мы сможем создать версию Дорна, которая впишется в сериал, а также – скажем прямо – в бюджет и

график.

ДЭЙВ ХИЛЛ (СОПРОДЮСЕР): Брайан сказал: «Мы избегали Дорна, потому что непонятно, куда эта линия в итоге приведет в книгах. Нам не хотелось садиться в поезд, не зная пункта назначения. Но, возможно, нам удастся создать свою версию королевства, заглянуть туда одним глазком».

Дорн позволял также органически разнообразить актерский состав. Сериал с самого начала критиковали за это, что почти все актеры белые. Особенно часто поднимался этот вопрос в последних сезонах, когда все голливудские студии старались обеспечить максимальное расовое разнообразие как в кадре, так и за ним.

Кастинг-директор Нина Голд в интервью Джоанне Робинсон из Vanity Fair так объясняет первоначальное единообразие: «Даже в самых фантастических мирах существуют племена, семьи, династии. Если берешь кого-то на роль одного из Старков или Таргариенов, остальные члены семьи должны хотя бы приблизительно быть похожими на него. В книгах Таргариены белее белого, с серебристыми волосами и фиолетовыми глазами. Старки напоминают жителей северной Англии, Ланнистеры – золотистые блондины. Мы придерживались оригинала, только и всего».

На роли Песчаных Змеек были приглашены Джессика Хенвик (Нимерия Сэнд), Киша Касл-Хьюз (Обара Сэнд) и Розабелла Лауренти Селлерс (Тиена Сэнд). Эти роли дали создателям возможность разнообразить в целом белый, европейский состав. Все три актрисы – разных национальностей, и каждая добавила свою изюминку к латинскому колориту, который Паскаль привнес в образ принца Оберина. Несколько месяцев девушки тренировались, учились боевым искусствам и владению оружием.

ДЖЕССИКА ХЕНВИК (НИМЕРИЯ СЭНД): Сначала Дэн и Дэвид планировали, что сестер в сериале будет четыре: Обара, Тиена, Нимерия и Сарелла. Но на кастинге они поняли, что для такого небольшого промежутка времени четыре новых персонажа – это слишком. Когда я пробовалась на роль, они как раз думали, чтобы убрать Нимерию, и я такая: «Не-е-е-ет, только не это», потому что, будучи фанатом саги, я хотела сыграть именно ее. Я прошла еще пару проб, и в итоге, к сожалению, мы лишились Сареллы.

КИША КАСЛ-ХЬЮЗ (ОБАРА СЭНД): Я знала, что в этом сезоне потребуются смуглые, темнокожие актеры. Мои люди, если можно так сказать, упорно прессовали и доставали кастинг-

директора Нину Голд. Как только меня утвердили на роль, начались тренировки. В моем случае очень много тренировок было посвящено боевому искусству ушу. В общей сложности мы готовились к съемкам где-то пять месяцев.

ДЖЕССИКА ХЕНВИК: Мой кнут – реально страшное оружие, потому что им легко нечаянно нанести вред и другим, и самой себе. Себя я хлестала постоянно, Розабелле тоже доставалось, а один раз я заехала по щеке своей младшей сестре.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Я помню наш совместный ужин накануне первого съемочного дня Песчаных Змеек. Девушки с таким нетерпением ждали этого! Каждая придумала себе биографию, они рассказывали Дэну, Дэвиду и мне свои истории, а Дэвид на ходу добавлял какие-то детали. Все предвкушали, как будут сниматься.

ИНДИРА ВАРМА (ЭЛЛАРИЯ СЭНД): Было здорово придумывать свою собственную страну, а не просто гостить в Королевской Гавани. В предыдущем сезоне я чувствовала себя приглашенной актрисой в чужом шоу.

Песчаные Змейки впервые появились на экране вместе с Элларией – в этой сцене они планировали, как отомстить за смерть Оберина. Мы увидели также, как они пытают капитана корабля (зарыв его по шею в песок и посадив ему на голову скорпионов), чтобы выведать у него сведения о тайном визите в Дорн Джейме Ланнистера.

ДЖЕССИКА ХЕНВИК: Наше боевое крещение состоялось в первый же день. Прямо сразу – живой актер, закопанный по шею в песок, реальные скорпионы у него на голове, настоящий кнут, камера и съемочная группа – и все: «Мотор, начали!» Мне нужно было кнутом сбить у этого парня ведерко с головы. Съемочная группа укрылась за полицейскими щитами. Помню, эксперт по скорпионам подошел ко мне и сказал: «Пожалуйста, не убейте моих деток».

ИНДИРА ВАРМА: Я так нервничала из-за скорпионов, что все время забывала слова.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Было прикольно смотреть на них вместе: эти три единокровные сестры вечно ругаются, но всегда выступают единым фронтом против чужих.

КИША КАСЛ-ХЬЮЗ: Это был интересный опыт: Песчаные Змейки казались чем-то вроде единого организма. Своих, отдельных историй у них не было.

МАРК МАЙЛОД (РЕЖИССЕР): Получилось неплохо. Все девушки – хорошие актрисы. Но все-таки в книге это очень

важные персонажи, и мне хотелось, чтобы первая встреча зрителя с ними была гораздо круче. Если начистоту, то за этим образом крутых воительниц мне сложно было разглядеть личность. Я пытался представить их как семью, потому что семья – это ключ ко всем героям сериала. Равномерное смешение личных историй и эпических глобальных событий – это лучшее в «Игре престолов», и нам всегда удавалось хорошо изобразить человеческие взаимоотношения, чтобы захватить сердца зрителей. А в случае со Змейками личная история никак не вырисовывалась.

ДЖЕССИКА ХЕНВИК: С самого начала было понятно, что будет очень сложно сделать так, чтобы у каждой из нас была своя история. Создателям сериала пришлось вводить одновременно трех героинь и при этом наделить каждую из сестер индивидуальностью. Когда в сцене, где впервые появляются Змейки, у тебя сразу четыре персонажа и у каждого из них всего по паре строчек текста, сложно произвести сильное впечатление. Приходилось буквально силком заталкивать себя зрителю в глотку, а ведь успех «Престолов» кроется именно в многогранности героев.

Кое-что в этой первой сцене пришлось изменить во время монтажа. На слитом в интернет фото со съемочной площадки под нагрудником Обары виднелись соски. Позже, в интервью New York Magazine, художник по костюмам Мишель Клэптон призналась, что дизайн доспехов в стиле «Бэтмен навсегда» был «несколько слащав» и в производстве использованы не те лекала, а заметили это, когда съемки уже начались. Как ни иронично, у Мартина есть выражение «как соски на панцире», означающее нечто заведомо лишнее. Благодаря компьютерной графике эту ошибку удалось скрыть.

Критиков тем не менее дорнская линия не устраивала. «Каждый раз, когда мы переносимся в прекрасный Дорн, они яростно планируют свою месть – никаких нюансов, никаких неожиданностей. Возникает ощущение, что мы смотрим одну и ту же сцену снова и снова», – писал обозреватель The Washington Post Тревис М. Эндрюс. Особенно досталось сцене сражения во дворце Мартеллов, Водных Садах. Диспозиция была следующая: Джейме и Бронн пробираются во дворец, чтобы похитить/спасти Мирцеллу (Нелл Тайгер Фри), где их атакуют Песчаные Змейки. В любом другом сериале эта сцена выглядела бы вполне достойно. Но планка битв и драк в «Престолах» была очень высока.

БРАЙАН КОГМАН: Сражение в Водных Садах я задумывал как

ночную сцену. Если ты пробираешься во дворец, чтобы кого-то выкрасть, это надо делать ночью.

ДЭЙВ ХИЛЛ: В итоге на нас обрушился град проблем. Мы нашли роскошное место – дворец Алькасар в Севилье, но нам не разрешили снимать там ночью. Поэтому от логичного ночного проникновения во дворец пришлось отказаться. Ну ладно, подумали мы, по крайней мере, можно будет снять крутую драку, которую будет отлично видно при дневном свете. Но за несколько дней до съемок мы неожиданно лишились каскадеров, так что пришлось обходиться тем, что успели выучить актеры, а потом постараться получше это смонтировать. Сцена в Водных Садах должна была быть гораздо эффектнее. Джереми был очень недоволен.

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА (РЕЖИССЕР): Ну, не так чтоб совсем недоволен. Я помню, мы думали, что придется задействовать каскадеров гораздо больше. Но актрисы были на высоте. Они отлично поработали и мастерски изображали драку, так что дублеров мы старались использовать как можно реже.

ДЖЕССИКА ХЕНВИК: У меня были тренировки каждые два дня, и мне всегда говорили: «Большую часть (драки) ты будешь сниматься без дублера».

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА: Единственный «град», который я помню, – это реальный дождь с градом прямо в разгар съемок. Настоящий потоп. Актеры промокли до нитки, у нас ничего не склеивалось. Наконец Бернадетт Колфилд сказала: «Так, хватит уже», потому что это выглядело просто нелепо. Это был один из редких моментов, когда мы прервали съемки и Берни признала свое поражение перед лицом неодолимой силы господней.

ДЖЕССИКА ХЕНВИК: Подождите, по-моему, там просто моросило. Я не помню, чтобы прямо ливень был…

Изначально продюсеры планировали больше сцен в Дорне, по позже сильно сократили эту сюжетную линию.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Мы думали, это будет захватывающее приключение, но в итоге Дорном пришлось пожертвовать ради других историй. Как только мы осознали, сколько времени уйдет на съемки арены Дазнака и «Сурового Дома», историю Змеек пришлось урезать.

С Дорном пришлось покончить в начале шестого сезона: каждую из дочерей Оберина и Элларию постигла трагическая судьба (о подробностях этого финала мы поговорим позже). Но реакция фанатов на сцены в этом королевстве только подтвердила то, что продюсеры подозревали с самого начала: прицеплять дополнительные вагоны к поезду, который уже на

полпути к пункту назначения, невероятно сложно.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Иногда, когда я смотрю сериал или даже читаю книгу, то думаю: «Зачем они тратят столько времени на персонажей, которых я не знаю и на которых мне плевать? Я хочу провести больше времени с этим героем!» Мораль этой истории такова, что есть основные действующие лица, которые дороги нам и которых зритель хочет видеть как можно чаще. Именно за их историей хочется следить, именно за их судьбу мы переживаем больше всего.

ДЭН УАЙСС: В книгу можно вставить сколько угодно параллельных историй. Но в сериалах почему-то другие правила. Я уверен, что было бы здорово полноценно показать Дорн, но это отняло бы экранное время у более важных сюжетов.

БРАЙАН КОГМАН: В дорнские сцены было вложено много работы, и они вышли отлично. Я думаю, что финал этой истории – особенно сцена Лины и Индиры в темнице – получился эмоциональным и убедительным. Все-таки в итоге было сложно сделать так, чтобы эта история не выглядела второстепенной. Это отличный урок – нельзя расширять сериал до бесконечности.

ДЖЕССИКА ХЕНВИК: Конечно, нам было очень досадно – у этой сюжетной линии был огромный потенциал, и очень много уже отснятого материала не вошло в окончательный вариант. Нелегко было это принять. Но все же, учитывая объем моей роли, я довольна тем, как все получилось. Это безусловно стоило всех усилий.

Глава 19
Кризис веры

В «Игре престолов» никогда не было «ключевых тем». Сценаристы всегда воспринимали сериал как совокупность персонажей и сюжетных линий. Эти герои и истории были разбросаны по всему Вестеросу и Эссосу, поэтому объединить их одной идеей было невозможно и, вероятно, совершенно излишне.

Но у пятого сезона тема все же была.

«Основной темой этого сезона было столкновение старого и нового миров и борьба фундаменталистов за власть… – говорит Брайан Когман. – Воробьи были религиозными фундаменталистами, Сыны Гарпии были фундаменталистами, которые пытались выжить захватчиков террористическими методами. Воины Ночного Дозора, которые хотели помешать Джону Сноу привезти одичалых из Сурового Дома, – тоже фундаменталисты».

Мелисандра – еще один герой такого типа, чей фанатизм имел разрушительные последствия. А Арье пришлось бороться с ортодоксальными, похожими на сектантские практиками Черно-Белого Дома.

Поклонникам сериала тоже казалось, что у пятого сезона была тема, только другая: это был «темный сезон», полный страшных и трагических моментов, в котором все популярные персонажи испытывали ужасные муки. Это погружение во тьму было не случайным и соответствовало классической структуре повествования. Самый тяжелый момент для любого классического героя в пьесе из трех актов выпадает на конец второго акта (пятый сезон был как раз примерно в конце второй трети сериала). В финальном акте герой, как правило, делает выводы из своих злоключений и либо добивается цели, либо становится жертвой собственных пороков – как это и произошло с главными героями «Престолов» в последних трех сезонах.

«Работая над сценарием, мы уже знали, что это будет самый мрачный и жестокий сезон, – говорит Когман. – Мы заставили наших героев пройти через ад, но очень хорошо продуманный. Пятый сезон должен был сломить многих».

Серсея думала, что может использовать секту в своих целях, но Его Воробейшество (Джонатан Прайс) полностью изменил ход игры.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ

СОПРОДЮСЕР): Воробьи – моя версия средневековой католической церкви с примесью фэнтези. Вместо Святой Троицы – Отца, Сына и Святого Духа – у Воробьев Семеро: один бог, единый в семи ликах. В Средние века часто встречались весьма светские, нечистые на руку папы и епископы, которые были политиками, а не духовными пастырями. У них была своя игра престолов.

Присутствие легендарного Джонатана Прайса иногда сильно затрудняло работу продюсеров и режиссеров.

МАРК МАЙЛОД (РЕЖИССЕР): Я был страстным поклонником этого сериала, но мое скромное резюме не внушало надежды, что меня возьмут туда режиссером. Мне ужасно хотелось поработать с этими сценаристами, с этими персонажами. В свой первый рабочий день я приехал в Дубровник, чтобы вместе с главами всех отделов провести разведку на местности. Стоя на древней стене Старого Города, пока все ждали моих указаний, я почувствовал леденящий ужас. Пришлось поднатужиться и притвориться, что я знаю, что говорю. А первым дублем, который я снимал, была большая сцена Джонатана и Лины.

ДЭЙВ ХИЛЛ (СОПРОДЮСЕР): Во время репетиции Джонатан попросил нас изменить несколько реплик. Обычно на подобные запросы мы всегда отвечали отказом. Слова появлялись в сценарии не случайно, так что никаких изменений, никаких импровизаций, ничего не убираем и не добавляем. А Джонатан свои реплики изменил. Я повернулся к Брайану и сказал: «Это не по сценарию», и он буквально испепелил меня взглядом. По-моему, он готов был меня убить. «Если ты хочешь, чтобы я сказал Джонатану Прайсу, что нельзя выкидывать слова из реплик, в его первый съемочный день, – выпалил он, – то ты ненормальный».

МАРК МАЙЛОД: Я люблю работать с актерами и направлять их. Но после первого дубля Джонатана у меня не было ни одного комментария, ни одной идеи. У меня просто челюсть отвисла: он даже ногами переступал идеально. Он настолько великолепен, что мне стало неловко.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Марк спросил по рации: «Я совсем того или он все отлично сделал с первого дубля?» «Нет, – сказал я, – ты абсолютно прав». Даже Лина немного нервничала в присутствии Джонатана.

НАТАЛИ ДОРМЕР (МАРГЕРИ ТИРЕЛЛ): Джонатан Прайс – это лучший партнер, мечта любого актера. Он ужасно любезный, харизматичный и полный самоиронии человек. Его Воробейшество в исполнении Джонатана очень искренний. У них с Маргери игра «кто кого переблефует». Он совершенно не похож на мужчин, с которыми ей приходилось иметь дело. Она не может

очаровать его, не может сыграть на его жадности и тщеславии, поскольку Его Воробейшеству все это чуждо.

Однако по сравнению с другими строптивыми легендами британского кино работа с Прайсом оказалась парой пустяков.

МАРК МАЙЛОД: Еще я ужасно боялся Дайаны Ригг. В первой сцене, которую я с ней снимал, я попросил ее о какой-то мелочи типа: «А может, вы сначала закроете дверь и сделаете несколько шагов?» Она привела ряд аргументов, почему хочет сделать по-другому, а потом сказала: «Спасибо! Уйдите!» Я покраснел и вернулся к своему монитору, чувствуя себя ребенком, которого отругали. От моего достоинства и авторитета не осталось и следа. Поэтому потом я с большим наслаждением снимал ее смерть.

ДЖЕССИКА ХЕНВИК (НИМЕРИЯ СЭНД): А про Дайану Ригг вам рассказывали? Была у нас одна сцена. Она пришла на площадку и такая: «Я готова!» Оператор подходит к ней и говорит: «Это хорошо, но мы еще не подготовили площадку», а она перебивает его, приказывает: «Запускайте камеры!», и начинает произносить свои реплики. Отсняли пару дублей, и оператор говорит: «Отлично, а теперь снимем крупный план». А она ему: «Все, я закончила!», и решительно удалилась.

Дайана не может быстро ходить, ей нужна помощь. Так что мы сидели и наблюдали, как она «решительно удаляется» со скоростью сто метров в час. Было ужасно смешно. Я ее обожаю.

НАТАЛИ ДОРМЕР: Когда работаешь с такой опытной актрисой, лучше всего заткнуться, смотреть и учиться. У нее очень тонкое чувство юмора – иногда она осознанно вела себя как карикатурный персонаж. Я думаю, она просто проказничала, чтобы посмотреть, что ей сойдет с рук.

ЭМИЛИЯ КЛАРК (ДЕЙЕНЕРИС ТАРГАРИЕН): У меня с ней была всего одна сцена, но даже такая малость была для меня счастьем. Как и в случае с Питером, это было как актерский мастер-класс. Я все время думала: «Нет, это еще не моя реплика, нет, я не просто на вас смотрю, я играю вместе с вами, честное слово!»

ДЭЙВ ХИЛЛ: Когда Мигель Сапочник снимал сцену с Прайсом и Ригг, они над ним немного поиздевались. Я подошел к нему с каким-то замечанием по поводу сцены, и он сказал: «Подожди, у меня тут Джонатан Прайс и британская дама на площадке, мне не до этого». Дайана и Джонатан играли с ним, как кошки с клубком ниток.

Одна из помощниц Его Воробейшества – жестокая септа Юнелла (Ханна Уэддингхэм), преданная слуга духовного лидера.

Она истязает Серсею, требуя «покаяния».

ХАННА УЭДДИНГХЭМ (СЕПТА ЮНЕЛЛА): Режиссер Мигель Сапочник – человек очень напористый и эмоциональный. Он все время выбегал из-за камеры и настаивал, чтобы я играла как можно меньше. У меня очень подвижная мимика и широчайшая улыбка, и Мигель говорил: «Поверь, чем меньше мимики, тем страшнее». Он стискивал свои щеки руками и кричал: «Меньше! Меньше!» Где-то на третий или четвертый раз я сказала: «Ну серьезно – меньше уже невозможно. Тебе не человек нужен, а фаянсовое блюдо в монашеском платье». Но он, конечно, был прав. Я впервые старалась вообще не играть, и это бесстрастное лицо оказалось необычайно выразительным.

Еще была сцена, в которой я лишний раз стукнула Лину ложкой по голове. Ложка была резиновая, но все равно неприятно. Этот момент хорошо виден на экране: Лина сжимает зубы, и в ее глазах ясно читается: «Ну погоди, я до тебя доберусь». И она, ясное дело, до меня добралась, но дальше все непечатно. Это стало небольшой изюминкой сцены. А мы с Линой с тех пор очень подружились.

Между тем Дейенерис за Узким морем одерживает победу за победой. Она завоевала Залив Работорговцев, разграбила Астапор, освободила Юнкай и оккупировала Миэрин, где устроила себе резиденцию в двухсотметровой пирамиде. И, как это уже бывало в «Престолах», правление оказалось куда сложнее победы. Чем сильнее она старается искоренить рабовладельческие традиции, тем больше бунтуют местные жители.

В Миэрине Дейенерис постигла особенно жестокая потеря. Ее верный советник и защитник сир Барристан Селми (Йен Макэлхинни) убит группой заговорщиков Сыны Гарпии. Дейенерис тяжело переживает эту утрату, как и Йен Макэлхинни. В книгах Селми все еще жив, так что он, разумеется, рассчитывал, что останется в сериале. «Я привел несколько аргументов и объяснил, почему считаю, что Барристан играет важную роль в истории Дейенерис – достаточно важную, чтобы сохранить его в сериале», – рассказывал актер в блоге HuffPost.

ЙЕН МАКЭЛХИННИ (БАРРИСТАН СЕЛМИ): Это только доказывает, что если ты играешь книжного героя в сериале, романы, возможно, лучше не читать. Я был очень разочарован. Но вы должны принять тот факт (как это сделал я), что задачи сериала сильно отличаются от задач писателя. Когда снимаешь телешоу, необходимо постоянно создавать напряженные

моменты. Одно из ключевых достоинств этой саги – это касается и книг, но в сериале особенно заметно – это то, что вас постоянно шокируют и неожиданности подстерегают на каждом шагу. Зрители уже ждали этого от «Престолов», поэтому создателям все время приходилось повышать ставки. В итоге единственное, в чем зритель мог быть уверен, – это в том, что его ждут сюрпризы.

Сценаристы убили сира Барристана, чтобы среди советников Дейенерис открылась вакансия, и три эпизода спустя Разрушительница оков познакомилась с Тирионом (в книгах этого нет). Макэлхинни был доволен, что сир Барристан, по крайней мере, пал с мечом в руках.

ЙЕН МАКЭЛХИННИ: Нужно было, чтобы его показали в бою. Говорят, ему нет равных в доблести, надо же как-то доказать это. Очень хорошо, что ему дали сразиться.

Любопытно, что когда его спросили, какая сцена у него самая любимая, Макэлхинни ответил, что это сцена из первого сезона, когда Джоффри несправедливо гонит легендарного рыцаря из Королевкой Гвардии. Такое совпадение особенно подчеркивает безупречный актерский состав: человеку, который не хотел уходить из сериала, больше всего нравится сцена, в которой его незаслуженно изгнанный герой срывает с себя доспехи, швыряет их на землю и в бешенстве удаляется.

Не только Макэлхинни был недоволен. Бениофф и Уайсс говорят, что, хотя в целом актеры достаточно спокойно воспринимали известие о смерти своего персонажа, некоторые были глубоко раздосадованы.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Как правило, актеры уже догадывались, что их время пришло. Как только мы обогнали книги и начали звонить людям с новостями о смерти их персонажа, одни воспринимали это известие довольно стоически и говорили: «Ну что ж, ладно, без проблем», а другие все же немного расстраивались.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Не буду называть имен, но был один актер, который сильно протестовал.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Один актер полчаса спорил с нами по телефону, а потом написал длинное письмо, в котором объяснял, почему убивать его героя – большая ошибка. Он до сих пор рассказывает об этом на всяких идиотских форумах. Но в основном люди отлично себя вели, даже если и были

разочарованы.

Вернемся в Вестерос. Станнис отправился с войском к Винтерфеллу, но в дороге их захватила снежная буря. Десять тысяч человек оказались в ловушке, им грозит голод. Озлобленный Станнис, мечтающий о престоле, его жена Селиса и любовница Мелисандра – худшие из фундаменталистов, религиозные фанатики, сжигающие «еретиков». Но как быть, если ты искренне веришь во Владыку Света и тебе говорят, что единственный способ спасти войско – это принести в жертву божеству родную дочь?

ДЭЙВ ХИЛЛ: Есть много людей, которые заявляют, что им ведома воля Всевышнего и что они говорят от имени бога или богов. Нам хочется думать, что боги, если они существуют, имеют свои планы и преследуют свои цели. Люди могут догадываться об их замыслах, но все же им нельзя приписывать человеческие мотивы, действия и реакции – иначе они не были бы богами.

КЭРИС ФОН ХАУТЕН (МЕЛИСАНДРА): Я подумала: «С симпатиями к этому персонажу покончено». Поняла, что мои дни в роли положительной героини сочтены и с этого момента зрители меня возненавидят. Мелисандру и раньше-то не особо любили, но это жертвоприношение уже за гранью, что и понятно. Но в то же время это дерзкий и впечатляющий, хоть и ужасный сюжетный ход.

ЛИАМ КАННИНГЭМ (ДАВОС СИВОРТ): Когда я прочел сценарий, то подумал: «Вы что, блин, издеваетесь?» Но с точки зрения драматургии это гениально. Когда Станис отправляет Давоса в Черный Замок, зрителю сразу понятно, что ничего хорошего ждать не приходится. Иногда прохожие на улице кричат мне: «Что ж не остался?!», а я ору в ответ: «Пытался, честное слово!»

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: Я не знаю, как изобразить абсолютное зло. Все, что я могу, – это сыграть героиню, полную благих намерений, чьи методы не слишком… приятны, и которая думает, что где-то там таится гораздо большее зло и люди должны быть благодарны ей за спасение. Если бы я слишком задумывалась о том, что она творит, роль у меня бы не получилась. Поэтому я решила рассматривать ее совсем под другим углом.

У Станниса не хватило духу самому сообщить о грядущем жертвоприношении своей кроткой юной дочери Ширен (Керри Инграм). Поэтому в следующей сцене мы видим, как стража медленно ведет ее сквозь толпу солдат. Сначала девочка кажется

сбитой с толку и не понимает, куда и зачем ее тащат. Но тут она видит костер и понимает, что родной отец приговорил ее к смерти. Ширен взывает к родителям, умоляя спасти ее.

Жертвоприношение – одна из самых мучительных сцен сериала и один из моментов, которые Мартин, по его словам, планировал для «Ветров зимы» (хотя в книге это предполагалось описать немного иначе).

ДЭВИД НАТТЕР (РЕЖИССЕР): Большая часть криков Ширен – это импровизация. Сцену, где она кричит и зовет свою мать, мы не вмонтировали позже, а сняли прямо на натуре, для максимального эмоционального резонанса. Момент, когда ее мать наконец осознает, насколько это ужасно, получился очень мощным.

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: Эта девочка была такой милой. Между съемками мы отлично проводили время, а потом включалась камера, и я думала: «Что за работу я себе выбрала?»

ЛИАМ КАННИНГЭМ: В Голливуде есть такая старая поговорка: «Не снимайся с детьми и животными». По-моему, все как раз наоборот. Дети всегда играют, у них, можно сказать, работа такая. Когда мы вырастаем, забавы приходится оставить, а дети настоящие эксперты в этом. Керри Инграм просто потрясающая актриса. Она была не по возрасту полна спокойной уверенности. Многие стараются добиться определенного эффекта. Она не старалась – просто выходила на площадку и играла со стопроцентной искренностью.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Взрослым эта сцена далась тяжелее, чем Керри. Она очень веселый, энергичный ребенок. Брайан вообще отказался смотреть. Он сказал: «Нет, у меня у самого дети, я не могу смотреть, как он заживо сжигает ребенка», а Стивен такой: «Да, это даже для “Игры престолов” как-то жестковато».

После страшного жертвоприношения зрителя ждет настоящий удар под дых: буря немного утихла, но жена Станниса, Селиса, покончила с собой, а половина войска воспользовалась затишьем и дезертировала. Технически сожжение Ширен, возможно, сработало, но его непредвиденные последствия привели к тому, что Станнис оказался в еще худшем положении: всеми покинутый и навеки проклятый.

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: Мой любимый момент – это сцена сразу после сожжения Ширен. Моя героиня уверена, что смерть девочки спасет их всех. И действительно, снег начинает таять, и она думает, что жертвоприношение сработало. И тут кто-то приходит

и говорит, что нет, ничего не изменилось, все стало только хуже. Мне очень понравилось играть человека, чей мир внезапно рухнул, который думает: «Черт, мне конец» и передает эти мысли одним взглядом. Редкие проявления человеческих эмоций мне давались гораздо легче, но я не жалуюсь – все-таки Мелисандра персонаж неэмоциональный.

ДЭН УАЙСС: Для нас смерть Ширен – это акт фанатизма. Иначе и невозможно: зрители «Престолов» смотрят на мир по-другому, нежели Мелисандра и Станнис. Для них магия реальна, она работает. В этом вся прелесть жанра фэнтези: мы видим волшебство собственными глазами, и это помогает нам заглянуть в головы тех, кто творит безумные вещи во имя веры. Я не в состоянии понять, как такие люди живут в нашем, реальном мире, но фэнтези – это возможность посмотреть на все глазами этих ненормальных людей, которые творят страшные вещи по совершенно иррациональным причинам.

Что касается всевозможных пророчеств и предсказаний, то тут создатели сериала строго придерживались книг Мартина, в которых ясно показано, что магии верить нельзя. Серсею преследует предсказание ведьмы Магги-Жабы о том, что ее детей ждет гибель, а саму ее свергнет с престола королева, которая «моложе и красивее». И она, как это случилось с Эдипом, сама навлекает на себя эту страшную участь, всеми силами пытаясь ее избежать. Мелисандра ошиблась, приняв Станниса за обещанного принца, и совершила еще большую ошибку, когда принесла в жертву Ширен. Однако во втором сезоне Красная Женщина бросает в огонь трех пиявок, напившихся королевской крови Джендри, и говорит Станнису, что это принесет смерть трем самозванцам, претендующим на Железный Трон. Это очень смелый сюжетный ход – в сущности, зрителям заранее сообщают, что Робб Старк и Джоффри Баратеон (а также Бейлон Грейджой) будут убиты. Тем не менее когда эти персонажи погибли, фанаты все равно пребывали в шоке, потому что события в сериале ясно давали понять, что магия – вещь ненадежная. До сих пор непонятно, имело ли заклинание Мелисандры хоть какое-то отношение к этим смертям.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Это спорный вопрос. Мелисандра хочет внушить, что этих трех королей убило ее заклинание с пиявками, но есть и другое объяснение: жрица, способная видеть будущее в языках пламени, могла узнать, что эти трое будут убиты своими недругами, а потом просто устроила спектакль с заклятьем, чтобы присвоить себе все заслуги.

Мартин отметил, что у описанной им ситуации с предсказаниями были исторические прецеденты.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Дело было во время Войны Алой и Белой розы. Лорду Сомерсету предсказали, что смерть настигнет его в Виндзорском замке. Поэтому он всегда старательно обходил его стороной. Но потом его ранило в первом сражении при Сент-Олбансе, и он умер в трактире, на вывеске которого был нарисован Виндзорский замок. К пророчествам нужно относиться осторожно, ибо они полны ловушек.

Позднее, в том же пятом сезоне, Джон Сноу стал свидетелем подлинной черной магии. Новоиспеченный лорд-командующий Ночного Дозора отправляется с отрядом в рыбацкую деревню Суровый Дом, чтобы спасти группу одичалых, и там на них нападает Король Ночи со своим войском нежити.

На эту серию пригласили сначала Нила Маршалла, который режиссировал битвы при Черноводной и в Черном Замке, но он был занят другим проектом. «Больше всего я жалею, что отказался снимать “Суровый Дом”, – после говорил он. Поэтому продюсеры решили рискнуть и позвали нового режиссера, который преобразил стиль «Престолов» и серьезно поднял планку боевых сцен на телевидении – а возможно, и в кино.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Для Мигеля Сапочника это было настоящее боевое крещение. Ему практически сказали: «Вот самая масштабная сцена пятого сезона. Мы все от нее в восторге. С актерами и съемочной группой ты не знаком, но давай колдуй». Но Мигель – такой человек, который справится в любых обстоятельствах. У него уже был готов план наступления. Весь месяц мы провели в авральном режиме, но в итоге все получилось даже лучше, чем в сценарии.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК (РЕЖИССЕР): В первом, черновом варианте «Сурового Дома» битва шла на берегу моря и на протяжении всего сражения мертвые сплошным потоком спускались сверху к береговой линии. Это неожиданное нападение, одичалые не готовы к бою. Мы прикинули, что бегом мертвые преодолеют это расстояние секунд за сорок. Дело осложнялось еще и тем, что по сценарию нежити противостояло девяносто пять тысяч одичалых и показать все это на экране стоило бы слишком дорого.

Мы стали смотреть, как замедлить продвижение мертвых. Сначала я подумал, что можно сделать это с помощью бутылочного горлышка между двумя скалами, но в итоге мы

остановились на ограде вокруг лагеря Одичалых. С ее помощью мы также ограничивали точку обзора, чтобы зрители не видели мест, которые у нас не хватает средств подретушировать и заполнить массовкой.

На экране было поле битвы в миниатюре, которое мы могли полностью контролировать и где можно было двигать камеру почти в любом направлении. Мы смогли уменьшить общий масштаб сражения и сконцентрироваться на финальной резне, то есть создать ситуацию, где видно мало, но при этом эмоциональный накал существенно выше. Самое страшное чудовище – это то, которого вы не видите.

Чтобы сдержать наступление войска мертвецов, декораторы построили частокол 30 метров длиной и 5,5 метра высотой. Главный специалист по пластическому гриму Барри Гоуэр рассказывал в документальном фильме «Как снималась “Игра престолов”», что актеров массовки, изображавших оживших мертвецов, разделили на три условные группы: «свежачки» (те, кого убили недавно, с минимальным гримом), «средне-прогнившие» (выглядевшие как полугодовые покойники) и «зеленый экран» (этих актеров одевали в специальные трико с лохмотьями сверху, а в процессе монтажа с помощью компьютерной графики превращали в скелеты). Во время особенно напряженных сцен Сапочник буквально натравливал мертвецов на одичалых, крича: «Как только я крикну “Мотор!”, бросайтесь на них».

Но, как это регулярно случалось на съемках батальных сцен в «Престолах», боги погоды решили, что съемки «Сурового Дома» – это идеальное время для грозы и проливного дождя, так что все усложнилось еще больше.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Это был косой дождь. Все палатки промокли насквозь. Но на экране этого не видно. Мы видим бегущую толпу, а дождя не замечаем. И вот массовка бегает по карьеру вверх и вниз, прямо по грязи и скользким камням, повторяя эти забеги снова и снова.

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Это был настоящий хаос, но веселый. Погода помогала играть убедительно. Многим больше всего запомнилась Битва Бастардов, но мое любимое сражение – это сражение в Суровом Доме. Я наслаждался этими съемками. И сценарий там просто фантастический.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: В Ките меня больше всего поразило то, что к батальным сценам он подходит так же вдумчиво, как к диалогам, и отыгрывает эмоции в коротких перерывах между

драками. Это была бесконечная съемка, но он никогда не жаловался, всегда готов был сделать дополнительный дубль и выкладывался на все сто. Я никогда не видел, чтобы актер так работал, – и результат этих усилий хорошо виден на экране.

КРИСТО ФЕРНЬЮМАН (ПРОДЮСЕР): Кит – человек худощавый, но необычайно сильный. С ним нужно работать аккуратно, потому что он никогда не говорит «Стоп!» и есть риск перегнуть. Вгонять одного из ведущих актеров в гроб – плохая идея. Мы все волновались из-за его щиколотки, потому что он молчал, даже когда ему было больно. В жизни он прямо как Джон Сноу. Кит никогда не сдается, он был настоящей ролевой моделью для остальных актеров и всей съемочной группы.

ДЭЙВ ХИЛЛ: У нас было некоторое количество актеров массовки из Дублина. За ними заезжали в час ночи и вывозили в автобусе на северное побережье, где их одевали и гримировали под одичалых. А потом они просто лежали на этих камнях под дождем – лежали часами. Домой они добирались в десять вечера, а в час ночи вставали, и все по новой. Боже, благослови ирландцев.

Во время этого сражения Джон Сноу с изумлением обнаружил, что его мечом из валирийской стали можно убить Белого Ходока – позже это сыграет ключевую роль. Но главный злодей – это Король Ночи. Неземной предводитель Белых Ходоков и войска мертвецов впервые появился на экране в четвертом сезоне. Во время ретроспективной вставки мы видим, что тысячи лет назад Дети Леса создали Короля Ночи, чтобы отбиваться от своих врагов, Первых Людей. Теперь, когда зима, наконец, настала, он ведет свое войско на юг, к Вестеросу. Образ Короля Ночи просто попал в десятку: бесстрастная ледяная голубоглазая смерть. Он быстро стал самым популярным оригинальным персонажем сериала и отличным дополнением к мифологии Мартина.

ДЭН УАЙСС: Когда оглядываешься назад и прописываешь предысторию всего происходящего, события выглядят почти логично. Мы видим, что делают Белые Ходоки, как они выживают тысячелетиями и становятся практически бессмертными, как они создают живых мертвецов. Если отмотать время назад, то возникает вопрос: если они создали мертвецов, то откуда взялись сами Ходоки?

Нам нравилось также, что Ходоки, как подразумевалось с самого начала, – это не какое-то космическое зло, которое было во вселенной с начала времен, а существа со своей историей. То

есть нечто, кажущееся легендарным, мифическим и вечным, на самом деле таковым не является. Происхождение Белых Ходоков обусловлено логичными историческими причинами, как и те войны, которые мы видим в реальности. Все это – результат действий людей или других существ, которыми движут вполне понятные нам мотивы.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Я не думаю, что Король Ночи – это воплощение зла, я считаю его воплощением Смерти. Смерть всех людей – вот что ему нужно. Для этого он был создан и к этому стремится.

В четвертом и пятом сезонах Короля Ночи играл Ричард Брэйк, а с шестого сезона эстафета перешла к словацкому актеру и каскадеру Владимиру Фурдику. Он также играет Белого Ходока, которого Джон Сноу убивает в «Суровом Доме».

ВЛАДИМИР ФУРДИК (КОРОЛЬ НОЧИ, СЕЗОНЫ 6–8): Кто-то сделал его таким. Никто не знает, кем он был до этого – солдатом или кем-то из знати. Он не хотел быть Королем Ночи. Думаю, он жаждет мести.

Продюсеры решили, что этот персонаж не произнесет ни звука. Когда снимали первую, неудачную пилотную серию, им хотелось, чтобы Белые Ходоки говорили, но с тех пор они многое узнали про них.

ДЭВИД БЕНИОФФ: О чем ему говорить? Что бы Король Ночи ни сказал, это только принизит его.

ВЛАДИМИР ФУРДИК: У каждого режиссера было свое представление о том, как нужно играть Короля. Дэн и Дэвид хотели, чтобы он был ледяной статуей, но некоторые режиссеры стремились показать, что в нем есть и нечто человеческое. Очень часто мне говорили: «Не моргай», что было очень сложно.

Финальные кадры «Сурового Дома» – один из самых культовых моментов сериала. Король Ночи стоит на берегу, Джон с оставшимися одичалыми медленно удаляются на лодках. Предводитель Ходоков смотрит Сноу в глаза, поднимает руки, и все погибшие одичалые восстают и присоединяются к его войску. В этот момент Джон полностью осознает, насколько велика и – как казалось на тот момент – неодолима мощь врага, и понимает, что Вестеросу грозит что-то, способное всех их стереть с лица земли.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Мощная молчаливая концовка – результат удачной ошибки. Во время предварительного монтажа кто-то забыл продлить закадровую музыку до конца, и я увидел, что без нее эти кадры смотрятся гораздо эффектнее. Все рождается в процессе. Конечно, было бы здорово сразу иметь готовый результат, но любая идея совершенствуется именно в процессе.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Забавно, что это стало своеобразным мемом. Когда мы писали сценарий, Король Ночи представлялся нам дирижером симфонического оркестра, оживляющим мертвецов движением рук. А на экране это выглядело как: «Ну че, кто на меня?»

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Больше всего я почувствовал, что создал нечто культовое, когда увидел эмодзи Короля Ночи с поднятыми руками.

КИТ ХАРИНГТОН: Я помню, как смотрел на тот берег, где стоял Король Ночи и поднимались с земли новые ожившие мертвецы. Камера позади меня давала общий план, так что зрители как бы наблюдали все это моими глазами, с носа лодки. Такое не каждому достается увидеть. Потрясающее ощущение.

Глава 20
«Позор… Позор… Позор…»

Лина Хиди выглядела так, что впору врача вызывать.

Короткие, неровно подстриженные волосы, красные запавшие глаза, мертвенно-бледная, вся в струпьях, в крови и в… я надеялся, что это просто грязь.

При этом она радостно жует пиццу, а хор актеров и съемочной группы под руководством Питера Динклэйджа и Конлета Хилла поет ей Happy Birthday to you.

Дело было в октябре 2014 года в Дубровнике, и празднование дня рождения Хиди получилось весьма необычным: ее весело поздравили в палатке на съемочной площадке, после чего ей предстояло долго идти по древним улочкам Старого Города под хор грязных оскорблений от собравшихся зевак.

– Если бы меня не измазали дерьмом, то лучшего праздника девушке и пожелать нельзя, – сострила Хиди.

«Позорное шествие» – захватывающая сцена, присутствующая в книге Мартина «Танец с драконами». В современности на студенческом сленге так называют возвращение домой утром после секса – пешком, в той же одежде, что и вечером. Мартин же основывался на наказании, выбранном в XV веке для любовницы Эдуарда IV Джейн Шор. После смерти короля в 1483 году трон достался его брату, который обвинил Шор в заговоре и «колдовстве». Ее заставили совершить покаянное шествие через Лондон в одной лишь тонкой белой рубашке, а толпа «стыдила» ее и осыпала оскорблениями.

ЛИНА ХИДИ (СЕРСЕЯ ЛАННИСТЕР): Джордж сказал, что так поступали с женщинами в Средневековье. Да с женщинами и сейчас так поступают. Забивают их камнями, например. Просто жуть берет на хрен. Я представить не могу, чтобы кто-то хотел моей смерти. Серсея сделала много плохого, но такого, по-моему, никто не заслуживает.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Задачей подобного наказания было сломить дух женщины, ее гордость. А гордость – это отличительная черта Серсеи.

Съемки осложнялись тем, что все это нужно было провернуть в городе, полном туристов и достопримечательностей. На этапе планирования церковь Дубровника пыталась запретить съемки

«Позорного шествия», ссылаясь на местные правила, запрещающие «публичную демонстрацию сексуальности». Продюсерам все-таки удалось добиться разрешения, но съемки пришлось перенести в другое место Старого Города. В религиозных протестах была доля иронии, учитывая поразительное сходство этой сцены с одним из самых канонических библейских сюжетов. Позорное шествие – это как бы женская версия пути Иисуса, которого заставили пронести крест по улицам Иерусалима под оскорбления толпы.

Другую проблему решить было гораздо сложнее. Хиди сказала продюсерам, что не хочет сниматься обнаженной, и предложила, чтобы Серсея была частично одета. В книге Мартина героиню раздели догола, и продюсеры считали, что нагота в этой сцене необходима.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Они хотят опозорить ее, максимально ее унизить. Это должно выглядеть, как кошмар: у многих людей бывает такой невротический сон, будто они голые в толпе людей. И вот это происходит наяву. Вряд ли многим снится, что они в толпе в пижаме. Гораздо страшнее полное обнажение, когда с тебя срывают всю одежду и тебе нечем прикрыться, негде спрятаться.

ЛИНА ХИДИ: Я решила не раздеваться по многим причинам. После того как серия вышла на экран, многие думали, что я недостаточно профессиональная актриса только потому, что решила не показывать сиськи. Меня это шокировало. Я снималась обнаженной, я не против наготы в принципе. Но я очень эмоциональная актриса, вся моя игра строится на эмоциях. Чтобы хорошо сыграть, я сознательно делаю себя уязвимой. По-другому я не умею. И я очень глубоко все это чувствую. И одна мысль о том, что мне предстоит три дня раздеваться и при этом пытаться прожить то, что чувствует в этот момент Серсея… Полагаю, я бы сильно разозлилась, а злиться я не хотела, потому что не думала, что она чувствовала бы в тот момент ярость. Я ежегодно снимаюсь, у меня дети, и все это уже слишком.

Решили поступить так: Хиди пройдет по улицам в белой рубашке а-ля Джейн Шор, потом тем же маршрутом проследует обнаженная дублерша, после чего голову Серсеи с помощью компьютерной графики приставят к телу дублерши, наподобие чудовища Франкенштейна.

Продюсеры объявили кастинг, на который записалось около тысячи актрис.

ДЭВИД НАТТЕР (РЕЖИССЕР): Сложнее всего было найти актрису, которая не просто похожа на Лину, но сможет «скопировать» ее эмоциональное состояние. Пришлось чуть ли не сеанс психотерапии с ними проводить. Я сказал соискательницам: «Съемки будут идти три дня, и вы должны быть готовы к тому, что с большой долей вероятности кто-то из толпы сфотографирует вас, выложит фото в сеть и ваше тело будет лидировать в трендах. Вы сможете справиться с такой ситуацией?»

Семь финалисток кастинга прилетели на финальные пробы в Белфаст. Наттер и продюсеры решили отдать роль начинающей актрисе Ребекке Ван Клив.

ДЭВИД НАТТЕР: Ребекка была единственной, кто остался в нижнем белье, – остальные актрисы были полностью обнаженными. Но она очень похожа на Лину, особенно в области плеч и шеи, и у нее та же манера двигаться.

РЕБЕККА ВАН КЛИВ (СЕРСЕЯ, ДУБЛЕРША ЛИНЫ ХИДИ): Учитывая все обстоятельства, это были самые комфортные пробы в моей жизни.

ЛИНА ХИДИ: Ребекка – отличная актриса, и она прекрасно понимала, на что подписывается. Продюсеры долго искали дублершу, которая сможет понять ощущения человека, идущего по городу обнаженным. Но многие считают, что это я ее выбрала. Типа, я присутствовала на кастинге и захотела взять самую сексуальную актрису. Говорили, что я требовала тело получше. На самом деле я сказала продюсерам: «Если кто-то на это решится, то выбирать тут не мне, как вы решите, так и будет. Если у кого-то хватит на это смелости, я заранее всецело одобряю ваше решение». Я не оценивала кандидаток и не выражала желания участвовать в кастинге. Мне хотелось это уточнить – потому что как женщину меня в дрожь бросает при одной мысли, что я буду сидеть там и говорить: «Так не пойдет».

Чтобы подготовиться к съемкам, Хиди и Ван Клив изучили путь Серсеи по Старому Городу, подробно обсуждая, что их героиня будет чувствовать и как она будет двигаться на каждом этапе.

ДЭВИД НАТТЕР: Я хотел, чтобы Лина и Ребекка стали командой. Поэтому накануне съемок мы поехали на место, прошли маршрутом Серсеи, и они отлично работали в паре.

ЛИНА ХИДИ: Это было очень полезно и ей, и мне. Ребекка

очень крутая и смелая. Три дня ходить голой среди кричащей и ржущей толпы очень тяжело. Я не стала отлынивать и все время была на съемках с Ребеккой.

Дизайнеры костюмов сделали для Ван Клив лобковый парик – его еще называют «меркин», – который быстро стал предметом закадровых шуток.

РЕБЕККА ВАН КЛИВ: Этот «меркин» и все, что с ним связано, я вспоминаю со смехом. В первый съемочный день костюмерша дала мне вместо лобкового парика накладные усы! И еще в нем все время застревали кусочки еды, так что перед каждый дублем мы осматривали его: «Ну-ка глянь… да, смотри, там крошки». Лина окрестила этот парик «рисоуловителем».

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Мы снимали в городе, где повсюду высокие стены, с которых открывался вид на позорное шествие. Большинство точек обзора мы перекрыли зонтиками. Это была самая сложная задача. Мы хотели защитить Ребекку и сделать так, чтобы все вели себя прилично и относились к ситуации с пониманием и уважением, но при этом не хотели никого оскорбить. Оголились, можно сказать, по минимуму.

Сцена позорного шествия начиналась с Серсеи и септы Юнеллы, стоящих на вершине знаменитой Лестницы Иезуитов, ставшей в сериале лестницей Септы Бейелора. Его Воробейшество уверил Серсею, что ее отпускают из темницы, потому что она покаялась в своих грехах, но в последний момент сообщил, что для того, чтобы вернуться домой, ей еще придется совершить покаянное шествие обнаженной. С вершины лестницы героине видно ее убежище, Красный Замок, но ей придется идти туда пешком через весь город, полный людей, которые презирают и ненавидят ее.

ЛИНА ХИДИ: Ее били, морили голодом, унижали. Она думает, что если покается, то это закончится. Даже когда она стояла на коленях, часть ее исповеди была ложью. Серсея думает: «Ну все, я могу идти», и совершенно не представляет, что ее ждет, когда она выходит из септы или когда ей бреют голову, как Аслану[26].

РЕБЕККА ВАН КЛИВ: Когда я сняла халат в первый раз, все прямо ждали этого момента. Но для Серсеи это настолько глубокое эмоциональное переживание, что как-то почти забываешь о своей наготе – просто полностью погружаешься в

сцену и в то, что делаешь.

В пути Серсею сопровождает септа Юнелла, которая звонит в колокольчик и нараспев произносит слово, которое одновременно служит дополнительным наказанием для героини и сигналом для беснующейся толпы: «Позор… позор… позор…»

ХАННА УЭДДИНГХЭМ (СЕПТА ЮНЕЛЛА): Юнелла постоянно этим занимается. Она дала обет молчания (за исключением слов «покайся» и «позор»), и у нее только одна функция: заставлять людей каяться, а потом заводить толпу, чтобы провинившиеся чувствовали себя максимально пристыженными и таким образом искупали свои грехи. Иногда я говорю «позор» на ухо Серсее – как будто запускаю ей в голову червяка. Все считают Юнеллу воплощением зла, но я думаю, что она просто блаженная.

Время от времени Хиди и Ван Клив менялись местами и каждая проходила той же дорогой, пока массовка выкрикивала непристойности.

РЕБЕККА ВАН КЛИВ: Мы работали в паре и передавали друг другу эстафету: «Тебе водить!», стараясь не придавать значения тому, что мы перемазаны грязью и кровищей, и поддерживать друг друга. Были моменты, когда в меня швыряли отбросы, а на нее выплескивали ночные горшки, и тогда я думала: «Это уже немного перебор!»

ХАННА УЭДДИНГХЭМ: Эта бедная девушка раньше никогда не снималась обнаженной. Когда помощник режиссера кричал «Стоп, снято!», она стояла на площадке не как Серсея, а просто как голая женщина. Поэтому я протискивалась через толпу и прикрывала ее своей рясой, пока мы ждали костюмеров, – иначе парни откровенно пялились на нее.

ДЭВИД НАТТЕР: Нам важно было сделать презрение людей к Серсее ощутимым. Показать, как ее ненавидят жители города, показать момент, когда это чувство переходит в насилие. Иногда актеры массовки смотрели на проход Ребекки с восхищением. Помощник режиссера подходил к ним и говорил: «Если вы будете так на нее смотреть, мы удалим вас с площадки! Вы что, голых женщин никогда не видели? Придите в себя!»

ЛИНА ХИДИ: Когда ты дерьмово выглядишь, а люди орут и унижают тебя, сыграть нужные эмоции ни хрена не сложно. Я вела себя так, как, думаю, вела бы себя Серсея. А замечательной Ребекке приходилось сдерживать свои эмоции и просто быть обнаженной. Конечно, это ей далось нелегко. Это же

противоестественно.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Часть сцены мы снимали крупным планом, и Лине пришлось прочувствовать весь ужас происходящего, чтобы правильно сыграть. Она ужасно убедительна, но иногда почти хочется отвернуться, потому что тяжело смотреть на человека, которому так плохо.

ДЭВИД НАТТЕР: Я сопереживал ей, потому что, несмотря ни на что, она прежде всего мать, которая на все пойдет ради своих детей.

ЛИНА ХИДИ: Я могу нормально сыграть две-три сцены, если я… (неожиданно на лице Хиди проступает неподдельная боль и тут же исчезает, и актриса снова выглядит спокойной и собранной), а потом подлинные эмоции иссякают. Терпеть не могу «врать» на площадке.

Был момент, когда один из зевак снимает штаны и кричит Серсее: «Я Ланнистер, отсоси у меня!» Этот момент повлек за собой небольшую дискуссию режиссера и продюсеров. Этот актер был обрезан. Будет ли это проблемой? Делают ли в Вестеросе обрезание? Бениофф решил, что это неважно (в крайнем случае пенис можно будет подретушировать во время монтажа).

В начале шествия Серсея сохраняет хладнокровие, но вскоре самообладание начинает ей изменять. Из ее глаз текут слезы. Это ужасное падение деспотичной королевы. Ее преступления были гнусны и эгоистичны, но и наказание тоже кажется ужасным.

Когда, наконец, показался Красный Замок, она споткнулась. В этот момент бешенство старательно подзуживаемой толпы достигло апогея.

ХАННА УЭДДИНГХЭМ: В этот момент Дэвид Наттер реально заставил актеров массовки по-настоящему травить нас – даже на меня это подействовало, хотя я человек закаленный. Лину толкали, меня тоже. Мы обе были потрясены, слезы катились по щекам. Столько агрессии…

Дэвид предложил мне: «Может, тебе помочь ей подняться?» Но я к тому времени уже настолько вошла в роль, что сказала: «Лучшее, что я могу сделать, – это не помогать ей». Я тоже женщина, но я жду, пока она встанет сама, и ухмыляюсь про себя: «Это твоя награда за грязь и кровосмешение, расплата за твои грехи».

Наконец Серсея переходит мост, ведущий к Красному Замку. Дальше Гора несет ее на руках. Королева опозорена, голодна, измучена и унижена, но все еще не сломлена. Алисса Розенберг писала в The Washington Post: «“Игра престолов” уже

использовала наготу в предыдущих сезонах, но пятый стал значительным шагом вперед: сцена позора и унижения Серсеи – очень яркий момент. Глядя, как обнаженная Серсея идет через город, мы в какой-то мере становимся соучастниками тех, кто подверг ее этому испытанию. Когда же люди в толпе, как мужчины, так и женщины – редкий пример голого равноправия на кабельном телевидении, – сами обнажаются перед ней, то не только она, но и мы воспринимаем это как насилие. Такая нагота – угроза для героини, которую мы пусть не любим, но хорошо знаем. Это вам не девушки из борделя, дефилирующие перед бывшим верховным септоном (Пол Бентли), а заодно и перед нами».

ДЭВИД БЕНИОФФ: Больше всего в режиссуре Дэвида Наттера впечатляет то, что каждый легко может представить себя на месте Серсеи. Конечно, зрители на самом деле у себя дома, а не на улице, и в них никто не бросает тухлые яйца и помидоры – и много чего похуже, – но Дэвид заставляет их прочувствовать этот момент. Очень много кадров снято как бы от первого лица, так что вы нутром чувствуете весь ужас происходящего. А когда ставишь себя на место этой женщины, ненавидеть ее становится очень трудно.

РЕБЕККА ВАН КЛИВ: Это был очень страшный и одновременно захватывающий опыт. Я и представить себе не могла, что буду стоять на улице Дубровника в окружении съемочной группы и огромной массовки, которая будет закидывать меня отбросами. Но все равно это было здорово, и работа доставляла мне удовольствие. Этот опыт мне очень помог, и сейчас я чувствую себя сильнее, чем когда-либо.

ЛИНА ХИДИ: Серсея из тех людей, которых невозможно сломить. В ней есть что-то мстительное, злое. Такие, как она, всегда стремятся выжить. Можно переломать ей все кости, но если целой останется хоть одна, она восстановится.

Глава 21
Гибель романтики

О позорном шествии говорили много, но и это не самая провокационная сцена «Игры престолов». Ею стала (судя по субъективным медиастандартам и поднявшемуся в фандоме шуму) не позор Серсеи, не сожжение Ширен, не Красная Свадьба, не оскопление Теона или казнь Неда Старка, а брачная ночь Сансы и Рамси Болтона.

Браки по договоренности в Вестеросе – это норма (как и во многих странах нашего мира по сегодняшний день). Как правило, родители принимают решение о судьбе своих детей, чтобы заполучить больше денег и власти. Даже брак Неда Старка и Кейтилин Талли был таким, но она со временем полюбила своего мужа.

И вот в пятом сезоне, чтобы закрепить свой союз с Болтонами, Мизинец устраивает женитьбу Сансы и Рамси (заверив, что ее брак с Тирионом не был консуммирован, а следовательно недействителен). Великий манипулятор убедил Сансу, что объединение домов Старков и Болтонов – самый лучший способ вернуть Винтерфелл ее семье и защититься от Ланнистеров, которые продолжают ложно обвинять ее в смерти Джоффри.

В теории стратегия Мизинца имеет смысл, но есть одна маленькая проблема: Рамси ведь психопат. А Бейлиш, невзирая на свой девиз «Знание – сила», не имеет представления о подлинной натуре Рамси, заключая договор с Болтонами.

В итоге разгорелись ожесточенные споры о том, правомерен ли такой ход с точки зрения сюжета, развития характеров и нужно ли было показывать то, что нам продемонстрировали.

В книге Мартина эта брачная ночь описана в еще более жутких деталях (в частности, в ней заставили участвовать и Теона), но невестой была другая девушка: Рамси женится на подруге Сансы, Джейни Пуль, которую Мизинец сумел выдать за пропавшую Арью Старк.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Джейни Пуль присутствовала в пилотной серии – видно, как она стоит рядом с Сансой и хихикает, – но больше она в сериале не появлялась, даже намека на нее не было. На самом деле я включил героиню в свой первый сценарий – это был эпизод «Острый конец», где Арья убивает мальчишку-конюха. У меня

была сцена, где Джейни в истерике и слезах прибегает к Сансе, а потом в зале совета происходит разговор, в конце которого Мизинец говорит: «Отдайте ее мне, я прослежу, чтобы она не доставляла хлопот». Потом эту сцену вырезали.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Санса – персонаж, за которого мы переживали чуть ли не больше всех. Мы очень хотели, чтобы в этом сезоне она сыграла важную роль, а это было очень трудно сделать, если бы мы строго следовали канону. Конечно, в книгах была интересная интрига, которая нам очень нравилась, но в сериале не было героя, который является центром этой интриги.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Я пытался подготовить Джейни к ее будущей роли самозванки. Настоящая Арья сбежала, и ее считают мертвой. Но Джейни долгое время находилась во власти Мизинца, и он отлично ее подготовил. Она знает Винтерфелл, у нее настоящий северный акцент, и ее можно выдать за младшую Старк. Кто вообще знает, как сейчас выглядит маленькая девочка, пропавшая два года назад? Лорд, прибывший с визитом в Винтерфелл, вряд ли будет обращать внимание на бегающих вокруг ребятишек. Поэтому Джейни вполне могла сойти за Арью. В сериале этой героини не было, поэтому задействовали Сансу. Лучше это вышло или хуже? Странно, но сцена брачной ночи в книге не вызвала такой сильной реакции, потому что до Джейни особо никому не было дела. А Сансу все любят.

По словам создателей сериала, именно то, о чем говорит Мартин – что поклонникам важна Санса, а не Джейни, – стало еще одной причиной выдать ее за Болтона.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): У нас была мощная сюжетная линия с Рамси, для которой нужен был женский персонаж. И вопрос был: будет ли им девушка, за судьбой которой мы следим уже пять лет, которую обожают зрители и которую играет невероятно талантливая актриса, или же мы вводим новую, неизвестную героиню? Конечно, нужно задействовать ту, которую уже любит аудитория.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: Мой Мизинец никогда не отдал бы Сансу Рамси. Ни за что на свете. Он одержим ею. А то и вовсе считает ее дочерью, которой у него никогда не было, но которая могла бы быть, женись он на Кейтилин. Бейлиш даже воображает, что она и есть Кейтилин, и жаждет обладать ею. Он никогда не отдаст ее другому мужчине, который к тому же будет творить с ней ужасные вещи. В книгах все будет совсем по-другому.

БРАЙАН КОГМАН: Наш Мизинец более дерзок, чем

закулисный интриган в книгах, – я не говорю, что сериальный Бейлиш лучше или наоборот. А то, что Рамси – психопат, знают далеко не все, и у Мизинца об этом нет сведений. Он понимает только, что Болтоны – жутковатые и страшные люди, которым нельзя полностью доверять.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мизинец интересен тем, что у него, кажется, вообще нет других слабостей, кроме Сансы. Он буквально одержим ею. Мы видели, что он начал проявлять нездоровый интерес к ней с рыцарского турнира в одной из первых серий. Но как бы ни была дорога ему героиня, самое важное для него по-прежнему – это власть, и он ухватился за возможность усилить свои позиции.

АЛФИ АЛЛЕН (ТЕОН ГРЕЙДЖОЙ): Сансу и Теона многое объединяет: оба покинули Винтерфелл, мечтая о величии: он думал, что станет принцем Железнорожденных, а она воображала себя будущей королевой. В итоге оба вернулись обратно.

Сценаристы долго обсуждали с режиссером Джереми Подесвой, как лучше показать брачную ночь Сансы. В графике киносъемок эта сцена называлась «Гибель романтики».

БРАЙАН КОГМАН: Мы работаем так: Дэн и Дэвид выбирают эпизоды, которые хотят написать, а Дэйв Хилл и я делаем остальное. Я мог бы оставить эту сцену на откуп бедняге Дэйву, но я чувствовал ответственность перед Софи. Я всегда присматривал за ней и до сих пор забочусь. Я хотел, чтобы эта сцена снималась со всей осторожностью, и знал, что если напишу сценарий, то буду ее продюсером на съемочной площадке.

Сначала позицией большинства было снимать до того момента, как Рамси берет девушку за руку – а потом дверь за ними закрывается, и все. Но я возразил, что если мы не покажем хотя бы немного больше, не посмотрим на происходящее глазами Сансы и Теона и не раскроем всю бездну предстоящего ужаса, то испортим смысловое наполнение сцены и весь сюжет.

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА (РЕЖИССЕР): Все отнеслись к этой сцене максимально серьезно. Мы понимали, что зрители уже сроднились с Сансой, – она практически выросла у них на глазах. Конечно, эта сцена шокирует и расстроит их.

Тернер предвкушала съемки этой сцены, потому что это был драматический, поворотный момент для ее героини и сложная актерская задача. «Алекс Грейвз сказал мне: “У тебя появится возлюбленный”, – рассказывала она. – И вот я получаю сценарий, в нетерпении пролистываю его… и такая: “Э, вы шутите, что ли?!”

Я думала, что им будет Джейме Ланнистер или еще кто-то, кто позаботится обо мне. А оказалось, что это Рамси и что я вернусь в Винтерфелл. Мне понравилось, что Санса опять дома и требует то, что принадлежит ей по праву. Но в то же время ее дом стал тюрьмой. Мне было ее очень жалко, но в тоже время я пришла в восторг от этого сюжетного поворота – это было просто офигенно. И потом она снова встречается с Теоном, и у них завязываются отношения. Думаю, этот сезон станет самым сложным для меня, потому что история Сансы будет очень эмоциональной».

«Мне нравится буквально вгрызаться в каждую сцену, – добавляет Тернер. – У меня бывают эмоциональные, пугающие, неприятные моменты, но я обожаю такое. Если вначале тебе неприятно, зрителей в результате по-настоящему пробирает, и это здорово».

Все ждали, что съемки пройдут в тяжелой, мрачной атмосфере, но этого не случилось.

МАЙКЛ МАКЭЛХАТТОН (РУСЕ БОЛТОН): Свадьба на снегу. Алфи хлюпал носом и рыдал, Софи дрожала и тоже чуть не плакала, а я злорадствовал и ухмылялся. Мы творили с Алфи и Софи такие ужасные, мерзкие и подлые вещи, что все поневоле начинали смеяться.

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА: Мы очень старались снимать максимально осторожно и сделать так, чтобы Софи было комфортно. Она понимала весь ужас происходящего, но мы ни разу не создали некомфортную для нее ситуацию.

АЛФИ АЛЛЕН: Я знал, что эта сцена вызовет сильную реакцию, и считаю, что все, кто участвовал в съемках, сработали просто фантастически. Это была ужасная сцена. Ивану она далась очень тяжело. Но Джереми Подесва просто обалденно все снял. Софи была великолепна, меня восхитило, насколько хорошо она со всем справилась. Между дублями мы расслаблялись и шутили.

В сцене брачной ночи Рамси нагибает Сансу над постелью и разрывает ее платье, а потом камера переходит на сломленного, потрясенного Теона, которого заставляют смотреть на происходящее. Создатели сериала хотели вызвать у зрителей сильную эмоциональную реакцию, но не ожидали, что этот эпизод повлечет за собой такое бурное негодование.

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА: Реакция зрителей застала нас врасплох. Мы понимали, что эта сцена многих расстроит, но не ждали, что возмущение поклонников сериала примет такие масштабы. Можно было подумать, что мы показали насилие во всех

подробностях. Там же практически вообще ничего не демонстрировали. Вы видите начало действия, которое вот-вот произойдет, а потом все обрывается. Показать, что там происходило, было немыслимо.

Крупный план лица Теона в последние двадцать секунд сцены, в то время как за кадром слышатся крики Сансы, критиковали как популяризацию «мужского взгляда» (этот термин в искусстве используют, когда мужчина видит женщину как неодушевленный предмет). Создатели сериала, в свою очередь, полагали, что переход камеры на Теона будет наиболее гуманным, но в то же время визуально мощным и драматичным завершением сцены, отличным способом передать ужас, который переживает героиня.

БРАЙАН КОГМАН: В критике работы шоураннеров меня всегда больше всего раздражало то, что их всегда подозревали в какой-то злонамеренности. Все думают, что Дэвид, Дэн, я, Джордж – все мы бесцеремонно обращаемся с персонажами. С героями, которых мы любим, с которыми мы прожили годы, из-за которых мы провели больше бессонных ночей, чем кто бы то ни было еще!

Одна из главных причин, почему мы показывали Теона, а не Сансу, – это желание не делать эту сцену натуралистичной и жестокой. Я понимаю, почему это вызвало критику, но осознаю и причины, по которым эта сцена была снята именно так.

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА: Я понимаю претензии относительно мужского взгляда – что мы бросаем Сансу в этот ужасный момент и проживаем его с Теоном. Но мы хотели проявить максимальную деликатность. По-моему, драматургически сцена вышла очень сильной.

Создатели сериала также задумывались, насколько бы гневались фанаты, если бы им была известна дальнейшая судьба Сансы. Триумфальное возвращение леди Винтерфелла было задумано сценаристами с самого начала (вопреки мнению отдельных критиков, что такая концовка была придумана, чтобы успокоить зрителей, разгневанных брачной ночью).

БРАЙАН КОГМАН: Мы знали, что предстоит Теону и Сансе в следующих трех-четырех сезонах, просто зрители были не в курсе. Сейчас очень много реактивной критики: увидел что-то и сразу написал о впечатлениях. После просмотра оставшихся сезонов становится понятно, почему мы сняли эту сцену именно так.

ДЭВИД БЕНИОФФ: У меня всегда вызывало легкую досаду общее мнение, что мы делаем наших героинь сильнее в ответ на недовольство зрителей. Это совершенно не соответствует действительности. Мы нормально воспринимаем критику, а критикуют нас достаточно. Но то, что произошло с Сансой в дальнейших сезонах, – это не реакция на нее.

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): Фанаты «Престолов» стали относиться ко мне с большим сочувствием. Мне все чаще начали говорить: «Вы моя любимая героиня», и это чудесно, потому что раньше мне иногда говорили: «Вы мне вообще не нравитесь».

Критики, впрочем, думают, что победоносный финал Сансы не оправдывает ее унижения. Актриса Джессика Честейн попала во все заголовки, написав в Twitter: «Насилие – не инструмент для того, чтобы сделать кого-то сильнее. Женщине не нужно быть жертвой, чтобы стать бабочкой». А Инку Канг в Slate пишет так: «Есть своя правда в том, о чем нам напомнили в первом сезоне: чрево, способное принести наследника, считалось валютой, а прилагаемая к нему женщина – сопутствующим ущербом. Во втором сезоне, во время Битвы при Черноводной, Серсея говорит, что женщины на войне – всего лишь трофеи. В целом “Игра престолов” сочувственно относится к своим героиням, но с сексуальным насилием дела обстоят не столь хорошо: изнасилование или его угроза в сериале используется как средство попасть из пункта А в пункт Б – как отдельный пункт его не рассматривают».

БРАЙАН КОГМАН: Многим эта сцена никогда не понравится, но она привела к активной дискуссии, которую я нахожу очень важной.

Это обсуждение касалось экранного насилия над женщинами – в голливудских постановках в целом и «Престолах» в частности. Во время показа сериала эта тема постоянно поднималась, начиная с брачной ночи Дейенерис в первой серии. Журналисты и телекритики тоже начали все больше осуждать сериал за злоупотребление сексуальным насилием там, где в нем нет сюжетной необходимости. «Мартин, Бениофф и Уайсс смогли придумать вселенную, в которой существуют драконы, но на мир, где мужчины являются предметом женского желания, им фантазии не хватило, – писала Габриэль Бруни в Esquire в 2019 году. – Они дали жизнь жутким Белым Ходокам, но не подумали о том, что на сексуальное насилие можно смотреть не только как на провокационный сюжетный ход. Этот недостаток бросает тень

на все семь сезонов в остальном потрясающего сериала и грозит “Престолам” в будущем, когда все меньше зрителей будут готовы терпеть шовинизм на экранах».

Те, кто имел отношение к «Престолам», считают, что причина, по которой сериал вызвал подобную критику, как ни парадоксально, заключается в том, что им так хорошо удались сильные женские персонажи и их сюжетные линии. Дейенерис, Серсея, Бриенна, Арья и Санса стали иконами поп-культуры, и их окружили преданные фандомы. У каждой из них своя судьба и уникальный характер. Они не похожи ни друг на друга, ни на других телегероинь.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO): Дэн и Дэвид никогда не пропихивали откровенные сцены, чтобы порадовать любителей пикантности и за счет этого увеличить аудиторию. Кроме того, в этом сериале было больше уникальных, крутых героинь, чем где бы то ни было на телевидении. Поэтому при столкновении с критикой мы задумались: «Может, нам стоило быть поаккуратнее? Давайте сделаем из этого выводы и зададим себе неприятные вопросы». Думаю, дело было отчасти в потрясающем успехе шоу. Многие зрители начали смотреть «Престолы», потому что это отличный драматический сериал, и все это насилие их покоробило. Их можно понять. Жестокие сцены могли многих задеть, но в то же время благодаря этому начался диалог о том, как показывать обнаженное тело и секс на экране, который продолжается до сих пор.

Многие из сцен, которые привели к бурной полемике, были попыткой решить основную задачу сценаристов: как достоверно изобразить дикие Темные века, принимая во внимание взгляды современного телезрителя. Насколько сериал должен отражать наш мир и насколько – воображаемый, списанный с раннего европейского Средневековья, со всеми присущими ему ужасами, которые старался изобразить Мартин? Другие исторические теледрамы, например «Чужестранка» телекомпании Starz, сталкивались с такой же проблемой. В интервью Rolling Stone 2019 года Тернер сказала, что считает отклик на сцену брачной ночи «неправильным», поскольку сериал придерживался средневековых реалий. Некоторые из ее коллег высказывали такое же мнение.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ (БРИЕННА ТАРТ): Многое в сериале было навеяно реальными историческими событиями, в частности

то, что происходило с женщинами. На протяжении всей истории человечества с женщинами обращались ужасно. С мужчинами тоже – со всеми людьми. В этом сериале женщины находятся в центре внимания и героини проработаны так, как до этого редко случалось в индустрии развлечений. Я это только приветствую. Да, это сложные сцены, но они и должны быть такими.

ЭМИЛИЯ КЛАРК (ДЕЙЕНЕРИС ТАРГАРИЕН): Мне было больно слышать, как люди выхватывают «Престолы» из контекста и интерпретируют как нечто антифеминистическое. В сериале показано, сколько всего может произойти с женщинами, и все это довольно реалистично. Но в итоге героини оказывались не только равными мужчинам, но и необычайно сильными. Это разные женщины, показанные на самых разных этапах жизненного пути, от полного бесправия и беспомощности до абсолютной власти.

НАТАЛИ ДОРМЕР (МАРГЕРИ ТИРЕЛЛ): Женские образы в «Престолах» очень живые и объемные. Все они, как положительные, так и отрицательные, такие же сложные и противоречивые, как и мужские. В этом плане сериал абсолютно феминистичен. Но иногда забываешь о темной стороне человеческой натуры в реальном мире. Физическое насилие, мизогиния, изнасилование – это не фэнтези. «Престолы» производят такое сильное впечатление именно потому, что они реалистичны. Если вы ищете бегства от реальности, это нормально, но «Игру престолов» вам тогда, возможно, смотреть не стоит.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС (АРЬЯ СТАРК): О том, что с женщинами в «Престолах» обходятся плохо, говорили постоянно. Но там жестоко поступают и с мальчиками, и с девочками, и с мужчинами, и с животными. Я понимаю людей, которые не хотят видеть этого насилия, и осознаю, что им было неприятно. Но уж такой сериал мы сняли. Я, например, расстраиваюсь, когда убивают животных. Мне говорят: «Но это еще хуже!» Вот этого я никогда не могла понять. По-моему, каждый имеет право расстраиваться из-за чего хочет.

В пятом сезоне, когда в линию Сансы внесли изменения, Мартина уже не было на борту, но он всегда заявлял, что сексуальное насилие – необходимый элемент в «Песни льда и пламени».

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: В книгах описано патриархальное общество времен Средневековья. В Темные века равноправия не было. То общество разделяло людей на три класса, и в нем превалировали устоявшиеся идеи о роли женщин. Одно из

обвинений, выдвинутых против Жанны д’Арк и приведших к ее сожжению, было то, что она носила мужскую одежду – тогда это был очень серьезный проступок. Конечно, были в те времена и сильные, обладавшие властью женщины, но это совершенно не меняло природу общественного уклада, в котором они жили.

Кто-то может возразить: «Ну он же не исторический роман пишет, а фэнтези. Раз там есть драконы, почему не может быть равноправного общества?» Но если ты придумал фантастических существ, это не значит, что можно делать все, что вздумается. Я хотел, чтобы мои книги шли рука об руку с историей и реалистично отображали средневековое общество. Кроме того, это была реакция на многочисленные произведения жанра фэнтези, в которых показано эдакое диснеевское Средневековье: принцы, принцессы, рыцари в сияющих доспехах, и при этом совершенно непонятно, почему там был такой уклад и как это общество функционировало.

Разве для того, чтобы не быть сексистом, нужно обязательно изображать равенство? У нас другая история. Равноправие – это что-то из области научной фантастики. В Америке XXI века и то полного равноправия нет. У нас все еще ущемляют права женщин.

Теперь о проблеме сексуального насилия в книгах и сериале. Если вы пишете о войне – а я пишу именно о ней, почти все великие романы в жанре фэнтези об этом – и описываете крутые сражения, героев, убивающих орков, и прочее в этом духе, но при этом умалчиваете о сексуальном насилии – это, по сути, ложь. К сожалению, изнасилования – неотъемлемая часть войны в нашем мире. Это не говорит ничего хорошего о человеческой природе, но я не думаю, что нужно притворяться, что этого не существует. Я хочу описывать страдания, борьбу. Драма вытекает из конфликта. Если у вас получилась утопия – возможно, вы написали очень скучную книгу.

Глава 22
Притворяясь мертвым

В романе Джорджа Р. Р. Мартина «Танец с драконами» Джон Сноу неожиданно погибает. Лорд-командующий Ночного Дозора предан и убит своими же людьми после того, как позволил тысячам одичалых перейти на южную сторону Стены, чтобы спастись от надвигающейся зимы. Джон Сноу, как и Нед Старк, пострадал из-за своей гуманности.

Но поскольку к моменту убийства героя в финале пятого сезона «Престолов» читатели Мартина еще не знали, оживет ли он в книгах, создатели сериала решили сохранить в секрете предстоящее воскрешение.

Казалось бы, чего уж проще? И все же, чтобы убедить весь мир в окончательном и бесповоротном уходе главного героя самого популярного сериала в мире, потребовалась тщательно выстроенная стратегия обмана, организованная с небывалым даже для «Престолов» размахом. Киту Харингтону приходилось жить под постоянным напряжением.

Для начала нужно было продумать сцену смерти Джона Сноу. Насколько убедительной должна выглядеть гибель лорда-командующего после того, как в него, словно в Юлия Цезаря, предатели по очереди вонзили кинжалы?

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Мы считали, что делать открытую развязку типа «Жив или мертв?» – это дешевый трюк. Можно было сделать, как в фильме «Принцесса-невеста»: «Практически мертв». Но в сериале уже был прецедент, когда Владыка Света воскрешал мертвеца. Так что если мы хотели, чтобы зритель поверил в смерть Джона Сноу, надо было убить его как следует. Поэтому мы решили сделать сцену смерти максимально однозначной, чтобы, если кто-то спросит, можно было ответить: «Он мертв!» – и, в сущности, не соврать.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Когда смотришь эту сцену, двух мнений быть не может. Мы видим, как зрачки Джона расширяются и жизнь покидает его тело, и так оно и есть.

Актерам разослали сценарий пятого сезона. В последней сцене была описана смерть героя: «Братья уходят, бросив истекающего кровью Джона умирать. Его взгляд тускнеет, и мы

заканчиваем пятый сезон».

Когда Харингтон прочитал эту концовку, он подумал, что продюсеры и вправду решили прикончить его персонажа. Но в первом сезоне создатели сериала уже разыграли его подобным образом, и он, наученный горьким опытом, решил, что панических звонков они от него не дождутся.

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Я вообще не задавал вопросов. Думаю, они тянули время – ждали моей реакции. Я уныло говорил другим актерам: «Это конец, Джон мертв. Ну что ж, я классно провел эти пять сезонов». Мне отвечали: «Ну да, как же, мертв он». И мы начинали обмениваться теориями. Основным аргументом, к которому все возвращались, была сюжетная линия, касающаяся его матери. Зачем вставлять ее в сериал, если эта информация не будет иметь никакого значения? Ведь он умер прежде, чем выяснилось, кто его мать.

ОУЭН ТИЛ (АЛЛИСЕР ТОРН): Я думал: «Как здорово, значит, они решили сконцентрироваться на моем персонаже. Одно из двух: или Торн получит больше экранного времени и захватит Черный Замок, или его прикончат». Мне нравились оба варианта. Я помню, как надеялся, что Джон Сноу действительно умер, потому что если слишком часто использовать один и тот же трюк, зритель больше не будет нам доверять.

Через несколько дней после начала съемок пятого сезона Дэвид Бениофф и Дэн Уайсс пригласили Харингтона прогуляться.

КИТ ХАРИНГТОН: Я сильно занервничал. Это мог быть разговор типа: «Слушай, чувак: ты мертв, в следующем сезоне тебя не будет», или: «Ты будешь в следующем сезоне, но твой персонаж будет таким-то и таким-то». «Может быть, я стану компьютерным волком, и от меня потребуется только озвучка, – подумал я и решил, что это дерьмовый вариант. – Или зомби – тоже хреновый расклад». В общем, полная неизвестность.

Оглянувшись, нет ли кого поблизости, Дэвид сказал: «Мы скажем тебе один секрет, который знаем только мы с Дэном, пара продюсеров и Джордж. А теперь и ты будешь знать. Рассказывать об этом никому нельзя: ни маме, ни папе, ни другим членам семьи – никому. Еще раз: рассказывать нельзя никому».

Я такой: «Окей, ладно».

«Ты будешь в следующем сезоне. Ты живой. Тебя воскресит Мелисандра, и потом у тебя будет до хрена дел. Очень напряженный будет сезон».

Дэн повернулся к Дэвиду и сказал: «Он же все равно скажет

Роуз, да?» И мне разрешили открыть ей секрет.

Сначала Харингтон почувствовал облегчение и обрадовался. Потом до него дошла вся серьезность положения. Другие актеры видели, как он разговаривал с Дэном и Дэвидом, и наверняка предположили, что речь идет о смерти его героя. Ему пришлось играть сразу две роли: изображать Джона Сноу перед камерой и удрученного актера – за кадром.

КИТ ХАРИНГТОН: Я вернулся на площадку к остальным парням из Ночного Дозора. Они видели, как меня вызвали на разговор. Я знал, что будет на самом деле, но мне пришлось сказать: «Да, все, мне конец». Мне пришлось солгать всем своим друзьям, и это было очень неприятно. Я лгал своим близким, другим актерам и съемочной группе, которых считаю семьей, а врать я очень не люблю.

КРИСТОФЕР ХИВЬЮ (ТОРМУНД ВЕЛИКАНЬЯ СМЕРТЬ): Я был в шоке, когда сценарий прочитал. «О господи», – подумал я. А Кит такой: «Все, это мой последний год, потом я ухожу в другие проекты». Уверенно так говорил. Всех обманул.

КИТ ХАРИНГТОН: Софи Тернер, дай ей бог здоровья, прислала мне длиннющее письмо, в котором писала, как ей нравилось со мной работать. Я ухмылялся, когда его читал. Она купилась.

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): Во время одной вечеринки он отвел меня в сторонку и говорит: «Слушай, ну все. Это мой последний сезон». Может, в то время он и правда так думал? Не знаю, врал он тогда или нет. Зная Кита – вполне возможно, что да.

КРИСТОФЕР ХИВЬЮ: Я помню, Мэйси сказала ему: «Ну скажи, врешь же?» А он: «Нет, извини, это правда. Все, конец, это мой последний сезон». Так что я не знал, чему верить.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Ему даже Эмилия звонила, но он не поддался.

КИТ ХАРИНГТОН: Лиам Каннингэм, с другой стороны, сразу мне не поверил. Сказал, чтобы я не вешал ему лапшу на уши.

ЛИАМ КАННИНГЭМ (ДАВОС СИВОРТ): Да, я сразу послал его с этой историей куда подальше. «Не обязательно мне рассказывать, только лапшу на уши не вешай». Не станут же они повторять историю с Недом Старком. Джон слишком ценный персонаж. Я ни секунды не сомневался, что он вернется.

Когда пришло время снимать убийство Джона Сноу, спектакль одного актера продолжался и на площадке. Даже

режиссер последней серии пятого сезона, Дэвид Наттер, не знал о предстоящем воскрешении героя. После завершения съемок Харингтону пришлось произнести прощальную речь перед актерами и съемочной группой. Ему было ужасно неловко.

КИТ ХАРИНГТОН: В конце пятого сезона о воскрешении никто не знал. Всем объявили, что я мертв. Дэвид Наттер сказал съемочной группе: «Это последний сезон Кита», и мне пришлось произнести фальшивую прощальную речь. Я не смог выдавить из себя нечто слезливое в духе: «Я люблю вас, это было потрясающе!» и сказал просто: «Отлично поработали, ребята, спасибо всем» и свалил побыстрее. Так что да, немного прокололся. Кто-то поверил, кто-то нет.

ДЭВИД НАТТЕР: Он сказал, как ко всем привязался и как будет скучать. Отметил, что это была его первая крупная роль и что благодаря сериалу у него завязались отношения и появилось много друзей. Еще признал, что ему будет всех не хватать, что теперь в его жизни возникнет пустота. Очень мощная была речь.

КИТ ХАРИНГТОН: Я как будто на своих похоронах речь произносил. Это было ужасно. Моя худшая актерская работа – а это о многом говорит, поверьте.

После съемок заключительной серии Харингтон решил, что есть люди, которым он просто обязан сказать правду, ведь когда актер уходит из сериала, его дальнейшая карьера влияет и на других.

КИТ ХАРИНГТОН: Сначала я думал, что это будет даже забавно – такая веселая игра. Но чем дольше это продолжалось, тем больше я чувствовал себя предателем. Поэтому я начал потихоньку рассказывать близким людям. Потому что когда ты заявляешь семье и друзьям: «Со мной не продлили контракт на следующий год и мне придется искать работу», ты, в сущности, говоришь, что надо пересмотреть финансы, потому что денег от работы в «Престолах» больше не будет. Так что я сказал родителям и брату: «Я остаюсь в сериале, только никому не говорите».

В число посвященных вошли также несколько актеров, которые играли товарищей Джона – братьев Ночного Дозора.

КИТ ХАРИНГТОН: Джон – центральный герой, на котором завязано много сюжетных линий. Поэтому, когда ты говоришь людям, чьи персонажи зависят от твоего: «Все, я не вернусь», ты

фактически уведомляешь их, что им тоже конец, и мне это не нравилось. «То есть мы больше не вернемся на Стену?» – спрашивали меня. Поэтому я решил быть честным с друзьями и сказал: «Все не так, как вы думаете. Как именно – не могу сказать, но не так, как вам кажется». Они меня не расспрашивали, но я должен был им сказать – на кону была их любимая работа.

После показа заключительной серии пятого сезона в июне 2015 года начался новый виток обмана. До этого момента продюсерам и Харингтону приходилось держать воскрешение Джона Сноу в секрете только от актеров и съемочной группы. Теперь им нужно было каким-то образом обмануть весь мир.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO): Одно дело, когда тебя просят хранить возвращение персонажа в секрете теоретически, до того, как мир увидит его гибель. Ты думаешь: «Ну ладно, не вопрос. Нам уже приходилось убивать главных героев в других сериалах». Но смерть Джона вызвала огромный резонанс. Не было ни одной встречи, ни одного званого ужина, на котором меня бы не спросили о нем. Было очень тяжело выкручиваться и при этом быть честным с друзьями и людьми, которых я уважаю и которые отчаянно цеплялись за надежду на возвращение Сноу.

Во время летнего пресс-тура Ассоциации телевизионных критиков США в Беверли-Хиллз Ломбардо пришлось лгать перед ста пятьюдесятью репортерами, и он чувствовал себя крайне неуютно. Один из них спросил, действительно ли Джон Сноу мертв, но не поинтересовался, вернется ли он.

ЛИАМ КАННИНГЭМ: Все задавали один и тот же неправильный вопрос. Каждый, на хрен, спросил: «Джон Сноу мертв?» Да, мертв.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО: У меня словно гора с плеч свалилась. Я ответил: «Он умер». И в начале шестого сезона он правда мертвее мертвого.

ДЭВИД НАТТЕР: После того как финал вышел на экраны, я фотографировался с Обамой дома у Чака Лорри[27]. Президент повернулся ко мне и спросил: «Ну вы же Джона Сноу не на самом деле убили?» Я ответил так: «Джон Сноу мертв. Мертвее не бывает».

Актеров и съемочную группу посвятили в тайну после того, как разослали всем сценарий шестого сезона. Но как можно было

держать это в секрете от остальных, если Харингтону предстояло месяцами находиться на съемочной площадке, часто на открытом воздухе?

ДЭВИД БЕНИОФФ: «Джон Сноу» не упоминался в сценарии шестого сезона. Персонаж фигурировал под кодовым названием «ЛК» – «лорд-командующий».

КИТ ХАРИНГТОН: На площадке запрещалось произносить имя Джона. Все должны были говорить «ЛК».

КЭРИС ВАН ХАУТЕН (МЕЛИСАНДРА): Мы много шутили по поводу этого «ЛК». Некоторые расшифровывали это как «Лиловый Клитор».

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): У нас была небольшая встреча, и Дэвид Бениофф сказал: «Когда ЛК отправляется в… погодите, я-то чего говорю “ЛК”? Я-то знаю, кто это!» Мы даже сами от себя скрывались.

Харингтона просили как можно меньше светиться во время съемок в Белфасте.

ЛИАМ КАННИНГЭМ: Ему вообще никуда нельзя было выходить. Просто кошмар.

КИТ ХАРИНГТОН: Меня поселили не в отеле с остальными, а в отдельной квартире. Но я бы рехнулся, если бы все время сидел в четырех стенах. Так что я ходил ужинать с другими актерами. Это же не вопрос жизни и смерти, в конце концов.

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: Встречаться с Китом было опасно. Конечно, парню надо есть. Но мы всегда старались прятать его от окружающих.

Охрану на съемочной площадке усилили, но одному фотографу удалось сделать снимок Кита на съемках «Битвы Бастардов».

ДЭВИД БЕНИОФФ: Честно говоря, самое большее, на что мы надеялись, – это несколько недель неизвестности и сомнений после показа финала пятого сезона. То, что нам удалось так долго всех водить за нос, стало приятным сюрпризом.

ДЭН УАЙСС: На этом фото Кит на поле битвы с мечом в окружении трехсот человек массовки, из чего можно заключить, что он, вероятно, жив, если только это не странная дорогостоящая ретроспектива сражения, в котором Джон никогда не участвовал. Но большинство зрителей не рыскают по сети в поисках информации, которая испортит все удовольствие от просмотра.

Была и другая проблема. Перед началом съемок шестого сезона Харингтон был гостем телешоу «Поздней ночью с Сетом Майерсом», где он в шутку пожаловался, что все его съемки проходили в Северной Ирландии, а не в гораздо более приятном климате Хорватии или, скажем, Испании, как у других актеров.

Отвечая на вопрос, что бы он посоветовал путешественникам, собирающимся в Белфаст, Харингтон ответил: «Это чудесный город, если не задерживаться там дольше двух-трех дней», и пошутил, что там «потрясающе депрессивный туризм». На этом он не остановился. «Жители Белфаста гордятся тремя вещами: отелем, в котором было больше всего взрывов в Европе – это здорово, да, – “Титаником”, который построили здесь и который потонул в первое же плавание, а теперь еще и съемками “Игры престолов” – самого мрачного сериала в истории телевидения».

Харингтон был не одинок в своей зависти к тем актерам и членам съемочной группы, которые работали в Испании и Хорватии, где и съемки были легче, и вечеринки поживее. Однако неудивительно, что гордым северным ирландцам, задействованным на съемках, интервью Харингтона, мягко говоря, не понравилось.

КИТ ХАРИНГТОН: Я иногда бываю настоящим самодовольным британским болваном. Если мне что-то не нравится, я сразу начинаю ныть и становлюсь крайне пессимистичным. Мне нужно поработать над собой в этом плане. Но когда ты на телепередаче, ты выходишь в студию и начинается твое шоу: «Вот он я, и вот что я продаю». Продавец из меня не очень, я вечно описываю все в мрачных красках.

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД: Кит не хотел никого обидеть. Это было телешоу, его попросили рассказать «что-нибудь веселое о жизни в Белфасте». Это, конечно, не самый космополитичный город в мире, не Лондон, но мы все полюбили и Белфаст, и его жителей, которые очень гордятся своим городом. Если ты неуважительно отозвался о нем, это все равно что послать его жителей на хрен. Поэтому после того, как шоу вышло в эфир, я подумала: «Нужно показать Белфасту, как мы его любим».

Колфилд заказала для всей съемочной группы футболки с надписью «Ни хрена ты не знаешь, Джон Сноу» на одной стороне и «ИП любит Белфаст» на другой.

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД: Ирландцы из съемочной группы отошли быстро. Все-таки Кит больше всех нас гулял по городу, ему здесь очень нравилось.

Итак, Джон Сноу должен был вернуться. Но когда именно? Сценаристы долго спорили о том, как долго их герой будет оставаться мертвым до запланированного воскрешения стараниями Мелисандры и несколько ненадежной волшебной силы, которой ее наделил Владыка Света.

ДЭЙВ ХИЛЛ (СОПРОДЮСЕР): Мы рассматривали возможность воскрешения в конце первой серии шестого сезона – это была бы отличная концовка для премьеры. Но Брайан привел очень хороший довод: нам нужно извлечь из смерти Джона Сноу как можно больше, а то получится, что он пробыл мертвым всего какой-нибудь час. С другой стороны, слишком тянуть с этим тоже было нельзя – иначе тело начнет разлагаться. Кроме того, в этом сезоне он находится в центре многих важных событий, так что показывать его в качестве трупа на столе в течение трех серий тоже не вариант. Да и Кит бы убил нас за это.

КИТ ХАРИНГТОН: Какими легкими были эти две серии! Сплошной восторг. Целую неделю съемок я просто лежал, причем для разнообразия в теплом помещении. Правда, однажды я заснул и проснулся прямо в середине сцены. Знаете, как страшно, когда просыпаешься и не понимаешь, где ты? А теперь представьте, что вы проснулись в мире «Игры престолов». Жуть!

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА (РЕЖИССЕР): Мы сразу поняли, что тут что-то не так. Было очень забавно.

КИТ ХАРИНГТОН: Еще я лежал на этом столе абсолютно голый. Очень стремные ощущения. Такой влажный сон подростка: ты лежишь без одежды, а Кэрис ван Хаутен тебя моет.

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: Его воскрешение заняло кучу времени. Вечность! Это была очень важная сцена, ее снимали с множества разных ракурсов. Я мыла этот «Лиловый Клитор» раз пятьдесят. Многие очень бы хотели оказаться на моем месте, включая моих маму и сестру. Я часто шутила: «Эх, жалко, мама не видит», и Кит прямо наслаждался.

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА: Мне было очень важно, чтобы до последней секунды было непонятно – воскреснет Джон или нет. Чтобы на протяжении всей сцены, всего этого длинного обряда сохранялось напряжение: сработает ли? Многие не верят в силу Мелисандры, она и сама в себе сомневается. Может, этот обряд станет лишь доказательством, что ее магия не всесильна?

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: В это время у меня были личные проблемы, я испытывала огромный стресс. Мне было трудно запомнить реплики на валирийском, и я иногда просто придумывала что-то из головы.

Наконец Мелисандра признает свое поражение и вместе с сиром Давосом покидает комнату. И вдруг, с резким вздохом, потрясенный Джон возвращается к жизни.

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА: Мы хотели показать что-то между появлением младенца на свет и утопающим, выплывшим на поверхность и жадно хватающим воздух.

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: Я вернула Джона Сноу к жизни, и отношение фанатов резко сменилось с «Умри, тварь» на «Выходи за меня». Когда ты из злодейки в одно мгновение превращаешься в любимицу всей Америки – это совсем другие ощущения.

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА: Смотреть на YouTube за реакцией людей на воскрешение Джона было одной из самых приятных вещей в моей жизни. Люди вскакивали со стульев, кричали, прыгали до потолка.

Джон Сноу казнит своих несостоявшихся убийц и уходит из Ночного Дозора. Наконец-то он свободен и может идти, куда хочет.

КИТ ХАРИНГТОН: В Дозоре ему больше нечего делать. Он уже ходил за Стену, видел, что там, вернулся и понял, что нужно жить своей жизнью. «Здесь меня предали, и того, за что я сражался, больше нет». Кроме того, ему пришлось убить ребенка, и это стало последней каплей – он повесил Олли, совсем мальчишку, и пребывание в Дозоре потеряло для него всякий смысл. А главное, он понимает, что если останется на Стене, то ничем не сможет помочь Вестеросу. «Если я тут останусь, мне конец, причем очень скоро». И вдруг судьба подбрасывает ему новую миссию.

Глава 23
Стая живет

Если в пятом сезоне героям «Престолов» досталось особенно сильно, следующий стал их величайшим триумфом. Череда побед и удач ждала и Старков, и Таргариенов, и Ланнистеров. Джон Сноу и Санса разбили Рамси Болтона. Арья вырвалась из гнетущей атмосферы Черно-Белого Дома. Бран стал Трехглазым Вороном. Дейенерис покинула Миэрин и отправилась в Вестерос, а Серсея уничтожила Святое Воинство. К оставшимся двум запланированным сезонам все главные герои обрели личную или политическую власть.

В Браавосе Арья учится загадочному мастерству убийцы ордена Безликих, чтобы отомстить за смерть родных и любимых, и постоянно меряется силой воли с женщиной-призраком (Фэй Марсей). Девочка бунтует против требования ордена порвать со своим прошлым и стать по-настоящему никем. «Я не думаю, что она на самом деле верила, что сможет отказаться от своей жизни, – говорит Уильямс. – Но она честно старалась».

Частью обучения была временная слепота, и это стало настоящим испытанием для Уильямс. Хотя эффекта помутневших глаз можно было добиться с помощью компьютерной графики, актриса добровольно согласилась на менее затратные специальные линзы – точно так же, как в начале сериала, будучи правшой, пошла на то, чтобы оставить Арью левшой, как в книгах.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС (АРЬЯ СТАРК): Я вызвалась носить линзы, а когда вставила их, поняла, насколько это больно. Ужасно не хотелось об этом говорить, потому что меня бесит, когда люди жалуются. Я помню разговоры, как Дженнифер Лоуренс приходилось гримировать все тело плотной синей краской в фильме «Люди Икс». Тогда я думала: «Подумаешь, что тут такого». Теперь я думаю: «Черт, зря я так считала, потому что даже эти маленькие линзы жутко давят, от них дико болят глаза». Я не ожидала, что дискомфорт начнется практически сразу.

Во время съемок обучения Арьи у Марсей и Уильямс было несколько поединков, что приводило к соперничеству и за кадром.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Мы подзадоривали друг друга. Я очень гордилась собой, мне уже приходилось фехтовать. Но ее героиня

должна была быть сильнее. Каждый раз, когда она одерживала победу, а я делала ошибки, я думала про себя: «Так, не сдаваться, пусть я проиграю, но Арья все равно должна себя показать». А когда я начинала одолевать, она говорила: «Нормально, но я должна быть сильнее». Это была очень здоровая мотивация.

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА (РЕЖИССЕР): Они обе молодые, ловкие и в отличной форме. Мэйси делала все просто потрясающе, учитывая, что ей приходилось драться практически вслепую. Она была неутомима и старалась добиться максимальной достоверности.

Нарастающий конфликт между Арьей и женщиной-призраком достиг своего апогея, когда девочка отказалась совершить убийство. Это привело к захватывающей погоне по улицам Браавоса, в конце которой она получает несколько ударов кинжалом.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Нужно было заставить зрителей поверить, что с Арьей, возможно, покончено. Она давно не показывала своих чувств, поэтому в этой сцене мы хотели сильных эмоций. Героиня впервые действительно оказывается на пороге смерти, и ей страшно. Сама она убивает направо-налево, но когда, наконец, это случается с ней, она боится до ужаса. Ей еще столько всего нужно сделать. Кроме того, она в ярости – имея столько врагов, умереть от руки женщины-призрака? Серьезно?

В процессе подготовки к сцене погони возник вопрос относительно способностей Арьи. Насколько она на самом деле хороша как профессиональный убийца? Список людей, которым она поклялась отомстить, все растет (причем своими руками она убьет только троих: Меррина Транта, Полливера и Уолдера Фрея). Но Уильямс хотела, чтобы Арья осталась обычным человеком.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Я хотела показать, что ей трудно, поэтому часто думала: «Нет, этого я делать не хочу». В последних сезонах я начала больше контролировать процесс, потому что к этому времени знала Арью лучше, чем большинство режиссеров. Я говорила: «С чего ей бежать туда? Арья бы просто нырнула и вынырнула. Конечно, это смотрится не так эффектно – ну, значит, для кинематографичности придется найти еще что-то». Мне было жутко неудобно, потому что задача постановщиков трюков – сделать сцену максимально крутой и напряженной. Но свою работу я тоже хотела сделать хорошо.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): В процессе написания сценария и съемок сцен с Арьей всегда возникала проблема: насколько она ниндзя-убийца и насколько человек? Сначала мы хотели сделать так, чтобы она понемногу утрачивала свою идентичность, но Мэйси упорно настаивала на сохранении ее личности и человеческих качеств. Ей очень понравился последний сезон, в котором Арья наконец смогла уравновесить эти две свои стороны.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Мы сделали кучу дублей сцены, где я выныриваю из воды после удара кинжалом. Я тогда съездила на музыкальный фестиваль и вообще не спала в выходные. Ныряла в Ирландское море чуть ли не миллион раз. Совершенно безумный день. Арья настоящий боец, но в этой сцене мы хотели показать и панику, поэтому экспериментировали с тем, насколько напуганной она должна выглядеть.

Арья перехитрила женщину-призрака, заманив ее в темную комнату, где недавно приобретенная слепота давала девочке необходимое преимущество. Это убийство стало для нее выпускным экзаменом.

МАРК МАЙЛОД (РЕЖИССЕР): Некоторые фанаты сильно ругали меня за сцену погони. Мне не удалось создать нужную атмосферу. В итоге сцена вышла неплохой, но не потрясающей. Однако мне очень понравился сюжетный ход с использованием слепоты как оружия против женщины-призрака. Это нам, думаю, удалось хорошо.

Тем временем в Вестеросе Ходор сезон за сезоном таскает брата Арьи, Брана, по всему континенту, что очень нелегко давалось Кристиану Нэйрну с его травмированной спиной.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ (БРАН СТАРК): С годами способы транспортировки Брана менялись. Сначала это была корзина на спине, потом сани, потом тачка. Вроде бы и грех жаловаться, что тебя возят туда-сюда, сразу выглядишь капризным мальчишкой, но езда в тачке – это просто жуть.

КРИСТИАН НЭЙРН (ХОДОР): Что бы мне ни приходилось таскать, легче не становилось. Все думают, что возить сани легко, но это были настоящие тяжелые сани, и возил я их не по снегу и льду, а по траве и голой земле. Лучше всего было носить его на спине, и мы бы так и делали до самого конца, но Айзек очень вырос, и таскать его в корзине было просто нелепо – у него ноги практически по земле волочились.

Потом Бран радикально преобразился и стал Трехглазым Вороном – магом, способным видеть все события прошлого и грядущего (ну, не все, но типа того). Но в «Игре престолов» обрести силу без трагических последствий невозможно. Перевоплощение Брана сопровождается одной из самых грустных смертей в сериале – гибелью Ходора, прикрывавшего бегство мальчика от Короля Ночи и его войска мертвецов.

КРИСТИАН НЭЙРН: С «Престолами» никогда не знаешь, чего ожидать, так что я еще довольно долго продержался. Нед Старк, к примеру, только до девятой серии дожил! Лучшего прощального поклона не придумаешь.

Укрывшись в пещере, Бран использует свой дар ясновидения и отправляется в прошлое, где видит Ходора мальчиком, которого в то время звали Уиллис. Между тем в настоящем на них нападают мертвецы, и Бран велит Уиллису/Ходору «затворить ход», чтобы они с Мирой Рид (Элли Кендрик) смогли убежать. В видении Брана с Уиллисом случается что-то вроде эпилептического припадка, во время которого он снова и снова повторяет: «Ход затвори!» (англ. «Hold the door!»). Постепенно это слилось в слово «Ходор», и с тех пор Уиллиса стали звать Ходором. Он годами преданно заботился о Бране, защищал его и спасал ему жизнь несчетное количество раз, а между тем именно мальчик невольно сделал его дурачком.

Мартин придумал историю Ходора, когда писал первую книгу саги, и это была одна из идей, которой он поделился с продюсерами на памятной встрече в Санта-Фе во время съемок третьего сезона.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Вторгаться в чей-то разум мерзко. Бран может быть причиной того, что Ходор стал дурачком, потому что он вошел в его сознание с такой силой, что это отдалось в прошлом. Феномен силы Брана лежит в той же плоскости, что и вопросы пространственно-временного континуума и причинно-следственной связи, – возможно ли повлиять на прошлое? Является ли время рекой, которая течет только в одном направлении, или океаном, который меняется, где бы ты в него ни нырнул? Я хочу раскрыть эти вопросы в книге, но в сериале это сделать сложнее.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ: Мы увидели, как Ходор стал таким, и это очень грустно. Несчастная ранимая душа, а ведь он мог

прожить счастливую жизнь. Из-за самоуверенности Брана, из-за того, что он не прервал свой транс и вообще зачем-то отправился посмотреть на Белых Ходоков, вся жизнь Ходора пошла под откос. А потом он еще и жертвует собой – как будто ему и без того мало досталось! Просто ужасно. Без Ходора Бран бы ничего не добился. В этом весь смысл «Игры престолов»: хорошие ребята, которые достойны лучшего, далеко не всегда получают то, чего заслуживают.

КРИСТИАН НЭЙРН: Больше всего мне нравится объяснение, почему Ходор – это Ходор. Почему он все время повторяет «ходор». Это ужасно грустно. Только наконец что-то узнаешь о нем, как его уже убили!

Мартин говорит, что в будущей книге эта сцена будет немного другой.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: По-моему, в сериале сцена вышла очень хорошо, но в книге все будет несколько иначе. В шоу все очень буквально: Ходор «затворяет ход» собой. В книге он крадет из склепа старый меч. Бран практиковался, вселяясь в Ходора, ведь самого мальчика учили владеть мечом. Поэтому под словами «ход затвори» Бран имеет в виду «держи оборону» – не давай врагу пройти. Ходор так и делает – сражается и убивает врагов. То есть идея та же, просто происходит все по-другому.

Создатели «Престолов» решили, что Ходор закроет дверь своим телом и будет держать, пока мертвецы пронзают его костями, – таким образом концепция «затворения хода» стала более наглядной.

ДЭЙВ ХИЛЛ (СОПРОДЮСЕР): В нашем случае было лучше показать, как он удерживает ход собой, – битв у нас и так много.

КРИСТИАН НЭЙРН: У меня слезы наворачивались, когда я смотрел эту сцену. Я вижу на экране не себя, а Ходора. Я всегда говорю о нем в третьем лице. Я очень расстроился из-за его смерти.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ: Бран в этой сцене все время в режиме варга. Пару раз я даже заснул в процессе съемок, лежа в удобных саночках.

КРИСТИАН НЭЙРН: Были разговоры о том, что Ходор вернется как Белый Ходок. Это было бы здорово, но мне очень нравится его история, как она есть. Хорошо, что осталась какая-то загадка. Мы так и не узнали, что стало с Ходором.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР):

Когда говоришь кому-нибудь «Ходор», люди сразу думают про сериал или книгу. Он ненавязчиво присутствовал в жизни Брана, полюбился всем зрителям и чертовски много ходорил.

КРИСТИАН НЭЙРН: Мне очень понравился «ходор» в сцене, где мы с Мирой говорим о колбасках. Он явно обожает колбаски и бекон. У него загораются глаза, и он начинает ходорить про еду. Еще один классный «ходор» был в третьем сезоне, в сцене с Ошей. Она жалуется, что нужно разбивать лагерь, и он начинает ходорить с интонацией типа «Мне ты об этом зачем рассказываешь?». Прикольно получилось. Поверить не могу, что смог вспомнить два «ходора» из всех, что наговорил за все это время.

Еще одним персонажем, который, как и Бран, проводил много времени за кадром, был Пес. Младший из братьев Клиган, изнуренный своими мытарствами, все-таки выжил после боя с Бриенной и присоединился к мирной религиозной общине, возглавляемой братом Рэем (Иэн МакШейн), который делится с Псом мудростями в духе «Насилие – это болезнь. А болезнь не излечишь, заражая ею других».

Это небольшая отдельная история, вплетенная в общий сюжет «Престолов» – «фильм в фильме в стиле “Свидетеля”[28]», как говорил Майлод. Сюжет с религиозной общиной – пример историй, которые зрители могли бы регулярно видеть в сериале, если бы восьмой сезон не стал последним.

БРАЙАН КОГМАН: За все время съемок «Игры престолов» больше всего мне понравилась неделя, когда мы снимали в Карнкасле[29] эту чудесную историю в трех действиях. Все эпизоды, над которыми мы работали до этого, были по большей части объединены одним сюжетом, и это были сцены сражений. А тут у нас появилась эзотерическая секта, возглавляемая человеком с тяжелым и жестоким прошлым. Он нашел свою паству – людей, которые пытаются начать жизнь заново. Брат Рэй руководствуется замечательной философией (было бы здорово, если бы и другие персонажи взяли ее на вооружение): «Не знаю, существует ли мой бог на самом деле, но нам нужно верить в нечто большее, чем мы сами». Рэй видит в Сандоре кандидата в члены общины, младший Клиган немного напоминает ему самого себя. Пес благодарен за помощь и начинает открывать свое сердце первому и единственному в своей жизни другу.

Сцены в религиозной общине очень легкие, наполненные добротой, человечностью и юмором, чего не встретишь в других эпизодах сериала. Их специально снимали так, чтобы до самого

конца – когда на них нападают разбойники и всех убивают – казалось, что дело происходит не в нашем шоу. Так что эта история несколько выделяется на общем фоне. Некоторым людям не понравился этот эпизод, потому что он не похож на «Престолы», а мне он как раз потому и нравится.

Фанатам было любопытно, почему у лидера общины такое «невестеросское» имя. На самом деле «брат Рэй» был маленьким приветом Рэю Уинстону – актеру, которого продюсеры первым наметили на эту роль.

БРАЙАН КОГМАН: Рэй – это такой собирательный образ нескольких персонажей «Престолов». Мы думали, что будет интересно сделать его качком вроде Пса, и посматривали в сторону Рэя Уинстона. Я уверен, что кто-то из нас даже начал уговаривать его. Кандидатуру Иэна МакШейна предложил я, чем буду гордиться до конца своих дней.

МАРК МАЙЛОД: Иэн МакШейн – настоящая стихия. Он вошел в анналы «Престолов» как человек, который больше всего сделал для улучшения качества питания на площадке. Однажды Иэну принесли обед, и ему не понравился бургер. Он с руганью пнул бургер ногой, тот полетел по площадке и врезался в Рори МакКанна, который с аппетитом поглощал свой бургер и ни на что не жаловался. Через несколько дней нам сменили поставщика, и новый был просто отличным. Так что спасибо тебе, Иэн.

Еще больше МакШейн прославился своим ответом на жалобы фанатов. Обвиненный в том, что проспойлерил в интервью возвращение Пса, он назвал «Престолы» сериалом про «сиськи и драконов».

МАРК МАЙЛОД: Меня это удивило. Думаю, он просто оборонялся, потому что его обвинили в распространении спойлеров. А для Иэна лучшая оборона – это нападение. Я на него не в обиде.

Между тем в Королевской Гавани Серсея возвращает себе контроль над городом самым впечатляющем образом. В финале шестого сезона она не просто перебила своих врагов из Святого Воинства – она сровняла с землей их церковь вместе с плененными Маргери и Лорасом Тиреллами.

ФИНН ДЖОНС (ЛОРАС ТИРЕЛЛ): Я получил сценарий на первые девять серий, прочитал его за одну ночь и подумал: «Круто-круто, мне осталось продержаться только десятую серию».

Я был настроен очень оптимистично – в конце концов, осталась всего одна серия. Накануне читки сценария десятой серии еще не было. Я не понимал, в чем дело. «Почему мне еще не прислали десятую серию? Странно. Уже пять часов вечера, завтра читка, почему у меня нет сценария?» И только я об этом подумал, как мне звонят Дэн и Дэвид. Я беру трубку, по-прежнему весь такой воодушевленный – думаю, может просто решили узнать, как идут дела. А на другом конце… (мертвая тишина). И я такой: «Боже, нет! Я почти дошел до седьмого сезона!»

НАТАЛИ ДОРМЕР (МАРГЕРИ ТИРЕЛЛ): Я опередила продюсеров. Дело в том, что я, в лучшем стиле Натали Дормер, как обычно, попыталась впихнуть миллион проектов в один год и попросила Дэвида и Дэна отпустить меня пораньше, чтобы я могла заняться чем-то другим. И они такие: «Мы не собирались тебе об этом говорить еще несколько месяцев, но, видишь ли, сейчас мы не можем тебя отпустить, и ты не сможешь участвовать в проекте, где тебе хочется сниматься, нам очень жаль. Но есть и хорошие новости: в недалеком будущем мы тебя отпустим уже насовсем».

ДЭН УАЙСС: Все бы хорошо, но мы забыли сказать Джонатану Прайсу, что его герой тоже умрет. И вот, значит, идет читка и Брайан произносит сценические ремарки: «Его Воробейшество охватывают языки зеленого пламени…», и Джонатан как заорет: «Не-е-е-е-ет!» Это было для него неожиданностью, и он бурно отреагировал на новость о смерти своего персонажа в присутствии шестидесяти человек.

Поэтическое начало заключительной серии шестого сезона показывает нам, как ключевые фигуры Королевской Гавани готовятся к долгожданному судилищу над Серсеей, которое должно состояться в септе, или, в случае самой королевы, к тому, чтобы не ходить на судилище, а вместо этого отправиться на войну. В потрясающем саундтреке Рамина Джавади впервые за все сезоны сериала звучало фортепиано – намек на то, что скоро произойдет что-то из ряда вон выходящее.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Идея начать этот эпизод с подготовки главных героев к суду над Серсеей принадлежала Мигелю Сапочнику. Он хотел подробно показать, как люди облачаются в доспехи или надевают браслеты. Временный саундтрек, составленный Мигелем, очень близок к тому, что было написано в итоге. Дэн и Дэвид сказали Рамину: «Нам нужно что-то похожее на этот временный саундтрек».

В септе Лорас подвергается очередному унижению: Его Воробейшество приказывает вырезать у него на лбу семиконечную звезду – символ официальной религии Вестероса.

ФИНН ДЖОНС: Лоран одичал и отчаялся. Его месяц или два держали в темнице без туалета, ему приходилось срать, мочиться, пить и есть в крошечной камере, куда не проникает свет, его разлучили со всей семьей, и он не знает, что происходит. Он напуган и сомневается в себе. Единственная, кто ему знаком, – его сестра, которой он доверяет и которая всегда была рядом с ним. Он умоляет ее о помощи. В нем ничего не осталось от прежнего сира Лораса, блистательного Рыцаря Цветов, которому завидуют все юноши и за которого мечтает выйти каждая девушка.

Маргери настаивает, что здесь что-то неладно. Если Серсея не явилась на собственный суд, значит, у нее есть на то веская причина.

НАТАЛИ ДОРМЕР: Все накрылось медным тазом, потому что Маргери больше ничего не решала в войне против Серсеи. Ей пришлось передать бразды правления Его Воробейшеству, и Серсея переиграла его. Маргери – жертва его некомпетентности: он недооценил Серсею. Она бы никогда не совершила подобной ошибки.

Маргери стала одним из самых трагических персонажей сериала. У нее было все, чтобы выиграть игру престолов: могущественная семья, возглавляемая хитроумной леди Оленной, масса возможностей стать королевой, острый ум, способность правильно оценивать людей, просчитывать ситуацию и действовать соответственно обстоятельствам. Кроме того, она добра (не в ущерб себе, правда). Однако у нее есть один важный недостаток, с которым ничего поделать нельзя: потрясающая невезучесть.

НАТАЛИ ДОРМЕР: Перед самым концом Маргери дали показать, чего она стоит, – для нее это идеальный уход со сцены. Она доказала, что была права, как всегда. Я очень благодарна за эти последние реплики. Героиня сообразила, что происходит, как обычно, поняв все раньше других. У меня были прекрасные последние кадры, когда я говорю: «Ну блин, ребята, включите мозги», и потом ба-бах!

БРАЙАН КОГМАН: У Натали была еще одна реплика, которую

потом вырезали. Маргери говорит Его Воробейшеству: «Она тебя облапошила, старый болван». Первоначально именно эти слова должны были прозвучать перед взрывом. Думаю, их решили вырезать, потому что и без того все понятно. У Натали отлично получается передать смысл, не произнося лишних слов.

Лансель Ланнистер в катакомбах под септой отчаянно пытается предотвратить катастрофу. Его ноги отказывают, и он ползет, стараясь добраться до тайника Серсеи с диким огнем, пока тот не воспламенился.

ЮДЖИН МАЙКЛ САЙМОН (ЛАНСЕЛЬ ЛАННИСТЕР): Этот коридор точно такой же длинный, каким выглядит, – метров тридцать, без спецэффектов. И летучие мыши там живут, так что весь пол в помете. И я, значит, ползаю с наказом не шевелить ничем ниже пояса (Ланселю позвоночник повредили). Под конец я так изнемог, что буквально пена изо рта шла, а к дерьму на полу прибавились кровь, пот и пара слезинок.

«Дикий огонь» заменили горящим бензином. Когда все вспыхнуло, мне опалило брови и запахло моим жженым волосом. Мигель Сапочник мне говорил: «При вспышке ты как бы ахни, чуть-чуть, по-детски, типа “о нет”. Лансель к этому времени почти сломлен, но он определенно не хочет умирать и не желает, чтобы победила Серсея.

Мощный ход Серсеи стал последней соломинкой для ее нежного чувствительного сына Томмена. Юного короля предала собственная мать, он потерял свою жену Маргери и лишился власти. Сцена, в которой он бродит по своим покоям, разбитый и потрясенный, получилась довольно жуткой. Король на мгновение вышел из кадра, но камера по-прежнему смотрела на окно в ожидании его возвращения. И он вернулся: без колебаний ступил на подоконник и бросился вниз.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Это было прописано в сценарии. Зритель не знает, почему камера остается наведенной на окно, когда Томмена уже нет в кадре. За окном сложили кучу картонных коробок. Дин, будучи неугомонным подростком, раз за разом падал в них лицом вниз. Тяжелее всего было преодолеть естественное желание закрыть лицо руками.

Серсея отомстила и своей мучительнице септе Юнелле, но того, что зрители увидели на экране, в первоначальном сценарии не было.

ЛИНА ХИДИ (СЕРСЕЯ ЛАННИСТЕР): Это совершенно мерзкая сцена. Не думаю, что кто-то может в этот момент радоваться, типа «Ага, получила!». Отвратительный момент. По сценарию она должна была быть еще хуже, но продюсеры не решились такое снимать. Так что это еще мягкая версия.

По словам Ханны Уэддингхэм, ей сказали, что Юнеллу «изнасилует Гора». Но никто не предупредил ее, что все изменилось, и она была не в курсе, чего ждать, пока ее не привязали к столу. И новая, «мягкая» версия сцены обернулась для нее пыткой – в самом прямом смысле.

ХАННА УЭДДИНГХЭМ (СЕПТА ЮНЕЛЛА): Вместо изнасилования продюсеры решили подвергнуть Юнеллу пытке водой. Но я об этом узнала, только когда уже лежала на пыточном столе. Когда я одевалась в трейлере, мне принесли верхнюю часть неопренового костюма, чтобы надеть под одежду. Ну, я и надела. Думала: «Не знаю, что это, ну и черт с ним».

И вот меня привязали к столу, и тут подходят Дэвид Бениофф и Дэн Уайсс и говорят: «Значит, смотри. В сценарии написано: “Серсея выплескивает остатки вина из своего стакана в лицо Юнелле, чтобы та очнулась”. Но фанаты ждут настоящей жестокости, так что это будет не стакан, а целый графин».

Весь день меня буквально пытали водой. Если не считать родов, это был худший день в моей жизни, я не преувеличиваю. Мое лицо поливали вином семь или восемь часов, пока меня снимали со всех возможных ракурсов. Как будто ты тонешь, но твое тело остается сухим. Кто-то из съемочной группы подошел и спрашивает: «Ханна, ты в порядке? А то мы тебя реально топим». И я такая: «А то я не заметила!»

Бог свидетель, я обожаю Дэна и Дэвида, и я очень благодарна за роль, но это было ужасно. У меня реально случился приступ клаустрофобии. Я была вся в синяках и так охрипла от крика, что неделю не могла говорить.

Лина повторяла: «Прости, пожалуйста», а я лежала и думала: «Да уж… знатно меня отпрестолили».

Глава 24
Великолепные бастарды

Кит Харингтон снимает рубашку.

Весь день на актера сыпались удары: снимали сцену битвы Джона Сноу с войском Рамси Болтона. Кит совершенно разбит и весь в грязи. Наконец-то он смог стащить с себя испачканный костюм. Лиам Каннингэм, глядя на рельефные мышцы актера, съязвил: «Это он специально, чтобы нас побесить». Под костюмом грязи на Харингтоне тоже оставалось предостаточно. Вечером он выложил фото ванны, из которой только что вылез: вода была абсолютно черной.

Софи Тернер тоже пришлось помучиться ради «Престолов» и походить грязной. Санса Старк была столь долго лишена привычного комфорта, что в процессе съемок пятого сезона актрисе иногда неделями не разрешали мыть голову. «Когда принимаешь душ впервые после недели съемок в (искусственном) снегу, грязи, лошадином навозе и всякой гадости, которая набивается тебе в волосы – это потрясающие ощущения», – рассказывала Тернер.

Гигиенические невзгоды были самой легкой частью съемок «Битвы Бастардов», или, как ее называли, «ББ». Столкновение двух знатных домов севера, армии которых возглавляют Джон Сноу и Рамси Болтон, на тот момент должно было стать самым масштабным сражением в «Престолах». Эта серия понравилась и критикам, и зрителям и получила шесть премий «Эмми» – беспрецедентный результат. Энтони Коди из The Independent писал: «Возможно, это лучшая серия в истории телевидения. Я был просто потрясен». «ББ» также стала первым настоящим полевым сражением сериала – до этого создатели избегали таких битв по причине их логистической сложности и затратности.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК (РЕЖИССЕР): После «Сурового Дома» в офисах «Игры престолов» царил большой энтузиазм. Но все же было и ощущение, что «ББ» должна быть еще масштабнее. Я чувствовал, что от меня многого ждут, и спасался тем, что повторял как мантру: «Давайте просто снимем как можно лучше».

Для начала режиссер пересмотрел множество батальных сцен из военных фильмов.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Я пересмотрел все киносражения,

которые смог найти, – и документальные тоже – в поисках примеров: что хорошо, что не очень, что отвлекает от происходящего, что не позволяет оторвать глаз от экрана. Отличным примером был фильм Акиры Куросавы «Ран».

Я подметил любопытный момент: с годами постановка сражений радикально изменилась. Раньше были все эти масштабные съемки кавалерийских атак с воздуха, плюс еще два момента: во-первых, все снимали живьем, никакой компьютерной графики, а во-вторых, когда лошади падали, часто было очевидно, что они действительно травмированы. Сейчас такое отношение к животным не прокатит – да и не хочется никому так снимать.

Кроме того, чем больше я смотрел, тем больше понимал, что съемки атак с воздуха – а раньше делали только так – несколько снижают напряжение. То есть ты как бы просто наблюдаешь за масштабом происходящего, но при этом не ощущаешь опасности, неизбежности столкновения с сотнями скачущих лошадей. Мне было интересно, что чувствует человек, находящийся в гуще этого месива. Всепоглощающий страх? Абсолютную ясность? Какие мысли проносятся в твоей голове в момент боя?

Тем не менее настало время, когда приходится заканчивать с исследованиями и думать, как рассказать хорошую историю.

Самый ценный ресурс для режиссера сериала – не деньги как таковые, а количество съемочного времени, которое эти средства обеспечивают. Сколько дней нужно снимать, чтобы показать битву со всех нужных ракурсов? Сапочник прочитал сценарий «ББ» и запросил двадцать восемь дней на съемку битвы. Продюсеры предложили двенадцать. После длительных переговоров и поиска способов сделать каждый дубль максимально эффективным сошлись на двадцати пяти днях.

Двадцать пять дней – столько на одну сцену в сериалах, возможно, никогда раньше не выделяли. И тем не менее этого, как обычно, оказалось недостаточно. Съемочная группа составляет план, но с появлением животных, дождей и непредвиденных сложностей эти планы летят к чертям. Во время съемок Сапочник каждое утро поднимался на вершину холма и, подобно генералу, обозревал поле битвы, «пытаясь понять, останется ли сегодняшнее расписание в силе».

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: А потом портилась погода, и с ней менялось все. Все наши продуманные планы разваливались на ходу, приходилось импровизировать. То, что все приходилось ежедневно тщательно планировать и при этом быть готовыми в

любой момент отказаться от первоначального замысла, было только верхушкой айсберга. Мы боролись с временем, природой, усталостью и собой.

Проблемы начались с грунта на площадке (съемки велись в месте под названием Сейнтфилд).

КРИСТО ФЕРНЬЮМАН (ПРОДЮСЕР): Кажется, все просто – выходишь на поле битвы и сражаешься. Но все осложняется, если почва мягкая и неровная. Нам нужно было подготовить поле, чтобы на нем было удобно и людям, и животным, а на это уходит много времени и денег. Если выпустить всадников на что-то мягче асфальта, они увязают. А потом пошел дождь, который лил три первых дня: грунт превратился в скользкую жижу и так и не вернулся в прежнее состояние.

Кроме того, поле было чашеобразным, из-за чего превращалось в грязевое болото. Во время съемок пришлось распределить 160 тонн гравия вручную, используя тачки и лопаты (экскаваторами было бы быстрее, но они оставляют следы, которые заметны в кадре). Если сходишь с посыпанной гравием дорожки, сразу увязаешь в грязи. Захочешь вытянуть оттуда ногу – оставишь в жиже свой ботинок.

Поскольку для того, чтобы попасть на площадку или уйти с нее, нужно было подниматься и спускаться по скользкому склону холма, Сапочник позволял себе только один перерыв в день, чтобы сходить в туалет (возможно, это самый впечатляющий пример выносливости стойкого режиссера).

Кроме того, поле битвы нужно было декорировать фальшивыми телами людей и лошадей.

ДЕБОРА РАЙЛИ (ХУДОЖНИК – ПОСТАНОВЩИК): Была проделана огромная работа. Искусственные тела можно купить, но ведь к ним еще костюмы надо делать. А на бутафорских лошадях должна быть соответствующая сбруя. В итоге получается около 4000 долларов на каждого мертвого коня. Ну и конечно, дождь – все эти тела пропитываются водой, а их ведь надо двигать по полю туда-сюда. Это было очень тяжело физически.

Потом, конечно, были сложности с лошадьми…

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: С животными все занимает вполовину больше времени. Коням надоедают съемки, они пугаются, некоторые работают лучше, некоторые – хуже. Плюс им нужно

отдельное место для отдыха. Забыл добавить: они ведь постоянно испражняются.

На самом деле, одной из самых сложных сцен были переговоры Джона и Рамси перед сражением. Заставить кучу лошадей стоять смирно и ничего не делать гораздо сложнее, чем скакать на них. Они все время писали и пукали, часто как раз в тот момент, когда Кит произносил свои реплики.

ЛИАМ КАННИНГЭМ (ДАВОС СИВОРТ): Я чуть не погиб во время Битвы Бастардов. Я, в принципе, нормально держусь в седле. И вот сижу я на коне, а у них был жутко дорогой операторский кран, с этой штукой, которую называют «русская рука». Он налетел на меня так – вш-ш-ш-ш! – а конь неожиданно захотел поиграть со своими приятелями и скакнул на метр влево, где как раз камера была. Мне чуть голову не снесло, вовремя пригнулся. Все перепугались, побежали ко мне. Тут винить некого. У лошадей это в характере.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: После каждого дубля у нас уходило двадцать пять минут на то, чтобы разровнять и досыпать искусственный снег и убрать отпечатки копыт. Сколько раз в день можно снимать конную атаку, если на то, чтобы привести поле в порядок, нужно в десять раз больше времени, чем на сам дубль? И еще: как сделать так, чтобы пятьсот человек массовки выглядели, как восемь тысяч, если ты снимаешь в поле, где нехватку людей никак не спрячешь? Съемки превратились в какое-то безумное уравнение.

Эти перерывы позволяли отдохнуть и членам съемочной группы. Во время передышек некоторые актеры играли в палатке-гримерке в классическую настольную игру «Риск» (с очень подходящим случаю описанием «Игра в завоевание мира»), Тернер пела популярные песни, необщительный Эйдан Гиллен находил тихое местечко и устраивался читать роман Дэвида Фостера Уоллеса, а продюсеры просматривали отснятый материал на мониторах в видеопалатке у холма, в компании пауков, которые приползали со склона и падали им на головы.

Сценаристы основывали первоначальную стратегию Джона Сноу и Давоса Сиворта на легендарном сражении карфагенского военачальника Ганнибала с римлянами. Полководец позволил превосходившему по численности войску римлян оттеснить себя, принял первый удар, а затем отправил часть воинов с флангов в тыл противника, таким образом взяв вражескую армию в тиски.

Однако после переговоров Рамси смешал Джону все карты: вместо того чтобы идти в атаку, он отправил вперед лишь одну пешку – плененного им Рикона Старка (Арт Паркинсон). Рамси

приказал младшему из братьев Старк бежать к Джону, а затем начал стрелять в него из лука, пытаясь спровоцировать Сноу и заставить его напасть первым, поставив крест на первоначальной стратегии. Разумеется, Джон поступил именно так, как хотел Рамси.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Для Дэна и Дэвида было очень важно показать, как Рамси заманивает Джона в ловушку таким же способом, как Давос планировал разбить войско Болтонов.

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): У него особо и выбора нет. Этот парень только что убил его младшего брата. Он знает, что делает, когда бросается в атаку, но ему все равно. Джон не боится смерти. Между правильным поступком и безопасностью он всегда, в 100 % случаев, выберет первое, за что мы его и любим. Им овладела ярость. Старки всегда дерутся яйцами, а не головой.

ИВАН РЕОН (РАМСИ БОЛТОН): Джон Сноу – полная противоположность Рамси. Они почти как инь и ян. Оба выросли в похожих условиях и при этом так разительно отличаются. Хоть они и враги, их объединяет то, каких почти небывалых для бастардов высот они достигли. И вот они сошлись в битве. Они совершенно разные, и при этом их судьбы потрясающе схожи.

Невзирая на героические усилия Джона Сноу, Рамси убивает Рикона. Младший из братьев Старк, которого продюсеры сначала вообще не хотели включать в сценарий, за все время сериала произнес всего несколько слов.

Атака Джона поставила его под удар, и шахматный король дома Старков неожиданно оказывается один перед тысячью всадников Рамси. Давос отправляет людей Джона поддержать командира. Вскоре Сноу попадает в центр хаоса, и камера следует за ним в течение минуты, крупным планом снимая, как он орудует мечом, уворачивается от ударов и продирается через мясорубку битвы.

КИТ ХАРИНГТОН: Я довольно быстро вхожу в режим ритмичного боя. Это был важный момент, потому что на открытом поле все по-другому, так всегда бывает. Это как танец – если танцуешь с душой, то будет видна разница между грандиозным кадром и «ну, нормально». Я всегда хочу, чтобы все было как надо и хорошо продавалось. Не хочу, чтобы потом монтажеру пришлось обрезать неудачный взмах мечом или блокирование удара. Я люблю непрерывное движение. Тяжелее всего было остановиться, когда Мигель сказал, что нужно двигаться дальше. Это самое трудное, когда тебе говорят:

«Ничего, сойдет». Я хотел сделать как можно больше дублей.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): В последнее время стало трендом разбивать сцены драк на куски по четверти секунды, чтобы движения бойцов казались нечеловечески быстрыми. Конечно, можно использовать такие трюки, но люди отлично замечают подобную фальшь на экране. Было что-то завораживающее в этом шестидесятисекундном кадре, где Кит работает без дублера и все делает просто отлично.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): В средневековой армии его бы, наверно, высоко оценили.

КИТ ХАРИНГТОН: Этот эпизод требовал длительной подготовки. Там три смены плана, но это один непрерывный кадр. Мы его распланировали и репетировали недели две. Это был самый длинный «однокадр», что нам доводилось снимать. Потом добавляются лошади, и все должно быть сделано с ювелирной точностью.

Но теперь, когда я буду смотреть эту сцену, я всегда буду видеть недочеты. Какие-то мелочи, удары мечом, которые я мог бы сделать лучше. Это всегда будет меня раздражать. Сама сцена мне очень понравилась, и для стороннего наблюдателя, думаю, она выглядит хорошо, но для меня это всегда будет сцена, где я недоработал. Думаю, и с другими моментами так же будет.

Отряд Джона оказывается в ловушке между растущей горой тел и армией Болтона, которая, подобно римлянам, выстраивает стену из щитов и копий. Брайан Когман окрестил это «престольной версией» мусорного пресса из «Звездных войн».

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Болтонская стена из щитов была удобным способом сымитировать маневр «клещи» (охват противника с обоих флангов) без использования лошадей, как планировалось в первоначальном сценарии. Кроме того, это позволяло избежать видов горизонта, а следовательно – использовать меньше бутафорских тел и не снимать глубокие задние планы, на которые денег не было. Еще мне очень визуально нравилась эта стена щитов, увенчанных красно-белыми крестами Болтонов. У них был такой страшный, фашистский вид.

ДЭЙВ ХИЛЛ (СОПРОДЮСЕР): Одной из причин, по которой это сражение выглядело так убедительно, был настоящий военный инструктор строевой подготовки, которого мы пригласили. Перед началом сезона он тренировал наших «солдат», формируя отдельные отряды, так что у каждого выработался уникальный стиль боя. Болтонцы, одичалые и

северяне тренировались отдельно. После завершения съемок у каждой группы даже были отдельные вечеринки.

В перерывах между съемками инструктор разносил солдат, которые допускали ошибки. «Тут кто-то впервые щит в руки взял? – орал он после дубля, в котором стена щитов выглядела недостаточно ровно. – Нет таких! Полное дерьмо! Щиты должны стоять неподвижно!»

ДЭЙВ ХИЛЛ: Постановщику трюков все время приходилось сдерживать Кристофера, который обожал драки и реально заводился. «Кристофер, стой! Придержи немного!»

КРИСТОФЕР ХИВЬЮ (ТОРМУНД ВЕЛИКАНЬЯ СМЕРТЬ): Это как хэви-метал играть, только вместо гитары – меч, и ты не поешь, а орешь. Настоящий адреналин – пятьсот человек одеваются, как дикари, бегают, машут мечами, кричат и дерутся. Для современного человека это настоящий катарсис.

Съемки битвы были управляемым хаосом, однако способность Сапочника мгновенно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям подверглась настоящему испытанию, когда выяснилось, что у него не будет достаточно времени на съемки ключевой сцены. В результате тысячи актеров и членов съемочной группы, которые привыкли следовать тщательно составленному плану, где все распланировано на месяц вперед, работали без сценария – довольно редкое явление в этом бизнесе.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Я понял, что мы не сможем доснять эту сцену, как планировалось. Постоянные дожди превратили поле в болото в девять дюймов (20 см) глубиной. Грязь была настолько густой, что замедляла все движения, и мы совсем пали духом. Мы все ребята закаленные, но когда тебе неделями хлещет в лицо дождь по тринадцать часов в день, и ты буквально жизнью рискуешь, когда ползешь на этот холм, чтобы попить воды или в туалет сходить, настроение понемногу портится.

ДЭЙВ ХИЛЛ: В сценарии была сцена, где Джон и Тормунд забираются на гору тел и стоят там, наблюдая за битвой с обзором в 360 градусов. Но чтобы это снять, надо было переодеть всю массовку и подготовить поле.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Джон должен был стоять на груде тел и обозревать поле битвы, не подозревая, что на него надвигается всадник с копьем наперевес. Сноу смотрит, как погибают его люди, и там должен быть момент, когда он думает: «Все пропало». В это время вверх по груде тел на него скачет всадник с копьем. В последнее мгновение гора трупов рушится и появляется

великан Вун Вун, который встает между Джоном и всадником, бьет лошадь кулаком, скидывает вниз и спасает героя.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Мигель сказал: «На эту сцену мне надо еще три дня». Но этого времени у нас не было.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Я написал Дэну, Дэвиду и другим продюсерам длинное письмо и предложил альтернативный вариант, с которым мы могли бы уложиться в оставшееся время – но работать придется без сценария. Я отправил сообщение и ждал ответа, причем был абсолютно уверен, что мне грозит выволочка за то, что я осмелился даже предложить подобное. Дэн и Дэвид хотят, чтобы все делали точно, как они написали, что и понятно. Если снимать то, что я предложил, то начинать надо уже на следующее утро. Я даже еще не продумал до конца, как и что мы будем делать, просто понимал, что нужен запасной план.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Мигель написал: «А что, если Джона собьют с ног? На него постоянно наступают, он задыхается, и получается такая клаустрофобная сцена? Как будто его вот-вот затопчут насмерть его же люди».

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Не прошло и пятнадцати минут, как я услышал, что мне пришло новое сообщение. Дэн и Дэвид ответили, что хотя это хреново, что не получится снять задуманное, они понимают, что мы в кризисной ситуации, и полностью доверяют мне – типа, давай делай. Такое доверие ни за какие деньги не купишь. Эта большая честь, когда продюсеры тебя поддерживают, хотя ты собираешься импровизировать при таких высоких ставках.

И снова благодаря творческому решению неожиданной проблемы появилась по-настоящему культовая сцена.

КИТ ХАРИНГТОН: В последний момент Мигель нашел гениальное решение, и в итоге все получилось лучше, чем планировалось. Конечно, когда по тебе бегает толпа северных ирландцев общим весом в тонну, приятного мало. Но результат оказался достойным.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Никаких спецэффектов, никакого сражения, просто блестящая игра Кита и сумасшедший ракурс сверху, когда он пытается выбраться на поверхность.

КИТ ХАРИНГТОН: Мне всегда очень нравился этот ракурс сверху (когда Джон выбирается наверх из массы сражающихся), потому что это перекликается со сценой в конце пятого сезона, когда люди поднимают Дейенерис на руки и зовут ее матерью. Для Джона это противоположный опыт – ему приходится пробиваться наверх, тогда как ее поднимают, что много говорит об их судьбах.

КРИСТОФЕР НЬЮМАН: Возможно, это крест самого добродетельного персонажа сериала – Джону Сноу все достается с боем.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Мне всегда казалось, что Джон чувствует, что живет как бы взаймы, что его вообще не должно здесь быть и он не заслуживал воскрешения. Накануне битвы он говорит Мелисандре: «Если я погибну, не возвращай меня». Я думаю, часть его души хочет умереть до конца сериала, и все, что происходит после его воскрешения, ведет к этому. Поэтому момент, когда сражающиеся буквально погребают его под собой, а потом он вырывается наверх, получился очень мощным.

В целом, мне кажется, тонкость игры Кита после воскрешения Джона сильно недооценивают. Было много вялой критики в духе «он такой же, каким и был», но это не так. Если присмотреться, это очень тонкая, искусная игра. Джон не такой человек, чтобы обсуждать произошедшее. Можно даже сказать, ему стыдно, что он воскрес.

КИТ ХАРИНГТОН: Там есть такой потрясающий диалог, когда Мелисандра спрашивает Джона: «Что ты видел?», а тот отвечает: «Ничего, совсем ничего». Это прямая отсылка к нашему глубочайшему страху, что после смерти ничего нет. Для меня это самые важные слова во всем сезоне. Джон кое-что понял про свою жизнь. Ее нужно прожить, потому что другой не будет. В «Битве Бастардов» у него было желание снова уснуть, но он собирает все свои силы и вырывается из лап смерти.

В последнюю минуту Джона Сноу и его сподвижников спасает своевременное появление рыцарей Долины – это произошло благодаря Сансе, которая втайне от Джона отправила Мизинцу ворона с просьбой о помощи. Но битва еще не закончена. Рамси бежит в Винтерфелл, и Джон бросается в погоню.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Иногда какая-нибудь мелочь дается гораздо труднее, чем можно себе представить. Помните сцену, где Джон бросается на Рамси во дворе замка? По сценарию Сноу поднимает с земли щит и бежит на Рамси, отбивая щитом его стрелы. И вот начинаются съемки и нужно определиться, чей это будет щит. Одичалых? Болтонов? Старков? Гloверов? Крейга Мейзина? У всех этих щитов разная форма, разные рукоятки. Нам пришлось попробовать все, чтобы понять, что Кит сможет быстро надеть на руку и при этом обеспечить себе достаточную защиту. Кроме того, нужно было какое-то очевидное объяснение, почему этот щит там валяется.

Схватив щит с символом дома Мормонтов, Джон, наконец, настигает Рамси, сбивает его с ног и осыпает жестокими ударами ненавистное самодовольное лицо.

ДЭЙВ ХИЛЛ: После такого сражения Джон Сноу, наверное, самый уставший человек в мире. Как нам продать идею, что изможденный воин, который действует только за счет ярости и адреналина, при виде Сансы перестает колошматить врага, которого собирался забить до смерти, потому что осознает, что Рамси принадлежит не ему? Было очень сложно изобразить эмоции уставшего, обезумевшего от ярости, почти утратившего самоконтроль человека, который внезапно снова взял себя в руки. Конечно, можно подумать: «Да ладно, просто один мужик мутузит другого», но даже в этот момент мы стараемся рассказать целую историю.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Мы избивали Рамси целый день. Это было похоже на странный сон. Мы с Китом обсудили, что в этот момент Джон должен почувствовать тщетность своей победы. Он переживает кризис в этом сезоне. Его вера в человечество пошатнулась. Он устал жить и сражаться, но умереть у него тоже не получается, поэтому Джон растерян и не находит себе места.

КИТ ХАРИНГТОН: Он избивает Рамси, почти убивает его, и ему на это плевать. Нам стоит бояться Джона больше, чем его врага, потому что это уже не тот герой, которого мы знаем. Он похож на молотилку.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Кит должен был только притворяться, что бьет, но после съемок Иван говорил: «Не, пару раз он мне врезал». Так что несколькими синяками Ивана он наградил.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: В этой сцене есть странный момент, когда Иван перестает кривиться от ударов и неожиданно расслабляется и отдается процессу. На экране это выглядит так, как будто мы использовали цифровой эффект, чтобы изменить его выражение лица, но на само деле все сделано вживую. Даже как-то не по себе становится.

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): Мне очень понравилась идея, что Рамси уничтожит именно Джон. Но потом я подумала: «Нет, Сансе нужно, наконец, кого-нибудь убить, и это должен быть Рамси». Когда Кит говорит: «Он твой», я сразу такая: «О да».

Джон отдает Рамси Сансе. Бастарда Болтона связывают и оставляют на псарне в компании его любимых собак, которых он морил голодом, чтобы потом скормить им врагов. Вместо этого Санса натравливает псов на своего мучителя. Отец Рамси, Русе

Болтон, предрек его судьбу, сказав: «Заслужишь славу бешеного пса – готовься разделить собачью долю: тебя выведут на задний двор и прирежут на корм свиньям».

ИВАН РЕОН: Мне позвонили Дэн и Дэвид и говорят: «Рамси получит Железный Трон, правда здорово?» Я сказал: «Ему конец, да?» Было очевидно, что он должен умереть, что еще ему оставалось? Это вполне обоснованный финал. Джон Сноу должен победить, иначе в мире не останется надежды. Любопытно, что это нечестная победа. Если бы не рыцари Долины, для него и его войска все было бы кончено. Поэтому Рамси, наверное, все равно считал, что одержал верх. Он был настолько высокомерен и уверен в себе, что до самого конца думал, что выкрутится.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Не самая приятная сцена для Ивана. Он провел ночь привязанный к стулу, вымазанный липкой бутафорской кровью, окруженный собаками, которые в реальности выглядят страшновато. Кроме того, мы не знали, последний это у него съемочный день или нет, и он был немного растерян – все-таки столько лет в сериале.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Собак нелегко разозлить. Кроме того, правила техники безопасности запрещают актеру находиться в одном загоне с животными, которые будто бы бросаются на него. Но в итоге мы все отлично смонтировали.

Как пишет Variety, изначально эта сцена должна была быть еще более жестокой – планировалось показать, как собаки рвут в клочья лицо Рамси.

ИВАН РЕОН: Мне повезло – моему персонажу устроили отличные проводы. Это жуткая смерть, в которой есть и доля иронии – он ведь так носился с этими псами. Кроме того, это интересный сюжетный ход для Сансы. Рамси говорит: «Я – часть тебя» (Реона передергивает). Это ужасно, но, возможно, он действительно нанес непоправимый вред. Он оставил свой след, и, может быть, в Сансе что-то надломилось.

СОФИ ТЕРНЕР: Он буквально разрушил ее реальность. Рамси так ужасно мучил ее, что она уже не сможет вернуть былую невинность. Он оставил на ней свою печать – и физически, и психологически.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Должен признаться, что у меня было желание вызвать сострадание к Рамси (во время сцены смерти) в лучшем стиле «Престолов», где все вечно переворачивается с ног на голову. Но Дэн и Дэвид дали мне ясно понять, что не хотят никакого сочувствия для этого персонажа. В каком-то смысле я

согласен: это не место для нравственной двусмысленности. Рамси должен был умереть, причем страшной смертью. Это то, чего ждали от нас зрители.

Для меня самый впечатляющий момент сцены – это визг резаной свиньи, который издает за кадром Рамси, когда Санса уходит. Это звук разорванной трахеи, если человек или животное еще живы и пытаются набрать воздух в легкие.

И еще момент, когда Санса поворачивается, чтобы уйти, но останавливается и снова заглядывает в псарню. Это мой любимый кадр из всех, что я снял в этом году.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Выражение лица Сансы, покидающей псарню, – это Софи, и только она. В сценарии этого не было. Мы заметили эту улыбку в одном из дублей, и Дэн с Дэвидом сразу такие: «О, вот это прямо здорово».

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: «Битва Бастардов» рассказывает о возвращении к жизни в последнюю минуту, о том, как вновь обретаешь желание жить. Снять эту серию казалось невыполнимой задачей, но потом начались съемки восьмого сезона…

Глава 25
Все сериалы должны умирать

Когда приходит время завершать проект?

Для телеканалов ответ на этот вопрос обычно прост: сериал заканчивается, когда перестает приносить прибыль. Он идет, пока его рейтинги не меньше предполагаемых оценок нового проекта. Качество шоу часто второстепенно (если там нет скандального контента и рейтинг Нильсена[30] не опускается ниже определенной отметки). Критики могли сколько угодно поливать помоями ситком CBS «Два с половиной человека» – пока его смотрели пятнадцать миллионов зрителей в неделю, на это было всем плевать. Когда рейтинги сериала заходят за красную отметку, его либо резко снимают с эфира, либо тихо закрывают после очередного сезона. Продюсеров и актеров увольняют так же, как и любых сотрудников корпораций, без предупреждения и трогательных прощаний – все, пока.

Вот так и заканчиваются сериалы – как правило. Исключения были всегда. У мегахитов, высоко оцененных критиками и оставивших серьезный след в массовой культуре, таких как «Чертова служба в госпитале Мэш», «Чирс», «Блюз Хилл-стрит», «Друзья» и «Сайнфелд», были такие впечатляющие рейтинги, что продюсерам выделяли время, чтобы подвести шоу к логическому финалу. Но даже и такие концовки обычно заключались в двух «прощальных» сериях, добавленных к совершенно обычному в остальном сезону.

Ситуация начала меняться в начале 2000-х годов, когда стали набирать популярность многосерийные драматические сериалы – «Остаться в живых», «Щит», «Прослушка», «Звездный крейсер “Галактика”» и «Клан Сопрано». Они требовали от продюсеров планировать не отдельные серии, а сезоны целиком – а иногда и несколько сезонов сразу – с плотным сюжетом и полноценным финалом. Когда такие шоу снимали с эфира и зрители оставались без концовки (как в случае с «Ганнибалом» студии NBC, «Лоис и Кларк: Новые приключения Супермена» ABC и «Саутленд» TNT), их бурное негодование было вполне справедливым.

Тщательно спланированные концовки сериалов начали также приносить финансовую выгоду за счет вторичного рынка DVD, а позднее и стриминговых платформ. Раньше загробная жизнь шоу сводилась к повторам в дневное время, когда на них натыкались от случая к случаю, но теперь фанаты устраивают марафоны и смотрят сериал от начала до конца, а иногда даже покупают его

на дисках. И если студия хочет продать «все сезоны» на blu-ray или разместить их на Amazon Prime, то сериал будет иметь более товарный вид, если он в целом закончен. В эпоху телевидения по заказу продюсерам приходится решать совсем другую задачу: в какой момент лучше закончить шоу с творческой точки зрения?

Дубровник, Хорватия, 2011 год. На съемках второго сезона создателей сериала спросили: «Сколько сезонов будет в “Игре престолов”?»

«Мы начали этот проект с мыслью – возможно, чрезмерно амбициозной, – что до конца этой истории у нас будет семьдесят-восемьдесят или сколько там нужно часов», – рассказывает автор сериала Дэн Уайсс.

Он назвал эту идею «чрезмерно амбициозной», потому что в то время, когда состоялась премьера «Престолов», семь сезонов для кабельного сериала считалось большим успехом. Как пару лет спустя сказал Дэвид Бениофф: «Начать сериал с заявления, что планируешь снять семь сезонов, – это верх идиотизма».

Белфаст, Северная Ирландия, 2012 год. Создатели сериала всерьез задумались, какой должна быть идеальная продолжительность «Престолов». Самой большой проблемой, как оказалось, были батальные сцены, особенно кульминационное сражение, задуманное Мартином в финале. Они не представляли, как им удастся снять достойную «Песни льда и пламени» битву с телевизионным бюджетом. Поэтому на этот раз, когда их спросили: «Сколько будет идти “Игра престолов”?», продюсеры опять ответили: «Около семидесяти часов». Правда, с некоторой оговоркой.

«Фэнтезийные миры ширятся, сражения становятся все масштабнее. Мы мечтали, что снимем еще три сезона, а потом будем выпускать полнометражные фильмы (саги “Игра престолов”)», – рассказывает Дэвид Бениофф, а Дэн Уайсс добавляет: «Это была наша цель в идеальном, так сказать, мире. Если бы все сложилось как надо, мы получили бы лучшее в обоих мирах – масштабный фэнтезийный эпос, но такой, в котором у персонажей будет гораздо больше экранного времени, чем это возможно в кино».

HBO быстро поставила крест на этих планах (буквально через несколько часов после моей беседы с продюсерами, когда я позвонил руководству канала с просьбой прокомментировать эту идею). Президент отдела развлечений Майкл Ломбардо сказал, что ответил продюсерам следующее: «Ребята, извините, что напоминаю, но у нас несколько другой бизнес». Модель HBO рассчитана на потребности зрителей-подписчиков: канал не может сказать людям, которые заплатили за подписку, чтобы они

шли в кинотеатры, если хотят узнать, чем закончился сериал. Поэтому Бениоффу и Уайссу пришлось вернуться к гораздо более сложному плану Б – сделать «Престолы» настолько популярными, что HBO будет вынуждена раскошелиться на высокобюджетный финальный сезон. Как сказал актер Гарри Ллойд, «“Игра престолов” должна была стать самым охрененным телесериалом в мире, чтобы ее продолжили снимать».

Дубровник, Хорватия, 2013 год. На съемках четвертого сезона продюсерам снова задали набивший оскомину вопрос.

«Мы планируем семь сезонов, – подтвердил Дэвид Бениофф. – Четвертый сезон – это самая середина, поворотный момент. Семь богов, семь королевств, семь сезонов – все символично».

Если ответы шоураннеров начинают слегка напоминать заезженную пластинку, это так и задумано. Многие полагают, что «Престолы» закончились на волне популярности после восьмого сезона потому, что сценаристам не терпелось начать новые перспективные проекты или же они просто выдохлись после стольких лет крайне трудоемкого производства. Но Бениофф и Уайсс всегда рассчитывали, что «Престолы» будут идти приблизительно семьдесят часов (в итоге почти так и вышло). «Если кто-то всерьез верит, что мы поторопились с завершением сериала, чтобы начать новый проект, это показывает, что люди не понимают, как много мы вложили в это шоу», – говорит продюсер Кристофер Ньюман.

Впрочем, на решение создателей сериала повлияли и другие факторы. Вот один из наиболее вероятных: «Секретные материалы» канала Fox высмеивали за огромное количество сезонов и загубленную мифологию, которая становилась все более бессвязной. В «Остаться в живых» ABC было столько интригующих загадок, что стало просто невозможно логично раскрыть их все в одном финальном сезоне. «Звездный крейсер “Галактика”» впечатляюще стартовал, но сдал позиции в последних сезонах. «Ходячие мертвецы» канала AMC, в течение многих лет остававшиеся единственным сериалом, обогнавшим «Престолы» по количеству зрителей в США, на момент написания этой книги со скрипом начинают десятый сезон, потеряв большую часть первоначального актерского состава (и аудитории).

С другой стороны, есть «Во все тяжкие». Бениофф и Уайсс просто преклонялись перед этой криминальной драмой AMC. Она завершилась в 2013 году после всего шестидесяти двух серий, и финальный сезон хвалили как зрители, так и критики. Но даже заключительный аккорд шоу не был исключительно творческим решением.

Сейчас это сложно представить, но первые четыре года

рейтинги у сериала были не слишком высокими. «Во все тяжкие» очень понравился критикам, что уже неплохо, но среднее количество просмотров на серию было меньше двух миллионов. Будущее этого телешоу было одно время настолько туманным, что его создатель Винс Гиллиган писал финал четвертого сезона так, чтобы он мог стать и концовкой всего сериала. После этого руководство AMC хотело завершить «Во все тяжкие» сокращенным пятым сезоном, в то время как студия Sony настаивала еще на двух. Наконец эти затяжные переговоры подошли к концу, и в 2011 году стороны достигли компромисса: шоу завершится шестнадцатисерийным пятым сезоном, показ которого будет разбит на два года. «Как говорит Винс, лучше не уходить с вечеринки последним», – сказал звезда сериала Аарон Пол.

Затем произошло нечто неожиданное. Старые эпизоды «Во все тяжкие» привлекли огромную аудиторию на Netflix, и количество зрителей финального сезона на AMC увеличилось с двух до десяти миллионов, к изумлению всей телеиндустрии (особенно AMC).

Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что если бы сериал показал такие результаты до переговоров по последнему сезону, даже Сол Гудман[31] не смог бы убедить канал закончить «Во все тяжкие».

Видя, как завершались известные драматические сериалы и к чему привел эксперимент с сюжетной линией Дорна, создатели «Игры престолов» пришли к логическому заключению: нужно постараться избежать ловушки затянувшегося шоу, в котором будет чересчур много сюжетных линий и которое будет слишком долго оставаться в эфире. Уайсс часто цитировал Дэвида Мэмета[32]: «Когда снимаешь фильм или ставишь пьесу, ты словно бежишь марафон. Когда создаешь сериал – ты просто бежишь, пока не умрешь». Создателям «Престолов» не хотелось сгубить сериал, приняв неверное решение. «Стал бы я смотреть “Во все тяжкие”, если бы вышло еще два сезона? Разумеется, – говорил Уайсс в интервью Vanity Fair. – Но именно потому, что я с удовольствием посмотрел бы гораздо больше, финальный сезон произвел на меня такое сильное впечатление и так глубоко меня тронул».

Растягивать «Престолы» на девять-десять сезонов, вместо того чтобы нарастить темп и мощно завершить сериал, казалось шоураннерам очевидной ошибкой.

В конце концов, никто еще не обвинял авторов популярного драматического сериала в том, что те нарочно завершили его пораньше.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Нам не хотелось слишком задерживаться в эфире. Мы любим эти книги и сериал в том числе за динамику, за нарастающее напряжение. Снимать десять сезонов – это все равно что свернуть шею курице, несущей золотые яйца. Мы хотели остановиться именно в тот момент, когда и тем, кто работает над шоу, и тем, кто его смотрит, хотелось бы, чтобы оно продлилось еще немного. Есть такое старое изречение: «Всегда заставляй их желать большего». Кроме того, если тебе самому больше не хочется чем-то заниматься – все рушится.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Когда Белые Ходоки встречаются с драконами, у сериала есть только один путь. Может, в других обстоятельствах мы и смогли бы растянуть это дело еще сезонов на восемь, и все неплохо бы на этом заработали, но настал момент, когда все, чего ребятам хотелось, – это достойно завершить проект. Герои сходятся вместе не случайно, а потому, что начинается заварушка, и от нее не уйти.

Была и еще одна проблема: становилось все сложнее (и дороже) сохранять актерский состав – другие голливудские студии мечтали заполучить звезд «Престолов» в свои блокбастеры. Продюсеры всегда старались идти навстречу актерам, которые хотели заняться чем-то еще: Эмилия Кларк и Гвендолин Кристи снялись в фильмах франшизы «Звездные войны», а Софи Тернер, Мэйси Уильямс и Питера Динклэйджа пригласили в «Людей Х» («А что, их еще снимают?» – саркастически осведомился Динклэйдж, когда в перерывах между съемками Тернер рассказала ему, что будет играть Джин Грей). Но съемки «Престолов» все равно занимали у основных актеров большую часть года, заставляя их отказываться от многих предложений. А после того как Кларк перенесла операцию на мозге, а Харингтон раздробил щиколотку, создатели сериала поняли, что шансы дойти до конца шоу с таким огромным и популярным актерским составом, никого не потеряв, весьма невелики. Они считали, что им еще очень повезло так долго продержаться, сохранив стольких актеров. Каждый дополнительный сезон означал продление актерских контрактов, и это было все равно что двадцать раз сыграть в рулетку.

Тем не менее решение о завершении «Престолов» далось Бениоффу и Уайссу нелегко, и, конечно, им было немного грустно. Однажды ночью, около четырех утра, во время съемок шестого сезона в испанской глуши, шоураннеры сидели в палатке и обсуждали завершение сериала. Они ждали, когда съемочная

группа подготовит город Вейес Дотрак для сцены, в которой Дейенерис сжигает его дотла, и поскольку им временно было нечем заняться, они открыли бутылку бурбона и задумались о будущем.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Работая в таких проектах, проводишь охрененно много времени вдали от семьи и друзей. Хотя последних у меня не осталось. Но я теоретически говорю, если бы они были. Вместо этого ты все время с коллегами, и я своих коллег обожаю. Если ты годами работаешь над сериалом, лучше быть коммуникабельным и любить людей. Ну и сериал мы тоже полюбили – а такое не всегда бывает. Каким бы ни был проект – ты выкладываешься на сто процентов и стараешься изо всех сил. Но работать над сериалом, который пользуется популярностью во всем мире, невероятно приятно. Ты боишься что-то испортить и боишься думать о следующем проекте, потому что с 99-процентной долей вероятности вряд ли что-то дотянет до уровня «Игры престолов».

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Я просто считаю, как странно будет больше не заниматься этим, потому что такой сериал становится частью твоей жизни. Ты думаешь о нем или занимаешься им каждую минуту 365 дней в году. Когда он закончится, это будет похоже на возвращение в какой-то странный чужой мир, где все тебе незнакомо.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Даже в быту привыкаешь к определенным вещам. Вот я сижу в палатке в пустыне, но если мне захочется шоколадку, кто-нибудь мне ее принесет. Это просто ненормально. А как сценарист я постоянно думаю: «Было бы прикольно, если бы Тирион про это пошутил, может, не в этом сезоне, а в следующем…» Ты уже сроднился с этими персонажами, погрузился в их историю, у тебя постоянно появляются идеи, а через несколько месяцев эти великолепные актеры будут произносить написанные тобой слова. Это настоящий подарок для любого сценариста.

ДЭН УАЙСС: Если бы десять лет назад у меня была возможность написать заявку на сериал, у меня бы духу не хватило замахнуться на что-то настолько масштабное. Когда мне будет семьдесят пять лет, я буду говорить (говорит дрожащим старческим голосом): «Знаете, было бы неплохо, если бы Тирион сказал… А, черт!»

Работа над «Игрой престолов» приносила не только деньги и творческое удовлетворение – иногда снимать этот сериал было невероятно весело, и окончание съемок плавно перетекало в

вечеринки.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Съемочная группа и актеры любят поразвлечься. У нас все были не дураки выпить и хорошо повеселиться, так что нам есть что вспомнить.

Вечеринки в честь завершения сезона, которые проходили в «Ист-Вест Бич Клаб» в Дубровнике, размахом не уступали сериальным пирам. Один из членов съемочной группы однажды вырубился и очнулся совершенно голым. Он не мог попасть в свой номер, и ему пришлось идти на стойку регистрации просить запасной ключ («У вас есть удостоверение личности?» – спросил его консьерж). Другой тоже проснулся голышом – на вершине водной горки в бассейне хорватского отеля – оттого, что его пинал по ребрам разозленный ребенок лет восьми.

Несмотря на все вышеперечисленное, к пятому сезону Бениофф и Уайсс уже распланировали окончание сериала. Но убедить себя в необходимости завершить «Игру престолов» – это одно, объяснить это руководству HBO – совсем другое. Забавная ситуация: чтобы получить необходимый бюджет на масштабные битвы и спецэффекты, «Престолы» должны были стать самым популярным шоу в мире. Однако благодаря беспрецедентному успеху у сериала появились десятки миллионов поклонников, которые не хотели, чтобы он заканчивался, а канал не желал терять доходы от подписки на сериал. «Престолы» были не просто рядовым шоу – это был наиболее прибыльный продукт телеканала, который компания-учредитель Time Warner отдельно упомянула во время очередного квартального телесовещания с инвесторами и биржевыми аналитиками (по одной из оценок, «Престолы» принесли HBO более миллиарда долларов). Сценаристы рисковали стать заложниками собственного успеха.

Одним из рычагов давления в арсенале шоураннеров был имидж HBO в телеиндустрии. Компания годами создавала себе репутацию островка творческой свободы, где сценаристам и режиссерам позволяли самостоятельно принимать решения. И все же сложно представить себе гипотетическую ситуацию, в которой новаторство канала и его доверие к создателям контента подверглись бы большему испытанию. Сможет ли HBO отказаться от крупнейшего источника дохода в своей истории, потому что двое сценаристов хотят закончить историю об огнедышащих драконах и гигантских волках?

МАЙКЛ ЛОМБАРДО (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO): Чтобы создатель сериала пришел и сказал:

«Дело идет к концу» – такое бывает нечасто. Так было с Дэвидом Чейзом, создателем «Клана Сопрано», и Аланом Боллом, создателем «Клиент всегда мертв». Но этот проект был гораздо масштабнее. Я был против. Но вопрос был вот в чем: сможем ли мы работать дальше? Если шоураннеры не вкладывают всю душу в продукт, это сразу чувствуется.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Руководство компании уже знало, что мы хотим остановиться на семи сезонах, которые потом превратились в восемь. HBO была бы счастлива продолжать шоу или добавить серии в финальный сезон.

ДЭН УАЙСС: «Как насчет десятого?»

МАЙКЛ ЛОМБАРДО: Авторы сказали: «Мы сделаем шестой сезон, а потом еще часов тринадцать, и вроде все». Я сразу: «Тринадцать часов? Что это за выдумки? Почему нельзя сделать два сезона по десять?» Мы протестовали, упрашивали. Я пытался придумать какие-то финансовые мотивы. Но они твердо стояли на своем. А нам, честно говоря, очень трудно стало работать, когда книги закончились.

ДЭН УАЙСС: Мы рассказали про финал в общих чертах, и это помогло убедить их. Они поняли, что растягивание этой концовки еще на десять серий все испортит и мощная, эмоциональная развязка будет выглядеть затянутой.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Конечно, больше серий означало для канала больше денег. Но как только гендиректор Ричард Плеплер понял, что мы не хотим этого делать, он не стал настаивать. Это философия HBO, они с самого начала давали нам свободу действий.

В конце концов компания согласилась, что восьмой сезон станет для «Игры престолов» последним. Бюджет сериала достиг 15 миллионов долларов на серию (к этому времени пять главных актеров получали за каждый эпизод больше миллиона долларов). Правильным ли было решение HBO, но факт остается фактом: маловероятно, что другая компания удовлетворила бы просьбу сценаристов завершить такой экстраординарный сериал на пике его популярности (и вряд ли когда-либо удовлетворит в нашу эпоху нескончаемых франшиз).

ДЭН УАЙСС: Нужно отдать должное HBO. Нам сказали: «Мы дадим вам все необходимые ресурсы, чтобы все получилось как надо. Если где-то будет нужно эпическое действо масштабов летнего блокбастера[33] – делайте».

ЛИАМ КАННИНГЭМ (ДАВОС СИВОРТ): Мне ни разу не встретился человек, который был бы доволен, что «Престолы»

закончились, но время пришло, ничего не поделаешь.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): Очень много сериалов слишком надолго задерживается в эфире. Заметно, что создатели стараются сделать все, как в лучшие времена, вроде тех, кто слишком часто тусуется с бывшими одноклассниками. Ни одно решение не должно приниматься только на основе прибыльности. И у Дэна с Дэвидом, и у HBO хватило мозгов, чтобы избежать ситуации «Ну что, мы все отлично зарабатываем, давайте снимать дальше». Нет, нет и нет. Это самое худшее, что можно сделать с таким хорошим сериалом.

МАЙКЛ ЛОМБАРДО: Это было очень болезненное решение. Но я понял одну вещь про Дэна и Дэвида: они очень принципиальные ребята. И часть нашей философии доверия к авторам – это поддерживать их, когда они решают закончить шоу. Мы не хотим становиться компанией, снимающей серии, без которых, по мнению авторов идеи, можно было бы обойтись. Нам казалось неправильным заставлять их делать что-то не вдохновляющее. А вариант с другими сценаристами мы даже и не рассматривали. Уникальность этого сериала – не только крутые сражения, компьютерная графика и драконы. Люди полюбили эту историю. Она необычайно достоверная, все персонажи великолепно прописаны. Если бы мы лишились этого, былой популярности все равно было бы не вернуть.

Поэтому если бы мы изменили себе и решили продолжать, несмотря ни на что, мы бы стали такими же, как другие телеканалы. А этого никто не хотел. Конечно, нас огорчала финансовая составляющая вопроса, но это часть выбранного нами пути. Была ли у меня надежда, что сценаристы передумают? Разумеется. Но они не изменили своего решения. Сейчас я считаю, что обе стороны поступили правильно.

Глава 26
К финалу на всех парусах

Стратегия перед началом седьмого сезона была такая: меньше серий, но при этом сделать каждый эпизод длиннее и, по возможности, лучше обычного. Впервые создателям «Игры престолов» предстояло снять семь серий вместо привычных десяти. Это давало определенные закадровые преимущества – сокращение экранного времени позволяло кое на чем сэкономить (например, на зарплатах актеров, которым платили за каждый эпизод) и потратить эту разницу на спецэффекты и другие нужные вещи. Съемки седьмого сезона, как и всех предыдущих, заняли около полугода, но при этом все аспекты были проработаны более тщательно. Как сказал Джон Брэдли: «Деньги, на которые обычно снимают десять серий, мы потратили на семь».

Кроме того, в этом сезоне главные герои встречаются и подолгу друг с другом беседуют, так что у многих актеров было беспрецедентное количество экранного времени. «Раньше, если сложить все сцены, в которых я снялся за сезон, получалось не очень много, – рассказывает Кит Харингтон. – А теперь у всех, кто остался, стало больше работы». А с учетом того, какими изнурительными иногда бывают съемки «Престолов», многим актерам пришлось трудиться намного больше. «Если серий меньше, то и работы вроде должно быть меньше, – говорил Николай Костер-Вальдау, – но на самом деле съемки стали еще напряженнее, чем раньше».

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Мы представляли себе седьмой сезон как полосу разгона для финального: меньше сражений, больше диалогов. Так мы и обрисовали его (продюсеру Бернадетт Колфилд). А потом начали планировать серии и поняли, сколько конфликтов произойдет в этом сезоне.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Мы вручили Берни расписание съемок, и она сказала: «Что за хрень? Разве это спокойный сезон? Опять всех убивают направо и налево, как в прошлом году».

В первой серии Дени возвращается домой в Вестерос и поднимается по древним ступеням Драконьего Камня, вотчины ее предков. Туда к ней прибывает делегация из Винтерфелла (во главе с Джоном Сноу в новом качестве Короля Севера), чтобы

убедить Матерь Драконов сконцентрироваться на войске мертвецов. Лед и пламя, наконец, сошлись, и для создателей сериала сцена долгожданной встречи стала настоящим вызовом – ее нужно было снять идеально, особенно учитывая то, что к концу сезона эти герои станут возлюбленными.

ЭМИЛИЯ КЛАРК (ДЕЙЕНЕРИС ТАРГАРИЕН): Мы с Китом очень сдружились. Поэтому сниматься вместе с ним поначалу было сложно – мы все время хихикали. Раньше мы не снимались вместе, и поэтому все время подначивали друг друга: «Э, что ты делаешь на моей площадке?»

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Нам обоим было стремновато. Когда снимаешься в кино, сразу со своим партнером знакомишься, и в процессе съемок между вами выстраиваются отношения. Но когда знаешь человека семь лет, когда вы через столько вместе прошли в этом проекте и все эти годы следили за персонажами друг друга на экране – это уникальная ситуация. Причем ты понимаешь, что за тобой наблюдает весь мир.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Суть этой сцены не в мгновенном взаимном притяжении, а в том, чтобы показать встречу двух монархов, между которыми существует конфликт. Самое забавное в ней – это отсутствие какого-либо притяжения. Они друг друга бесят, и при этом им нужно как-то прийти к согласию.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Получилась такая битва испепеляющих взглядов.

КИТ ХАРИНГТОН: Тут главное не вести себя как зритель. Джон отправился на встречу с королевой, про которую он что-то слышал, чтобы попробовать с ней договориться. Ему незнакома та самая Дейенерис, за которой все это время наблюдали зрители. Если поставить себя на место Джона, это помогает добиться нужных эмоций. Он не ожидает увидеть прекрасную женщину одного с ним возраста. Любой парень на его месте сразу подумал бы: «Так-так-та-а-ак». Но он сразу отбрасывает эти мысли, потому что приехал не за этим.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): В этой сцене было семь страниц диалога. Джон и Дени просто стоят и разговаривают. Думаю, зрителям, привыкшим к профессионализму наших актеров, кажется, что в этом нет ничего особенного. Если внимательно смотреть последние два сезона, можно увидеть, что мы старались уделить как можно больше внимания личностям персонажей, диалогам и эмоциям.

ЛИАМ КАННИНГЭМ (ДАВОС СИВОРТ): В Бениоффе есть такая своенравная жилка. Ему нравится провоцировать. Когда мы впервые встретились с Дейенерис, он и режиссер Марк Майлод хотели, чтобы Давос влюбился в Миссандею. Я был против. «Хрен

вам, – сказал я. Это единственный раз, когда я им в чем-то возразил. Миссандея, конечно, просто великолепна, но, учитывая отношения Давоса с Лианной Мормонт и Ширен, невозможно представить, чтобы он увлекся молоденькой девушкой. Я не уверен на сто процентов, что Дэвид не предложил это, просто чтобы меня позлить. – Я не позволю вам свести на нет все мои усилия и лишить меня симпатии зрителей, сделав Давоса извращенцем».

Через некоторое время Дейенерис и Джон прониклись взаимной симпатией, и Кларк с Харингтоном тоже стало легче сниматься вместе.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Когда мы немного расслабились, я почувствовала, что Кит для меня идеальный партнер. Как актеры мы говорим на одном языке, у нас не бывает моментов типа: «Как мне лучше сделать?..» или «Ты хочешь, чтобы я?..» Играть с ним стало необычайно легко. Работать с Китом – все равно что надевать любимую куртку.

КИТ ХАРИНГТОН: Я спрашивал: «Сколько сексуального влечения нужно изобразить в этой сцене?», а она говорила: «Хватит уже про секс!»

ЭМИЛИЯ КЛАРК: А потом Джон отправляется сражаться с Белыми Ходоками, и Дейенерис такая: «Почему я не хочу, чтобы он уходил? Почему я не хочу, чтобы… не-е-е-ет, не влюбляйся в него, остановись!» Она буквально боролась с собой.

Пока Дейенерис и Джон Сноу пытаются сопротивляться своим чувствам, Серый Червь и Миссандея отдались страсти, и зрители увидели их первую романтическую сцену.

ДЖЕЙКОБ АНДЕРСОН (СЕРЫЙ ЧЕРВЬ): Когда я проходил пробы, в описании роли говорилось, что Серый Червь и Миссандея – брат и сестра. Так что их любовные отношения однозначно стали сюрпризом. Я даже думал, что они решили снять еще один инцест. Но, в общем, я рад, что сценаристы не стали неожиданно объяснять, что Червь и Миссандея – родственники.

НАТАЛИ ЭММАНУЭЛЬ (МИССАНДЕЯ): Ты думаешь: «Так, я снимаю одежду». Для нас с Джейкобом это была странная ситуация, потому что мы как-то избегали говорить об этой части сценария и стали приятелями, а теперь нам нужно было раздеваться друг перед другом. Все прошло хорошо, сцену снимали с большим уважением к нам. Но все равно это сложный

момент, и неважно, первая это твоя обнаженная сцена или их было много. Чувствуешь себя очень уязвимой, и это довольно тяжело. Но чувство уязвимости и беззащитности в этой сцене было очень уместно и помогло придать ей достоверности.

Перед началом съемок Джейкоб Андерсон задал Бениоффу и Уайссу вопрос, давно волнующий поклонников сериала: когда Серого Червя оскопили в процессе подготовки к вступлению в ряды Безупречных, что именно ему отрезали?

ДЖЕЙКОБ АНДЕРСОН: Не думаю, что они сами это знали. Я почти уверен, что когда я спросил, они еще не определились, потому что они даже немного поспорили, когда отвечали на мой вопрос. Не то чтобы это было важно.

Итоговым ответом, по словам Андерсона, было: «Стержень остался, а камушки пропали».

Романтическую сцену Миссандеи и Серого Червя очень хвалили – большое достижение для сериала, полного насилия.

НАТАЛИ ЭММАНУЭЛЬ: Получилась очень красивая сцена. Эти двое всегда прятались за чувством долга. И еще это необычно из-за увечья Серого Червя. Он по-настоящему доверился ей. Это нелегко, и Миссандея знает об этом, и ей неважно, какой он. Она просто любит его, и их близость достигает кульминационной точки.

ДЖЕЙКОБ АНДЕРСОН: В том, что эти люди наконец открыли друг другу то, что не могли сказать раньше, было настоящее очарование и прелесть. Но больше всего я горжусь тем, что участвовал в чем-то, чего никогда раньше не было на телевидении: два темнокожих героя занимаются любовью, и один из них – физически неполноценный мужчина. Любимая его принимает таким, какой он есть. И это в сериале, где все только и говорят, что о своих членах. Не знаю, было ли так задумано или нет, но эта сцена кое-что говорит о маскулинности и нашем представлении о человеческом теле.

Этот эпизод стал приятным разнообразием для Эммануэль и Андерсона после многочисленных съемочных дней, когда все, что они делали, – это вытягивались по стойке смирно рядом с вершащей правосудие Дейенерис.

ДЖЕЙКОБ АНДЕРСОН: Съемки в зале, где принимали посетителей, всегда были очень тяжелыми, потому что мне

приходилось стоять практически без движения, пока другие проговаривали иногда страниц по десять диалога. Большую часть времени я старался не двигаться и не сойти с ума от неподвижного стояния по четырнадцать часов. К концу съемочного дня у меня уже легкий бред начинался.

Пока Миссандея и Серый Червь переходят на новый этап отношений, Дейенерис отправляет флот под предводительством Теона, Яры, Элларии и Песчаных Змеек атаковать Королевскую Гавань. Но их уже поджидает армада Серсеи. Завязывается морское сражение, о масштабах которого Битва на Черноводной из второго сезона могла только мечтать. Яростный бой – это еще и возможность показать легендарные пиратские нравы Железных островов, которые во всей красе демонстрирует Эурон Грейджой (Пилу Асбек).

Асбек присоединился к команде «Престолов» в шестом сезоне в качестве безумного дядюшки Теона и Яры (в свое время этот датский актер, как ни странно, работал няней у Костера-Вальдау). Сначала этот Грейджой не очень впечатлил продюсеров, и они вырезали некоторые из его первых сцен. Казалось, что Эурон, как и Песчаные Змейки, станет еще одним припозднившимся персонажем, которому трудно выделиться на фоне главных героев. Поэтому, готовясь к седьмому сезону, Асбек выдвинул идею, что Эурон должен сменить имидж.

ПИЛУ АСБЕК (ЭУРОН РЕЙДЖОЙ): Очень странно быть фанатом сериала, а потом начать в нем сниматься. Я посмотрел каждую секунду первых пяти сезонов. Как будто ты издали обожаешь красивую девчонку в школе, а потом вы внезапно разговорились, поцеловались, поженились, и вот вы уже несколько лет в браке и стараетесь сохранить отношения.

В шестом сезоне у меня были классные реплики на Вече королей, которые потом вырезали. Потом в диалоге с Ярой у Эурона было еще двадцать фраз, где он проявил себя во всей своей безжалостной жестокости. Еще он устраивает на Железных островах настоящее комедийное шоу. «Это уже перебор», – сказали Дэвид и Дэн.

Для седьмого сезона у меня появилась идея. Я сказал: «А что, если сделать его этакой рок-звездой, от которой не знаешь чего ждать – то ли он убьет тебя, то ли трахнет?» Художница по костюмам этой идеей очень прониклась и сделала Эурону одежду с рокерским уклоном.

Вот так Эурон Грейджой превратился из очередного

железнорожденного, угрюмого и неряшливого, в мрачного очаровашку-пирата в коже и с подведенными глазами.

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА (РЕЖИССЕР): У Пилу была отличная идея относительно Эурона: он должен быть реально опасным, но внешне прикольным и сексуальным. В сценарии уже было нечто такое, но Асбек очень много добавил. Отличный пример многогранности всех персонажей нашего сериала.

МАРК МАЙЛОД (РЕЖИССЕР): Меня волновала потеря Рамси, потому что он был отличным злодеем, так же как многих беспокоила гибель Джоффри в четвертом сезоне. С приходом Эурона у нас появился новый классный злодей, но с совершенно другим характером. Он такой немного «чересчур», но это сработало. Пилу смог сделать своего персонажа реалистичным, а это непросто.

ПИЛУ АСБЕК: Когда я говорил с Серсеей и Джейме в тронном зале, у меня была такая реплика: «Вот и я, с двумя тысячами кораблей и двумя руками». Дэн и Дэвид сказали: «Про руки не надо, это уже слишком». Но я в седьмом сезоне чувствовал себя намного увереннее – мне казалось, что я нашел свое место в сериале, поэтому ответил: «Ребята, не убирайте про руки. Я точно знаю, как это подать. Эурон должен быть обаятельным и высокомерным. Надо, чтобы он посмотрел Джейме в глаза и произнес эту реплику, улыбаясь чуть ли не до ушей, потому что он говнюк и придурок, именно это мне в нем и нравится». Они сказали: «Давай попробуем». Мы попробовали, и они говорят: «Блин, как здорово, что ты настоял на этой реплике».

ДЭН УАЙСС: До сих пор у нас не было персонажа с понтами рок-звезды, которому на все плевать. Все остальные глубоко переживают происходящее – неважно, ужасные это люди, хорошие или, как большинство в «Престолах», кто-то между. Поэтому здорово, когда на сцену выходит беззаботный павлин вроде Эурона, – это как глоток свежего воздуха. Немногие способны сыграть это так убедительно.

Но вернемся к морскому сражению. За миг до нападения Эурона на флот Матери Драконов Теон видит, как его сестра Яра целуется с Элларией. В последний момент эта сцена была несколько изменена.

ДЖЕММА УИЛАН (ЯРА ГРЕЙДЖОЙ): Изначально в этой сцене Эллария целует Алфи – совсем другая динамика. А потом все поменяли, и Теон опять стал зрителем.

ИНДИРА ВАРМА (ЭЛЛАРИЯ СЭНД): По сценарию Яра

приглашает Теона присоединиться, со словами: «Оснастки у него, может, и нет, но женщину он ублажить сможет». Пришлось это заменить, потому что в сериале столько евнухов, что они эту фразу уже где-то использовали! Так что сцену немного переписали.

ДЖЕММА УИЛАН: Мы с Индирой ничего не боимся. Мы не должны были целоваться – на это нужно было просто намекнуть. Но нам показалось, что это все-таки стоит сделать. Так что мы взяли на себя инициативу по полной программе, и получилось гораздо сексуальнее, чем все ожидали. Мы решили, что так будет правильнее. Кому не захочется поцеловать Индиру? Я вас умоляю. Яра смотрит на Теона, как бы говоря: «Что поделаешь? Надо, Теон, надо». А потом, как бы уместнее выразиться, все идет в задницу.

Корабль сильно тряхнуло во время нападения Эурона. Но Уилан повредила спину на съемках, поэтому в этой сцене ее подменяла женщина-каскадер.

ИНДИРА ВАРМА: Мне пришлось целовать женщину-каскадера, и она была просто в ужасе! Было очень смешно, дай ей бог здоровья. Думаю, она впервые в такой ситуации оказалась. Она привыкла падать, отражать удары и все такое прочее, но целоваться с актрисой для нее было уже слишком.

«Молчаливая» Эурона берет корабль наших героев на абордаж. Среди защитников судна размахивающая кнутом Нимерия, разящая копьем Обара и метающая кинжалы Тиена. Это одно из последних появлений Песчаных Змеек на экране, но могло так случиться, что Нимерии в седьмом сезоне не было бы вовсе. После съемок шестого сезона актрису Джессику Хенвик перехватили продюсеры марвеловского сериала «Железный кулак» (отличный пример того, почему создатели «Престолов» с большой опаской относились к идее привлекать больше актеров, чем они в состоянии держать на постоянной зарплате). Marvel согласились одолжить Хенвик «Престолам» на две недели, во время рождественских каникул. Хотя в этом сезоне у нее мало экранного времени, а морское сражение снимали в корабельных декорациях, построенных на парковке, это, по словам Хенвик, «были самые безумные съемки в жизни».

МАРК МАЙЛОД: Когда читаешь это на бумаге, думаешь: «О, класс, морское сражение!» А потом тебе приходится снимать это на парковке в Северной Ирландии. По съемкам таких битв нет

учебников. Можно только посмотреть другие подобные сцены. Поэтому приходится действовать методом проб и ошибок. Эурон вступает в невообразимый по жестокости бой, и это казалось хорошей отправной точкой – превратить это сражение в настоящую резню. Еще мы вдохновлялись фильмом «Безумный Макс: Дорога ярости».

ДЖЕММА УИЛАН: Мы отрабатывали драки в чистенькой палатке, медленно, без костюмов, все было очень легко. Потом вышли на площадку – а там всюду огонь: взрывали настоящую пиротехнику, на нас летели искры. И вот на тебе: тяжелый костюм, везде вода, все качается, полно каскадеров. Даже играть не пришлось, потому что было реально страшно. Главное, не забывать делать злое лицо.

ДЖЕССИКА ХЕНВИК: Это был полный пипец. На площадке все было гораздо жестче, чем на экране. Обычно для съемок батальных сцен используется много компьютерной графики, и в итоге на экране видишь масштабное захватывающее сражение, которое на самом деле снималось в довольно спокойных условиях. Зрители «Престолов» не чувствовали жара, когда рядом взрывалась пиротехника, их не сбивала с ног искусственная волна, они не видели, как с наших лиц ручьем льется пот.

МАРК МАЙЛОД: Это было довольно мучительно. После каждого дубля корабль нужно было охладить до определенной температуры. Поэтому все происходило так: «Зажигаем факелы, пошла вода, камера, мотор!», после чего снимается тридцать секунд боя и нужно останавливаться, тушить огонь, сливать воду, снова наполнять резервуары и охлаждать корабль. Мы следовали четкому распорядку, поэтому сложно было сохранять настроение для драки. Холодными ночами приходилось особенно туго. Но Песчаные Змейки просто молодцы, они сразу включались в работу.

ДЖЕССИКА ХЕНВИК: У дублерши Обары загорелся парик – в париках много лака для волос, поэтому они легко воспламеняются. Как минимум три члена съемочной группы провалились под палубу, потому что отдельные участки были сделаны из пробкового дерева – как раз чтобы их пробивать. Эти места не были отмечены, поэтому иногда мы слышали крики и понимали, что кто-то опять улетел вниз.

ПИЛУ АСБЕК: Каждый раз, когда я сдерживался во время сражения, ко мне подходил один парень и говорил: «Какого хрена ты делаешь? У тебя за спиной триста каскадеров, которые выкладываются на триста процентов, а ты стоишь прямо перед камерой и халтуришь!» Я не мог позволить себе этого и чуть ли ребра врагам не ломал.

Коварный Эурон использовал оружие Змеек против них самих, пронзив копьем Обару и задушив кнутом Нимерию.

ДЖЕССИКА ХЕНВИК: Был момент, когда Пилу реально чуть не задушил меня нафиг этим кнутом. А потом меня запихнули на подъемник, и я поехала вверх (для сцены смерти Нимерии). Было холодно, ветер, а я высоты боюсь. Они хотели привязать меня там и сдавить мне шею. Как только на меня надели эту удавку, я заорала: «Снимите ее, уберите, уберите!» Даже небольшое давление было просто невыносимо.

В разгар битвы Теон наконец находит в себе смелость. Но когда он видит, что Эурон взял Яру в заложницы, в нем снова просыпается Вонючка, и он прыгает за борт. В принципе, это мудрое решение, потому что Эурон наверняка убил бы его, однако поступок Теона продиктован скорее трусостью, нежели тактикой.

БРАЙАН КОГМАН: Травма глубоко пустила в нем свои корни. Хотя Теон и реабилитировался в сражении, Вонючка снова выходит на первый план, как только он оказывается лицом к лицу с Эуроном. Огромная сцена битвы сузилась до момента личного переживания.

ПИЛУ АСБЕК: Если честно, я думаю, что Эурону было плевать. Для него самое важное – власть, а у Теона никакой власти не было. Яра и Теон ничто для него. Ему нет до них никакого дела. Думаю, Яру он захватил в плен просто забавы ради.

В целом этот эпизод получился беспрецедентно яростным. Как и у всех битв сериала, у этого морского сражения был свой уникальный стиль, хотя все равно понятно, что это часть вселенной «Престолов». И, как всегда, даже в разгар боя мы все равно видим историю с точки зрения нескольких персонажей.

МАРК МАЙЛОД: Я очень горжусь этим эпизодом. Ребята, занимавшиеся спецэффектами, отлично поработали и, несмотря на обстановку, создавалось реальное ощущение, что ты в море, а не на парковке.

Эурон также берет в плен Элларию с дочерью Тиеной и привозит их в Королевскую Гавань, где Серсея мстит им за смерть Мирцеллы самым коварным способом: дает Тиене яд на глазах у

закованной в цепи Элларии с кляпом во рту. Их агония вместе с противоречивым злорадством Серсеи делают эту сцену по-настоящему жуткой.

ИНДИРА ВАРМА: Чем мне нравится эта сцена: когда читаешь сценарий, то не знаешь, что случится в следующую секунду – что Серсея сделает со своей жертвой. Я подумала, что они очень умно раскрывают свои карты. Особенно потому, что сначала показывают поцелуй смерти, а потом мы узнаем остальное.

МАРК МАЙЛОД: Конечно, для Серсеи было бы естественнее всего насладиться своей местью. Но этому персонажу присуще чуть ли не отвращение к себе. С одной стороны, она творит зло с полной отдачей, а с другой – ненавидит себя, но все равно продолжает.

Лина всегда находила поразительные решения. Она неожиданно нажимала на черную клавишу в октаве до-мажор и удивляла нас своими находками, необычайно изящными и, как иногда казалось, парадоксальными. Актриса играла свою героиню не как злодейку, а как человека, который старается поступать правильно со своей точки зрения.

ИНДИРА ВАРМА: Это были сплошные сопли, кровь, пот и слезы. Нас с Розабеллой заковали в цепи. К счастью, под кандалы очень любезно подложили фланель, чтобы нам было не больно и не осталось синяков, хотя в итоге мы все равно были в ссадинах – потому что когда играешь, всегда отдаешься процессу. Кандалы все время спадали, поэтому пришлось так ужимать их, что потом не могли снять.

У Элларии было не так много экранного времени, поэтому зрителям, конечно, больше интересна Серсея. Но, разумеется, никому не хочется видеть, как у кого-то на глазах убивают их дитя. Это самое мучительное для родителя, страшнее невозможно представить. С точки зрения актерской игры было очень непросто заинтересовать зрителя, когда у тебя нет слов. Было очень прикольно стараться изобразить гнев, ненависть и бессилие и в то же время желание сражаться. В какой момент исчезает этот боевой дух? Это родительский инстинкт – ты хочешь продолжать драться за своего ребенка.

Дейенерис отправляет еще одну армаду к родовой вотчине Ланнистеров – Утесу Кастерли, чтобы захватить их крепость. Но Джейме со своим войском уже покинул крепость и выступил в Хайгарден, чтобы напасть на союзников Дейенерис, Тиреллов. Подобную уловку использовал против него самого Робб Старк в Шепчущем лесу.

В Хайгардене Джейме лично казнит Оленну, приказав ей выпить яд. Невозмутимая Оленна все равно оставляет за собой последнее слово и рассказывает, что именно она организовала убийство Джоффри. «Расскажи Серсее, – говорит Королева Шипов в одной из лучших последних реплик сериала. – Я хочу, чтобы она знала – это была я».

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ (ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР): Наконец-то Джейме что-то сделал правильно. О нем столько говорят, но при этом у него вечно ничего не выходит. А тут он смог перехитрить Дейенерис, а потом одолел этот электровеник, Оленну Тирелл. Она как Серсея, просто с нашей точки зрения на стороне добра. Но Оленна все-таки ужалила его напоследок.

МАРК МАЙЛОД: Николай буквально въехал в эту сцену на коне. Он только что разгромил вражеское войско, он герой и бог. И эта старушка за пятнадцать секунд его уничтожила. Хоть ей и пришлось умереть, она полностью лишила его контроля над ситуацией. По-моему, это очень престольно. Николай сыграл это со всей прямотой, не затягивая, и в то же время показал, как в Джейме просыпается человечность. Это было очень здорово.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Джейме Ланнистер наконец убивает одного из главных персонажей – и кого? Бабушку, которую он заставляет выпить яд! Он пытался сделать это как можно вежливее, но все равно ведь это убийство. Старушку надо убрать, что ж поделаешь. И тут она наносит ему последний удар. Такая женщина не станет молить о пощаде.

Дайана Ригг была просто восхитительна. Когда съемка закончились, шоураннеры подошли сказать ей несколько слов, мне повезло присутствовать при этом. Она внесла огромный вклад в сериал.

ДЭН УАЙСС: Оленна, возможно, единственный персонаж, одержавший победу в сцене собственной смерти.

МАРК МАЙЛОД: Единственное, о чем я жалею, – это концовка. Мы не могли определиться, как закончить этот эпизод. Я хотел стащить кадр из «Крестного отца»: Николай выходит из комнаты, но мы все еще видим Оленну в приоткрытую дверь, пока камера медленно отъезжает. В итоге дверь сделали в другом месте, что тогда ужасно меня расстроило.

Набрав в Хайгардене трофеев, Джейме выступает с обозом в Королевскую Гавань. Но разъяренная Дейенерис решает больше по правилам не играть и устраивает войску Ланнистеров засаду со своими драконами и дотракийскими кровными всадниками. В сцене, поставившей рекорд по числу горящих каскадеров, мы

наконец увидели весь разрушительный потенциал взрослых детей Дейенерис.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Наш постановщик трюков реально хотел попасть в «Книгу рекордов Гиннесса».

РОУЛИ ИРЛАМ (ПОСТАНОВЩИК ТРЮКОВ): Мы выполняли трюк с горением семьдесят три раза, что само по себе рекорд. Ни в одном фильме или сериале такого не было даже в целом, не говоря уж про один эпизод. Еще мы поджигали двадцать человек, на пляже горело тринадцать человек, в «Храбром сердце» – восемнадцать, но частично. Благодаря тому, что нашим атакующим оружием были огнедышащие драконы, мы смогли увеличить масштаб.

Как и следовало ожидать, поджигание людей и наблюдение за тем, как они горят, оказалось делом весьма напряженным. Каскадеры обмазывались охлаждающим гелем, надевали огнеупорный костюм и маску, но все равно это было опасно. Как только человека поджигали, ему приходилось задерживать дыхание до того момента, пока дубль не будет снят и огонь полностью не потушат. Даже тридцатисекундный дубль может показаться вечностью, когда ты объят огнем, ничего не видишь, задыхаешься под тяжестью неподъемного костюма и огнеупорной защиты и при этом должен бегать и махать руками.

РОУЛИ ИРЛАМ: Это совсем не то, что нырять в ванну с головой и считать секунды. Если на тебя кто-то случайно налетит и ты сделаешь вдох – ты фактически вдохнешь огонь. Самое опасное – это повторное возгорание. После трюка нужно еще минуту лежать, потому что опасность этого еще очень велика.

Добиться разной игры от каждого каскадера тоже трудно, потому что когда человек в огне, он больше всего сконцентрирован на том, как бы не умереть. В первом сезоне Джон Сноу бросает в ожившего мертвеца фонарь. Для этого тоже пришлось поджигать каскадера, но сначала все пошло не по плану.

ДАНИЭЛЬ МИНАХАН (РЕЖИССЕР): Нужно было понять, как будет себя вести охваченный огнем мертвец, – нам хотелось избежать стандартного образа зомби. Я однозначно не хотел, чтобы он бегал и махал руками, потому что живые горящие люди всегда так делают. Поэтому с каскадером заранее репетировали: «Нам нужно, чтобы ты делал вот так». На него надели защитный

костюм и маску, покрыли его химикатами и подожгли. И что он сделал? Начал бегать и руками махать!

Одной из жертв драконов Дейенерис мог стать персонаж, которого в итоге не показали. Ранее в седьмом сезоне певец Эд Ширан появляется в эпизодической роли солдата армии Ланнистеров. А потом, в восьмом сезоне, в одном из диалогов кто-то ненароком упомянул ланнистерского рыжего солдата по имени Эдди, который после нападения драконов «вернулся почитай что без лица: у него теперь и век нету». Создатели сериала так и не раскрыли тайну, шла ли речь о герое Ширана, который вызвал немало дискуссий в начале сезона.

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА: Чего в «Игре престолов» никогда не было, так это знаменитостей на второстепенных ролях. Все хотели поучаствовать в сериале, но Дэвид и Дэн ни разу не соблазнились. А с Эдом Шираном все произошло естественным образом: он был знаком с Мэйси, жил в Великобритании, нам нужен был кто-то умеющий петь, роль была эпизодическая, и актерский опыт у него уже был. На съемках оказалось, что он самый милый и скромный парень на свете. Было очень холодно, мы весь день проводили на открытом воздухе в глуши, и он никогда не отсиживался в своем трейлере – сидел вместе с ребятами из массовки, которые играли других солдат, и весело проводил время. И сыграл он тоже отлично. Актера в этой роли никто бы и не заметил, не будь это знаменитый певец Эд Ширан.

Атака Дейенерис также вызвала разногласия между авторами идеи (отличный пример их периодических споров, как они говорят).

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мы долго спорили насчет момента, когда драконы пролетают над дотракийскими всадниками. Должны ли их лошади пугаться драконов? Дэн говорил: «Ну слушай, они ведь уже давно при Дейенерис…»

ДЭН УАЙСС: С чего им бояться?

ДЭВИД БЕНИОФФ: Потому что это лошади, они тупые. А драконы большие и страшные. Целый час спорили.

ДЭН УАЙСС: Час спорить по поводу четырех секунд, во время которых большая часть зрителей, может, вообще будет на часы смотреть или сообщения в телефоне проверять.

(Дотракийские кони, к слову, не дрогнули.)

Прошло всего четыре серии, и что же мы видим? Мартеллы и

Тиреллы уничтожены, а силы Ланнистеров разбиты во время атаки такого масштаба, какого обычно удостаивались только завершающие битвы сезона. За кадром шли разговоры о том, что повествование слишком ускорилось.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Я успел привыкнуть к другому ритму. События начали разворачиваться очень стремительно. Сюжетные линии пересекались и сталкивались, и это всегда было сюрпризом: «Что? Уже? Прямо сейчас?!» Истории, которые обычно занимали целый сезон, теперь вписывались в одну серию.

КИТ ХАРИНГТОН: Шоу всегда развивалось неспешно, а теперь сериал превращался в классическую многосерийную драму с элементами триллера. Честно говоря, меня это несколько беспокоило. «Стоит ли так радикально менять “Престолы”?» – думал я. Потому что это было очень не похоже на то, к чему все привыкли.

ДЭВИД БЕНИОФФ: В сериале очень долго обсуждались «предстоящие войны» – и вот война началась. Так что основной задачей было рассказать интересную историю так, чтобы все персонажи получили свою долю экранного времени и не создавалось ощущения, что мы торопимся.

ДЭН УАЙСС: Нарастающий темп – следствие развития самой истории, а не каких-то наших решений. Никто не говорил: «Давайте немного ускоримся». Мир «Престолов» ускорился сам по себе: началась война, которую все ждали, достигли кульминации конфликты, которые развивались в течение предыдущих шести сезонов. Герои действуют быстрее, отсюда и общее ощущение «разгона».

БРАЙАН КОГМАН: В этом сезоне мы решили не тянуть резину. Можно сидеть дома и высчитывать, сколько времени корабли будут плыть из точки А в точку Б – ну, сколько нужно, столько и будут. У критиков всегда было к чему прицепиться, и недовольство зрителей по этому поводу было не таким уж сильным.

В эпицентре споров по поводу скорости развития событий была великолепная шестая серия седьмого сезона – «За Стеной». В ней Джон Сноу ведет отряд, состоящий из Тормунда, Берика (Ричард Дормер), Джендри, Пса, Джораха и Тороса (Пол Кэй) в поход, чтобы поймать ходячего мертвеца и доказать существование войска мертвых.

Большую часть этого эпизода режиссер Алан Тейлор снял в 2016 году в Северной Ирландии, в карьере, декорированном под реально существующее место в Исландии. «Замерзшее озеро» было до мурашек похоже на настоящее: ступая на «лед», все

невольно боялись поскользнуться.

Актеры тащились по площадке, а в лицо им хлестал бумажный «снег» – метель обеспечивали три огромных вентилятора. Конечно, это была не Исландия, но на площадке все равно было жутко холодно. «Сразу видно, когда люди мерзнут. Вам достаточно было просто взглянуть на их лица», – сказал сопродюсер Дэйв Хилл, глядя на раскрасневшиеся напряженные лица актеров.

В перерывах они выкашливали бумагу, протирали глаза и шутили, что от этого бутафорского снега они заработают асбестоз[34]. Харингтон попытался рассмешить Джозефа Демпси, когда они готовились к очередному дублю и делали суровые лица. «После этого дубля я пощекочу тебе яйца, – мрачным голосом провозгласил он. – Немножко побренчу ими».

Вскоре отряд подвергся нападению медведя-упыря – авторы с четвертого сезона мечтали его где-нибудь показать. Когда невольные братья по оружию в первый раз должны были работать вместе, Тейлор заставил их встать полукругом для снимка в стиле «Великолепной семерки». «Это должно быть похоже на нападение акулы, только на суше», – сказал Тейлор. Режиссеру удалось передать весь ужас ожидания, когда медведь может напасть с любой стороны (хотя на площадке в роли животного выступали зеленые сани).

Поход за Стену был непростой творческой задачей: как Король Ночи и его войско переберутся через двухсотметровую ледяную стену, которую построили специально, чтобы оградить от них мир?

ДЭН УАЙСС: Мы обсуждали, как они пройдут через Стену, и смотрели, что из уже имеющегося в сериале можно для этого использовать, чтобы не было эффекта «рояля в кустах». Что у нас может разрушить Стену? Нам же не только Короля Ночи и Белых Ходоков нужно на ту сторону провести, а еще огромное войско в сотню тысяч мертвецов. Для этого в Стене должна быть гигантская дыра, и мы ломали голову, как же ее проделать. А потом сообразили, что у нас есть подходящее оружие – драконы (когда мы только начали думать о штурме, они еще не выросли). Теперь нужно было придумать, как отправить дракона за Стену.

У этого плана были и другие преимущества. Если Король Ночи захватит дракона, он станет еще более грозным противником, а казавшаяся непобедимой Дейенерис начнет финальный сезон в более уязвимой позиции.

Поэтому, когда отряд Джона Сноу попал на замерзшем озере

в окружение мертвецов, Джендри бегом отправился просить Дейенерис о помощи, и она вместе с драконами вылетела на выручку из Восточного Дозора. Ей удается спасти Джона и большинство его товарищей, но Визерион пал от руки Короля Ночи, который затем превращает дракона в свое орудие.

Эпизод вышел невероятно захватывающим, но поклонники сериала все равно жаловались на непрактичность такого спасения и чересчур быстрое прибытие Дейенерис.

ДЭЙВ ХИЛЛ (СОПРОДЮСЕР): Конечно, хотелось бы избежать критики. Но нужно было столько всего состыковать к восьмому сезону, что иногда приходилось ускорять что-то в рамках одной серии. У нас было очень много резких монтажных переходов, которые большинство зрителей не заметили. Когда двигаешь по доске столько фигур, иногда приходится мухлевать.

АЛАН ТЕЙЛОР (РЕЖИССЕР): Я думал, нас спасет то, что на севере все время сумерки. Невозможно понять, сколько времени прошло. Поэтому мне казалось, что в этом плане у нас есть пространство для маневра. Но оказалось, что большинство зрителей восприняло это совершенно по-другому – им казалось, что они точно знают, сколько прошло времени, и мы не вписались в эти рамки.

Сначала я отреагировал очень самоуверенно, типа: «То есть единственное, что вас беспокоит в сериале, где летают ящеры размером с Боинг 747, – это скорость полета ворона?» Я думал, мне удалось показать всю абсурдность такой критики. С другой стороны, люди любят этот сериал, потому что думают, что могут положиться на нас в вопросах относительно скорости полета ворона. Именно реализм во всем остальном заставляет людей поверить в невероятное. Это стало для меня отрезвляющим уроком.

КИТ ХАРИНГТОН: Там был ряд проблем. Я видел логику в том, что они отправились за Стену, чтобы добыть доказательство, потому что это было важно, да и другого способа это сделать у них не было. В конце концов, это фэнтези, а в вымышленной вселенной иногда должно происходить то, что в реальном мире случиться не может. Но в первых сезонах сериал привлек зрителей именно реалистичностью. Поэтому когда мы говорим: «Вот как далеко залетел дракон», – мы немножко жульничаем. Были сложности с временными рамками, скоростью, с которой встречались люди. Но все это было необходимо, чтобы привести нас к развязке.

Оставшиеся в живых отплывают в Семь Королевств. Во время

путешествия Джон Сноу постучался в каюту Дейенерис Таргариен, и оба молча признали, что их все больше влечет друг к другу. Тирион, слышавший то, что происходит, выглядел весьма мрачно. В сцене был параллельный монтаж: мы видим Сэмвелла в Цитадели в тот момент, когда он обнаруживает доказательства происхождения Джона: его родителями были сестра Неда Старка Лианна и старший брат Дейенерис Рейегар Таргариен. Ответ на главную загадку сериала, которую Мартин попросил Бениоффа и Уайсса разгадать во время того памятного ланча, наконец найден. Джон Сноу – племянник Дейенерис и законный наследник Железного Трона.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): «Эй вы, там, потише, я пытаюсь поспать!» Нет, там все сложнее. У Тириона, как обычно, возникает проблема как личного, так и профессионального свойства. Конечно, у него к Дейенерис есть чувства. Она восхищает его. Он любит ее или думает, что любит, ведь с возлюбленными ему хронически не везет, – а потому ревнует. Но Джона Сноу он тоже любит. У Тириона много общего и с ним, и с Дейенерис – все они «паршивые овцы» в своих семьях, каждый отказался следовать родовым традициям и выбрал свой путь. Связь Джона и Дейенерис представляется ему неразумной: страсть и политика не лучшее сочетание. Он понимает, что их роман может быть очень опасен.

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА: Это была интересная сцена, потому что Кит и Эмилия – большие друзья, и им пришлось делать то, чего друзья обычно не делают. Но они актеры и знают свою задачу. Они много дурачились на съемках, но в то же время старались не переступать невидимую черту и избежать дискомфорта. Поэтому они попросили меня в деталях рассказать, как будет сниматься эта сцена. «Что именно мы будем делать? Что будет показано на экране?»

Кроме того, с сюжетной точки зрения сцена любви Дени и Джона – это огромное событие. Поэтому я был уверен, что им нужно остановиться в середине процесса и просто посмотреть друг на друга. Это момент неуверенности: «Стоит ли нам быть вместе? Это ужасная идея? Или хорошая?» Затем они решают: «Это сильнее нас, тут ничего не поделаешь». Это сделало сцену более напряженной, помогло создать атмосферу роковой неизбежности. Мы еще не знаем, что происходит, но видим, что их толкает друг к другу неведомая сила, которой они не в состоянии сопротивляться.

Глава 27
Что-то вроде встречи выпускников

«Игра престолов» началась в доме Старков в Винтерфелле, и для заключительного сезона с самого начала планировалось их воссоединение. Но что делать с семьей героев в напряженном фэнтезийном сериале, в котором речь, как правило, идет о жизни и смерти, после того, как они собрались в одном замке, где им предстоит провести почти весь сезон? Как сохранить привычный уровень интриги? Решено было сфокусироваться на том, как каждый из Старков изменился с начала первого сезона, а потом подпустить к ним коварного Мизинца.

«Когда люди надолго разлучаются, они отдаляются друг от друга, а в фэнтези это преувеличивается, – рассказывает автор сериала Дэн Уайсс. – Бран изменился настолько, что людям – даже его сестрам – сложно найти с ним общий язык. Осталось ли в нем что-то от прежнего мальчика? Сколько в личности Арьи от Винтерфелла, а сколько – от Безликих? Санса прошла школу Мизинца – на беду или к добру? Передалось ли ей его вероломство?

Казалось бы, встреча брата и сестер, каждый из которых думал, что остальные мертвы, будет проникнута неподдельной радостью. В некотором роде так и было, но в этой сцене чувствуется тревога и напряжение – мы не знаем, как они будут относиться друг к другу, снова очутившись под одной крышей».

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): Я была в восторге от того, что Старки снова встретятся. Я сидела на съемочной площадке другого проекта, читала сценарий в телефоне и такая: «А-а-а-а-а-а-а!» Потом позвонила Мэйси. «Прикинь! У нас столько совместных сцен будет!»

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Санса и Арья никогда не были близки и не особо любили друг друга. Но они много всего пережили, и теперь у них гораздо больше общего, чем каждая, возможно, готова признать.

СОФИ ТЕРНЕР: Наша первая совместная сцена – это сцена встречи. Мы столько лажали!

МЭЙСИ УИЛЬЯМС (АРЬЯ СТАРК): Было ужасно непривычно. Мы стеснялись играть в присутствии друг друга, несколько часов ушло, чтобы настроиться.

СОФИ ТЕРНЕР: Было невозможно удержаться от смеха. Мы очень близкие подруги, но в основном веселимся, это не рабочие

отношения. Но все получилось, да? Я очень нервничала. Это как перед мамой играть: когда кто-то смотрит, всегда хуже выходит. Но потом это обернулось удачей, потому что принужденности между нами не было. Нас не пугало сближение наших героинь, потому что нам было очень комфортно друг с другом.

Когда в реальном мире члены семьи встречаются после долгой разлуки, очень сложно пересмотреть прежние отношения и мнение друг о друге. В «Игре престолов» происходит то же самое. Санса по-прежнему думает, что Арья – бестолковая неумеха, а она считает старшую сестру амбициозной глупышкой, и обе недооценивают друг друга.

СОФИ ТЕРНЕР: Арья все еще видит в Сансе ту изнеженную заносчивую девчонку, какой та была до отъезда в Королевскую Гавань. Они не рассказывают друг другу о своих испытаниях, сестры и прежде не особо общались. Так что, когда им жизненно необходимо честно поговорить, они не знают, как к этому подступиться, они не понимают друг друга.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Если бы с Арьей случилось то, что пережила Санса, она была бы уже мертва. Если бы Санса прошла через испытания Арьи, она бы тоже не выжила. Они обе отлично справились со всеми невзгодами, но если бы их поменяли местами, ни одна из них долго не протянула бы.

Мизинец пытается настроить Арью и Сансу друг против друга, показав младшей сестре письмо, которое старшая под нажимом Серсеи отправила во втором сезоне Роббу Старку, призывая его присягнуть в верности Джоффри во время Войны Пяти Королей. Это послание создает впечатление, что Санса предала брата, и Арья начинает сомневаться, насколько та верна их семье.

ЭЙДАН ГИЛЛЕН (МИЗИНЕЦ): Было очевидно, чего хочет добиться Мизинец. В то же время он начинает понимать, что Санса теперь так же умна, как и он, и ничего не принимает на веру. Эти двое использовали друг друга, наслаждались обществом друг друга и многое друг от друга скрывали. В тщательно продуманных планах всегда присутствует элемент риска. Думаю, Мизинцу это нравилось. Он поставил на карту свою жизнь, как настоящий игрок.

Петир Бейлиш встретил Арью во втором сезоне, когда она, скрывая свое имя, служила виночерпием у Тайвина Ланнистера в

Харренхоле. Теперь он чувствует, что ее не стоит недооценивать.

ЭЙДАН ГИЛЛЕН: Мизинец с большой осторожностью относится к Арье. Он не понимает, на что она способна и что ею движет, но догадывается. Нам не говорят, узнал ли он девочку, когда они встретились в Харренхоле, но мое мнение такое: да, узнал, но ничего не сказал и никак на это не отреагировал.

Тернер после вспоминала, как сложно ей было принять, что Мизинцу так хорошо удалось натравить Арью и Сансу друг на друга.

СОФИ ТЕРНЕР: Мы с Мэйси читали сценарий, и там были сплошные ссоры, интриги и подозрения. Это выглядело не очень-то достоверно.

БРАЙАН КОГМАН: Это было очень трудно показать, в седьмом сезоне сложно было создать нужную атмосферу, поймать настроение. Но девочки отлично справились.

Алан Тейлор работал с Уильямс и Тернер в первых двух сезонах – вернувшись теперь, он увидел, насколько они стали лучше как актрисы.

АЛАН ТЕЙЛОР (РЕЖИССЕР): В первом сезоне они были практически детьми. Когда я вернулся, мы снимали сцену, где у них по несколько страниц диалога и они приглядываются друг к другу. За кадром они по-прежнему смеются, поют песни и дурачатся. Но как только включалась камера, каждый раз, дубль за дублем, у обеих в определенный момент начинали поблескивать глаза. Это были не слезы, а эмоциональный накал. И это происходило каждый раз, буквально в один и тот же момент. Я подумал: как прекрасно, что они превратились в таких замечательных актрис.

Что касается Брана Старка, то его перевоплощение в Трехглазого Ворона означало полное переосмысление этого персонажа, что потребовало от актера Айзека Хемпстед-Райта более ответственного подхода к игре.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ (БРАН СТАРК): Если бы в первые годы съемок я сказал, что отлично понимаю искусство создания экранного образа, то соврал бы. Я просто произносил свои реплики и делал то, что велел режиссер. Для Брана этого было достаточно, потому что он был ребенком. Этот персонаж

присутствовал в сериале эпизодически. Только в седьмом сезоне от меня потребовалось полное перевоплощение, и я понял: «Так, мне действительно нужно как-то над этим поработать», чем и занялся. До этого я просто плыл по течению и наслаждался моментом.

БРАЙАН КОГМАН: «Ты умер в той пещере», – сказала ему Мира Рид. Добрый невинный мальчик пал вместе с Ходором. Теперь он стал кем-то другим. Он по-прежнему Бран и хочет творить добро, но в то же время он стал чем-то большим. Мы прозвали его “Доктор Бранхэттен”[35]».

Для Трехглазого Ворона Райт выработал особый, напряженный, всеведущий взгляд. Когда включалась камера, близорукий актер снимал очки или линзы и становился «совершенно слепым», как он рассказывал на шоу «Джимми Киммел в прямом эфире». Когда зрителям кажется, что Бран смотрит прямо в душу, Трехглазый Ворон своего собеседника не видит вообще.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ: Было очень здорово всех пугать. Теперь в любой сцене с участием Брана все внимание было обращено на него, потому что выглядел он реально жутко.

СОФИ ТЕРНЕР: Он все время пялится, и Сансе от этого очень не по себе. Ею движет желание выжить и жить дальше. Она хочет, чтобы все было как прежде, и очень обрадовалась, когда все вернулись домой. А потом оказалось, что Бран стал совсем другим, как и Арья. Санса постепенно расстается с детством, и это приводит к небольшому личностному кризису: «Какого хрена я тогда вообще здесь делаю?»

Впрочем, сценаристы хотели как можно аккуратнее подойти к вопросу способностей Брана. Когда у вас есть персонаж, который познал прошлое и будущее, это потенциально может привести к сюжетным противоречиям. Поклонники сериала начнут все время спрашивать: «А почему Бран не предсказал, что?..»

БРАЙАН КОГМАН: Если слишком зацикливаться на путешествиях во времени, это может обернуться против тебя. Мы смогли обойти этот момент (и встроить этот ход в общую канву повествования) благодаря нападению Короля Ночи. Это классический сюжетный ход из фильма «Звездные войны. Эпизод V: Империя наносит ответный удар» – «обучение не закончено». У Брана есть информация, но нет инструментов для ее обработки. Так что озарения приходят к нему урывками.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Одним из наших любимых моментов в «Игре престолов» с самого начала был тот, что в этом мире магия не вполне управляет сюжетом. Им движут психология, поведение, желания людей, и мы изо всех сил старались, чтобы так оно и осталось, – большей части аудитории это гораздо ближе, чем волшебство, каким бы интересным оно ни было.

Среди того, что успел узнать Трехглазый Ворон, есть информация, что Мизинец предал Неда Старка, а также разговор Бейлиша с Варисом, в котором он заявил: «Хаос – это не провал. Хаос – это лестница. Многие пытались взойти по ней, но оступались и уже не пытались вновь. Падение ломало их. У других был шанс взойти наверх, но они отказывались, продолжая цепляться за власть, за Богов или за любовь. Все это иллюзии. Реальна лишь лестница, и важен только подъем».

Уайсс написал эту речь еще в первый год работы над сериалом и дважды пытался вставить ее в сцены с Мизинцем, пока она, наконец, не обрела свое место в третьем сезоне.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Эту сцену выреза ли дважды, а мы все продолжали пытаться добавить ее куда-нибудь.

ДЭН УАЙСС: Мы сняли эту речь в другой сцене, и там это вышло не очень, поэтому мы от нее отказались. К третьему сезону Дэвид, наверное, уже думал: «Блин, чувак, это три слова, забудь про них уже».

ЭЙДАН ГИЛЛЕН: Я хорошо помню съемки сцены с речью «Хаос – это лестница»; работать с Конлетом Хиллом всегда интересно, весело и немного опасно. Но на переозвучке накал этой сцены немного увеличился. Я всегда любил этот процесс, потому что в крайнем случае тебе нужно просто повторить то, что ты уже говорил, но при этом у тебя есть еще и возможность придать сцене новый оттенок. Когда я увидел смонтированную серию – особенно кадр, где Санса смотрит на корабли, – я понял, что этой сцене не хватает напряжения и меткости. Фрэнк Дульгер отвечал за ту серию, и он дал мне время, чтобы попробовать разные варианты. Эта реплика стала мантрой Петира Бейлиша. Эта и еще «Сутенерство – тяжкий труд»[36].

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ: Момент, когда я отвечаю Мизинцу его же словами, – один из моих любимых в сериале. Это просто культовая реплика. Было круто смотреть, как он запаниковал.

ЭЙДАН ГИЛЛЕН: Когда Бран сказал Мизинцу: «Хаос – это лестница», земля под ногами Бейлиша заколебалась. Тогда герой

понял, что все, что он делал за закрытыми дверями, не обязательно за ними останется.

Стратегия Мизинца обернулась против него самого: Старки объединились и раскрыли его заговор. Бейлиша призвали в большой зал, где его ждали судья (Санса), присяжные (Бран) и палач (Арья). Такой поворот сюжета означал, что пришла пора прощаться с Гилленом, который каждый год щедро выставлял съемочной группе «Престолов» семьдесят бутылок виски.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Мизинец получился совсем не таким, каким мы его представляли. Эйдан – такого плана актер, который способен изменить своего персонажа к лучшему, делая странные и загадочные вещи. С точки зрения экранного времени это относительно второстепенный герой. То, что Мизинец стал такой значительной фигурой, что он всегда всплывает в разговорах и даже мыслях о сериале, – это заслуга Эйдана. В каждой сцене с его участием он заставляет вас думать только о Бейлише. А в сценах, где Мизинец – центральный персонаж (как в его последней сцене, например), его игра абсолютно завораживает.

КОНЛЕТ ХИЛЛ (ВАРИС): Было бы здорово, если бы Варис и Мизинец встретились еще раз. По-моему, это планировали сделать, но не получилось. И я очень расстроился, что Варису не дали возможности отреагировать на его смерть – они же были заклятыми врагами! После шестого сезона было такое ощущение, что про меня немножко забыли.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Дайана Ригг до конца оставалась в образе, Бейлиш тоже – в своем мерзком трусливом стиле. Убить Мизинца было нелегким решением, но что поделать – не на тех девчонок он наехал.

СОФИ ТЕРНЕР: Это моя любимая сцена, потому что в ней видна сила двух сестер, которые сильнее вместе, чем по отдельности. Для Сансы это момент освобождения – она понимает, что больше не нуждается в Мизинце. Для моей героини это потрясающий шаг. Она наконец освободилась от его влияния, он больше не властен над ней. Их отношения всегда были сложными, в глубине души Санса всегда постоянно в нем нуждалась и побаивалась его. Она как будто школу закончила. Ей нужно избавиться от Мизинца, чтобы ее семья объединилась и стала сильнее. И все же это горькая победа, потому что Петир был ее другом, из-за него она много раз оказывалась в дерьмовой ситуации, но и спасал он ее не раз. Эйдан был просто великолепен. В первый раз Мизинец проявил эмоции.

ДЖЕРЕМИ ПОДЕСВА (РЕЖИССЕР): В этой сцене много

эмоциональных скачков. Глубокое удовлетворение, оттого что младшие Старки объединились, радость отмщения за Сансу, которую Мизинец практически продал Рамси. Мощный трогательный момент, когда Бейлиш понимает, что его побили его же оружием, – раньше ситуацией всегда управлял он. Это персонаж, которого любишь и ненавидишь одновременно, поэтому мы сопереживаем ему, ведь он борется за свою жизнь. Из всех эпизодов, что я снимал для сериала, этот – один из самых любимых, и у Эйдана тоже, хотя ему было тяжело уходить. У его героя была одна из самых убедительных финальных сцен.

Гиллен отмечает кармическое изящество смерти Мизинца. Искрой, из которой разгорелась его жажда власти, стало поражение в поединке с братом Неда Старка, Брандоном, за руку Кейтилин Старк много лет назад. В память об этом у Мизинца остался длинный шрам, который он тщательно скрывает под камзолами с высоким воротником. Теперь дочь Кейтилин приговаривает его к смерти, а племянник Брандона, названный в честь дяди, представляет губительные для Бейлиша доказательства – в том числе и кинжал, которым Мизинец в первом сезоне снабдил наемного убийцу, приказав тому убить мальчика.

ЭЙДАН ГИЛЛЕН: Как только он вошел в зал и увидел, как Арья достает кинжал, он понял, что его песенка спета. Он оказался в унизительном положении, это был впечатляющий конец – снова вернуться к тому, с чего все началось: его отвергла Кейтилин и унизил Брандон Старк. Наверняка он испытывал к Сансе более глубокие чувства, чем показывал. Но я не хочу слишком об этом распространяться. Не буду раскрывать свои карты.

Глава 28
Прогулки и разговоры

Актеры, снимавшиеся в «Игре престолов», понятия не имели, чем закончатся истории их героев. Поэтому, когда в октябре 2017 года был назначен день читки последних шести серий, актерский состав занервничал. Продюсеры вот-вот должны были разослать ссылки на защищенный сайт, где были выложены засекреченные сценарии. Наконец-то они узнают финал истории, которую десять лет рассказывали всему миру.

«Сезоны шли один за другим, и каждый думал: каким будет финал? – рассказывает Питер Динклэйдж. – Кто выживет? Если ты умрешь, то как? От этого с ума сойти можно».

Впрочем, переживали не только актеры.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Мы знали, когда наш координатор отправит актерам ссылки, с точностью до минуты. Нам оставалось только сидеть и ждать сообщений.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Когда над чем-то работаешь десять лет, последние серии всегда пишутся тяжело, потому что значение и вес каждой сцены существенно возрастают. «Подойдет ли эта реплика?» – такие вопросы становятся гораздо важнее. С другой стороны, ты последние пять лет только и делал, что размышлял об этих героях, так что у тебя формируется крепкая база для сценария.

ДЖОЗЕФ ДЕМПСИ (ДЖЕНДРИ): Мы получили сценарий в четверг, а читка была в воскресенье. Я пролистывал почту в спортзале, а там… он.

ЭМИЛИЯ КЛАРК (ДЕЙЕНЕРИС ТАРГАРИЕН): Я была в самолете, возвращалась с отдыха. У меня был маленький перерыв между «Звездными войнами» и «Игрой престолов», и я подумала: «Зуб даю, они отправят мне этот сраный сценарий, когда я в отпуске, и мне придется его читать и расстраиваться». Все время я думала об этом, а как только самолет приземлился в Хитроу – бац! – а вот и сценарий, чудненько. Я повернулась к своему лучшему другу – мы вместе ездили – и такая: «О Господи!» Чуть из штанов не выпрыгнула. «Мне надо бежать! Мне надо бежать!» А мне в ответ: «Багаж не забудь!»

ДЖОЗЕФ ДЕМПСИ: Наш чат в WhatsApp сразу оживился: «Прислали!» Все писали: «Только без спойлеров!», но Джейкоб признался, что он сначала пролистал шестую серию, чтобы

посмотреть, выжил ли он.

ДЖЕЙКОБ АНДЕРСОН (СЕРЫЙ ЧЕРВЬ): У меня были подозрения. Это финал, здесь решается судьба каждого персонажа. «Что будет со мной? Чем все завершится?» Честно говоря, я вообще не хотел, чтобы все заканчивалось. Когда пришел сценарий, я даже читать не хотел – это означало смириться с концом истории.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): Я впервые не стал заглядывать в конец (чтобы посмотреть, выжил ли Тирион).

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ (БРАН СТАРК): Сначала я подумал, что это шутка, что Дэн и Дэвид послали каждому из нас сценарий, в котором наш герой получает Железный Трон. Очень смешно, ребята. А потом я понял, что это правда. Хотелось выбежать на улицу и кричать: «Я король, засранцы! Король!»

ЛИАМ КАННИНГЭМ (ДАВОС СИВОРТ): Я был в Нью-Йорке, и сраная ссылка не открывалась – двойной уровень безопасности! Все думали, что я такой луддит[37] – даже на сайт зайти не могу. Потом я приехал в Белфаст и говорю: «Вот, не открывается!», и у них тоже не открылось. Так что я тут ни при чем.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС (АРЬЯ СТАРК): Я не заметила, что сценарий пришел. Я отдыхала, тусовалась с друзьями, и тут Софи пишет: «Ну что, прочитала?» и потом: «Сразу пролистывай к этой серии и этой сцене». Это была сцена с Арьей и Джендри.

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): Да, точно! Я написала: «Прочитай, это классно!», а Мэйси и рада. Мы всегда спойлерим друг другу сценарии.

Гвендолин Кристи и Николай Костер-Вальдау тоже удивились, что их персонажи переспали друг с другом в последнем сезоне.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ (БРИЕННА ТАРТ): Николай прислал мне сообщение, полное смеющихся смайликов, а я в ответ отправила блюющий смайлик. Вот такие мы современные.

Пока авторы сериала проверяли почту в ожидании реакции актеров, некоторым из актеров срочно захотелось пройтись.

ДЭН УАЙСС: Почему они не пишут?! Значит, им понравилось? Или вообще не зашло?

ДЭВИД БЕНИОФФ: Софи первая написала, так что ей достается приз за скорочтение. Она прочла сценарий всех шести серий за час или типа того.

СОФИ ТЕРНЕР: Ты столько всего ждешь от последнего сезона

и от концовки. Я представляла себе сотни вариантов развития событий. А когда наконец читаешь сценарий – отчасти потому, что Дэвид и Дэн любят розыгрыши, – то думаешь: «Да нет, быть такого не может! Правда так закончится? Боже-боже-боже!!!»

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Это прозвучит грустно, но я отнеслась к чтению этого сценария так же обстоятельно, как – надеюсь! – истинные фанаты подошли к просмотру последнего сезона. Я удобно устроилась – реально подготовила себе уютное местечко, где буду читать, – заварила чашечку чаю и принялась за сценарий. Прочитанное произвело на меня такое глубокое впечатление, что я вышла из дома, взяв только ключи и телефон, и часами бродила по улицам – все ноги стерла.

СОФИ ТЕРНЕР: Прочтя сценарий, я словно онемела. Мне было необходимо выйти на воздух, я гуляла несколько часов. И еще я много плакала. Не из-за чего-то конкретного, а потому что этот проект подходил к концу. Но финал мне показался отличным.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Если твоему герою повезло дожить до восьмого сезона, то ожидаешь, что он погибнет уже на первой странице сценария. Хуже всего, когда умираешь за кадром. Каждые пару страниц я думала, что это конец. Это очень волнительно. Я вложила все сердце и душу в этот проект, да и физически тоже впряглась – и это было для меня очень тяжело. Пару раз во время чтения я сильно краснела. Описание некоторых сцен вызвало у меня очень сильные чувства, даже пришлось выйти прогуляться. И еще у меня возникло множество вопросов.

Вес спойлеров давил на актеров, как никогда раньше. У них в руках были ядерные коды массовой культуры, которые хотел заполучить весь мир, и они боялись случайно проговориться, даже болтая между собой.

ДЖОЗЕФ ДЕМПСИ: Иногда я был не уверен, что мой мозг – достаточно надежное хранилище. Ты знаешь что-то, что жаждут узнать миллионы людей. Это ужасно странное чувство, как будто ты шпион с полным портфелем секретов под мышкой.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Мы общались в стиле: «Ну что, как жизнь?» – «Норм, а у тебя?» – «Читал что-нибудь интересное в последнее время?» А посылать сообщения вообще было страшно.

Актеры, которые обнаружили, что их персонажи не дожили до финала, отреагировали на эту новость по-разному.

ИЭН ГЛЕН (ДЖОРАХ МОРМОНТ): Восемь лет ты читаешь

сценарии и думаешь: «Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста…» Не хочется расставаться с компанией, хочется продолжать путешествие вместе со всеми. Но если уж умирать, то в последнем сезоне. Сир Джорах погиб достойно, как настоящий герой. Дэн и Дэвид очень мило переживали, как мы отреагируем, они чувствовали, что те, кто не доживет до финала, очень расстроятся. Поэтому я сразу написал им, что мне сценарий понравился.

КОНЛЕТ ХИЛЛ (ВАРИС): В то время я был ужасно расстроен. Все думал: «Что я сделал не так?» Я не мог избавиться от мысли, что я где-то недотянул, не оправдал каких-то неведомых ожиданий. Вряд ли те, кто ни разу не проходил через такое, смогут меня понять. Все думают: «В чем трагедия? Все равно это последний сезон». Но ты невольно принимаешь это близко к сердцу. Спустя какое-то время начинаешь смотреть на вещи под другим углом и понимаешь: «О, это отличная смерть, благородная гибель во благо других». Теперь-то я в порядке, но тогда был безутешен.

ДЭЙВ ХИЛЛ (СОПРОДЮСЕР): Конечно, некоторые актеры думали: «Эх, а я хотел закончить сериал королем или королевой», или хотели, чтобы у их персонажа был монолог страниц на десять. Но в целом все отреагировали хорошо.

Отдельно стоит сказать о реакции Кита Харингтона – точнее, об отсутствии таковой.

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Мы с Эмилией вместе летели в Белфаст, и я сказал ей, что еще не читал сценарий.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Боже. Это прямо типичная ситуация для нас с Китом. «Чувак, ты что?! Серьезно?! Реально не читал?!»

КИТ ХАРИНГТОН: Какой смысл молча читать сценарий в одиночестве, когда я могу послушать, как его читают остальные, и узнать, что случилось, в кругу друзей?

ДЭН УАЙСС: «Кит так и не написал. Вот черт. Ему настолько не понравилось? Если так, может, мы и правда что-то не то написали?» Мы очень долго думали над его персонажем. Наконец мы увидели его на читке и сразу спросили: «Ну?»

КИТ ХАРИНГТОН: Я зашел в комнату со словами: «Я еще не читал, не рассказывайте».

ДЭН УАЙСС: Он сказал: «Я хочу в первый раз услышать обо всем здесь». Было большим облегчением это услышать, потому что если бы он прочитал сценарий, а нам ничего не написал, это бы как минимум означало, что у него возникли очень противоречивые чувства.

КИТ ХАРИНГТОН: Я стал для сценаристов лакмусовой бумажкой. Они все время следили за моей реакцией, так что день прошел очень весело.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ: Жалко, я не догадался так сделать, потому что когда слышишь все это впервые, это непередаваемые ощущения, ты буквально проживаешь происходящее всем телом.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Перед читкой все обсуждали третью серию. Мигель спросил: «Ты читала сценарий?», а я такая: «Нет», и тогда он сказал: «О, не буду тогда рассказывать». А я такая: «Мы с мертвецами драться будем? А Короля Ночи убьют? А кто убьет? Что там будет-то?» И все молчат. Почему никто не хочет рассказывать?

Читка восьмого и заключительного сезона «Игры престолов» длилась два дня.

КЭРИС ВАН ХАУТЕН (МЕЛИСАНДРА): Это было похоже на первое сентября, когда ты снова встречаешься с друзьями после каникул. Это был наш последний учебный год. Если чей-то персонаж погибал, мы подбадривали друг друга аплодисментами. Когда читали о чьих-то последних минутах, комната просто взрывалась овациями и словами поддержки.

КИТ ХАРИНГТОН: Когда Арья завалила Короля Ночи, воткнув в него кинжал, мы нереально орали.

РОРИ МАККАНН (САНДОР «ПЕС» КЛИГАН): Это было очень волнительное чтение. Когда умирают герои и все такое, то видишь, как люди расстраиваются. Когда дошли до сцены «Кубка Клиганов», то перед тем, как произнести последние слова Пса, я протрубил в трубу, которую принес с собой.

Наконец наступил поворотный момент заключительного сезона, когда Джон Сноу пронзает кинжалом сердце своей возлюбленной Дейенерис Таргариен. В сценарии заключительной серии было написано:

У подножия Железного Трона Дени делает шаг вперед и целует любимого. Это прекрасный поцелуй, полный подлинной любви и страсти.

Мы наводим на них камеру, пока в объективе не появятся их лица крупным планом: глаза обоих закрыты, рука Джона на затылке Дени, ее рука – на его щеке.

Неожиданно Дени открывает глаза и резко вдыхает воздух. Глаза Джона тоже открыты и полны слез. На мгновение оба замирают, как будто любое движение сделает происходящее неизбежной реальностью.

На более широком ракурсе мы видим, что другая рука Джона все еще покоится на рукоятке кинжала, который он только что вонзил в сердце Дени. Силы покидают ее, и она падает на мраморный пол. Джон поддерживает ее и опускается рядом с ней на колени.

Джон смотрит на то, что совершил. Это было ужасно. И необходимо. Он надеется, что они смогут провести еще одно мгновение вместе.

Кларк впервые прочитала сценарий дома. Она вспоминает, что шесть раз перечитала этот кусок, чтобы понять, что произошло. «Чего-чего-ЧЕГО?! Этого вообще ничто не предвещало. Я была в шоке. Абсолютно не ожидала такого».

КИТ ХАРИНГТОН: На читке Эмилия сидела напротив меня. Описание сцены читал я. Я посмотрел на нее, и был такой момент, когда я думал: «Нет, нет…», а она грустно кивнула головой.

В документальном фильме HBO «Игра престолов. Последний дозор» мы видим, как Харингтон, со слезами на глазах, резко отодвигается от стола и закрывает рот рукой.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Он посмотрел на Эмилию, а она кивает, ну, он и прослезился немного. Честно говоря, я вздохнула с облегчением. После долгого ожидания все, наконец, закончилось – и закончилось как надо. Я не читала сценарий шестой серии – берегла ее для читки, – так что я тоже ни о чем не подозревала.

КИТ ХАРИНГТОН: Я два раза плакал. Один раз на читке сцены с Джоном и Дени, которая меня очень растрогала, а второй – в самом конце. В каждом сезоне ты читаешь сценарий, и в конце написано: «Конец первого сезона», «Конец второго сезона». А в этот раз там было «Конец “Игры престолов”». И ты такой: «Твою мать, это и правда конец».

Глава 29
Самая долгая из ночей

Двор замка Винтерфелл: снег, смешанный с грязью и кровью, костры заполняют все вокруг дымом и жаром, окоченевшие тела со следами жутких ран свалены в кучу. Со стен понуро свисают знамена Старков.

Я поднимаюсь по скользким ступенькам, иду по скрипучим укреплениям вдоль стены. Рядом с главными воротами в парапете есть щели, через которые открывается захватывающий вид на раскинувшееся внизу поле битвы, горбы катапульт, глубокие канавы, утыканные по краям деревянными кольями, и сотни готовящихся к схватке солдат. Холодно, изо рта валит пар. Снова пошел ледяной дождь. Вдалеке раздавался голос помощника режиссера, призывающего массовку занять свои места: «Ребята, бегом, вы не на пикник пришли!»

Мимо меня проходит сир Давос. «А я-то думал, что подрядился на характерную роль», – вздыхает он.

Во время съемок первого сезона «Игры престолов» Винтерфелл построили посреди овечьего пастбища. Замок и тогда впечатлял, но в 2017 году, когда эти декорации перестраивали для заключительного сезона и великого сражения живых с мертвыми, его сделали в три раза больше. Теперь можно было гулять по огромной территории и воображать, что ты у Старков дома. Это был потрясающий парк развлечений средневекового фэнтези, черепаший замок юного Джорджа Р. Р. Мартина, воплощенный в жизнь.

ДЕБОРА РАЙЛИ (ХУДОЖНИК – ПОСТАНОВЩИК): Мы расширили Винтерфелл в том числе и для того, чтобы показать зрителям места, которые не появлялись на экране раньше. До этого было непонятно, откуда приносят еду и пиво, где пекут хлеб, – все, что происходило на кухне и в кладовых, оставалось за кадром. Теперь замок стал по-настоящему живым и реалистичным.

Если бы в начале съемок первого сезона мы представляли, чем все закончится, то возвели бы Винтерфелл не на болотистой овечьей ферме, а в другом месте. Ужасно трудно уплотнить грунт так, чтобы солдаты могли передвигаться, не проваливаясь по колено в грязь. Не говоря уже про катапульты и прочее.

Ближе к Белфасту построили еще одну огромную площадку, полностью скопировав несколько улиц Старого Города в

Дубровнике. Эти декорации создали для другого сражения заключительного сезона – битвы в Королевской Гавани. И они тоже впечатляли: небольшой лабиринт мощеных улиц, выглядящих в точности как хорватский оригинал. Создать столь тщательную копию уже существующего города было необходимо, потому что, как заметил Дэн Уайсс, «Дубровник мы взорвать не можем».

Создатели сериала долго думали, какими будут эти финальные сцены: одна – битва живых и мертвых, вторая – сражение выживших между собой. О таких масштабах и мечтать было нельзя в условиях изначального бюджета и расписания. Съемки шести заключительных серий заняли девять месяцев, тогда как предыдущие десятисерийные сезоны снимали обычно месяцев за шесть. Для сравнения: съемочный период большинства голливудских фильмов, как правило, составляет три-четыре месяца.

Длительность, напряженность и размах батальных сцен, ожидание зрителей, жаждавших достойной концовки, и суровые условия натурных съемок вынуждали актеров и съемочную группу преодолевать, по словам Николая Костера-Вальдау, «небывалые сложности».

«На сцену, которую два года назад сняли бы за сутки, теперь уходило пять дней, – рассказывает Кит Харингтон. – Продюсеры хотели, чтобы все было идеально, поэтому снимали всеми возможными способами, чтобы потом было из чего выбрать. А поскольку после восьми сезонов это, наконец, финал, сцены очень эмоциональны. Постоянно поддерживать такой накал реально изматывает».

Самым большим вызовом – не только в восьмом сезоне, но и за всю историю сериала – стали съемки серии «Долгая ночь». С первой сцены пилота нам намекали на угрозу, которую представляют собой Белые Ходоки. Все, кто работал над «Игрой престолов», понимали: битва при Винтерфелле должна оправдать годы предвкушения.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Все с самого начала шло к этому моменту. Это битва живых и мертвых, тут двадцатиминутной сценой не обойдешься.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): С самого начала наша идея заключалась в том, чтобы показать все эти королевские войны, которые кажутся такими важными и глобальными, на фоне существования гораздо более страшной угрозы, о которой знают лишь немногие на задворках большой политики. Сериал всегда строился так, чтобы в конце силы,

пришедшие с востока и севера, сошлись и определили судьбу всех, кто находится между ними.

Обычно батальные сцены в «Престолах» включают минут пятнадцать разговоров – эдакое затишье перед бурей, настоящим светопредставлением. В восьмом сезоне сценаристы посвятили подготовке героев к битве целую серию под названием «Рыцарь Семи Королевств». Брайан Когман написал сценарий в стиле театральной пьесы (об основных моментах «Рыцаря Семи Королевств» мы поговорим позже). Благодаря этому «Долгая ночь» началась без лишней раскачки, возможно, самой продолжительной батальной сценой в истории кино и телевидения. Восемьдесят две минуты экранного времени полностью состояли из разных сражений (для сравнения: знаменитая сцена на Омаха-Бич, с которой начинается «Спасение рядового Райана», длилась двадцать семь минут, а битва в Хельмовой Пади из фильма «Властелин колец: Две крепости» – сорок). Для этого проекта продюсеры снова пригласили режиссера «Сурового Дома» и «Битвы Бастардов» – Мигеля Сапочника.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК (РЕЖИССЕР): Я немного волновался, потому что от меня ждали, что я превзойду самого себя. Не выношу этого.

ДЭВИД БЕНИОФФ: В том, чтобы просто снять самую масштабную битву, нет ничего интересного. Самое длинное сражение – это звучит скучно. Частью нашей задачи – то есть задачи Мигеля – было сделать битву захватывающей. Если люди будут просто сорок пять минут рубить мертвецов, такое зрелище быстро наскучит.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: В определенный момент зрители устают смотреть на бойню. Я смотрел «Две крепости», и там на самом деле три разных сражения в трех местах, с монтажными перебивками. Я пытался понять, когда битва надоедает. Мне показалось, что единственный правильный подход в этом случае – рассматривать каждую сцену в отдельности и спрашивать себя: «Что меня цепляет?»

Секретным (не очень) оружием авторов стало созвездие любимых героев. Команда «Престолов» решила, что если показывать каждого из них в сражении на разных участках битвы, эти маленькие истории помогут аудитории выдержать положенную по жанру мясорубку.

ДЭН УАЙСС: Главное в этом сражении – судьбы персонажей, а не количество мечей и копий, которыми размахивает массовка. Нам повезло, у нас было семьдесят с лишним часов на то, чтобы познакомить зрителей с каждым из героев. В этой битве сходится множество отдельных историй.

ДЭЙВ ХИЛЛ (СОПРОДЮСЕР): Крупные сражения обычно происходят в последние пятнадцать минут фильма или сериала. Это сделано умышленно – иначе зрители потеряют интерес. У нас есть масштабная битва, да. Но еще у нас есть эпизод с Арьей в библиотеке, похожей на дом с привидениями, сцена с Тирионом и Сансой в склепе, которая превращается в настоящий хоррор, Дени и Джон верхом на драконах. У каждого из этих сюжетов своя специфика, так что ощущения однообразия не возникает.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Сокращение сценария на этот раз заняло больше времени, потому что Дэвид и Дэн не думали ничего вырезать. Мы все хотели сохранить первоначальный сюжет, но приходилось реально смотреть на вещи – что мы можем сделать, а что нет. Самое интересное, это чем меньше в сцене драк, тем лучше. Мы переключались с одного жанра на другой – с триллера на ужасы, с экшена на драму – и благодаря этому не увязли в непрерывном мочилове, которое быстро приедается.

Сначала планировалось снимать «Долгую ночь» небольшими сегментами, чтобы на площадке находилось меньше актеров и членов съемочной группы одновременно. Но такой подход требовал жесткой структуры и ограничивал возможности импровизации или повторных съемок сцен с участием большого количества людей. Опыт «Сурового Дома» и «Битвы Бастардов» научил Сапочника, что действовать точно по плану не получится – особенно когда речь идет о натурных съемках в суровых погодных условиях. Поэтому ему важно было иметь пространство для маневра, чтобы быстро реагировать на изменения.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Мы построили огромный новый Винтерфелл и рассуждали так: «Этот эпизод мы будем снимать здесь, а тот – вон там». То есть мы разбили серию на такое количество сегментов, что это стало похоже на марвеловский фильм, где нет никакой плавности, никакой импровизации. Даже когда снимают «Звездные войны», строят только отдельные части декораций, а потом добавляют огромные куски, снятые с зеленым экраном. Мы тоже думали разбить все на маленькие кусочки, а потом собрать их вместе. В этом есть смысл, это эффективно, но когда так делаешь, теряется спонтанность, возможность направлять камеру туда, куда тебе хочется. Я ходил по площадке

и думал, как это круто – бродить по замку и находить интересные ракурсы, которых раньше не замечал.

Сапочник предложил альтернативное расписание, которое включало одиннадцать недель ночных съемок подряд.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Я сказал продюсерам: «Я знаю, что это хреновый вариант. Знаю, что будет холодно. Я не хочу одиннадцати недель ночных съемок, никто не хочет. Но если мы продолжим в таком духе, мы потеряем то, что делает “Престолы” такими классными, – ощущение реальности происходящего, хоть это и фэнтези с драконами».

За эти годы в сериале было немало сцен ночных сражений. Но съемки битвы при Черноводной или за Черный Замок, где все снимались под проливным дождем, длились где-то по три недели. Насколько было известно продюсерам, ни один фильм или сериал не пытались создавать по такому плотному графику.

ЛИАМ КАННИНГЭМ (ДАВОС СИВОРТ): Нас позвали в продюсерскую палатку и сообщили новости. Показали превью серии – слегка анимированную раскадровку. Это были потрясающие кадры. Мигель сказал, что мы будем снимать это пятьдесят пять ночей, и многие начали переглядываться друг с другом. Некоторые из нас участвовали в Битве Бастардов, которую снимали в два раза меньше и днем. Я сразу подумал: «Да мать же вашу, это кошмар какой-то. Как будто они нарочно пытаются все просрать». В теории это было безумием. Но продюсеры хотели, чтобы все были в курсе, что за дерьмо нас ожидает, чтобы люди потом не жаловались на то, что их не предупредили.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Мигель сделал рассылку всем актерам: «Пожалуйста, заранее поменяйте свой распорядок дня. Вы будете сильно уставать, мерзнуть, сниматься в промокшей одежде, поэтому постарайтесь как следует подготовиться».

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ (БРИЕННА ТАРТ): Я попросила Мигеля о встрече. Мне было очень важно, чтобы отношения Джейме и Бриенны были видны во время битвы. Зритель должен чувствовать, что эта связь долго формировалась, и в результате сложилась редкая ситуация, когда герои абсолютно доверяют друг другу и друг на друга рассчитывают. И вот эти сложные, но крепкие отношения переносятся в центр невероятно жестокой, ужасной войны. Разлучит ли их эта война или, наоборот, сблизит?

МЭЙСИ УИЛЬЯМС (АРЬЯ СТАРК): Меня сражения до сих пор

обходили стороной, что странно, потому что Арья тренируется больше всех. А за год до этих съемок мне позвонил Мигель и сказал: «Начинай тренироваться, потому что съемки будет очень жесткими». Я ответила: «Ну да, конечно…»

В этой серии должны были погибнуть несколько персонажей, в том числе Теон Грейджой, который наконец стал самоотверженным героем и пал, пытаясь защитить Брана от Короля Ночи…

БРАЙАН КОГМАН: Алфи было тяжело, потому что в этой сцене были трюки, спецэффекты и прочие вещи, которые он никак не мог контролировать. Ему было нелегко сыграть последние минуты жизни своего героя посреди всего этого безумного хаоса. Я помню, как мы это снимали: смерть Теона была просто еще одним эпизодом, который нужно снять в эту ночь. И только при окончательном монтаже видишь тонкость игры Алфи: муку Теона и в то же время момент очищения и умиротворения, потому что он умирает, защищая Брана. В сериале было много сюжетных линий, связанных с шансом на искупление – упущенным или нет. Теон свой шанс однозначно использовал.

…и Джорах Мормонт погиб, защищая Дейенерис от мертвецов.

ИЭН ГЛЕН (ДЖОРАХ МОРМОНТ): Либо история твоего персонажа завершается, либо он доходит до самого конца и люди строят предположения, что его ждет в будущем, – чего никто никогда не узнает. Я счастлив, что история моего героя подошла к концу. Нет никаких сомнений, что Джорах пожертвовал бы своей жизнью ради победы Дени. Так что его история, в какой-то степени, завершилась именно так, как он хотел.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Мы планировали, чтобы в конце сериала сир Джорах оказался на Стене, – чтобы в заключительной сцене из тоннеля выходили трое: Джон, Джорах и Тормунд. Но нам пришлось бы сильно изменить логический ход событий, чтобы отправить его на Стену и заставить покинуть Дени накануне ее трагической метаморфозы, – это было бы невозможно сделать просто так, без каких-либо объяснений. Для Джораха было логично пасть смертью храбрых, защищая любимую женщину, как он всегда и мечтал.

Еще одной потерей стала Лианна Мормонт. Актриса Белла Рэмси изначально должна была участвовать всего в одной серии

шестого сезона. Но она настолько приковывала к себе внимание, что создатели сериала не могли с ней расстаться (любимая реплика самой Рэмси: «Мне нет дела до того, что он бастард, в его жилах течет кровь Неда Старка!»).

БРАЙАН КОГМАН: Этот эпизод мог выйти ужасным. Будь на месте Беллы какая-нибудь миленькая девочка, эта сцена могла закончить свое существование на полу в монтажной. Но она полностью вжилась в роль. Был момент, когда Кит забыл слова, и она подсказывала ему, потому что выучила все диалоги наизусть.

МАРК МАЙЛОД (РЕЖИССЕР): Кит такой: «Меня уделали! Надо было лучше роль учить!» Это был один из тех случаев, когда после команды «Снято!» раздаются спонтанные аплодисменты.

В «Долгой ночи» Лианна сражается с великаном-упырем. Раздавленная в его кулаке, она все же смогла перед смертью сразить врага, воткнув кинжал ему в глаз.

БЕЛЛА РЭМСИ (ЛИАННА МОРМОНТ): Мигель сказал мне одну вещь, которую я вряд ли когда-нибудь забуду. Я не была уверена, насколько Лианне страшно в этот момент – очень или так, самую малость. Мы пробовали по-всякому, и Мигель сказал: «Она сражается так, как будто у нее отсутствует ген страха». Это была отличная подсказка. История Лианны могла развиваться и дальше, но в какой-то момент она должна была уйти, как и все, и для нее это был лучший финал. Я хотела для нее или Железный Трон, или доблестную смерть, так что я довольна.

Погибла и Мелисандра. Красная Женщина вернулась, чтобы помочь героям одолеть силы тьмы, а после сорвала с себя ожерелье, дающее ей вечную молодость, и ушла навстречу рассвету. Мы видим, как ее тело распадается и она падает на землю, присоединяясь к другим погибшим.

КЭРИС ВАН ХАУТЕН (МЕЛИСАНДРА): Она спасла ситуацию и в конце оказалась немножко героиней, что круто, потому что ее долго все ненавидели. Я счастлива, что ее финальная сцена прозвучала тихими фортепианными нотами, завершающими патетическую симфонию. Наконец нам стало понятно предназначение этого персонажа. Это конец пути – дело сделано, можно уходить. Я попыталась показать усталость и одновременно облегчение.

Иногда последние слова, даже самые простые, даются

тяжелее всего. Оно и понятно: когда ты произнесешь их, ты больше никогда не вернешься к роли, которой жил столько лет.

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: У меня никак не выходила последняя сцена, где я говорю Лиаму: «Вам не придется убивать меня – я умру еще до рассвета». Настроение было не очень. Мы сделали кучу дублей – раз шестьдесят переснимали, по моим ощущениям. Никак не выходило, не знаю почему.

Самой важной смертью, возможно, стала гибель Короля Ночи. Арья отправила вождя Белых Ходоков на тот свет, вонзив в него кинжал из валирийской стали, который зрители помнят с первого сезона, когда наемный убийца, вооруженный им, нападает на Брана Старка. Кинжал достался Кейтилин, затем перешел к Мизинцу, потом к Брану и, наконец, к Арье (которая воспользовалась им, чтобы убить Бейлиша в седьмом сезоне). Так как в книгах Мартина Короля Ночи нет, его смерть стала самым серьезным сюжетным решением, которое было полностью оставлено на усмотрение создателей сериала. На роль победителя главного злодея рассматривали несколько кандидатур.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Это должен был быть кто-то, у кого есть доступ к валирийской стали. Джона мы не привлекли, он и так всегда всех спасает. Одно время мы думали про Пса, но нам хотелось, чтобы его звездным часом стал «Кубок Клиганов». Если бы Короля Ночи убил Джон, Бриенна или Пес, это было бы не то.

ДЭН УАЙСС: Потом мы добавили в книгу, найденную Сэмом в Цитадели, информацию, что драконье стекло начали использовать в изготовлении оружия задолго до того, как люди узнали о его свойствах, и изображение кинжала Арьи.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Это оружие присутствует в сериале с самого начала. Мы знали, что в конце седьмого сезона он достанется Арье и она убьет им Мизинца. Так что и Короля Ночи должна была сразить именно она. Это согласуется и с мантрой «Не сегодня».

ДЭН УАЙСС: «Что мы говорим богу смерти?» Не найти лучшего олицетворения бога смерти, чем Король Ночи.

Во втором сезоне Арья также произносит провидческие слова: «Любого можно убить».

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Я хотел снять эпизод, предшествующий убийству Короля Ночи, показав каждого героя в бою на пути к развязке, и сделать это с монтажными перебивками, чтобы все

персонажи начали как бы сливаться воедино. Мне казалась очень интересной идея, что все они – потомки королей, судьба которых предопределена, включая Короля Ночи. Он – продукт какой-то ошибки, связанной с Детьми Леса. Я планировал, что в конце все эти герои войдут в одну композицию кадра. Но потом мы отказались от этого.

Когда этот эпизод сократили, я подумал: «Хм-м… Если мы покажем, как Арья куда-то бежит, это будет подсказкой, что она собирается что-то сделать». Нужно было практически забыть о ней на время, а потом неожиданно вернуть ее на экран. Все будут ждать, что Короля Ночи убьет Джон, потому что он всегда побеждает. Поэтому мы показываем его долгий проход в кадре. Я хотел, чтобы все думали: «Джон его убьет, Джон его убьет…», а потом он терпит неудачу. В самый последний момент.

ДЭН УАЙСС: Мы хотели показать море сражающихся, чтобы было видно: прорубить дорогу к Королю Ночи мечом невозможно. Между ним и героями – непреодолимое препятствие, если только у тебя нет волшебного козыря в рукаве, а у Арьи он как раз есть. Король Ночи о ней даже не думает, так что, надеюсь, зрители тоже забудут о героине в этот момент.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Я сначала ужасно обрадовалась, но потом сразу подумала: это никому не понравится, да и Арья такого не заслужила. Я рассказала своему парню, и он такой: «Хм-м, ну, по логике это Джон должен быть, нет?» Это как-то не придавало уверенности. Самое трудное в любом сериале – создать непобедимого злодея, а потом одолеть его. Девчонка весом килограммов пятьдесят берет и убивает Короля Ночи. Это нужно было снять с умом.

Уильямс изменила свое отношение к этому сюжетному ходу после съемок сцены с ван Хаутен, где Мелисандра напоминает Арье то, что сказала ей в третьем сезоне: «Я вижу в тебе тьму. И из этой тьмы смотрят на меня глаза. Карие. Голубые. Зеленые. Глаза, которые ты закроешь навеки. Мы еще встретимся». В этой сцене был намек, что Арье суждено уничтожить Короля Ночи. Когда Мелисандра повторяла свои слова, порядок перечисленных цветов поменяли, и «голубые глаза» оказались в конце – так намек был яснее.

КЭРИС ВАН ХАУТЕН: Я чувствовала себя персонажем из фильма, который дает главному герою последний необходимый толчок – типа футбольного тренера.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Мы снимали эпизод с Мелисандрой, где она намекает, к чему Арья готовилась последние шесть сезонов.

Все вело к этому моменту. И после этого разговора Арья уже такая: «Иди на хрен, Джон, я сама разберусь».

Вот так Мелисандра не только придала Арье необходимую уверенность для убийства Короля Ночи, но и убедила Уильямс, что ее персонаж справится с поставленной задачей. Действительно ли Арье было предназначено судьбой сразить Короля Ночи или же Мелисандра просто сумела вдохновить на это нужного человека в определенный момент? Этот вопрос – как это всегда бывает с пророчествами в «Престолах» – остался открытым. Но тысячу лет назад Дети Леса пронзили сердце пленника драконьим стеклом и превратили его в демона, а юная Старк сумела вонзить свой кинжал в то же место – Король Ночи был уничтожен так же, как сотворен.

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Думал, это я его убью! Но такой вариант мне нравится, потому что становится понятно, для чего Арья столько тренировалась. У нее это вышло гораздо лучше. Конечно, у некоторых зрителей вызовет раздражение, что Джон так долго охотился за Королем Ночи, – они ждали великую битву, которой так и не произошло, но это очень в духе «Престолов», по-моему.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ (БРАН СТАРК): Момент перед тем, как Король Ночи готовится напасть на Брана, а мальчик смотрит на него, я понял так, что мой герой относится к нему с жалостью, потому что знает, как он стал таким. Он не чудовище, а лишь оружие, которое вышло из строя, ни в чем не повинный человек с куском драконьего стекла в груди. Так мы это и сняли. «Мне жаль, что с тобой случилось такое».

В битве участвуют также драконы, великаны и лютоволк Джона Сноу, Призрак. Продюсеры решили отказаться от легендарных ледяных пауков, которых так жутко описывала в первом сезоне старуха Нэн, рассказывая легенду о Долгой Ночи.

ДЭН УАЙСС: «Огромные, точно псы». Мы это обсудили мельком, секунд за тридцать, кажется. Решили, что это неплохо звучит и смотрится тоже классно – на обложке альбома метал-группы. Но как выглядит ледяной паук в движении? Возможно, не очень.

Ночные съемки продолжались и продолжались, расписание серии стало гораздо жестче, чем ожидали актеры и вся команда. Все началось с двух недель ночных съемок в декабре. Потом было еще две недели – но не подряд, а с передышками. И только после

этого, в середине января, начались те самые пятьдесят пять ночей (съемки «Долгой ночи» продолжились и после: битву снимали еще месяца два – в основном днем и в студии).

Пятьдесят пять ночей съемок в середине и без того достаточного насыщенного плана проходили в условиях мрачной, нескончаемой престоловской зимы – только холод был настоящим. Продюсеров ждала еще одна неприятность: им «повезло» испытать на себе сразу два полярных циклона, которые в прессе окрестили «Чудище с востока» – как будто на съемочную площадку и правда пришли Белые Ходоки. Циклон принес с собой резкое понижение температуры: синоптики говорили, что местами ртутный столбик опускался до -28 °С. «Однажды нам пришлось отменить съемки сцены, в которой Джорах защищает Дени у горящей катапульты: было так холодно, что не зажигались газовые горелки», – вспоминает Дэйв Хилл.

К изнурительной физической и технической работе, которая растягивалась с раннего вечера до утра, прибавились холодный воздух, ледяной дождь и порывистый ветер. Команда «Престолов» гордилась своей выносливостью, но «Долгая ночь» их едва не доконала. Актерам пришлось стать настоящими атлетами и неделями бегать и сражаться, одновременно демонстрируя сложные эмоции.

ИЭН ГЛЕН: Не думаю, что люди хорошо себе представляют, что одиннадцать недель ночных съемок подряд делают с телом и психикой. Это разрушает нервную систему и уничтожает способность рационально мыслить. Нам столько раз приходилось сниматься промокшими, грязными, замерзшими – снова и снова, – что, думаю, это были самые тяжелые съемки за все восемь сезонов – для всех, кто в них участвовал. Мы старались сохранять присутствие духа и спасаться мрачными шутками, но все-таки это было ужасно.

С сюжетной точки зрения в этом был смысл, учитывая природу врага. Но для нас это стало настоящим испытанием. Биологические часы сбиваются на хрен, жизнь за пределами съемок прекращается. Когда снимаешься днем, то вечером идешь ужинать, потом еще что-то делаешь. А когда снимаешься ночью, то время, когда ты можешь расслабиться, исчезает, потому что ты ложишься спать в семь утра, просыпаешься днем и не в состоянии ничем заниматься. За все время работы в «Престолах» это был самый неприятный опыт.

ДЖЕЙКОБ АНДЕРСОН (СЕРЫЙ ЧЕРВЬ): Серый Червь мало говорит, поэтому я вкладывал максимальную эмоциональность и экспрессию в то, как он сражается. Ты стараешься сохранять

соответствующее выражение лица и при этом не забывать о технике боя – и все это приходится повторять раз двадцать.

ДЖОЗЕФ ДЕМПСИ (ДЖЕНДРИ): Предел всегда наступал где-то около двух часов ночи. Все начинали вести себя немного странно.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Это было полное безумие. Больше всего мне было жалко членов съемочной группы и технический персонал. Они особенно страдали от этого беспощадного расписания.

РОРИ МАККАНН (САНДОР «ПЕС» КЛИГАН): Все молились, чтобы им больше никогда не пришлось этого делать. Членов съемочной группы, которые участвовали в ночных сценах, легко можно было узнать по посеревшим лицам.

ЛИАМ КАННИНГЭМ: Это была не творческая работа, а суровая школа дисциплины. Нельзя было уставать, нельзя было скучать: как только заскучаешь и отвлечешься – все летит к чертям.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Это ужасно изматывало физически, к такому невозможно подготовиться. Ночь за ночью, снова и снова, и конца этому не видно. Заболевать тоже нельзя, нужно следить за здоровьем, потому что твою работу за тебя никто не сделает. И при этом ты каждую ночь промокаешь до нитки, потом в четыре утра поднимается ветер, а ты в мокрой коже – но ничего не поделаешь, приходится продолжать. Странно, что на экране происходящее выглядит очень привлекательно. Иногда это и правда так, но обычно это настолько отвратительно, что даже не верится, что это съемки одного и того же сериала. Бывали моменты, когда ты просто ломаешься и тебе хочется плакать.

КРИСТО ФЕРНЬЮМАН (ПРОДЮСЕР): Это непрерывный марафон: каждый день просыпаешься, зная, что тебе придется работать ночью, на холоде, до пяти утра. Ты борешься с собственным мозгом и стараешься делать все по порядку, не спеша. Больше всего меня восхищает режиссер – он должен заниматься всем сразу, «по порядку» тут не работает. Это он собирает головоломку без картинки на крышке коробки.

ДЭЙВ ХИЛЛ: Не знаю, как Мигель со всем этим справился. У меня чуть крыша не поехала, а ведь мне не приходилось ежедневно, каждую секунду решать какие-то проблемы. От меня буквально тень осталась.

ИЭН ГЛЕН: Как Мигель это выдержал – просто за пределами моего понимания.

РОРИ МАККАНН: Есть режиссеры, которые мало говорят и, если ты делаешь свою работу хорошо, никак это не комментируют. Иногда, сделав дубль, актеры помоложе

выжидающе смотрят на режиссера: «Ну как, хорошо вышло?» И бывают такие, от которых не то что слов – кивка не дождешься. Такой режиссер не о тебе думает, а об остальных пятидесяти проектах.

Но Мигель подходит к каждому актеру, даже к тем, кто на периферии сцены, и спрашивает: «Ты помнишь, где стоишь?» Ты в разгаре сражения, а он подходит и говорит: «Зачем ты здесь?» И ты начинаешь думать, зачем. Потом он идет к другому актеру и спрашивает: «За что ты сражаешься?» Я сражаюсь за жизнь. За все, что есть хорошего в этом мире.

ДЖОН БРЭДЛИ (СЭМВЕЛЛ ТАРЛИ): Мигель очень хотел, чтобы мы смотрели на все происходящее с точки зрения своих персонажей. Что происходит с твоим героем, когда ты за кадром? Тебя не показывали десять минут, но за это время что-то произошло. Ты сражался? Или бежал? Или прятался? Как развивалась твоя история во время этой битвы? Ты должен постоянно думать о том, что с случилось, пока мы тебя не видели. У Мигеля просто криминалистическое внимание к деталям, он держит в голове мысли и чувства всех персонажей и знает, что для каждого из них означает тот или иной поворот событий.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Все, что я снимал раньше, было в основном показано глазами Джона. А тут у меня двадцать четыре актера, и каждый хочет, чтобы это была его или ее битва. Мне было сложно, потому что я всегда считал, что лучшие сцены сражений – это те, которые показаны с определенной точки зрения. Здесь же повествование всегда оставалось объективным, даже когда я делал его субъективным, потому что мы все время перемещаемся между историями, от одного персонажа к другому. Постоянные перебивки делают эту битву беспристрастной, хочешь ты того или нет. Я все время думал: «Чью историю я сейчас рассказываю? Какие ограничения это накладывает? Какие из них сделают сцену лучше?»

Было время, когда Сапочник метался между тремя группами, руководя тремя съемками одновременно: одна снимала огонь в траншеях, другая – Дейенерис на ее драконе машине, третья – массовку на поле боя. Но даже у режиссера, который снимал еще и пятую серию заключительного сезона, «Колокола», был предел.

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Изначально Мигель хотел снимать третью, четвертую и пятую серии. Я сказала: «Это безумие; даже если ты будешь снимать только две, будет трудно». А он кричал: «Мне должны были дать больше отдыха (между сериями)!» Но я помнила, что он говорил

раньше: «Не хочу, чтобы другую битву снимал кто-то еще».

ДЕБОРА РАЙЛИ: Он был ужасно измотан. Я пыталась заставить Мигеля кое-что решить по «Колоколам», когда он снимал «Долгую ночь», и он просто не мог сосредоточиться.

Исступленные съемки «Долгой ночи» осложнялись еще и тем, что одновременно с ними режиссер Дэвид Наттер снимал четвертую серию, «Последние из Старков», для которой тоже использовались декорации Винтерфелла. Таким образом, команда «Престолов» не просто работала по ночам – они трудились сутки напролет, потому что многие члены команды обеспечивали работу и дневных, и ночных съемочных групп. У некоторых из них шагомеры показывали по 40 000 шагов в день, то есть они ежедневно проходили больше тридцати километров.

ДЕБОРА РАЙЛИ: Все только и говорят о тяготах ночной съемочной группы, но мы-то работали над двумя сериями сразу. Сотрудники вроде меня должны были обеспечивать работу обеих групп. Во второй половине дня мы передавали подготовленные декорации Мигелю, а в четыре утра начинали приходить сообщения, что для съемок Дэвида Наттера нужно все поменять. Мы все время пытались бежать впереди паровоза, и временами мне казалось, что он нас уже переехал. Восьмой сезон все соки из нас выжал.

КРИСТОФЕР НЬЮМАН: Это была настоящая битва. Ты держишься только за счет силы воли и говоришь людям: «Нужно сделать так-то и так-то». Как только люди усомнятся в том, что ты знаешь, что делаешь, – тебе конец. Нельзя, например, допустить, чтобы постановщик трюков закатывал глаза, когда ты ставишь перед ним задачу. Никто из нас не мог позволить себе проявить слабость: подчиненные не должны возражать, они должны слушаться. Как только они почувствуют, что ты не тянешь, – все, разброд и шатание расползутся, как раковая опухоль.

В условиях всеобщей усталости каждое решение имело значение. Вот лишь один пример того, насколько важна была каждая деталь – даже если речь шла всего о нескольких взмахах мечом. Во время «Долгой ночи» Сэмвелл Тарли сражается с мертвецами. Наблюдая за съемками этой сцены, я восхищенно сказал Когману: «А Сэм-то прямо крутой боец!» Брайан сразу забеспокоился. «Слышали, что он сказал? – спросил он других продюсеров. – У нас проблема. Сэм не должен выглядеть крутым».

Для второго дубля он попросил немного изменить настрой: Сэм должен выглядеть неуверенным и растерянным. Брэдли

начал испуганно отскакивать, когда мертвецы нападали на него. После очередного дубля Уайсс внес еще поправки. «Он все время поворачивается в нужном направлении, как будто предвидит атаки», – заметил он и напомнил Брэдли, что Сэм не знает, с какой стороны на него накинется очередной мертвец. Наконец пазл сложился, и Брэдли начал выглядеть как насмерть перепуганный солдат-новичок, судорожно отбивающийся от толпы мертвецов.

ДЖОН БРЭДЛИ: Когда снимаешься в масштабных батальных сценах, иногда поневоле увлекаешься. Видишь себя (на мониторе) и стараешься выглядеть как можно лучше. Мигелю приходилось постоянно мне повторять: «Помни, что твой герой – не боец. Я понимаю, тебе хочется показать, как ты хорошо дерешься и что в этом деле ты гораздо лучше Сэма. Но сейчас тебе нужно стать Сэмом, иначе это выглядит неправдоподобно. Хватит хорошо драться!» Вообще-то, все равно никогда не выглядишь на экране так хорошо, как тебе кажется. Каждый раз думаешь: о, вот в этой сцене я просто превзошел сам себя. Потом пересматриваешь – а там всего лишь обычный ты.

Впрочем, был один актер, которому нравились ночные съемки – в отличие от всех остальных, у кого я брал интервью для этой книги.

Наверное, вы догадались, кто это.

КРИСТОФЕР ХИВЬЮ (ТОРМУНД ВЕЛИКАНЬЯ СМЕРТЬ): Я обожал ночные съемки! Это совершенно уникальная атмосфера. Темно, холодно, и почти тысяча человек бодрствует каждую ночь, чтобы все было как надо. Некоторые люди по двенадцать часов изображали трупы. Настоящее волшебство. Я столько нежити прикончил! Всегда мечтал убивать живых мертвецов.

Не всем актерам, снимавшимся в «Долгой ночи», пришлось одинаково тяжело. Тех, чьи герои спасались в крипте Винтерфелла – Питера Динклэйджа, Натали Эммануэль, Софи Тернер и других, – самое худшее миновало.

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): У меня было всего два дня ночных съемок. Сражаться совсем не в характере Сансы. Но мне так хотелось нормально поработать с каскадерами (это отличная команда, они выиграли премию «Эмми»)! Каждый раз, когда я с ними работала, это были сцены, где меня били, так что было не очень весело. Впрочем, если бы я выполняла трюки, мне бы,

наверное, пришлось сниматься все семьдесят ночей, так что, может, все и к лучшему.

Сниматься в студии было гораздо теплее, но для «тумана войны»[38] – ослепляющей вьюги или тумана, насылаемых Королем Ночи, – нужны были или дым-машины, или компьютерная графика. Естественно, продюсеры «Престолов» выбрали настоящий дым – а значит, в студиях постоянно жгли парафин и рыбий жир. Вдыхая этот дым день за днем, члены съемочной группы начали кашлять мокротой с запахом рыбы. Люди стали использовать респираторы. Как минимум один человек был госпитализирован с приступом астмы. Массивные двери студийного ангара периодически открывали, чтобы проветрить, и сотрудники с покрасневшими глазами высыпали на улицу в холод и дождь, чтобы передохнуть от студийного «комфорта».

Одно из помещений ангара было отведено под студию захвата движения, где Харингтон и Кларк по очереди взбирались на дракономашину, похожую на огромного зеленого механического быка, который двигался и качался перед зеленым экраном. Сапочник пытался привнести что-то интересное даже в эти съемки, которые актеры считали «самой монотонной работой в кадре», а один из режиссеров окрестил «персональными американскими горками Эмилии».

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Ты сажаешь актеров на механического быка на зеленом фоне и начинаешь дуть им ветром в лицо, так что об игре они думают в последнюю очередь. Моей основной задачей было заставить их играть, чтобы они продолжали рассказывать историю своих героев даже верхом на драконе.

КИТ ХАРИНГТОН: Меня немного бесило, что я должен летать на драконе. Из-за этого я не мог сражаться вместе со всеми. Как и Джону, мне иногда хотелось снова спуститься с небес на землю. Так как он может летать на драконе, то должен это делать, но все же его место внизу, вместе с теми, кто рубится.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Я предложил снимать полеты на драконах так, чтобы создавалась иллюзия реальной съемки. Я просматривал документальные съемки времен Второй мировой войны, полеты на истребителях Supermarine Spitfire. Еще я настаивал, чтобы драконы частично были не в кадре, то есть чтобы кадр был чуть меньше дракона – тогда это похоже на съемки животных и птиц «в движении». Они должны быть такими большими и быстрыми, что камера за ними как бы не успевает.

Как заметила Уильямс, актеры и члены съемочной группы не имели права болеть. Но некоторые, конечно, все равно слегли.

ЭМИЛИЯ КЛАРК (ДЕЙЕНЕРИС ТАРГАРИЕН): Студию захвата движения называли лазаретом, потому что там все болели жутким гриппом. Всем было дико хреново. Я тоже страшно болела, когда снималась на этом драконе. Тебя швыряет туда-сюда, а ты сидишь и чихаешь. Потом дракона заело, и я еле смогла на нем удержаться. Я всем говорю, что это Кит его сломал.

«Долгая ночь» почти наверняка побила рекорд по количеству съемочных часов, потраченных на одну серию телевизионного сериала. Команда «Престолов» завершила эти съемки с чувством глубокого удовлетворения и выполненного долга, хотя некоторые говорили, что им понадобилось полгода, чтобы окончательно прийти в себя. Члены съемочной группы с гордостью носили куртки с надписью «Я пережил “Долгую Ночь”».

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Чувство хорошо проделанной работы после съемочного дня ни с чем не сравнится. Даже когда реально тяжело, ты знаешь, что эта сцена станет частью чего-то культового и будет потрясающе выглядеть на экране. В случае с «Престолами» тяжелая работа всегда приносит результат.

ИЭН ГЛЕН: Всем актерам было хреново, и это отразилось на экране: холод, тьма, грязь, ужас. Даже вживаться в роль особо не приходилось.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Для меня моментом наибольшей гордости за сериал стал показ «Долгой ночи» в Китайском театре TLC. Когда Арья убила Короля Ночи, весь зал точно взорвался. Со мной рядом сидели моя жена и ее лучшая подруга, Сара Полсон. Жена схватила меня за руку, а Сара закричала во все горло. Никогда не забуду, что я тогда почувствовал.

Критики в целом хорошо приняли эту серию, хотя их реакция была более сдержанной, чем рассчитывали шоураннеры. «“Долгая ночь” – однозначно самая масштабная битва сериала на данный момент, и она получилась необычайно зрелищной, – писал Джеймс Уайт из Empire. – Мы переживали за павших, радовались за тех, кто чудом избежал смерти. Мы стали свидетелями того, как из отдельных стычек конфликт разрастается в крупные сражения, а потом превращается в подлинный кошмар, когда мертвецы наводняют замок».

Однако многим американским зрителям не понравилось намеренное «затемнение» для большей драматичности и

ощущения «долгой ночи». Вероятно, этот эффект усилился во время первого показа в эфире за счет сжатия видеосигнала (некоторые провайдеры кабельного телевидения существенно сжимают разрешение, особенно в пиковые часы просмотра). В дальнейшем (особенно если люди смотрели серию на blu-ray, отрегулировав настройки телевизора) все было прекрасно видно. Но справедливости ради стоит сказать, что зрители не обязаны искать носители высочайшего качества и менять настройки своих устройств, чтобы смотреть любимый сериал.

Те, кто в курсе, как снимается «Игра престолов», напоминают, что там всегда использовали «естественное освещение» – то есть освещение, соответствующее источникам света, которые мы видим в той или иной сцене (солнечному или лунному свету, свечам или факелам). В сериале и раньше было много «темных» сцен, с таким же уровнем освещения, как и в «Долгой ночи», – просто впервые их было так много в одной серии.

БРАЙАН КОГМАН: Есть одна известная история про оператора «Властелина колец». Когда снималась сцена в логове Шелоб, Шон Эстин спросил: «А откуда здесь свет?», и оператор ответил: «Оттуда же, откуда и музыка». Вполне разумный ответ, я считаю. Если посмотреть сражение в «Двух крепостях», там повсюду свет. Поле битвы светится, как новогодняя елка. И это классно, я не критикую. Но в «Игре престолов» такого никогда не было. Если у тебя по сценарию ночное сражение, то и освещение должно быть соответствующим.

Фанаты жаловались и на продолжительность сезона: многим казалось, что нужно было сделать еще несколько эпизодов, чтобы как следует завершить все сюжетные линии. Те, кто работал над сериалом, настаивали, что снять дополнительные серии для восьмого сезона было невозможно, особенно после съемок «Долгой ночи». Каждый год команда «Престолов» работала на пределе своих возможностей, но на съемках заключительного сезона они преодолели и этот предел.

КЭРОЛИН ШТРАУСС (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Люди вечно говорят: «Надо было снять больше». На самом деле съемки существующих серий заняли столько времени, что я не представляю, как можно было физически сделать больше. На создание сериала влияет масса факторов, как практических, так и сюжетных. Учитывая все обстоятельства, ответственно заявляю: ребята проделали просто великолепную работу.

Может, стоило снять девятый сезон вместо дополнительных серий в восьмом? Создатели сериала считали, что еще для одного раунда им не хватит сюжетов, и, кроме того, многие утверждали, что восьмой сезон вышел настолько зрелищным и эмоциональным именно потому, что и актеры, и члены съемочной группы знали, что конец близок.

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД: Некоторые из наших героических сотрудников говорили: «Я чуть не уволился». Люди были готовы сделать все возможное и невозможное, потому что знали, что это заключительный сезон, который должен превзойти все ожидания.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Если бы это был не последний сезон, у нас бы бунт поднялся во время ночных съемок.

БЕРНАДЕТТ КОЛФИЛД: Шоураннеры разошлись и писали с максимальным размахом. Мы пытались что-то сократить, но Дэн, Дэвид и Мигель говорили: «Нет, это все нужное». Каждый производственный цех был загружен до невозможности. У нас было две команды спецэффектов – такого раньше никогда не бывало – и обе год работали без выходных, чтобы не отставать от монтажного листа. Все повторяли: «Больше никогда не хочу так работать». Для каждого это стало самой тяжелой работой в жизни. Сделать больше было однозначно невозможно.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Джордж Р. Р. Мартин как-то сказал, что такое невозможно снять. А мы ничего, сняли.

Глава 30
Нас губит то, что мы любим

Дейенерис Бурерожденная из дома Таргариенов после долгой борьбы и трудных уроков в школе любви и власти возвращается в Вестерос с войском Безупречных и дотракийцев. Она заключает союз со Старками, Грейджоями, Тиреллами, помогает одержать победу над Королем Ночи в Битве при Винтерфелле.

Затем она ведет свое войско на юг, к Королевской Гавани. Ее грозный Дрогон поливает огнем городские стены, наводя ужас на стражу и наемный отряд Золотых Мечей. Защитники сдаются, солдаты Дейенерис берут столицу. Королева занимает принадлежащий ей по праву Железный Трон с Тирионом Ланнистером в качестве преданного десницы.

Потом Дейенерис Таргариен, Первая этого имени, приказывает казнить Серсею Ланнистер за измену. Казнь производят в руинах Септы Бейелора, на том самом месте, где был неправедно обезглавлен Нед Старк. При этом присутствуют его уцелевшие дети. Джейме Ланнистер, проявивший чудеса героизма и совершивший тяжкие преступления, будет служить в Ночном Дозоре до конца своих дней. Север становится независимым королевством, и правит им Санса Старк.

То, что Джон Сноу на самом деле Таргариен, ради блага государства остается в тайне. Дейенерис объявляет его Джоном Старком и сочетается с ним браком.

Детей (не считая драконов) у нее нет, но она много лет мирно правит Вестеросом вместе со своим верным и отважным мужем.

Если бы…

Все семь сезонов Дейенерис, похоже, шла именно к такому финалу, свойственному типичному фэнтези. Но в далеко не типичной «Игре престолов» ей определенно не суждено было занять Железный Трон. Мартин часто дает читателям надежду, что у героев будет все хорошо, а потом сворачивает совсем не в ту сторону – темную, опасную и более соответствующую человеческой натуре. «Если ты думаешь, что у этой истории может быть счастливый конец, то ты плохо слушал», – сказал Рамси Болтон.

Сценарий финального сезона, где Дейенерис впадает в безумие и совершает массовые убийства, стал для Эмилии Кларк аналогом ядерного взрыва. У актрисы с ее экранным аватаром

сложилась особенно прочная связь. Когда здоровье подводило ее, она черпала силы у своей героини, а на площадке переливала в кровь Дейенерис собственную выносливость.

ЭМИЛИЯ КЛАРК (ДЕЙЕНЕРИС ТАРГАРИЕН): Я плакала, читая сценарий. Это была инстинктивная реакция, а сразу же за ней пришла мысль: «Что подумают люди?» Мои чувства к Дейенерис перемежались чувствами к Эмилии. Мой внутренний рост неразрывно связан с сериалом и моей героиней. Дошло до того, что мне говорили: «Это не про тебя, Эмилия, это про нее». Несколько часов я гуляла, думая, как же мне с этим быть.

Заново обдумав все сцены с Дейенерис, Кларк поняла, что, сама того не ведая, вела ее к этому срыву. Вспомним, как хладнокровно приняла Дейенерис смерть собственного брата в первом сезоне.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): До четвертого сезона мы всех деталей не знали, но линию Дени наметили еще в первом. Вы за нее болеете, потому что она оказалась в ужасающем положении, но есть ведь тысяча вариантов, как отреагировать на смерть брата, а она отнеслась к этому холодно, как какой-нибудь наемный убийца. В ней много темного, и это неудивительно: ведь Визерис, с которым она росла, социопат.

В финале первого сезона Дейенерис говорит своему кхаласару: «Я, дочь дракона, клянусь вам: тот, кто причинит вам зло, умрет в муках».

Во втором она предупреждает правителей Кварта: «Когда мои драконы вырастут, мы вернем все, что у меня отняли, и уничтожим всех, кто навредил мне. Мы сотрем в пыль их армии и обратим в пепел их города».

Пару сезонов спустя она распинает 163 рабовладельца, чтобы отомстить за столько же распятых детей. После сын одного из казненных заявляет, что его отец выступал против рабства и не заслужил такой участи. А когда террористическая группа Сыны Гарпии убивает сира Барристана, она сжигает живьем одного из господ, чтобы другим неповадно было. Виновен он или нет, ее не волнует.

В шестом сезоне она, повторяя слова кхала Дрого, обещает своим дотракийским сторонникам, что они «будут убивать ее врагов в железных одеждах и разрушать их каменные дома».

А в предпоследнем, вопреки мольбам Тириона, она велит

Дрогону сжечь Рендилла Тарли и его сына Дикона (отца и брата Сэмвелла) за отказ присягнуть ей на верность. Эта сцена в особенности должна была послужить прозрачным намеком на то, что с Дейенерис не все в порядке. Но фанаты так долго болели за Королеву Драконов, что привыкли к казням – единственному способу проучить врагов.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Мы считали сцену с Рендиллом Тарли тревожной, а когда я смотрел ее в гостях у своего друга, вся компания чуть ли не кричала от радости. Зрители, как ни странно, любили Дени несмотря ни на что.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): Тирион говорил ей: «Ну ладно, отца убьем, а сына-то зачем? Надо ли убивать их обоих?»

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ (БРИЕННА ТАРТ): Знаки всегда присутствовали. Мы все думали, что она совершает ошибки или делает что-то спорное. Это сериал о природе власти, и на примере Дейенерис хорошо видно, что тираны бывают разные, и мы должны все подвергать сомнению.

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Она делала много ужасного. Распинала, сжигала заживо. Все это в ней накапливалось. Нам пришлось сказать зрителям: «Вы тоже несете ответственность. Вы одобряли эту женщину, хотя видели, что она поступает неправильно».

БРАЙАН КОГМАН: В поп- и арт-культуре наметилась опасная тенденция ни в чем не видеть опасности. Я не верю во всеобщую безопасность. Смысл нашей истории в том, чтобы встревожить вас и заставить задуматься. Думаю, Джордж в «Песни льда и пламени» стремился именно к этому, да и Дэвид с Дэном в сериале пошли тем же путем. Они не хотят, чтобы их аудитория расслаблялась.

Все эти годы продюсеры, ведя Дейенерис к ее судьбе, подсказывали Кларк, как сыграть ту или иную сцену.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Временами я не понимала, зачем мне эти подсказки. Вообще-то у меня характер типа «чем вам помочь?», но бывают моменты в духе «я сама знаю, что с моей девочкой делать». Холодная невозмутимость постепенно стала визитной карточкой Дейенерис. Мне всегда хотелось внести в игру немного тепла, ведь постоянно таким никто не бывает. «Понятно, что ей надо быть железной и непрощающей, – думала я, – но она ведь все-таки человек. Я это покажу и буду молиться, чтобы при

монтаже не вырезали».

Многие в съемочной группе и представить не могли, что Дейенерис ждет столь трагичная судьба.

АЛЕКС ГРЕЙВЗ (РЕЖИССЕР): Я понятия не имел, что Дейенерис у нас пойдет путем своих предков. Думал, что как раз этого она и не сделает.

Ведь в Дейенерис, безусловно, есть и хорошее. Она делает много добра и часто сдерживает свой гнев. Она из тех, кто всегда хочет поступать правильно, если это не идет во вред ее честолюбивым замыслам и не ставит под сомнение ее право на власть. Советники каждый раз просят кхалиси выбрать верное с точки зрения морали решение и приводят практические аргументы в пользу того, что так будет лучше для нее. А вот Джон Сноу всегда поступает правильно и порой глупо, не думая о последствиях.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Знаете, что я сделала? Я скажу, хотя мне и стыдно. Позвонила маме и говорю: «Я прочла сценарий. Не хочу рассказывать, что с ней будет, давай просто поговорим. Я долго гуляла, плакала, меня это совсем из колеи выбило». И задаю ей с братом кучу нелепых вопросов. «Почему ты спрашиваешь, хорошая она или нет? – заволновались они. – Почему тебя беспокоит, что о ней подумают люди? Ты в порядке вообще?» Я отвечаю: «Все отлично, но могли бы вы за что-то ее возненавидеть?»

Финальный сезон начинается в Винтерфелле, где у Дейенерис с Сансой, несмотря на все благие намерения Дени, дружеского разговора не получается.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Вроде как в «Знакомстве с родителями»: надеюсь, я им понравлюсь, этот парень такой крутой, нам так хорошо вместе, он последнее недостающее звено, мы в двух шагах от мирового господства.

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): Меня это не особо впечатляет. Санса нашла безопасное место и никого туда не пускает. Ей совсем не нравится, что кто-то заявляется к ней домой, единственное место, которым она дорожит, командует здесь и хочет забрать Джона с Севера. Санса думает, что и сама может править, но у них с Джоном это получилось бы куда лучше. Она заступается за него и Север еще и потому, что все

Таргариены были не совсем нормальные люди. И ей досадно, что Джон поначалу не верил в ее лидерские способности, а этой чужеземке, дочери Безумного Короля, верит.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: «Заплести тебе косу, Санса? Малышка Арья, не хочешь в крикет сыграть?» Так оно и было вначале, а очень скоро стало так: «Это же я, за что они меня ненавидят?» Она действительно хотела как лучше и от души надеялась, что ее великим планам никто не станет мешать. Они ее невзлюбили, она дает им шанс, но из этого ничего не выходит.

Сэмвелл открывает Джону, что тот, бастард Старка, на самом деле Эйегон Таргариен, истинный наследник Железного Трона. Это заставляет Джона Сноу сделать то же самое, что сделала после прочтения сценария Эмилия Кларк: пересмотреть все свои действия с самого начала истории.

ДЖОН БРЭДЛИ (СЭМВЕЛЛ ТАРЛИ): Сэм знает, что Джону лучше услышать это от него, чем от кого-то еще, ведь Сноу ему доверяет. Он сообщает об этом как можно мягче, но в понимании Джона Сэм марает имя благороднейшего из людей. Его отец, человек, определивший его жизненный выбор, оказался лжецом. Джон вспоминает всю свою жизнь и видит все в ином, довольно зловещем свете, хотя лгали ему ради его же блага. Все, что он делал раньше, отдает фальшью.

КИТ ХАРИНГТОН: Я люблю Джона за его чистоту. Он ничего этого знать не хочет. Будь у него возможность повернуть время вспять и сказать Сэму, что не хочет ничего слышать, он бы так и сделал. Охотно бы остался в неведении. Это знание ему даром не нужно, да и трон тоже.

Джон считает необходимым рассказать обо всем Дейенерис и наивно полагает, что отсутствие у него притязаний успокоит ее.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Раз тебе это ни к чему, поддержи меня!

Вопрос инцеста тоже встает ребром.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Для нее это нормально, она и за брата бы вышла. Их родство – проблема для Джона, но это еще ничего. Главное в том, что у нас обоих есть шанс на возвышение, за которое моя героиня боролась всю свою жизнь.

КИТ ХАРИНГТОН: Его это просто убило. Тут конец света близится, но он встретил свою любовь и узнал, кто он, – и вот как молотом по голове…

Дейенерис молит Джона (это, возможно, лучшая сцена Кларк) никому об этом не говорить. Неважно, что он не хочет быть королем, прав у него все равно больше, чем у нее: женщина может занять престол только при отсутствии наследника по мужской линии. Дейенерис мечется между любовью, честолюбием, яростью и отчаянием.

ДЭВИД НАТТЕР (РЕЖИССЕР): С актрисами лучше Эмилии мне работать не доводилось. Она выглядит совершенно по-разному в разных настроениях своей героини. Переходит в другое эмоциональное состояние. Я хотел, чтобы они в этой сцене то сходились, то расходились. Они целуются, он отступает, она садится и отворачивается. Они разобщены, и тут он преклоняет колено и говорит: «Ты всегда будешь моей королевой». Мощная сцена.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: В этом вся ее жизнь. С самого рождения она только и делает, что спасается бегством. Эти сволочи все испоганили, и ее долг в том, чтобы это исправить. Она столько видела, столько пережила, так страдала, и тут ей говорят: «Да ты, оказывается, нам ни к чему». Зря она, выходит, стольких погубила.

КИТ ХАРИНГТОН: Сложно сыграть то, что происходит между Джоном и Дени, когда она превращается в ту, кто ему совсем не по душе. Он не может оправдать ее жестокие действия и каждый раз, целуя ее, вспоминает, что они родственники. Режиссер Мигель Сапочник говорил с нами обо всем этом, и подход у него был такой: Джон человек как бы верующий, а она смотрит на все с практической точки зрения. Почему бы не соврать, если надо? Но себе Джон лгать не может и молчать не желает. Не может утаить это от сестры. На него давит и это, и то, что Дени его тетка. Теперь он всегда прерывает поцелуй первым.

А дальше, по выражению Кларк, «начинает рваться одна струна за другой». В битве с армией мертвых Дейенерис теряет дорогого ей сира Джораха. Варис, узнав, кто Джон на самом деле, плетет интриги, чтобы посадить его на Железный Трон. Дейенерис, остро чувствуя свое одиночество, в приступе паранойи казнит его драконьим огнем, а Джон и Тирион после этого вновь задаются вопросом, стоит ли хранить верность такой королеве.

ДЭН УАЙСС: Самая крупная ошибка Тириона в том, что он наконец в кого-то поверил. Он, как и все мы, надеялся найти

человека, за которым мог бы пойти.

КОНЛЕТ ХИЛЛ (ВАРИС): Варис до конца остается верен своему слову. Все, чего он хочет, – это честный правитель на троне. Он много раз говорит об этом. «Любовь, вожделение и прочие страсти не отвлекают меня». А те двое, которые, по его мнению, должны сохранять ясность разума, как раз влюблены. Все вполне понятно. Он знает, что должен остановить ее и что, возможно, погибнет при этом.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Я обожаю Вариса, я люблю Конлета, но больно уж часто он перебегает туда-сюда. Она ведь предупреждала его. Другого выбора у нее просто не было.

КОНЛЕТ ХИЛЛ: Он действовал, как всегда, успешно. Результата он уже не увидит, но все сделал правильно. Умер Варис достойно, и дракон, клянусь, не хотел его сжигать.

Джеймс Ланнистер, схваченный при попытке пробраться в столицу к Серсее, брошен в темницу. Тирион предает Дейенерис, освобождая его.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ: Дейенерис с ее драконами – чистый нитроглицерин. Она хочет сделать мир лучше, и он ее в этом поддерживает, но не всегда может совладать с собственными страстями. Ему важно понять, кто он на самом деле. Из-за того что он предал Серсею и Тайвина, совесть его не мучает, но брат, Джейме, – дело другое. Да и смерть Вариса, самого близкого его друга (помимо Джейме), сильно его подкосила.

Эурону тем временем удается сбить Рейегаля в воздухе, и у Дейенерис остается всего один дракон, Дрогон. Кроме того, Грейджой берет в плен и привозит к Серсее Миссандею, друга и советницу королевы. Это приводит к противостоянию у ворот Королевской Гавани: Серсея отказывается сдаться, угрожая убить ее.

ДЭВИД НАТТЕР: Снималось это на настоящей стене, но актеры на такой высоте долго не простояли бы. Мы сняли их крупным планом, а все остальное время вы видите на стене дублеров. Что до Миссандеи, то я сторонник того, что каждый должен блеснуть в свой последний момент. Я позволяю им все, что они находят уместным.

Миссандея, зная, что смерть неизбежна, видит вдали Дейенерис и выкрикивает по-валирийски: «Дракарис!»[39]

НАТАЛИ ЭММАНУЭЛЬ: Это возвращает нас к моей первой сцене с Дейенерис, где мы обсуждаем, как я могу умереть. Миссандея всегда говорила, что готова отдать свою жизнь, но мы надеялись, что ей не придется. Я во многих интервью говорила, что не возражаю и что для меня было счастьем поучаствовать в таком сериале. Хотелось только, чтобы ее финальный момент запомнился, – и это, похоже, случилось. Она смирилась с судьбой.

ДЖЕЙКОБ АНДЕРСОН (СЕРЫЙ ЧЕРВЬ): У меня сердце разрывалось, но здесь это неизбежно: все, кто находит счастье, должны смотреть, как у них его отбирают. Я знал, что кто-то из них не жилец, и честно полагал, что это будет он, Серый Червь. Думал: «Заберите лучше меня». А грустнее всего то, как ее потеря подействовала на него и на Дени. Когда Миссандея умирает, умирает и Серый Червь – он снова становится роботом, машиной для убийств.

НАТАЛИ ЭММАНУЭЛЬ: Она была отважной и доказала свою силу и бесстрашие, хотя и не владела мечом. Она знает, что делает, и держится твердо. Я не хотела, чтобы она лила слезы. Она верит в свою королеву и ее дело. Я хотела сделать свою героиню сильной, а это трудно, когда тебя переполняют эмоции. Фантастическая сцена. Жаль, конечно, что ее не оставили в живых и что она стала катализатором безумной ярости Дейенерис. Мне было грустно смотреть, как она умирает, – я, кажется, даже слез не сдержала. Для меня это в самом деле большая утрата.

Эммануэль упоминала в нескольких интервью, что зря ей не дали в восьмом сезоне поговорить с Дейенерис – или, возможно, с Серсеей. Раньше в «Престолах», как правило, устраивали диалоги между персонажами, которые встречаются впервые.

ДЭВИД НАТТЕР: По-моему, это правильно. Для Серсеи Миссандея – просто пешка, она не стала бы с ней говорить. Выбрав другой вариант, мы бы поступили нечестно.

Дейенерис смерть Миссандеи приводит в ярость. Готовясь к штурму Королевской Гавани, она снова обращается к Джону Сноу, ища любви и поддержки.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Это последняя соломинка, за которую она держится. Дейенерис думает, что он любит ее, и этого ей достаточно. Достаточно ли? Есть ведь еще надежда, воля, желание, что наконец нашелся кто-то, принимающий ее такой, какая она есть, со всеми ее ошибками. Готовый сказать: «Я с тобой». А он ни хрена не с ней!

Это ведет к пятой серии восьмого сезона, «Колокола», самому спорному моменту во всем сериале. Дейенерис уничтожает защитников Королевской Гавани, флот Эурона, отряд Золотых Мечей. В городе звонят колокола, возвещая о сдаче. Железный Трон достается ей. Дейенерис верхом на Дрогоне видит вдали Красный Замок. Серсея стоит у окна башни, ожидая своей участи. Столицу могли бы занять с минимальными потерями, но Дени описывает круги, и солдаты вместе с мирными жителями горят за грехи своей королевы.

НАТАЛИ ЭММАНУЭЛЬ: Просто сердце разрывается. Я знала, что у нее с головой не все в порядке, но пока не увидишь этот ад наяву, по-настоящему не поймешь. Не думаю, что Миссандея имела это в виду, когда произнесла «Дракарис». Она смотрит с небес и говорит что-то вроде: «Ну, это ты перегнула. Я же это про Серсею, а не про всех».

Совершать массовые убийства из-за того, кто засел в замке, у Таргариенов в роду. Когда Эйегон Завоеватель вторгся в Вестерос, король Харрен Черный отказался преклонить колено и укрылся с сыновьями, слугами и солдатами в неприступной крепости Харренхолл. «Я строю из камня, а камень не горит», – заявлял он. Но дракон Таргариена, Балерион Черный Ужас, так раскалил замок, что все внутри изжарились, как в печи. «Речные лорды, стоявшие под стенами замка, после рассказывали, что пять харренхоллских башен раскалились докрасна, как пять огромных свечей… и точь-в-точь как свечи, начали оплывать, истекая расплавленным камнем», – так пишет Мартин в книге «Пламя и кровь».

Конец дома Харренов послужил примером всем остальным: лорды Вестероса тут же присягнули Эйегону на верность. Спалив Харренхолл, он заложил у моря новый город, Королевскую Гавань, и сделал его средоточием своей власти.

ДЭН УАЙСС: Подумать только, как долго она сюда шла и чего ей это стоило… Потеряв двух драконов и близкого друга, она смотрит на Красный Замок с символом Ланнистеров на месте таргариеновского герба. Враги, сидящие там, захватили то, что принадлежит ей по праву.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Она, несмотря на все это, пыталась заключить в интересах всей страны мир с Серсеей – а ее предали.

ДЭН УАЙСС: На Севере она жертвовала людьми, которых

поклялась защищать. Половина ее войска погибла из-за того, что она решила хорошо сыграть свою роль, а Джейме взял и снова переметнулся. У нее в голове творится черт знает что.

ДЭВИД БЕНИОФФ: И рядом больше нет тех, кто сдерживал ее худшие импульсы и мог предложить другой выход. Ни сира Джораха, ни Тириона, ни Миссандеи. Одни ушли из жизни, другим она больше не доверяет.

ДЭН УАЙСС: Десятки факторов, от рождения до того, что она видит на расстоянии мили, переполняют чашу и склоняют ее к чудовищному выбору. Многие из тех, кем мы восхищаемся и кому ставим памятники, принимали – как на холодную голову, так и в разгаре боя – такие же решения, ломавшие и обрывавшие тысячи жизней.

НАТАЛИ ЭММАНУЭЛЬ: Мне очень грустно от ее помешательства. Я так по ней фанатела. Настоящий женский кумир: начинала с нуля, сколотила такую армию. Я немного разочарована, но ведь, если подумать, она потеряла всех своих близких. Понятно, из-за чего все случилось. Лучше бы она убила только своих врагов и стала королевой по праву.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ: Мы любим Дейенерис. Все фанаты обожают ее. Все это она делает ради общего блага. Именно так пишут в газетах про тех, кто творит еще и не такое, а мы думаем: «Ради общего блага надо таких привлекать к ответу». Очищение огнем, к несчастью, сопровождается гибелью многих невинных. Это война. Дэвид и Дэн по этому случаю вспомнили Хиросиму и Нагасаки: правильный ли это был выбор? Долго бы еще продолжалась война, не прими мы такое решение? Этого уже никто не узнает.

КОНЛЕТ ХИЛЛ: Последний сезон говорит в том числе и о том, что все войны и конфликты ни к чему не приводят. Если хотите извлечь какую-то мораль из нашего сериала, то вот она.

БРАЙАН КОГМАН: Она – трагическая фигура еврипидовского[40] или шекспировского масштаба. Эмилия как нельзя лучше вдела нитку в эту иголку. Ей в последнем сезоне пришлось труднее, чем всем остальным.

Итак, Дейенерис победила. Столица завоевана, Серсея и Джейме погребены под развалинами. Новая правительница Вестероса произносит речь, сулящую новые войны: «Мы не опустим копья, пока не освободим весь мир! – возвещает она по-валирийски. – От Дорна до Винтерфелла, от Ланниспорта до Кварта, от Летних островов до Яшмового моря мужчины, женщины и дети слишком долго страдали под колесом зла. Вы уничтожите это колесо со мной вместе?» Речь не слишком

отличается от тех, что Дейенерис произносила раньше, но те были несколько гипотетическими и отдавали риторикой – казалось, что королева преувеличивает. Теперь грядущие пламя и кровь становятся намного реальнее.

КИТ ХАРИНГТОН: Джон по-валирийски не говорит, но Дэвид и Дэн сказали: «Притворись, будто все понимаешь». Ну, тут достаточно слышать, как она говорит. Видели вы хоть раз, чтобы женщина играла диктатора? Дени и Серсея – обе женщины, но значит ли это, что они должны быть хорошими? Самые интересные персонажи во всей этой истории.

Джон Сноу посещает в темнице Тириона, арестованного за то, что выпустил Джейме. Советы Тириона часто оказывались неправильными, и стратегических ошибок у него уйма, но теперь он, как десница при истинном короле Вестероса, в кои-то веки дает Джону верный, хотя и жестокий совет.

«Долг иногда означает смерть любви, – говорит он (мейстер Эйемон из Ночного Дозора когда-то сказал Джону, что любовь есть смерть долга). – Вы же щит, охраняющий царство людей. Вы всегда старались поступать правильно, чего бы это ни стоило. Вы пытались защищать людей – кто теперь для них самая большая угроза? Я задаю ужасный вопрос, и все же он правильный. Думаете, я последний, кого она казнит?»

Дейенерис стоит в руинах тронного зала. Снег падает на Железный Трон, как в ее пророческом видении второго сезона. Она собирается занять престол, и тут входит Джон. Он не готов убить любимую и умоляет ее внять голосу разума. Она заявляет, что все это делается во имя добра. «А как же остальные? – спрашивает Джон. – Все, кто считал, что знает, что такое добро?» – «Выбирать не им», – отвечает она. Услышав это, Джон принимает решение.

КИТ ХАРИНГТОН: Уже вторая любимая женщина умирает у него на руках, и это ужасно. Игритт в каком-то смысле тоже на его совести: поразившего ее мальчика учил стрелять он. Это добивает его.

Слова Харингтона напоминают чуть ли не лучшую строчку Мартина (в сериал она не вошла). Лорд-командующий Джиор Мормонт говорит Джону: «Нас губит то, что мы любим». Это оказывается пророческим не только для Джона и Дейенерис, но и для Игритт, Джейме Ланнистера, Робба Старка. Кларк, впрочем, внесла сюда юмористическую нотку.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Он просто женщин не любит, правильно? Только и знает, что убивать. Я бы на его месте… ну, не знаю. Продолжила бы дискуссию? Спросила мнения Дейенерис? Предупредила бы? Как будто твой парень посреди телефонного разговора вешает трубку и больше тебе не звонит. «Знаешь, у меня на работе случилась отличная вещь… Алло?» С тех пор прошло девять лет.

КИТ ХАРИНГТОН: Мы снимали это неделю. Надо было долго удерживать эмоции на определенном уровне, а это трудно. Но чувствовалось, что играешь долбаный эпос.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Тяжело было и мне, и мальчикам. Дэвид и Дэн добивались совершенства и переснимали эту сцену больше раз, чем любую другую. А тут ведь много всего требуется. Разрушенный тронный зал, зеленый экран местами, дракон, снег. Я очень хотела, чтобы она в свой последний момент вернулась к детской невинности, ведь податься ей больше некуда. В предыдущей серии мы с ней дошли до последнего предела безумия – что ей еще делать, как не вернуться к началу?

Знаю, это смешно, но меня еще ни разу не убивали на камеру. Я, в общем, имею представление о смерти, потому что пару раз была близка к ней, и папа мой умер. Все это я вложила в смерть Дейенерис. Вспоминала свои инсульты, грустила о папе, о том, какой могла бы стать Дейенерис, о сериале, который я так любила, Ките, Дэвиде и Дэне, Джоне Сноу и драконах. Оплакивала тысячу смертей, пытаясь сделать этот последний вздох.

Разъяренный Дрогон обращает свой гнев на Железный Трон, уничтожая символ тиранической власти. Некогда дракон Эйегона Завоевателя выплавил его из мечей побежденных врагов. Железный Трон, как и Король Ночи, гибнет так же, как его создали. То, что делает Дрогон, необъяснимо, но, учитывая их с Дейенерис близость, можно предположить: дракон понимает, что его мать была одержима вот этим атрибутом власти и погибла из-за него. Потом он забирает тело Дейенерис и улетает – мы так и не узнаем, куда.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: Меня часто об этом спрашивают. Я, как правило, отвечаю: «Да на Гавайи». Но если серьезно, скажу так: он будет нести ее, пока она не превратится в скелет. Будет лететь, пока хватит сил. Слишком велико его горе.

В своем видении Дейенерис тоже не взошла на Железный Трон. Она вышла из зала и попала в Ночные Земли, где ждал ее

кхал Дрого с маленьким сыном.

ДЖЕЙСОН МОМОА (КХАЛ ДРОГО): Эта женщина всегда хотела только любви. Вспомним ее историю: брат с ней обращался жестоко, любимого мужа пришлось убить, ребенка она потеряла. Потом она теряет других близких людей, теряет драконов… жизнь била ее, пока не сломала. Вот она и вымещает свой гнев на всех и вся. Грустно это.

БРАЙАН КОГМАН: Джон спрашивает: «Правильно ли мы поступили?» Тирион отвечает: «Спросите меня через десять лет». По-моему, это мудро.

ЭМИЛИЯ КЛАРК: После десяти лет работы скажу, что это логично – как по-другому-то? «Сейчас поставлю чайник, суну печенье в духовку, мы будем жить счастливо и детей заведем»? Не для нее это. Она – Таргариен, а происхождение, детство и воспитание определяют весь наш жизненный путь. Ей внушили, что единственная цель в жизни – это Железный Трон. Чтобы однажды сказать: «Я сделала это за всех своих, я пришла сюда, и мы победили». Чтобы ее родные погибли не напрасно. Чтобы все эти годы прошли не впустую. Чтобы сама она не зря боролась. Она так близко подошла к осуществлению своего плана, ведь все мы хотим, чтобы наши планы осуществились. Не будь у нее этого замысла, не о чем было бы и рассказывать.

И после всего сказанного – я на ее стороне! Не могу иначе.

Глава 31
Расставания

Одни герои в последнем сезоне погибнут, другие выживут, одни будут счастливы в любви, другие несчастны, одних ждет возвышение, других изгнание. Судьба каждого, как у Дейенерис, отражает пройденный ими путь: награда за мудрость или наказание за совершенные проступки.

Брианну Тарт в Винтерфелле Джейме Ланнистер посвящает в рыцари накануне битвы с армией мертвых. Эта трогательная сцена случается неожиданно: Джейме внезапно решает даровать ей титул, недоступный ее полу. Сначала она думает, что он, как обычно, над ней смеется, потом проникается серьезностью этого акта.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Мы хотели застать зрителя врасплох. Это не церемония на вершине утеса, где горит закат и плащи развеваются. Мысль возникает внезапно. Кое-кто из присутствующих тоже думает, что это смеха ради, но скоро понимает, что нет. Сцена монументальная, момент красоты и добра посреди кошмара.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ (БРИЕННА ТАРТ): Она состояла в королевской гвардии Ренли, но к власть имущим не относилась. Нишу для себя можно найти, но быть принятой близкими тебе людьми намного важнее. Вот что собой представляет этот момент. Возможность равноправия в бою и в вопросах чести. Она чувствует себя признанной, и неважно, как устроено твое тело: значение имеют только дела и принципы.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ (ДЖЕЙМЕ ЛАННИСТЕР): Джейме понимает, что Бриенна чувствует себя аутсайдером, знает, как много предубеждений против нее. «Она баба, хоть и здоровая, какой из нее боец», – он сам донимал ее этим на первых порах. Теперь он понял, как она страдает, как хочет, чтобы ее признали.

ДЭВИД НАТТЕР (РЕЖИССЕР): Николай сказал, что на это время вышел из своего тела. Не знаю, говорил, что это было так – на минуту он и правда стал Джейме Ланнистером. Для актера это бесценный опыт.

Пройдя битву при Винтерфелле плечом к плечу, они проводят ночь вместе.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Они выжили в этом сражении и неоднократно спасали друг друга. У кого голова не закружится после таких испытаний? Силовые действия часто прокладывают дорогу эмоциям, вот и наша пара раскрепостилась. После близкого знакомства со смертью хочется испытать все, что тебе предлагает жизнь, иначе не по-человечески было бы. Она женщина, у нее есть желания, так почему бы и нет?

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Никогда не думал, что такое случится. Они выжили, простились с павшими, у них пирушка. Все чувствуют огромное облегчение: мы это сделали. Все пьяные и счастливые. Тормунд волочится за Бриенной, она уходит, Джейме идет за ней, и это происходит.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Мне было важно понять, как она пришла к этому. Уловить момент, когда она на это решается. У Бриенны, насколько мы знаем, раньше не было секса и романтических отношений. В книгах она даже спит в доспехах для самозащиты – мне приятно думать, что она сама так хотела.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Странно было это делать, неловко как-то. Меня на смех пробивает, а Гвендолин: «Не смей ржать!»

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: С нами проводили беседы. «Теперь нужно проявить весь ваш профессионализм…» Я к ней так привязалась, хотелось, чтобы все сделали хорошо, – и вроде бы сделали. Но, если честно, я хотела бы, чтобы она сошлась с Дени.

Кстати о Дейенерис. Узнав, что она готовит нападение на Королевскую Гавань, Джейме принимает роковое решение оставить Бриенну и попытаться спасти сестру-близнеца, любовь всей его жизни.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Я очень из-за нее расстроилась. Знаю, это всего лишь роль, которую мне повезло получить, но ведь сердце же не выдерживает. В «Игре престолов» всегда так: думаешь, что все наконец хорошо будет, а тебя бьют кулаком в живот. Не у меня одной душа болела – у миллионов человек, думаю.

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Вам кажется, что он изменился, освободился от этой деструктивной привязанности. Но он крепко связан кодексом семейной чести и неразделим с Серсеей. Он не может к ней не вернуться, она ведь совсем одна. Джейме последний, кто у нее остался. Он должен попытаться ее спасти, даже если вы не хотите этого.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: По-моему, Джейме ушел из-за того, что оказался не очень-то хорошим любовником (смеется).

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Было бы чудесно, останься он на всю жизнь с Бриенной. Но герой говорит себе, уходя: «Разве ты когда-нибудь уклонялся от боя?» Я вынужден это сделать. Чего не совершишь ради любви…

ДЭВИД НАТТЕР: Я хотел, чтобы она почувствовала нечто неожиданное для себя. Поэтому добавил Николаю слова, которых в сценарии не было, и Гвен они убили на месте.

Эти жестокие слова в сцену все-таки не вошли, но прозвучали в комментариях на диске: «Я тебя не люблю. И никто не любит».

В столице Джейме приходится вступить в бой с Эуроном Грейджоем. Он побеждает, но и сам едва жив. Цареубийца, можно сказать, погибает не под обвалом, а от руки Эурона – сам Грейджой и актер Пилу Асбек видят это именно так.

ПИЛУ АСБЕК (ЭУРОН РЕЙДЖОЙ): С улыбкой на лице умираю один только я. «Я помирать не собираюсь, – говорил я Дэну и Дэвиду. – Не видать вам, как я подохну (испускает предсмертный хрип)». Они говорили, что придется, а я – что не стану это играть. Для Эурона Грейджоя это счастливый конец.

Джейме находит Серсею, но по пути к выходу Красный Замок обрушивается на них. Позже их тела найдет Тирион. Близнецы ушли из жизни, как и пришли, – вместе. Неясно, что планировал для них Мартин, но в одной из книг Джейме думает: «Мы умрем так же, как родились».

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: По-моему, это грандиозный финал. Она не хотела сдаваться и не сдалась. Бронн спрашивает Джейме в четвертом сезоне: «Как вы хотели бы умереть?», а он отвечает: «В объятьях любимой женщины». Как бы предсказывает то, что случится в будущем. Им дается момент настоящей близости: «Смотри на меня, смотри мне в глаза, есть только мы с тобой…»

ЛИНА ХИДИ (СЕРСЕЯ ЛАННИСТЕР): Для меня это был короткий сезон – дальше рассказывается о судьбах других героев. Очень бы хотелось подраться с кем-нибудь напоследок, но мы с Николаем обсуждали это, и я все больше убеждалась, что такой финал самый правильный. Они пришли в мир вместе и вместе ушли.

КРИСТО ФЕРНЬЮМАН (ПРОДЮСЕР): Кто-то скажет, что это бесславная смерть, но Тайвин вообще на толчке погиб. В жизни героических смертей не бывает.

ЛИНА ХИДИ: В этой последней сцене главное то, что у

Джейме был шанс наконец освободиться от нее, но он к ней вернулся. И Серсея поняла, как крепко любит его и как сильны его чувства. Более близких отношений у нее ни с кем не было. Может быть, тогда она впервые обретает покой.

В свой последний съемочный день я миллион раз поднималась и спускалась по лестнице. Сказала Николаю в процессе: «Никогда не видела тебя таким милым и сентиментальным», а он: «Что это со мной?» Мы все время обнимались и признавались в любви.

Бриенна дописывает в Книге братьев Королевской гвардии историю Джейме, в которой, как с насмешкой говорил Джоффри в четвертом сезоне, не так уж много было подвигов. История человека, известного как Цареубийца, завершается так: «Погиб, защищая свою королеву».

НИКОЛАЙ КОСТЕР-ВАЛЬДАУ: Сцена, где Гвен заполняет его страницу, – это и последняя сцена Джейме. Очень красивый способ рассказать и о нем, и о ней, и о том, как мы продолжаем жить после смерти, оставляя на ком-то свой отпечаток.

Бран Старк, избранный королем, назначает Бриенну командующим Королевской гвардией и дает ей место в Малом совете. Так исполняется ее заветная мечта: стать рыцарем и служить благородному делу.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ: Мне нравится, что после его ухода она не сломалась, а вернулась к работе. К тому, что всегда любила. Это очень освежает – видеть, что женщина может быть счастливой и без партнера. Она посвящает свою жизнь служению, и за это я ее люблю. Женщины не должны от кого-то зависеть.

Пес встречается на лестнице Красного Замка со своим злобным братом Горой. Их стычка намечалась еще в первом сезоне, когда мы узнали, как Григор изувечил Сандора в детстве. «Ты знаешь, кто придет за тобой, – предупреждает Сандор брата в седьмом сезоне. – Всегда знал».

Финальный бой между Клиганами – одна из главных сцен сериала. Работая над ней, актеры, режиссер Сапочник и весь персонал почувствовали себя наполовину мертвыми, как Гора. Тяжело приходилось даже профессиональному силачу Хафтору Бьернссону, побившему несколько мировых рекордов.

ХАФТОР БЬЕРНССОН (ГРИГОР «ГОРА» КЛИГАН, СЕЗОНЫ 4–

8): Современный исландский в скандинавской группе ближе всех к языку викингов. У нас есть поговорка: «Bræður munu berjast», что дословно переводится как «Братья сразятся». К этой сцене она подходит как нельзя лучше. Это самая трудная работа, какую мне доводилось делать, без исключений. Больше тридцати фунтов (13 кг) в том бою потерял. Гримировать меня начинали в четыре утра, и на это уходили часы. На тело лепили накладки, в глаза вставляли линзы. Я был в доспехах, а они ведь тяжелые. Пахали мы по восемнадцать часов в день, и почти все это время снимали бой, раз за разом повторяя каждое движение. С Рори МакКанном отлично работалось, и я горжусь, что участвовал в одной из самых эпических боевых сцен за все времена.

МИГЕЛЬ САПОЧНИК: Самая нелюбимая моя работа во всех «Престолах». Трудная площадка, уставшая команда. Измученные актеры, хотя Рори держался молодцом. О некоторых деталях вы никогда не узнаете, но они до сих пор снятся нашей группе в кошмарных снах.

Оба брата погибают в этом бою.

РОРИ МАККАНН (САНДОР «ПЕС» КЛИГАН): Меня очень порадовало завершение истории Пса, спасибо большое. Последние съемочные дни только и делал, что дрался. Думал, потом полгода буду хромать. Но умирает он славно, смеясь над причудами судьбы. Гору нельзя убить, даже воткнув кинжал ему в глаз. Его надо сжечь, то есть – кто бы мог подумать – упасть в огонь вместе с ним. Сандор жертвует собой, но избавляется от страданий.

Яра Грейджой, освобожденная из плена братом Теоном, возвращается домой на Железные острова, которые под ее руководством вновь становятся частью Вестероса.

ДЖЕММА УИЛАН (ЯРА ГРЕЙДЖОЙ): Жаль, что Эурона убила не Яра, но его очень многие хотели прикончить. Я счастлива, что дожила до конца, ведь не у всех персонажей судьбы завершаются так, как они могли бы надеяться. Но моя героиня боролась доблестно и добилась признания своих прав.

Серый Червь после казни Миссандеи превращается в машину для убийств, слепо и без сожалений повинующуюся приказам. В финале он решает оставить военную службу и уехать на родной остров своей любимой, Наат, как они оба мечтали. Наат, которого мы на экране не видели, описывается как тропический рай с

густыми лесами и белыми пляжами.

ДЖЕЙКОБ АНДЕРСОН (СЕРЫЙ ЧЕРВЬ): Наступает момент, когда он говорит себе: с меня хватит. Потому и уходит. Тех, кого он любил, больше нет, а он только-только научился этому чувству. Он не хочет больше жить там, где царит насилие. Герой сдержит обещание, данное Миссандее, будет сидеть на пляже, пить пинаколаду и всех защищать.

Последний съемочный день Андерсона стал завершающим также для Кита Харингтона и Лиама Каннингэма, чей лорд Давос Сиворт вошел в Малый совет как Мастер над кораблями.

ЛИАМ КАННИНГЭМ (ДАВОС СИВОРТ): В тот день снималась сцена, где Джейкоб собирается убить пленных. День вроде как день, но мы с Джейкобом и Китом в перерывах не поднимали глаз от земли. Посмотрим друг на друга и опять отвернемся, потому что это ведь все. Мы знали, что в конце дня придут Дэвид и Дэн и навешают нам лапши. Очень трудно быть профессионалом, когда тебя реветь тянет.

В документальном фильме «Игра престолов. Последний дозор» Дэн Уайсс говорит Харингтону: «Твой дозор окончен, и это был чертовски крутой дозор». Кит, в свою очередь, произнес прощальную речь, на этот раз в реальности. «Я люблю это шоу, – сказал он сквозь слезы всем, кто был на площадке. – Это было для меня не просто работой. И навсегда останется самым большим моим достижением».

Иэн Глен после битвы при Винтерфелле возлег в числе других на погребальный костер.

ИЭН ГЛЕН (ДЖОРАХ МОРМОНТ): В тот момент я мысленно прощался со всеми, слыша, как вокруг идет обычная суета. Как плавно стала работать эта громадная машина, и слышать всю эту музыку… я к этому прикипел. Только и вспоминаю, что последние десять лет. Никак не расстанусь.

Дейенерис, прощаясь со своим верным другом, шепчет ему что-то на ухо. В сценарии написано так: «То, что Джорах уже не услышит, а мы никогда не узнаем». Иэн Глен тоже не открывает, что сказала ему Эмилия Кларк.

ИЭН ГЛЕН: Очень искренние, подходящие к моменту слова, я их никогда не забуду. Они мне дороги, потому что их знаем

только мы вдвоем. Воспоминание из тех, которые стоит хранить.

Сэмвелл Тарли – самый невероятный из выживших. Он казался обреченным с тех самых пор, как в первом сезоне взял в руки меч, однако благополучно прошел все странствия и битвы. Его история заканчивается, пожалуй, счастливее всех в сериале. У него есть Лилли и маленький Сэм, он входит как Великий Мейстер в совет Брана, где наконец-то оценят его знания, мудрость и доброту.

ДЖОН БРЭДЛИ (СЭМВЕЛЛ ТАРЛИ): Сэм хотел тихого домашнего счастья и получил его. Несмотря ни на что. Он – один из немногих персонажей, кто был несчастен с самого детства. Столько выстрадал! В то, что он все-таки будет счастлив, верилось с трудом.

Мы в Малом совете препираемся между собой в последних кадрах. Хорошая юмористическая сцена, и чувствуется, что мы зрителю симпатичны.

Тирион Ланнистер был десницей короля Джоффри и королевы Дейенерис. И везде ему приходилось тяжко: он только и делал, что боролся с их эгоистическими программами. Теперь он становится десницей Брана Старка. Это нечто среднее между честью и наказанием – ему дается шанс исправить прежние ошибки.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): Мы слишком привыкли к стандартной формуле: плохие гибнут, хорошие выживают. Дэвид и Дэн над одними смилостивились, с другими обошлись сурово. У меня было много идей насчет Тириона, одну из них в конечном счете и выбрали. Он хочет исправить то, что сотворил раньше.

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Тирион – самый умный, самый забавный персонаж и один из самых больших прагматиков во всем сериале. Здорово ведь будет, если его сделают главным? За все это время он, как и все люди с такими качествами, наделал кучу ошибок. Пусть потрудится, не занимая Железный Трон, – да он и сам перечисляет причины, по которым не мог бы его занять. В такой ситуации, благословение это или проклятие, он никогда не окажется. Всегда будет тем, о ком не пишут историки и чьи решения во многом влияют на ход истории.

Брандона Старка нарекают Браном Сломанным, Первым этого

имени, лордом Шести Королевств. Главный вопрос «Игры престолов» состоял в том, кто же в конце концов взойдет на престол. Многие фанаты прочили в короли своих любимых героев, видя в Железном Троне своего рода приз. Маркетологи HBO тоже намечали нескольких кандидатов.

Однако за восемь сезонов сделалось ясно, что власть – это бремя, а не награда. Железный Трон все равно что Кольцо Всевластья у Толкина: многие стремятся им завладеть с добрыми или дурными намерениями, но вожделенный предмет рано или поздно развращает даже самых благородных искателей. И судьба у Железного Трона и у Кольца одинаковая: оба гибнут в том самом пламени, где их создали. Дейенерис потому и не годилась для трона, что слишком сильно его желала, а Трехглазый Ворон подойдет в самый раз.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Было важно, кто станет правителем в конце сериала. Он должен был заслужить титул и в то же время стать хорошим королем, то есть быть кем-то из положительных персонажей. Мы избегали разговоров об этом, но если в сериале и есть какая-то тема, то это власть: она развращает людей, хотя в ее отсутствии тоже ничего хорошего нет. А Бран равнодушен к ней.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ (БРАН СТАРК): Ничего веселого в его правлении я не предвижу, все будет очень серьезно. В Вестеросе практически устанавливается тотальная слежка, поскольку Бран держит руку на пульсе. Может, народ предпочел бы более эмоционального лидера, но ведь с ним не поспоришь: «Мне лучше знать».

ДЭВИД БЕНИОФФ: «Для чего же, по-вашему, я проделал весь этот путь?» – вопрошает Бран. Мы так долго следили за его приключениями. Арья в итоге убила Короля Ночи, Санса стала правительницей Севера, а что же Бран? Его тоже надо как-то вознаградить за все, через что он прошел. Пророчества мы старались не приводить, но в Бране чувствуется некая неизбежность. Трехглазый Ворон избрал его – с какой целью? Если он не достигнет чего-то глобального, все будут разочарованы.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ: Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что логика в этом есть. Он идеально подходит на роль правителя. Он уравновешенный, совершенно беспристрастный и отлично знает историю, а это всегда полезно. Думаю, из него получится хороший король.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Исполнились мечты Вариса, но кто теперь будет решать, что будет лучше для государства? Правитель,

безразличный к себе и своей семье, должен быть не совсем человеком – у людей всегда есть какие-то слабости.

Санса Старк долго искала безопасности и стабильности – для себя, для близких, для родины. Вполне справедливо, что в Винтерфелле ее нарекут королевой Севера, который отныне становится независимым.

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): После первого сезона Санса больше не мечтает жить в столице и выйти замуж за короля. Ее место на Севере, где она будет править Винтерфеллом и всеми его вассалами. Быть правительницей Семи Королевств она не желает. Может, она и смогла бы с помощью семьи и таких советников, как Тирион, а в одиночку – вряд ли. Думаю, для нее все кончилось замечательно.

БРАЙАН КОГМАН: Главная функция Сансы в пилоте – довести до сведения своей семьи и зрителей, что ей не терпится уехать из Винтерфелла в столицу и стать королевой. Ей она в итоге и станет, но совсем не такой. Ее линия всегда вела к триумфу, особенно после того, что ей пришлось вынести в середине сериала. Вполне уместно, что к концу она совершит полный круг. Она единственная из Старков, кто остался в Винтерфелле, ей и вести Север к новому будущему.

СОФИ ТЕРНЕР: Я хотела взять на память свое ожерелье – черное такое, с «висюлькой». Мне его не дали. Тогда я взяла корсет, от которого столько претерпевала. Единственное, что оставалось со мной до конца.

В один из последних дней я шла в костюме по Винтерфеллу и думала: «Недолго мне осталось пробыть в твоем доме, Санса». В тот момент я по-настоящему прочувствовала свою роль и всю «Игру престолов» целиком.

Арья Старк накануне битвы при Винтерфелле проводит ночь с давним другом Джендри, к немалому его удивлению.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС (АРЬЯ СТАРК): Я думала, это шутка такая – в этом году еще никого не разыгрывали. Блин! Когда сниматься-то? Надо на фитнес походить. «Это конец света, – говорят Дэвид и Дэн, – чего ты от нее хочешь?» Возможно, в этот момент Арья понимает, что может погибнуть, хотя это на нее не похоже. «Не сегодня». «Может, завтра мы умрем, – говорит она, – и я хочу узнать, каково это». Интересно видеть ее более человечной и слышать, как она говорит о том, о чем другие боятся; это прокладывает дорогу к финалу.

ДЖОЗЕФ ДЕМПСИ (ДЖЕНДРИ): Мне, конечно, было странновато, ведь я знаю Мэйси лет с одиннадцати-двенадцати, но и снисходительным быть не хотелось. Она взрослая двадцатилетняя женщина, и мы с ней повеселились.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Дэвид и Дэн сказали: «Показывай только то, что хочешь», ну, я и показала как можно меньше. Арье не обязательно оголяться, не в этом суть. Другие, правда, это делали… а мне не надо!

В начале съемок все было очень цивильно. Никто не хочет, чтобы тебе было неудобно, от этого тебе еще некомфортнее, все деликатно отворачиваются, отчего тебе начинает казаться, что на тебя смотреть страшно. Лучше бы нормально себя вели.

Ближе к концу Дэвид Наттер говорит: «Ладно, ты решилась, сейчас все случится, снимай топ», – и уходит. А я: «Ладно, сейчас».

Арья отправляется в Королевскую Гавань, чтобы убить Серсею и вычеркнуть из своего списка главное имя. Для нее это не в новинку. Когда героиня в начале седьмого сезона отравляет вино на пиру Фреев, чтобы отомстить за Красную Свадьбу, это напоминает Дейенерис, распинающую господ. Да, вместе они преступны, но как насчет отдельных людей? Все ли на этом пиру заслуживают одинаковой кары? Служанке Арья не дает пить отравленное вино, но что, если бы девушка не оказалась с ней рядом?

БРАЙАН КОГМАН: Обе дочери Неда Старка приближаются к границе потери всего человеческого. Подходят к самому краю пропасти и отступают. В последнем сезоне Арья демонтирует себя как убийцу и возвращает часть того, что потеряла.

В горящей столице, среди горя и ужаса, Арья отказывается от мысли убить Серсею. Они с Дейенерис делают противоположный выбор практически одновременно: королева выбирает смерть, девочка – жизнь. Фанаты были разочарованы, но Арья, можно сказать, получила то, что хотела.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Мне хотелось, чтобы она покончила с Серсеей, даже если бы ей самой это стоило жизни. Думала, что Арья снимет чужое лицо и они обе умрут. Все ведь к этому шло.

ЛИНА ХИДИ: Я тоже фантазировала на этот счет, читая сценарий. Сцены длиннющие, но ничего такого я не нашла. Пришлось смириться, что ж делать.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Когда мы последний раз говорили с Псом,

он сказал: «Хочешь быть такой, как я? Хочешь прожить такую же жизнь?» Я бы ответила согласием. Но она, переспав с Джендри и увидевшись с Джоном, поняла, видимо, что борется не только за себя, но и за близких тоже. Нахлынули давно забытые чувства. И когда Пес ее спрашивает, она понимает, что нет. Ей вдруг открывается, для чего нужно жить, что можно сделать и что увидеть. Для меня это стало шоком. Я поняла, как надо играть, чтобы она снова превратилась в шестнадцатилетнюю девочку.

Арья отказывает влюбленному Джендри, делающему ей предложение: «Это не про меня».

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Арья всегда была одиноким волком, немножко чужой даже в собственной семье. Вряд ли ее устроила бы замужняя жизнь. Может, они встретятся на чьей-нибудь свадьбе и скажут: «О, привет, хорошо, что увиделись…»

Она отплывает «на запад от Вестероса», одна, в неведомые края, но мы знаем, что она способна за себя постоять.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС: Для нее это счастливый конец, необычный для «Игры престолов». Я не ожидала, что смогу еще куда-то отправиться вместе с Арьей. Надеюсь, это звучит не слишком сопливо и по-актерски.

Королем Вестероса мог бы стать и Джон Сноу. Многие зрители полагают, что его происхождение, бывшее с самого начала загадкой, должно было больше повлиять на сюжет.

БРАЙАН КОГМАН: Мы сделали обратное всем ожиданиям. Обычно, когда главный герой обнаруживает, что ему предназначено стать монархом, так и происходит. Но это было бы не по-нашему. В короли он не предназначался, однако правда о его рождении во многом влияет на падение домино в последнем сезоне. Его способность летать на драконе стала частью победы над Королем Ночи – пусть не решающей, но в войне с мертвыми все помогали тому, чтобы Арья оказалась вовремя в нужном месте. Если убрать хоть что-то, победили бы мертвые. И Дейенерис к трагическому концу приводит, в числе всего прочего, также происхождение Джона.

Бран согласен с тем, что Джона следует наказать, – это единственный способ сохранить мир с Безупречными. Его приговаривают в пожизненной службе в Ночном Дозоре. Серый

Червь, исполняя несбывшуюся мечту Миссандеи, отплывает на остров Наат, а Джон исполняет мечту Игритт о вольной жизни за Стеной. Он отказывается от поста командующего и уходит вместе с Тормундом и другими вольными людьми на север, чтобы никогда больше не стоять на коленях.

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Это не травма и не повод для радости. Он пришел к завершению, а в таких случаях не всегда нужно ликовать. Это просто конец, хотя и не самый счастливый. Своего рода удовлетворение. «Это будет терзать меня вечно, но теперь по крайней мере с этим покончено. Можно жить дальше». Ему всегда говорили, что он создан для дальнего севера, туда он и уходит. Не думаю, что он когда-нибудь вернется.

БРАЙАН КОГМАН: Это, собственно, рассказ о его семье, раздробленной и воссоединившейся вновь. Думаю, не случайно Дэвид и Дэн завершили сериал кадрами, где Джон, Санса и Арья уходят каждый своим путем.

АЙЗЕК ХЕМПСТЕД-РАЙТ: Авторы сделали умный ход, оставив все под вопросом. В стране хаос, Арья отправляется в неизведанное, Санса – королева Севера, Бран – лорд Шести Королевств. История Старков не окончена, точка в ней не поставлена – как будто мир «Игры престолов» где-то там все еще существует.

Глава 32
Ныне дозор окончен

Фанаты кричали: «Фу-у-у!», а это ничего хорошего не сулило. Съемочная группа «Игры престолов» готовилась к своему последнему выступлению на фестивале «Комик-Кон» в Сан-Диего. Последняя серия вышла два месяца назад. Зал H в Конференц-центре вмещал шесть тысяч зрителей, а в качестве ведущего компания подрядила ничего не подозревающего журналиста, то есть меня. В оставшиеся до фестиваля недели зрители, недовольные последним сезоном, грозились в соцсетях сорвать выступление.

Один из организаторов предпринял необычный шаг: вышел на сцену и напомнил, что «Комик-Кон» выражает поддержку всем телесериалам, независимо от мнения фанатов. Тогда-то и началось улюлюканье.

«Нам капец», – думал я, предчувствуя отовсюду гневное «Позор! Позор!».

Свет на сцене погас, закончились вступительные титры «Престолов».

Пришло время выйти навстречу толпе…

Последнюю серию «Игры престолов», «Железный Трон», показали 19 мая 2019 года. Продолжается она 97 минут и поделена на две совершенно разные части. Первая – это постапокалипсис в разрушенной столице, а также возникновение и падение фашистского режима Дейенерис, «Ветры зимы», так сказать. Вторая повествует о возрождении Вестероса и судьбах выживших через несколько месяцев после гибели Матери Драконов (назовем ее «Грезами о весне»).

С каждой новой серией последнего сезона споры фанатов становились все ожесточеннее. Все детали, даже самые мелкие, обсуждались до хрипоты. Примером дотошности может служить кофейный стакан из «Старбакса», случайно забытый на столе в Винтерфелле и попавший во все заголовки.

ДЭВИД БЕНИОФФ (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Я не верил своим глазам. На следующий день, получив об этом письмо, подумал, что нас разыгрывают. Так уже делали: «Там самолет на заднем плане!», и мастерили его в Photoshop. «Не могло там быть этой чашки!» – думаю. Потом увидел ее на TV I и ужаснулся: «Как же это я проглядел?!»

ДЭН УАЙСС (АВТОР ИДЕИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Мы этот кадр тысячу раз смотрели, проверяли, как он совмещается с предыдущим и последующим. Почувствовали себя участниками психологического эксперимента, которые считают баскетбольные мячи, не видя бегающих на заднем плане горилл. В каждом фильме бывают такие ляпы. В «Храбром сердце» на экран попал кто-то из персонала, в «Спартаке» у одного актера часы на руке. А теперь ведь можно и перемотать кадр, и поговорить друг с другом в реальном времени. Увидел кто-то один эту чашку и всем показал.

Финальный сезон посмотрели почти 40 миллионов человек в США и намного больше по всему миру. Тим Гудмен из Hollywood Reporter заявил, что сериал «кончается так, как и должен завершиться долгий, громоздкий, сложный эпос». Роб Брикен в блоге io9 писал: «Это “лучший” конец, на который можно было надеяться… все сложилось как нельзя лучше для всех, кроме Дейенерис и Джона, – так и следовало завершиться игре престолов».

Авторы и съемочная группа ждали других похвал, но многие критики и целый хор фанатов выразили крайнее недовольство. «Сумбурно, нелогично, местами безэмоционально», – писал Спенсер Корнхабер в The Atlantic, а Джереми Эгнер из The New York Times полагал: «Было бы лучше, если бы прошлые два сезона не выглядели как стремительный бросок к предопределенному исходу… Фанаты не впали бы в буйное помешательство, будь у них время перевести дух». Оценки на сайтах Rotten Tomatoes и IMDb резко упали по сравнению с прошлыми годами, и тысячи фанов подписали петицию, требуя, чтобы HBO переснял последний сезон.

Помимо решения закончить сериал на пике популярности зритель столкнулся еще и с тем, что десятки его любимых героев всего за шесть серий постигла неожиданная и зачастую трагическая судьба. Споры и возражения были, конечно же, неизбежны, но такого ответного удара не ждал никто.

Многие создатели сериала считали такую критику незаслуженной и причину видели в том, что «Игру престолов», одномоментное явление в поп-культуре, раздули до небывалых до той поры пределов. Кроме того, финал «Престолов» ознаменовал собой и конец определенной эпохи. В 2019 году на телевидении показывали больше пятисот художественных сериалов, которые зрители либо смотрели запоем, либо откладывали за невозможностью все посмотреть в момент выхода. «Игра престолов» не только стала эталоном телевизионного сериала, но

и положила конец чувству глобальной общности в период, когда люди ощущают себя все более изолированными. «“Игра престолов” – последнее шоу, которое сводило нас вместе, – сетовала в Wired Эмили Дрейфусс. – Поэтому, может быть, всех так и расстроил этот финальный сезон».

А Николай Костер-Вальдау выразил это так: «Разве может хоть какой-то конец быть хорошим, если вы вообще не хотите, чтобы это заканчивалось?»

КЭРОЛИН ШТРАУСС (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОДЮСЕР): Что бы вы ни делали в эру Twitter, вас затопчут. Кто-то, сидя в удобном кресле, всегда предложит конец получше. Знали бы эти теоретики, какая это сложная балансировка, сколько практических и сюжетных факторов нужно принять во внимание. Если у кого-то есть идеи получше, что ж – пусть сами воплощают их в жизнь.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН (АВТОР, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Я постоянно слышу два противоположных мнения. Одни ненавидят сериал и говорят: «Пишите книги, Джордж, и все исправляйте». Другие шоу любят и заявляют: «Меня больше не интересует версия Джорджа, кому нужна эта беллетризация, этот фанфик». Как только мои книги выходят в свет, начинаются споры, что там так, что не так и что было на самом деле. Ничего на самом деле не было, это вымышленные персонажи. Которое из них вам ближе?

ДЭВИД БЕНИОФФ: Многое определенно можно было сделать иначе, но публично я это не готов обсуждать.

ДЭН УАЙСС: Принс сказал как-то, что над всякой песней, которая кажется вам ужасной, кто-то долго и упорно трудился. Над всякой вещью работает много людей. Каждый из них может принять вашу критику на свой счет, хотя винить следует только нас двоих, чего я решительно не желаю делать.

КРИСТО ФЕРНЬЮМАН (ПРОДЮСЕР): Относительно последнего сезона у меня никаких сожалений нет. По-моему, это лучшее, что мы когда-либо создавали. Все это поймут, когда буря в Интернете немного утихнет. Критики не хотят видеть, какая потрясающая вещь у нас получилась в целом. Когда кто-то говорит: «Мне не нравится финал», я думаю: «Спорю, если бы ты написал свой конец, он бы тоже никому не понравился!»

МАЙКЛ ЛОМБАРДО (БЫВШИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОТДЕЛА РАЗВЛЕЧЕНИЙ HBO): Большинство людей думает, что сезон был великолепный. Я работал в HBO, когда закончился «Клан Сопрано» и все взбесились, а теперь это видится как идеальное

завершение. Финал ситкома «Сайнфелд» воспринимался как конец света. Такие самолеты сажать нелегко, слишком большой груз они несут. Судьей здесь может быть только время.

Канал HBO пошел на беспрецедентный шаг: заказал пяти разным сценаристам приквелы «Игры престолов» в надежде, что приз в этом «конкурсе на лучший пирог» послужит достойной заменой. По одному сценарию, написанному Джейн Голдман (создателем фильма «Пипец»), в 2019 году даже сняли пилот. Играет там Наоми Уоттс, а действие происходит за несколько тысяч лет до событий «Игры престолов», перед первой Долгой Ночью. Проект решили не продолжать, что лишний раз доказывает, как трудно воплотить в жизнь мир Мартина. Но в HBO не сдались и запустили другой проект, «Дом Дракона», по книге Мартина «Пламя и кровь» об истории рода Таргариенов. Автор саги новым сериалом доволен, а режиссером и соавтором проекта (вместе с создателем «Колонии» Райаном Кондалом) назначен ветеран «Престолов» Мигель Сапочник. «Дракон» должен выйти в 2022 году, и над другими приквелами тоже ведется работа.

А теперь вернемся на «Комик-Кон».

Один за другим на сцену вышли семь актеров «Игры престолов»: Мэйси Уильямс, Николай Костер-Вальдау, Конлет Хилл, Айзек Хемпстед-Райт, Лиам Каннингэм, Джейкоб Андерсон и Джон Брэдли.

Публика взревела… в порыве обожания. Над их шутками смеялись («Что я такого сделал? Сыграл слишком много сцен», – сказал Конлет Хилл). Перед каждым стоял кофейный стаканчик – «привет» недавнему ляпу. Прочувствованным речам актеров аплодировали со слезами на глазах, а в конце им устроили овацию стоя. Никаких «фу-у-у», никаких протестов, никакого «позора». Это вовсе не значит, что люди из зала H всем были довольны в финальных сериях, но было очевидно, что любовь к сериалу в целом, особенно к его звездам, осталась прежней.

После выступления у актеров был общий ужин. Над столом витал безмолвный вопрос – тот самый, что задавали себе все и каждый после окончания съемок: «Соберемся ли мы еще когда-нибудь вместе?»

С окончанием шоу актеры теряли многое: дружный коллектив, принадлежность к мировой сенсации, постоянную и хорошо оплачиваемую работу и, возможно, самое важное – любимые роли и мир, ставший для них совершенно реальным.

ИВАН РЕОН (РАМСИ БОЛТОН): Больше всего не хватает вот чего: берешь сценарий, читаешь и в каждом сезоне обязательно находишь сцену, про которую говоришь: «Вот спасибо, прелесть какая».

ЛИНА ХИДИ (СЕРСЕЯ ЛАННИСТЕР): Каждый раз, играя где-то последнюю сцену, говоришь себе: «Ну вот и конец». Утираешь слезы и переходишь на новые пастбища. Чувствуешь, что это больше не повторится. В таких великолепных декорациях я, возможно, уже точно не буду больше играть. Моя благодарность безмерна.

ДЖЕЙКОБ АНДЕРСОН (СЕРЫЙ ЧЕРВЬ): Все думают, что это была тяжелая роль, но я получил массу удовольствия. Я человек беспокойный, подверженный панике, а тут тебе надо минут пятьдесят подряд играть спокойного и хладнокровного солдата. Я сам себе удивлялся.

КРИСТИАН НЭЙРН (ХОДОР): Для меня ничего не закончилось. Трудно говорить об «Игре престолов» в прошедшем времени. Подсознательно я до сих пор жду следующего сезона.

НАТАЛИ ДОРМЕР (МАРГЕРИ ТИРЕЛЛ): Мне достался золотой билет. Первый сезон я смотрела как фанатка, а во втором села в скоростной экспресс и ехала в нем целых пять лет, меняясь вместе со своей героиней. Сошла с солидным актерским багажом, за который очень благодарна «Игре престолов», которую досматривала, вновь оказавшись по ту сторону экрана. Всегда буду носить желтую розочку на груди.

ДЖОН БРЭДЛИ (СЭМВЕЛЛ ТАРЛИ): Тем, у кого большой опыт, по-своему легче. Такие люди, как Чарльз Дэнс и Дайана Ригг, будут просто играть себе дальше, но многие другие, я в том числе, впервые станут актерами, снимающимися где-то кроме «Игры престолов». На такую глубину меня еще не бросали. Раньше, если то, что я делал в первую половину года, мне не очень-то нравилось, я знал, что летом вернусь в «Престолы», в свою семью, что снова увижу родные лица. Это был мой второй дом.

МЭЙСИ УИЛЬЯМС (АРЬЯ СТАРК): У меня накопилось так много историй. Я столько хочу сыграть, но боюсь, что никому не буду нужна. Хорошо бы снова вернуться к нормальной жизни. Я запускаю приложение, которое, надеюсь, кому-то поможет. Есть студия, где мы хотели бы снять пару фильмов. Попробую себя в качестве режиссера. Нечасто ведь бывают такие насыщенные роли, как в «Престолах», где чего мне только не пришлось делать. Что бы там дальше ни было, это я себе засчитала.

РОРИ МАККАНН (САНДОР «ПЕС» КЛИГАН): Я моряк, всю жизнь вожусь с лодками. Думаю уйти в плавание, мечта у меня

такая. Есть у меня старый деревянный корабль, сорок пять лет ему. Две мачты и печка, где торф горит. Уплыть бы на пару лет.

На вопрос, куда именно он собирается направиться, Мак-Канн рявкнул, как настоящий Пес: «Это уж мое дело».

КИТ ХАРИНГТОН (ДЖОН СНОУ): Цель всякого актера – добиться признания и славы, но я больше этого не хочу. Теперь я волен пробовать то, что мне нравится: продюсировать, режиссировать, играть для собственного удовольствия роли, которые мало кто увидит. А может, вообще чем-то другим займусь. Я стащил пиво из холодильника Дэвида и Дэна и записку оставил: «С меня два пива и одна карьера». Вот что я чувствую на данный момент.

ЛИАМ КАННИНГЭМ (ДАВОС СИВОРТ): Поскольку «Престолы» – это фэнтези, они не связаны с определенным временем и хорошо сняты, я думаю, что люди будут открывать их для себя еще лет пятьдесят. Участвовать в этом проекте – большая честь. Я каждый день ходил на работу с удовольствием. Мне будет не хватать этой стройности, съемок с актерами высшего класса.

ГВЕНДОЛИН КРИСТИ (БРИЕННА ТАРТ): Мне нравится, что Бриенна в своей последней сцене занимается делом. Нравятся ее последние слова: «Я думаю, что корабли важнее борделей…» Хотелось бы по ней и запомниться, хочется, чтобы ее всегда вспоминали как практичную женщину, воплощение феминизма.

ПИТЕР ДИНКЛЭЙДЖ (ТИРИОН ЛАННИСТЕР): Мне будет не хватать очень многого, но надо переходить к следующей главе. Мне скоро пятьдесят, а начинал я здесь играть в тридцать с лишним. Женился и детей завел, как многие мои коллеги по сериалу. Пора начинать что-то новое, а сердце болит. Это была лучшая моя роль, и работал я с обалденнейшими людьми.

ЭМИЛИЯ КЛАРК (ДЕЙЕНЕРИС ТАРГАРИЕН): У нас было много смеха, вечеринок и выпивки. Мне каждый раз казалось, что мы собрались после смены в шахте. Наша работа была совсем не гламурной, и ни в каких церемониях никто не участвовал. Возможно, это самые честные рабочие условия из всех, с которыми я еще встречусь.

НАТАЛИ ЭММАНУЭЛЬ (МИССАНДЕЯ): Никогда не получается сказать внятно, что этот проект и занятые в нем люди значили для меня. Обычно все похвалы достаются актерам, но ведь в сериале работали сотни, если не тысячи человек! И каждый внес свой вклад в то, что у нас в итоге получилось. Надеюсь, они прочтут эту книгу и узнают, что я вечно им благодарна.

СОФИ ТЕРНЕР (САНСА СТАРК): Мне очень грустно. Это все, что я знала в жизни. Это был мой дом. Здесь я проводила больше времени, чем со своей семьей. Самое грустное, что я больше не буду Сансой, а Мэйси – Арьей. Я больше не увижу ее в костюме и свои платья не буду носить. Мы больше не будем общаться как эти сестры, а ведь их отношения во многом сделали нас с Мэйси теми, кем мы стали сегодня.

КОНЛЕТ ХИЛЛ (ВАРИС): Мы начинали в то время, когда в Северной Ирландии уже десять лет как воцарился мир после почти тридцати лет конфликтов. Больше всего я горжусь тем, что все мы, такие разные – старые, молодые, гомо- и гетеросексуалы, черные, белые, мужчины, женщины, мусульмане, христиане, евреи – работали вместе так слаженно и так продуктивно. К чести для моей родины, она показалась нам во всей своей красе и доказала, что здесь можно работать мирно. Многое снималось в моих родных местах – как же тут не гордиться.

ИЭН ГЛЕН (ДЖОРАХ МОРМОНТ): Актерская работа эфемерна. Мы вкладываемся во что-то, а потом занимаемся чем-то еще. Но десять лет в этом сериале – лучшее, что со мной было. Это до последнего дня будет самым драгоценным моим опытом. Участие в величайшем из хитов – прекрасное чувство. Ты, правда, лишаешься возможности сказать «хочу чего-то большего», потому что такого уже не будет. Такое случается лишь раз в жизни.

Последний кадр, последняя красная дорожка – много всего последнего. Есть даже последнее «Что вы чувствуете теперь, когда все закончилось?» Для меня это не такой уж удар. Просто оглянешься иногда назад и вздрогнешь: «А ведь это и правда осталось уже позади». Такие моменты, такие воспоминания о «Престолах» приходят обычно во время работы. У нас была поразительная поддержка, отличная команда, прекрасная дружба и большая любовь к тому, что мы делали. Все было возможно тогда. С этим ничто не сравнится. Больше этому не бывать.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Прощальная вечеринка состоялась в доме, который сняли мы с Дэном. Гуляли до рассвета. Там позади крутой холм, спуск к морю, и вся молодежь с него скатывалась. А я просто сидел, смотрел на восход и думал: «Хорошо поработали».

Под конец я задал традиционный финальный вопрос, который всегда задается по завершении крупного популярного проекта: в чем его вклад? Вряд ли возможно подытожить, что дала миру «Игра престолов», оказавшая самое разное влияние на миллионы людей, но стремиться к невозможному – самое то.

БРАЙАН КОГМАН (ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СОПРОДЮСЕР): Вклад? Рано пока говорить. Подумаем об этом, когда будешь писать послесловие к десятому переизданию.

ДЭВИД БЕНИОФФ: Люди будут это смотреть двадцать лет спустя (как мы пересматриваем «Беспечные времена в “Риджмонт-Хай”») и говорить: «Смотри, вот молодой Алфи Аллен! А вот юная Софи Тернер!» Будет здорово сознавать, что мы помогли прославиться им и другим, не столь молодым актерам.

ДЭН УАЙСС: Надеюсь, «Игру престолов» будут смотреть и дальше. Подрастут наши дети и их ровесники, посмотрят, извлекут из увиденного что-то свое. Нам не принадлежит будущее того, что мы создали. То, что выходит в свет, больше уже не твое. И не тех, кто смотрит «Престолы» сейчас. Сериал либо будут смотреть двадцать лет спустя, либо нет. А если будут, реакция зрителей может сильно отличаться от вашей. Надеюсь, что смотреть все-таки будут и что им будет нравиться.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН: На какое-то время мы стали самым популярным в мире шоу. Получили больше «Эмми», чем любой другой сериал, – вот вам и вклад. Но когда-нибудь этот рекорд побьют, а двенадцать лет назад самым популярным был другой сериал – не знаю, какой. Я скажу тебе, какой вклад мы внесли: утвердили на телевидении фэнтези для взрослых как жанр. Все теперь хотят еще одну «Игру престолов». Будет ли такое? Или хотя бы приквел? Не знаю. Если все проекты рухнут, другой фэнтезийный сериал снимут разве что лет через десять. Грустно это. Хочется, чтобы фэнтези стало постоянным жанром вроде судебного или полицейского. Есть отличные полицейские сериалы и есть паршивые, но какой-то идет всегда – и никого не волнует, хороший он или нет, потому что уже на подходе следующий. Вот что я хотел бы видеть: пару новых многосерийных фэнтези каждый год. Это было бы достойным вкладом «Престолов».

НАТАЛИ ЭММАНУЭЛЬ: Это культурный феномен, повлиявший на целое поколение. То, из чего создаются мечты. Если мне больше не придется играть, то буду говорить: «Знаете что? Я в долбаной “Игре престолов” снималась!»

Писано чернилами и кровью

Эта книга, как и сама «Игра престолов», вобрала в себя весьма бурное десятилетие. Часто она казалась мне непосильной задачей, с которой я бы не справился без помощи многих других.

Хочу поблагодарить редакторов Entertainment Weekly, прежних и нынешних – особенно Генри Голдблатта (отправлявшего меня на съемки), Джесса Кейгла (проявившего недюжинную веру в людей, взяв меня на работу) и Дж. Д. Хеймана, терпеливо поддерживавшего этот проект. Когда многие развлекательные издания только и знали, что цитировать твиты знаменитостей, Entertainment печатал репортажи с кино- и телесъемочных площадок по всему миру. Призываю всех читателей, которым понравится эта книга, подписаться на наш журнал и регулярно заходить на www.EW.com: здесь вы найдете много интересного о «Престолах» и других популярных франшизах.

Спасибо бывшему корреспонденту HBO Маре Микиальян, которая сопровождала меня во всех восьми поездках на съемки и терпеливо ждала в дождь и в холод, пока я брал очередное интервью. Она же помогла мне добыть несколько постфинальных интервью для книги. Спасибо Дэвиду Бениоффу и Дэну Уайссу, пускавшим меня на свои сверхсекретные съемочные площадки и сносившим сотни моих наводящих вопросов. Спасибо Джорджу Р. Р. Мартину за чудесные беседы и за его неизмеримый вклад в жанр фэнтези. Спасибо «третьей голове дракона», Брайану Когману, за его провидческое чутье и за книгу «HBO: Игра престолов». Высказываю благодарность начальнику лицензионного отдела HBO Джеффу Питерсу, который одобрил эту книгу как проект канала, предоставил фотографии и гарантировал мне творческую независимость от лица компании. Спасибо моему агенту Рику Рихтеру за то, что подал мне эту идею. Особая благодарность редактору издательства Dutton Джил Шварцман, рискнувшей опубликовать книгу автора-новичка. Бывший редактор Кристен Болдуин (и Хула) очень мне помогли, а бывший начальник из The Hollywood Reporter Нелли Андреева напечатала мой судьбоносный очерк о пилоте «Престолов». Спасибо поддержавшим меня друзьям: Дэну Сниэрсону, Стефани Марк, Скотту Барнетту, Ханне Вашуль, Карин Люсинчи, Кейт Гуд. И наконец, большое спасибо всей съемочной группе «Игры престолов», годами отвечавшей на мои вопросы. Назову, в частности, Эмилию Кларк, Николая Костера-Вальдау, Лиама Каннингэма и Кита Харингтона, которые первыми из актеров

сериала дали мне интервью конкретно для этой книги, сделав ее вполне законнорожденной.

Большинство цитат приводится по материалам интервью, взятых между июнем 2019 и апрелем 2020 годов. Остальные относятся к 2011–2019 годам и были предварительно опубликованы в Entertainment Weekly. На цитаты из других изданий, упомянутых в тексте отдельно, меня навела книга Ким Ренфро «Неофициальный путеводитель по “Игре престолов”». Все цитаты отредактированы в отношении длины, ясности, грамматики и оформлены как связный рассказ (если это не противоречит намерению того, кто дал интервью).

Кларк однажды задала довольно экзистенциальный вопрос: «Что есть Дейенерис?» То же самое можно спросить обо всем сериале. Что есть «Игра престолов»? Ответов много, и все они правильные: экранизация, телесериал, фэнтези, корпоративное предприятие, образчик развлекательной продукции в эпоху сейсмических промышленно-культурных сдвигов.

Я вижу в «Игре престолов» осуществление мечты, казавшейся невозможной. Это равносильно прорыву Роджера Баннистера, пробежавшего милю меньше чем за 4 минуты, и доказывает, что творческое начало при нужном количестве решимости и самопожертвования может отобразить самые широкие области нашего воображения и завоевать таким образом целый мир.

Джеймс Хибберд, Остин, штат Техас, 20 июня 2020 года.

Фотографии

Стена в начальной сцене переснятого пилота «Зима близко».

Старки находят детенышей лютоволков.

Семья Старков приветствует короля Роберта Баратеона (Марк Эдди) в Винтерфелле.

На съемочной площадке Черного Замка.

Кхал Дрого (Джейсон Момоа) и Дейенерис Таргариен (Эмилия Кларк) получающая судьбоносный свадебный подарок.

Сирио Форель (Милтос Ероліму) сражается с Арьей Старк (Мэйси Уильямс), а ее отец, Нед Старк (Шон Бин) наблюдает за происходящим.

Варис (Конлет Хилл) и Мизинец (Эйдан Гиллен) планируют заговор в Красном Замке.

Питер «Мизинец» Бейлиш в своем борделе.

Король Роберт Баратеон и Серсея Ланнистер (Лина Хиди) на турнире в эпизоде «Волк и лев».

Тирион Ланнистер (Питер Динклэйдж) требует суд поединком в Орлином Гнезде.

Наемник Бронн (Джером Флинн) занимает боевую позицию.

Редкий случай, когда Джоффри Баратеон (Джек Глисон) проявляет чуткость, наблюдая за тем, как его отец, король Роберт, лежит смертельно раненный в эпизоде первого сезона «Ты побеждаешь или погибаешь».

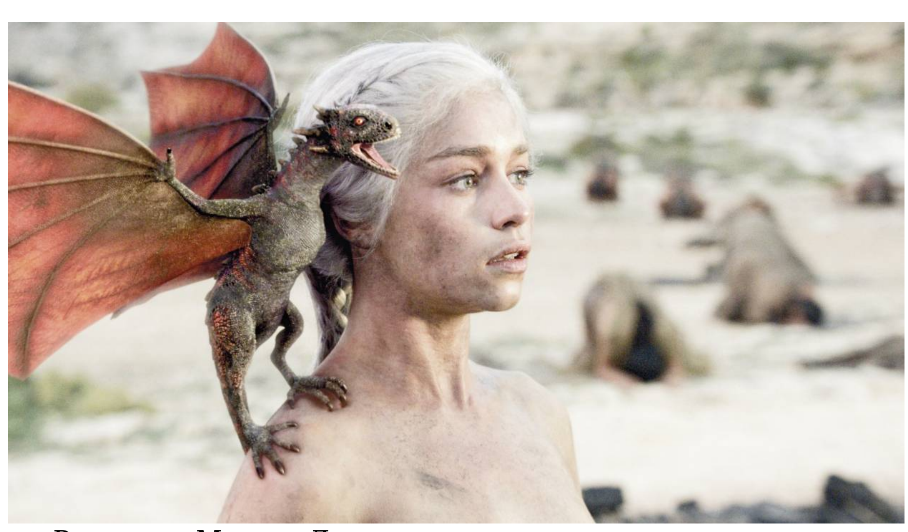
Последние мгновения жизни Неда Старка.

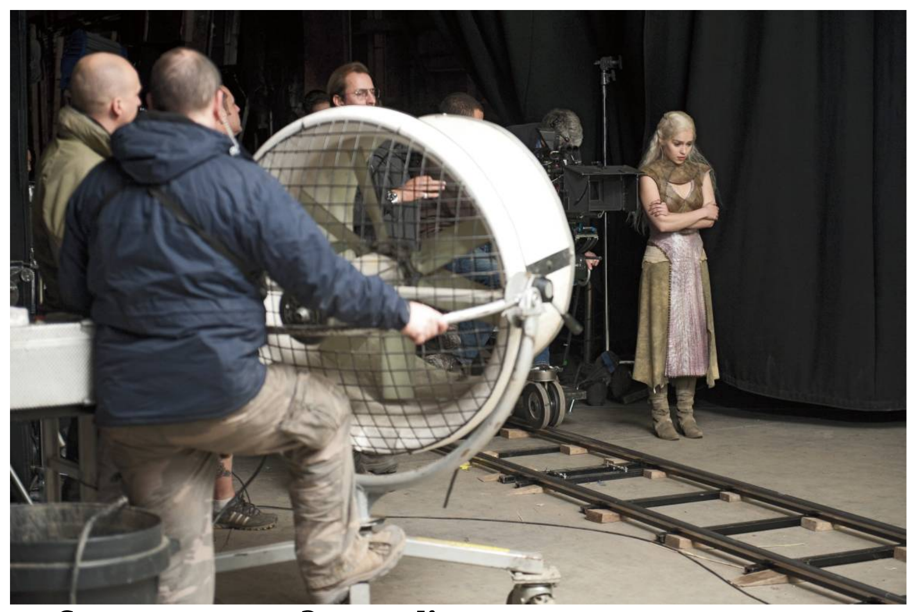
Арья смотрит на казнь своего отца в Септе Бейелора.

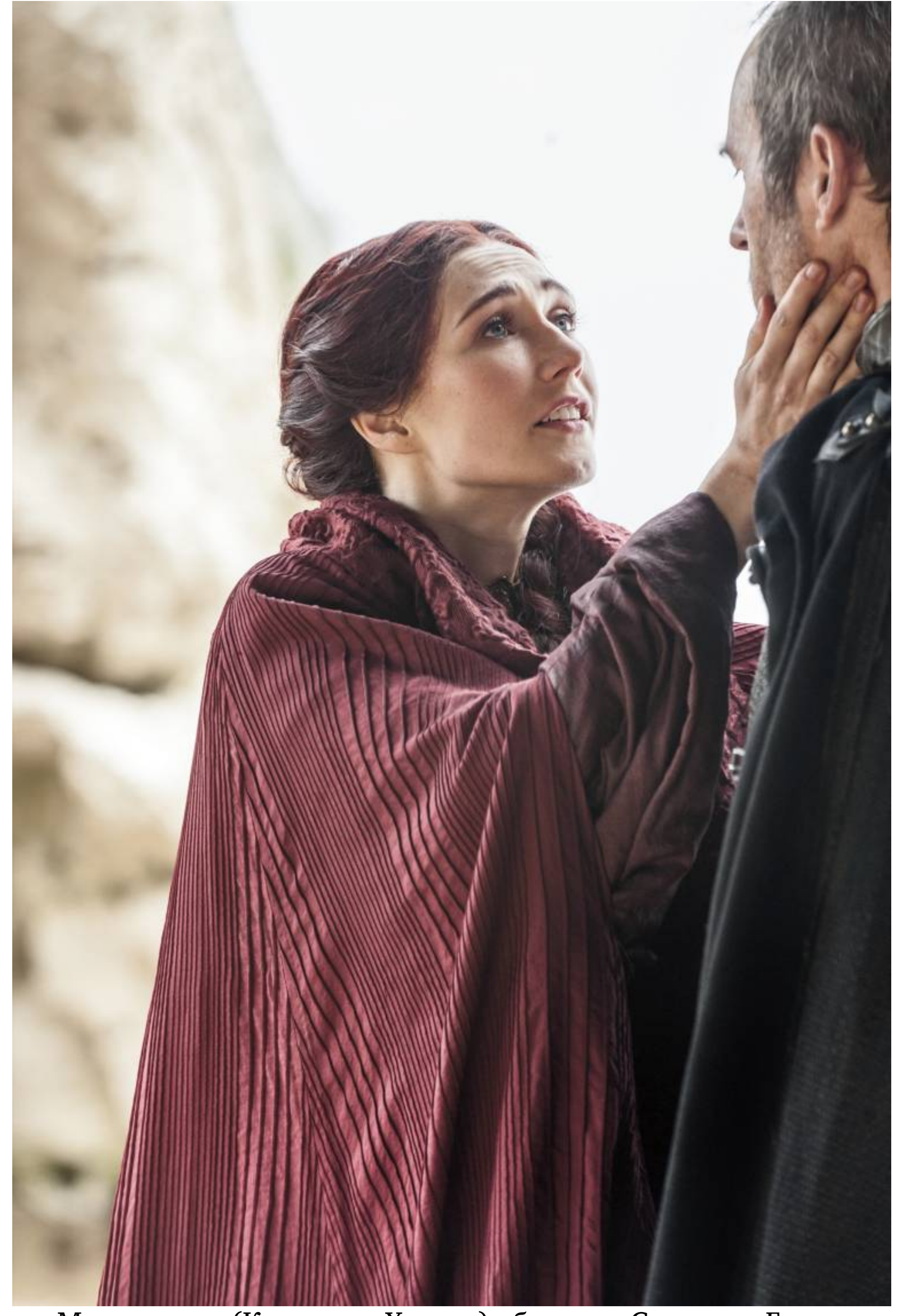
Арью уводит член Ночного Дозора Йорен (Френсис Маджи).

Рождение Матери Драконов.

Сосредоточенная Эмилия Кларк готовится к выходу на сцену.

Мелисандра (Кэрис ван Хаутен) убеждает Станниса Баратеона (Стивен Диллэйн).

Игритт (Роуз Лесли) и другие одичалые ведут плененного Джона Сноу (Кит Харингтон) через замерзшее озеро в Исландии.

Съемочная группа на локации замерзшего озера в Исландии.

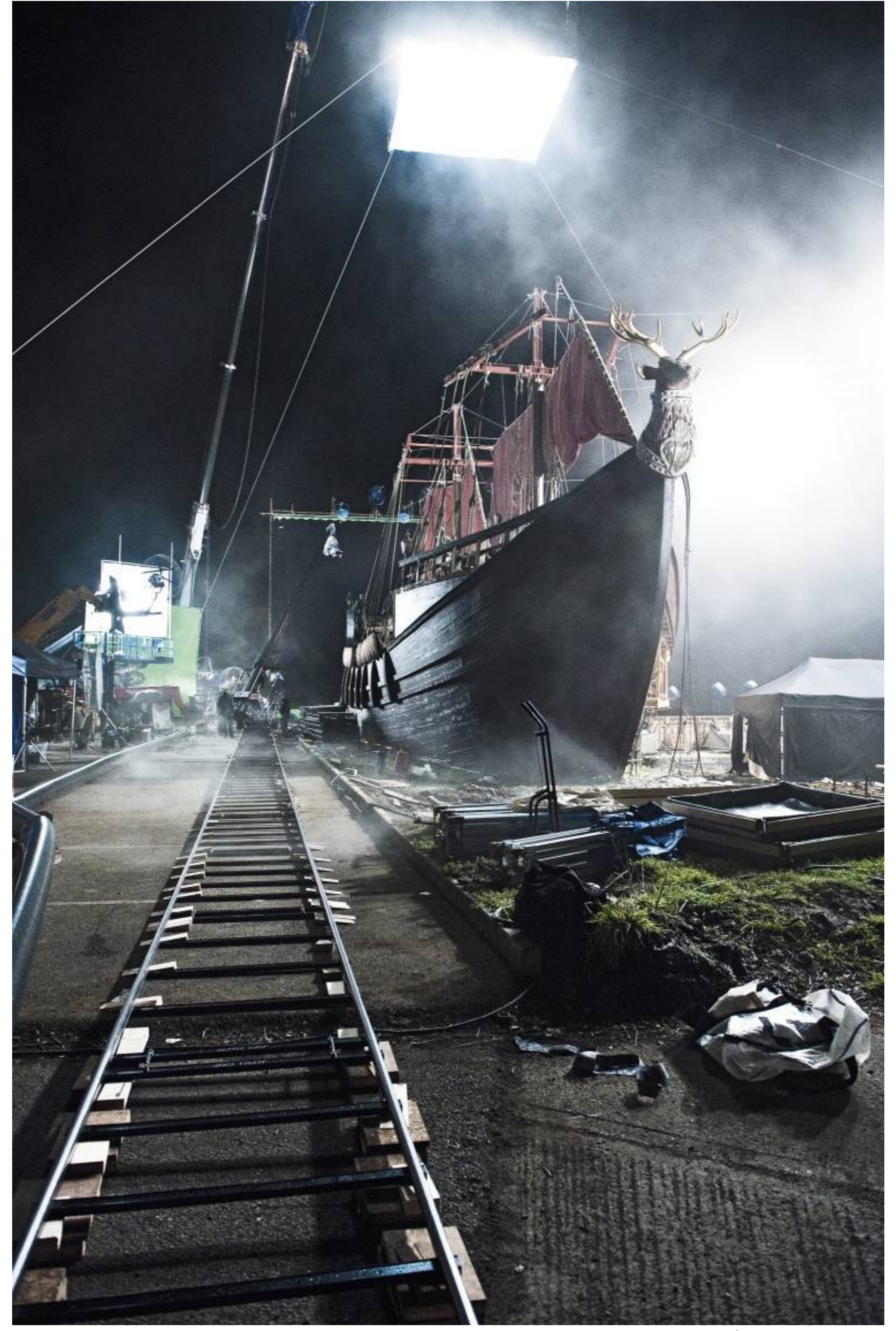
Шоураннеры Дэн Уайсс и Дэвид Бениофф на съемочной площадке в Исландии.

Кит Харингтон сражается с Саймоном Армстронгом (играющим роль Куорена Полурукого) в Исландии.

Съемочная группа «Престолов» просматривает отснятый материал в Исландии.

Модель лодки, которая переделывалась и изображала все остальные парусники на протяжении сериала.

«Лунный свет» над битвой на Черноводной.

Королевская Гавань готовится к битве в эпизоде «Черноводная».

Игритт и Джон Сноу лицом к лицу.

Игритт умирает на руках Джона Сноу в Черном Замке.

Лето, лютоволк Брана и Жойен Рид (Томас Броди-Сангстер).

Начинаются мучения Теона Грейджоя (Алфи Аллен).

Влюбленные Робб Старк (Ричард Мэдден) и Талиса Старк (Уна Чаплин).

Робб оплакивает Талису на Красной Свадьбе.

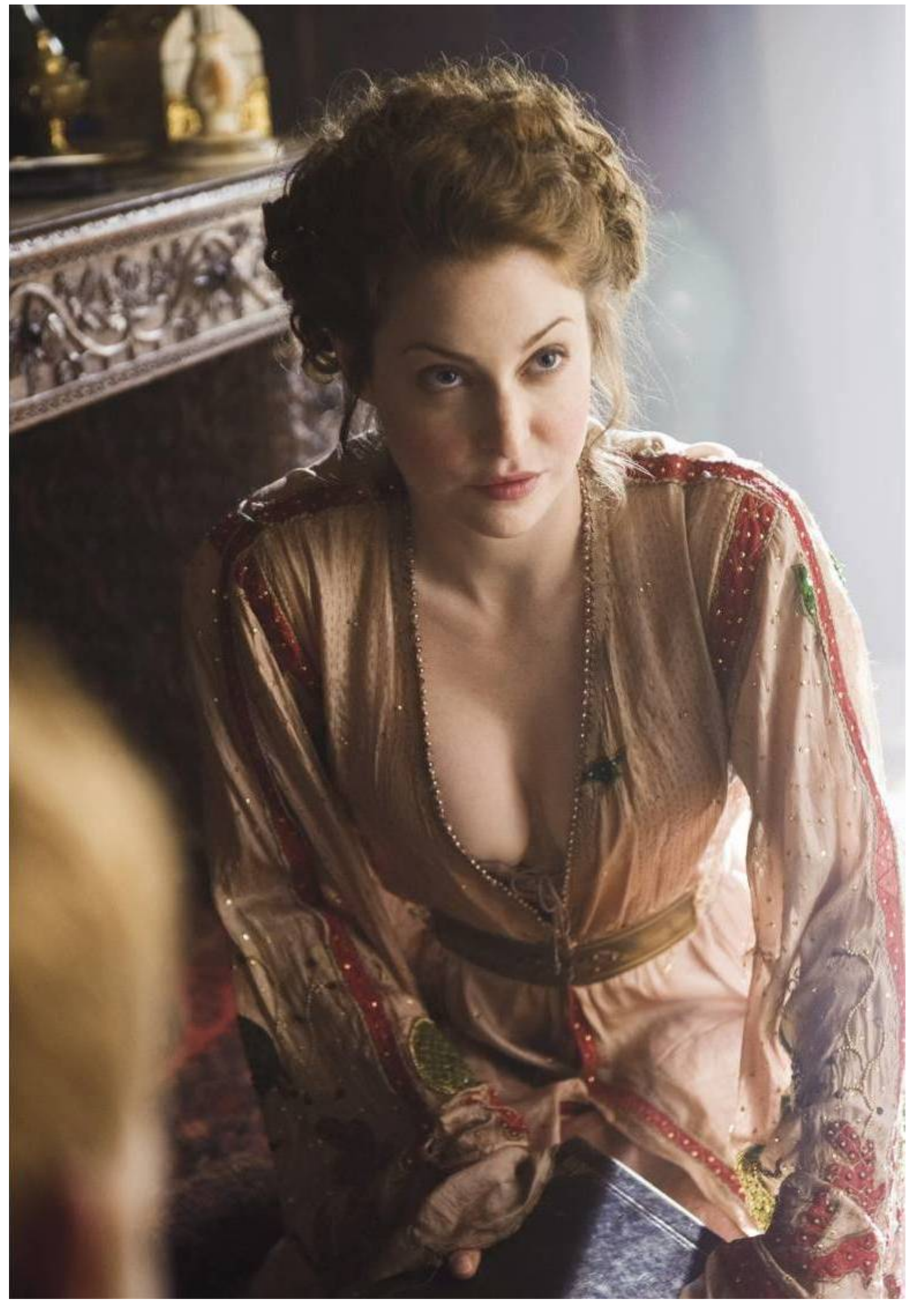
Кейтилин Старк (Мишель Фэйрли) предпринимает последнюю отчаянную попытку спасти своего сына.

Маргери Тирелл (Натали Дормер) узнает больше об арбалетах и короле, благодаря Джоффри Баратеону.

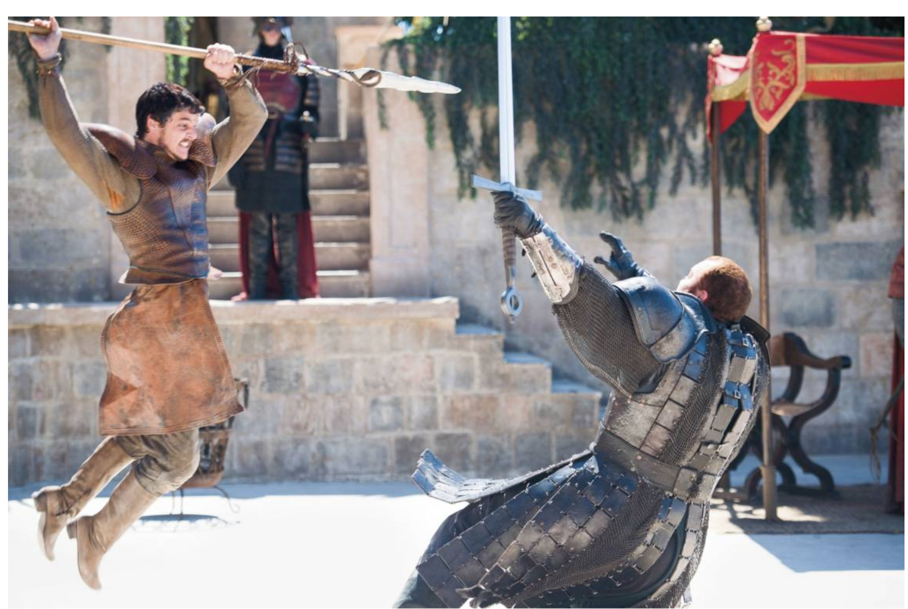
Бриенна Тарт (Гвендолин Кристи) и Джейме Ланнистер (Николай Костер-Вальдау) на мосту.

Роз (Эсме Бьянко) в борделе.

Теон (Алфи Аллен) бреет своего мучителя Рамси Болтона (Иван Реон).

Оберин «Красный Змей» Мартелл (Педро Паскаль) сражается с сиром Григором «Горой» Клиганом (Хафтор Бьернссон).

Эмилия Кларк в тени на съемочной площадке четвертого сезона.

Айзек Хемпстед-Райт в Северной Ирландии.

Сандор «Пес» Клиган сражается с Бриенной.

Маргери Тирелл и король Джоффри на Пурпурной Свадьбе.

Джоффри задыхается.

Обара Сэнд (Киша Касл-Хьюз) стоит на страже.

Тиена Сэнд (Розабелла Лауренти Селлерс) готовится к бою.

Санса Старк (Софи Тернер) готовится к свадьбе с с Рамси Болтоном.

Санса и Рамси в первую брачную ночь.

Ширен Баратеон (Керри Инграм) сопротивляется своей судьбе.

Нимерия Сэнд (Джессика Хенвик) бьет пленника кнутом.

Тиена Сэнд и Элладия Сэнд (Индира Варма) в свой последний миг.

Шая (Сибель Кекилли) свидетельствует против Тириона.

Тирион на суде.

Завершенный кадр деревни Суровый Дом с ее пограничной стеной после нападения армии мертвых.

Крупный план на Суровый Дом.

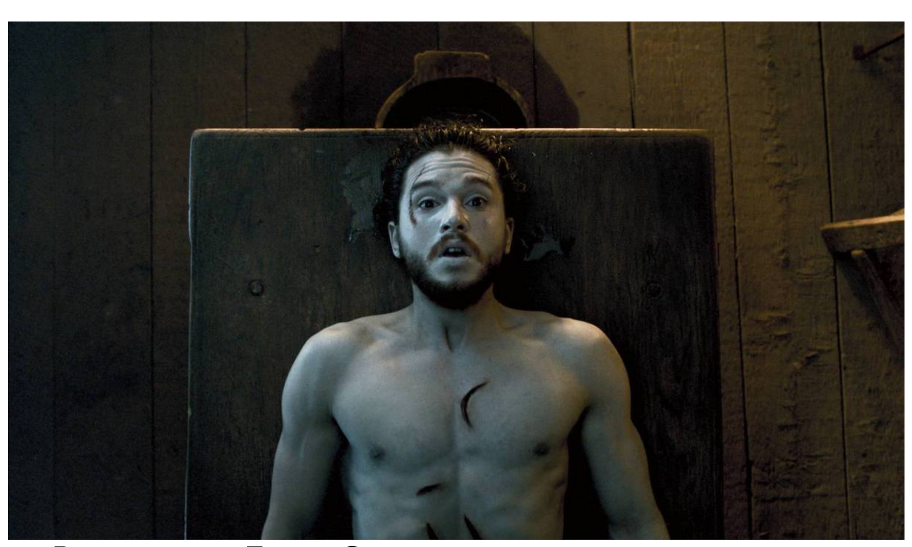
Король Ночи (Ричард Брэйк) оживляет мертвецов в Суровом Доме.

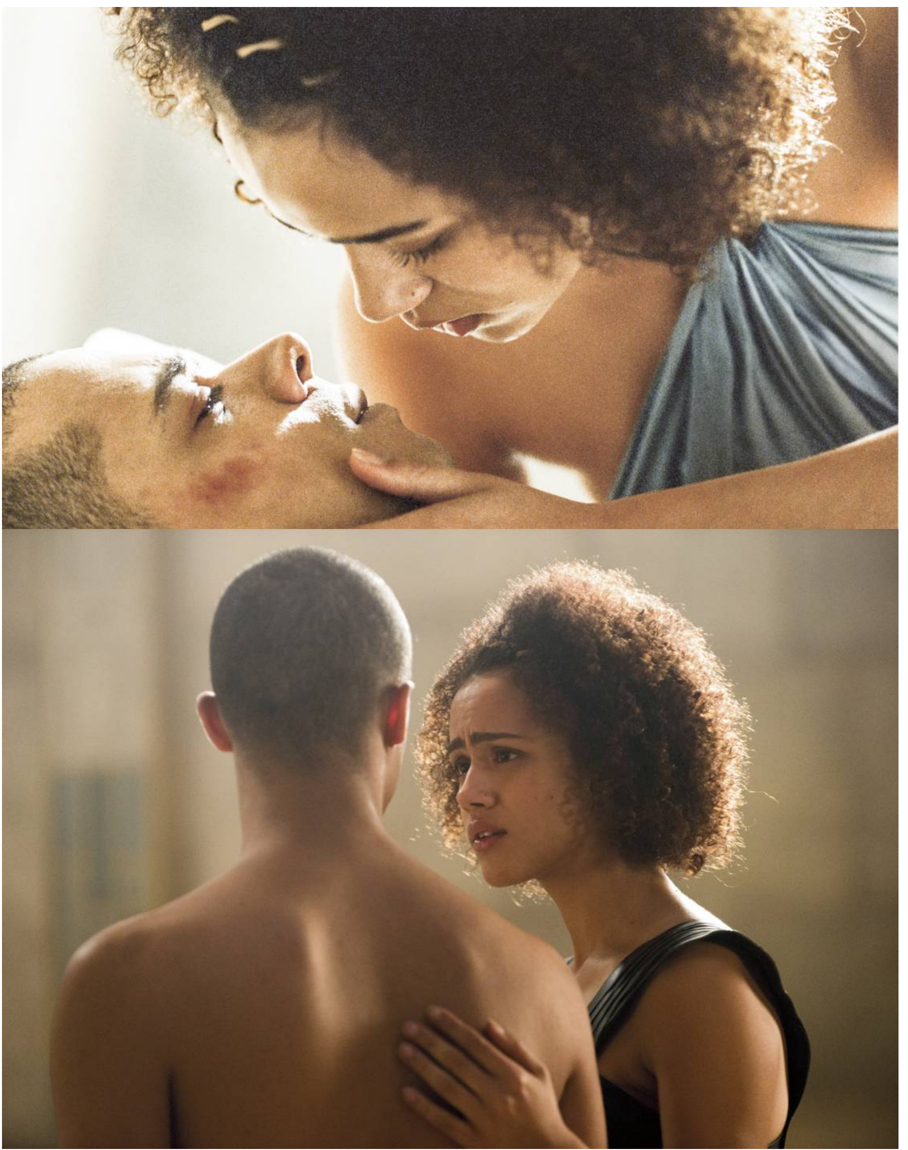
Давос Сивор (Лиам Каннингэм) оплакивает Джона Сноу, пока Призрак спит.

Кэрис ван Хаутен и Кит Харингтон готовятся к сцене воскрешения.

Возвращение Джона Сноу.

Серый Червь (Джейкоб Андерсон) и Миссандея (Натали Эммануэль) разделяют пару романтических моментов.

Софи Тернер и Алфи Аллен смеются между дублями в шестом сезоне.

Оленна «Королева Шипов» Тирелл (Дайана Ригг).

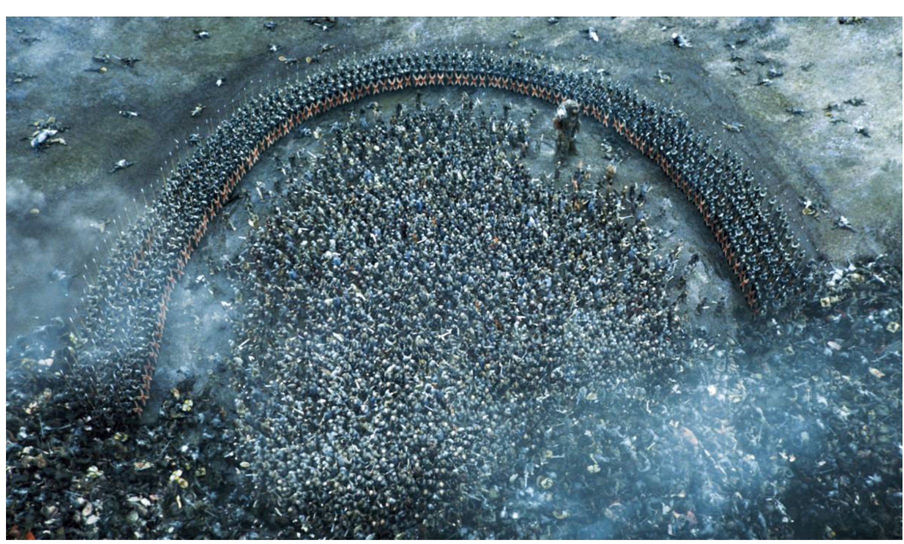
Ходор (Кристиан Нэйрн) затворяет ход.

Великан Вун Вег Вун Дар Вун (Йен Уайт) с войском Джона Сноу в Битве Бастардов.

Джон Сноу сражается с армией Болтона в Битве Бастардов.

Войско Джона Сноу оказалось в ловушке между стеной из щитов Болтона и кучей тел.

Джон Сноу борется за жизнь в Битве Бастардов.

Кит Харингтон оценивает свой последний дубль во время съемок битвы.

Питер Динклэйдж осматривает «дракона» на скале на съемочной площадке в Испании.

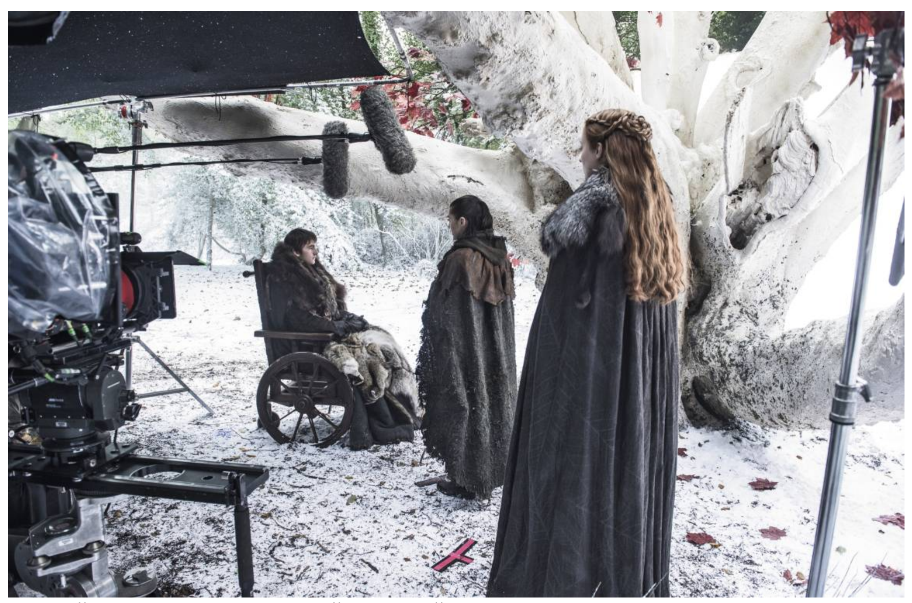
Джейме Ланнистер атакует дракона.

Дейенерис Таргариен встречает Джона Сноу.

Дрогон уничтожает армию Ланнистеров.

Яростный Эурон Грейджой (Пилу Асбек) во время съемок морского сражения в эпизоде «Бурерожденная».

Айзек Хемпстед-Райт, Мэйси Уильямс и Софи Тернер у чардрева Винтерфелла.

Джо Демпси, Рори МакКанн, Кристофер Хивью, Кит Харингтон, Ричард Дормер и Пол Кэй отдыхают между съемками в эпизоде «За стеной».

Съемки эпизода «За стеной» на имитации замерзшего озера в Северной Ирландии.

Дейенерис и сир Джорах Мормонт вместе сражаются в эпизоде «Долгая ночь».

Эмилия Кларк затаив дыхание оседлала дракономашину (она же «Зеленая черепаха») в студии захвата движения.

Король Ночи душит Арью за миг до того, как она перекидывает кинжал в правую руку.

Серсея и Джейме Ланнистер проводят вместе последние мгновения.

Тронный зал в руинах на съемках эпизода «Железный трон».

Съемка финального эпизода «Железный трон».

Король Бран «Сломанный» Старк с Арьей и Сансой.

Последнее выступление «Игры Престолов» на фестивале «Комик-Кон» в 2019

notes

Примечания

1

Рабочий на береговой линии, который занимается погрузкой и разгрузкой кораблей, грузовиков, поездов или самолетов.

2

Американская франшиза, основанная на телесериале-антологии, созданном Родом Серлингом. Каждый эпизод является смесью фэнтези, научной фантастики, драмы или ужаса, часто заканчивающейся жуткой или неожиданной развязкой.

3

Американский медиахолдинг, включающий в себя теле-и радиовещательный, издательский и рекламный бизнес.

4

Серия вооруженных династических конфликтов в борьбе за власть между сторонниками двух ветвей династии Плантагенетов – Ланкастеров и Йорков (1455–1485).

5

Город на северо-востоке Аргентины.

6

Американо-новозеландский телесериал в жанре фэнтези, своеобразный симбиоз элементов греко-римской мифологии, легенд других народов и фантазии сценаристов. Выходил с 1995 по 2001 гг., состоит из 134 серий.

7

Американский телесериал, в основу которого легла свободная интерпретация древнегреческих мифов о Геракле.

8

Брайан Когман. HBO: Игра престолов. АСТ, 2015. 192 с.

9

Американская кантри-певица, актриса, общественный деятель.

10

Название меча Арьи.

11

Комик-группа из Великобритании, состоявшая из шести человек. Благодаря своему новаторскому и абсурдистскому юмору участники «Монти Пайтон» находятся в числе самых влиятельных комиков всех времен.

12

Рыцарь-командор, KBE (англ. Knight Commander), или Дама-командор, DBE (англ. Dame Commander), – одна из степеней ордена Британской империи.

13

Билет на шоколадную фабрику Вилли Вонки, отсылка к фильму Тима Бертона «Чарли и шоколадная фабрика» (2005).

14

Волна протестов и восстаний, проходившая в арабском мире в начале 2011 года.

15

Линейный продюсер следит за бюджетом и графиком производства. – Прим. ред.

16

Креатин-моногидрат – разновидность спортивных добавок. Его употребляют для наращивания мышечной массы и повышения производительности. – Прим. ред.

17

Единица вместимости или объема жидких и сыпучих тел (равная 4,5 литра в Великобритании и 3,8 или 4,4 литра в США).

18

Герои древнегреческого эпоса «Илиада» Гомера.

19

Слегка измененное название биографии Дэвида Хассельхоффа, американского актера и певца («Не связывайся с Хоффом»).

20

Другой вариант перевода – Сир Царапка. – Прим. ред.

21

Главная американская премия в области телевидения, ежегодно вручаемая Американской телевизионной академией.

22

Боец или действующее лицо элитной легкой пехоты или сил специальных операций.

23

В одном из рекламных роликов Гора убивает на турнире рыцаря Бада, а Дрогон извергает огонь на турнирное поле. – Прим. пер.

24

Тонкая лепешка из кукурузной муки, в которую завернута начинка.

25

Люди, обладающие магической способностью входить в сознание животных, видеть их глазами и управлять их действиями. – Прим. ред.

26

Лев Аслан – центральный герой серии книг «Хроники Нарнии». В книге «Лев, колдунья и платяной шкаф» колдунья приказывает обрить ему гриву. – Прим. пер.

27

Американский продюсер, сценарист и композитор, создатель ситкомов «Грейс в огне», «Сибилл», «Дарма и Грег», «Два с половиной человека», «Теория Большого взрыва» и «Мамочка».

28

Фильм Питера Уира (1985) с Харрисоном Фордом в главной роли. Действие фильма происходит в Америке в поселении амишей.

29

Деревня в Северной Ирландии.

30

Система измерения для установления масштаба аудитории и популярности телевизионных программ в США.

31

Адвокат, персонаж сериала «Во все тяжкие».

32

Американский драматург, сценарист и кинорежиссер.

33

Особый подвид блокбастеров, запускаемых в разгар летнего, самого кассового сезона.

34

Заболевание легких, вызванное вдыханием асбестсодержащей пыли.

35

Отсылка к персонажу комиксов DC Доктору Манхэттену. Этот герой тоже перевоплотился: во время эксперимента со «связующими полями» тело Джонатана Остермана распалось на мельчайшие частицы, но он продолжил существовать вне времени и смог собрать свое тело заново, став супергероем. – Прим. ред.

36

Pimping ain’t easy – песня американского хип-хоп-исполнителя под псевдонимом Kodak Black. – Прим. пер.

37

Луддиты – участники стихийных протестов первой четверти XIX века против внедрения машин в ходе промышленной революции в Англии. В контексте имеется в виду человек, который не умеет пользоваться технологиями. – Прим. ред.

38

Военный термин, обозначающий отсутствие достоверной информации о текущей обстановке на поле боя.

39

Слово на высоком валирийском, означающее «драконий огонь». – Прим. ред.

Еврипид – древнегреческий драматург, крупнейший представитель классической афинской трагедии.